

Эйприл Д. ДеКоник

Новая эра гностицизма

Как контркультурная духовность
производила революцию в религии
с античности до наших дней

КАСТАЛИЯ
2025

УДК 129
ББК 88.3

Эйприл Д. ДеКоник

Новая эра гностицизма. Как контркультурная духовность производила революцию в религии с античности до наших дней — М.: Касталия, 2025. — 354 с.

«Вот книга, что написал великий Сиф... и положил её на гору, чтобы она, волею божественного Самородного и всей Плеромы, вышла в конце времён и сроков...»

1945 год, декабрь. Учреждено ООН, проходит суд в Нюрнберге, страны говорят о вечном мире и готовятся к ядерной гонке. В это же время в египетском селе Наг-Хаммади крестьяне, разбив глиняный сосуд, находят тринадцать книг, пролежавших там многие века: библиотеку, содержащую редчайшие гностические тексты. Через двадцать лет упорных трудов их начинают публиковать для широкой общественности.

Но самое удивительное здесь то, что в то же самое время в мировой культуре проявляется гностический мотив; литература и кино нового времени задаются теми же вопросами, что и гностики начала первого тысячелетия. Гностический герой, узнавший позорную тайну могучих архонтов, приходит в коллективное сознание одновременно с текстами, но независимо от них. Эта книга посвящена многочисленным и поразительным символическим параллелям в искусстве нашей эпохи — и гностической философии, как будто разум древних мистиков и писателей шестидесятих годов освещал один и тот же сокрытый свет.

ISBN 978-5-521-24476-8

Переводчик: Мария Аль-Ради

Редакторы: Любовь Смутьская, Никита Миронов

Художник: Денис Ермолов

© Эйприл Д. ДеКоник

© «Клуб Касталия», оформление, макет, 2025

Дорогие друзья!

Вот уже больше десяти лет наш проект Castalia издает уникальные книги. Глубинная психология Юнга, мифология, религиоведение, культурология, древние и современные эзотерические традиции, священные тексты восточных народов, символическая поэзия, литература и еще множество направлений. Вы можете приобрести книги как в бумажном, так и в электронном формате.

Castalia также представляет лекторий и библиотеку. В лектории вы найдете отдельные лекции и серии обучающих курсов по глубинной психологии Юнга, таро, рунам, астрологии, алхимии и многим другим эзотерическим и психологическим направлениям. А в библиотеке вы сможете ознакомиться с избранными главами из книг нашего издательства.

Приглашаем вас на наши сайты:

Магазин: <https://castalia.ru/>

Библиотека: <https://castaliasilvasacra.ru/>

Лекторий: <https://courses.castalia.ru/lectures>

А еще я, Олег Телемский, руководитель проекта Castalia, приглашаю вас на мои авторские страницы, где делюсь своими размышлениями на самые разные темы, провожу открытые онлайн-лекции, анализирую сны и делаю обзоры прочитанного.

<https://vk.com/olegthelemskiy>

<https://t.me/Telemsky>

Электронный адрес для связи: aton93@yandex.ru

Касталия приглашает к сотрудничеству авторов, переводчиков, а также другие психологические и эзотерические школы для реализации совместных проектов.
Электронный адрес для связи aton93@yandex.ru

castalia.ru

Содержание

Благодарности	8
Введение	10
Запрещенные писания	10
Революционная духовность	12
Грязное слово «гностицизм»	14
Настоящие гностики	16
Гностицизм и религиозный фундаментализм	18
Идеальные характеристики гностической духовности	20
Поклонение на окраинах	22
Возрождение гностицизма	25
Глава первая. Матрица древней духовности	28
Томас Андерсон	28
Духовность служения	31
Жизнь и смерть в Вавилонии	32
Вечное послушание в Египте	33
Дифференциация смертных в Греции	36
Бессмертная душа	38
Причудливые сделки в Израиле	40
Духовность завета	43
Милосердие и всепрощение	45
Духовность экстаза	46
Вторжения в иной мир	48
Любимцы Персефоны	53
Красная таблетка	55
Глава вторая. Гностический Настоящий Человек	58
Труман Бёрбанк	58
Гностическая духовность и опыт взаимодействия с Богом	59
Египетский трансцендентный Бог	61
Религиозный буфер	64
Настоящий человек	66
Первочеловек Адам	68
Подлинная частица Бога	70
Шаманское путешествие	73
Паломничества в Египет	74
Религия наизнанку	77
Демоны у власти	78
За границами	80
Ты — звезда	81
Глава третья. Суперсилы и чудовища	83
Кларк Кент	83
Языческий гностицизм и герметисты	84
Суперсила Гермеса	86
Криптонская слабость	88

Герметическое спасение	92
Библейский гностицизм и сифиане	95
Бог в трещинах	96
Гностическое чудовище Ялдабаоф	99
Скрытые сифианские сверхсилы	101
Самарянский гностицизм и Симон Великая Сила	103
Пленение Елены	105
Горные полеты с Симоном	106
Спаситель мира	109
Глава четвертая. Павел и гностическая догма	111
Вифания Слоун	111
Зарождение христианства	113
Иудеи, почитавшие Иисуса	115
Обращение язычников	117
Малополезный закон	117
УНВН как Иисус	119
Здесь тайна	122
Вселенский Единый Бог	123
Мистическое крещение	125
Всё мне позволительно	126
Больше не рабы	130
Отступление Павла	132
Удивительный Бог	134
Глава пятая. Иоанн и темный мир	137
Джон Мёрдок	137
Иисус — Свет Нисходящий	139
Гностические следы	141
Где у дьявола отец?	143
Два Бога	146
Самарянские новообращенные	148
Симон говорит	149
Крещенные новообращенные	152
Евангелие от Иоанна в прочтении апостольско-католического пресвитера	153
Силовой захват	154
Керинф в бане	156
Что делает нас людьми?	160
Глава шестая. Другие гностические ипостаси	163
Эдди Джессуп	163
Сепарационная тревожность	165
Вселенная в теле	167
Гностическое лечение	171
Структура гностической инициации	174
Пробуждение	176
Катарсис	177
Взросление	178
Слияние	179

Гностическое возвращение	180
Мозг в экстазе	184
Сила напева	186
Общие травмы	190
Глава седьмая. Прогулки в преисподней и звездные пути	194
Джеймс Т. Кирк	194
Пещерные истоки	195
Освобождение от перерождения	198
Путешествия к Дракону	201
Из Ада к Деве	203
Звездные врата Иисуса	205
Зодиакальные мстители	206
Ночной путь по небу	208
Звездные путники Элохима	210
Вознесение к Благу	212
Гермафродиты в роли небесных врат	213
Пробуждение ребенка	215
Ввысь к Венере и дому Божьему	217
Стоячие сифиане	218
Пять Печатей	220
Платоническая трансцендентность	221
Если бы Бог был архонтом	223
Глава восьмая. Духовные аватары	225
Джейк Салли	225
Почти-Папа Валентин	227
Двойственная церковь	229
Тропа любви	232
Птолемей пишет Флоре	235
Шокирующая истина	236
Великая цепь бытия	237
Ираклеон и самарянка у колодца	239
Католики посередине	240
Языческие дьяволы	241
Видения и звуки истины	242
Интонирование Бога	243
Есть что-то в вине	244
Духовная гностическая церковь	246
Гностические надгробия	247
Ужас дерзкой речи	250
Источник Душ	251
Глава девятая. Пи от политики	253
Максимилиан «Макс» Коэн	253
Верное безумие	255
Нарушение норм	257
Преступления против Бога	258
Титаническая гордыня	260
Царь превращается в собаку	262

Непотребства за закрытыми дверями	264
Как оцениваются различия	266
Кто владеет информацией?	267
Общедоступно или в узком кругу?	268
Чье прочтение вернее?	269
Иудеи или христиане?	270
Подчинение или неподчинение?	272
Культура и контркультура в Риме	273
Гностические стратегии	277
Суровая конкуренция	279
Ортодоксальные предписания	282
Католическое построение	283
Безумие гностика	285
Глава десятая. Плезантвильские религии	287
Бетти Паркер	287
Религия мертвеца	288
Открываем «Евангелие Иуды»	290
Ты — драгоценность	292
Двенадцать неверных	294
Жертва темному владыке	295
Мани и его Аватар	297
Мани и кровоточащие финики	299
Пробуждение к настоящей религии	302
Корабли Света	303
Тело крайностей	304
Тайны Иеу	306
Литургии мертвых для живых	310
Перестановка звезд	312
Иисус — не Иеу	314
Память мандеев	317
Мириай и величайший Свет	319
Гностики-назореи	321
Вместилища душ	323
Ритуальные водные процедуры	325
«Истинная» религия	328
Глава одиннадцатая. Гностицизм на краю	331
Ширли Маклейн	331
Единомыслие поколений	332
Артефакты гностиков	335
Пробуждения гностицизма	337
Будущее гностицизма	340
Библиография	342

Благодарности

Посвящается Марджори М. Фишер

Эту книгу я хотела написать с самого начала своей профессиональной карьеры. На протяжении многих лет я изучала гностиков через погружение в их литературу. Я руководствовалась одним золотым правилом: если что-то в их книгах казалось мне странным или безумным, я не спешила делать вывод, что это гностики говорили нечто странное или безумное. Я раз за разом напоминала себе, что странность или безумность — моя проблема, а не их. Они лишь отражали тот факт, что я знаю еще недостаточно, чтобы их понять.

Такое отношение послужило началом множества разговоров с друзьями и коллегами, которые приветствовали мои вопросы и черновики глав, вдохновляли своими комментариями и публикациями, побуждали не останавливаться на выбранном пути, соглашались они со мной или нет. Я выражаю искреннюю благодарность Джеффри Крайпалу, Вернону Роббинсу, Джону Тернеру, Грегори Шоу, Лаутаро Ройгу Ланцилотте, Биргеру Пирсону, Роджеру Бекку, Йорунн Якобсен-Бакли, Басу ван Осу, Джудит Руф, Келли Кобленц-Бауч, Марсии Бреннан, Ребекке Лессес, Андрею Орлову, Мадлен Скопелло, Джейсону Деуну, Кристоферу Роуленду, Кевину Салливану, Джареду Каллавею, Коку фон Штукраду и Терри Уилфонгу.

Я бы хотела поблагодарить следующих ученых и их учебные заведения за предоставление площадок для проведения дебатов по теме «Древнего нью-эйдж» в период написания мной этой книги: Джеймса Тейбора из Университета Северной Каролины, где я прочитала в 2013 году двадцать девятую ежегодную лекцию имени Лоя Уизерспуна; Габриэле Боккаччини из Мичиганского университета, в котором я читала в 2012 году лекцию по случаю столетия высшей школы Рэкхема; и Коку фон Штукрада из Гронингенского университета, где я участвовала в 2012 году в исследовательском семинаре «Теории религиозных изменений». Также благодарю Кэтрин Уильямс и Кристофера Роуланда, предложивших мне переосмыслить отношение гностицизма к Евангелию от Иоанна и представить свои идеи на организованной ими конференции «Евангелие от Иоанна и видения апокалипсиса» в 2010 году в Бангорском университете.

Я выражаю благодарность за поддержку и добрые советы Энн Борхардт, моему литагенту, и Венди Лохнер, редактору из Columbia University Press, верившим в этот проект с самого начала и прошед-

шим этот путь до конца. Спасибо вам обоим за заботу и умение направить в нужную сторону. Спасибо также Сильвии Луи, чьими стараниями работа кафедры продолжалась без перебоев, пока я писала.

Меня вдохновляли мои студенты своим энтузиазмом к постижению новых знаний. Они выслушивали мои идеи и давали ценные комментарии к моей работе по мере ознакомления с новыми и новыми черновиками книги. Благодарю Гранта Адамсона, Синди Доусон, Мэтью Диллона, Эрин Эванс, Майкла Домераки, Ребекку Харрис, Джейсона Форда, Рене Форд, Миньцзи Ли, Виктора Нардо, Эрин Профет, Марка Шманко, С. Дж. Шмидта, Франклина Траммелла и Адриану Умана.

Я глубоко признательна за оказанную финансовую поддержку и помощь с публикацией статей Дину Николасу Шамвею из Центра гуманитарных исследований в Райсе, где мне довелось попреподавать в 2012–13 учебном году, и Фонду Эндрю У. Меллона, спонсировавшему в 2010–2012 годах мой научно-исследовательский семинар «Составляя карту смерти». Именно в ходе этого семинара книга начала обретать форму.

Я выражаю глубочайшую благодарность своему мужу, Уэйду Грейнеру, и сыну, Александру Дерейнеру. Я не написала бы эту книгу без ваших спонтанных предложений, неколебимой веры в меня и вашей любви.

Для удобства читателей я постаралась сократить список источников до минимума, а цитировать, где только возможно, англоязычные труды и переводы. Дополнительные источники и более детальное рассмотрение представленных в этой книге идей можно найти в серии моих научных статей и книг, опубликованных ранее (DeConick 1996, 2001, 2003, 2008, 2009, 2011, 2012, 2013a, 2013b, 2013c, 2013d, 2013e и 2016).

Эйприл Д. ДеКоник

Праздник обращения святого Павла (25 января)

Введение

Запрещенные писания

Шел 1982 год, я оканчивала первый курс колледжа. Я училась на медсестру по двухлетней программе и в рамках практики делала обходы в гериатрии и в онкологическом отделении местной больницы. Мне было восемнадцать, и любые романтические представления о работе в системе здравоохранения, какие только могли у меня быть на момент поступления, развеялись с первым вставленным мной катетером.

Однажды, чтобы отвлечься от охватившего меня экзистенциального кризиса, я зашла в книжный магазин в поисках хорошего романа. Однако удача мне не улыбнулась.

Когда я вернулась домой, мама достала книгу, которую как раз читала, и протянула мне со словами: «Спорим, тебе понравится». Я взглянула на обложку. Рон Кэмерон, «Иные евангелия» (1982). Евангелия, не вошедшие в состав Нового Завета. Неизвестные высказывания Иисуса. «Может оказаться интересным», — подумала я.

Так я впервые прочитала Евангелие от Фомы — на первых страницах «Иных евангелий». В этом евангелии я увидела Иисуса, который меня поразил и о котором не ведали в традиционных христианских кругах. С первых строк Евангелия от Фомы меня привело в восторг утверждение Иисуса, что сила Божья не вне нас, но внутри нас, и если мы этого не понимаем, то живем в нищете. Там, в Евангелии от Фомы, был представлен Иисус, о котором мне хотелось узнать больше.

Я много лет искала церковь, которая стала бы моим духовным домом. Я обращалась едва ли не ко всем существующим в мире христианским конфессиям. Но всякий раз уходила с горечью и разочарованием. Казалось, ни в одной из посещенных мной традиционных христианских церквей не присутствовал тот Бог добра и провидения, какого я знала через свой личный религиозный опыт. Как я ни старалась, у меня не выходило гармонично соотнести знакомого мне лично Бога бескорыстной любви с традиционным христианским Богом, потребовавшим, чтобы Ему в жертву принесли Его же сына во имя спасения грешных душ человеческих. Только прочитав Евангелие от Фомы, я ощутила связь с христианством, хоть и не дожившим до наших времен.

В чем же дело? Я не могла успокоиться, гадая, почему это евангелие не вошло в состав Нового Завета.

Я дала себе слово узнать больше и наткнулась на книгу Элейн Пейджелс «Гностические евангелия» (1979). Рассмотренный в ней широкий спектр идей и писаний гностиков только сильнее растравлял мой интерес. Профессор Пейджелс была в числе первых исследователей, получивших доступ к найденному в 1945 году близ Наг-Хаммади в Египте собранию трудов гностиков, так что в ее книге содержатся одни из первых опубликованных переводов этих древних гностических текстов на английский.

На протяжении без малого двух тысяч лет в сочинениях отцов быстро возникшей католической Церкви говорилось об ужасных еретиках-гностиках, вещавших и творивших страшные вещи, способные ввергнуть добрых христиан прямиком в ад. Гностики представляли для первых католиков такую серьезную угрозу, что те называли их чудовищами и демонами. Но так ли ужасны они были? Пейджелс в своей книге поднимает этот вопрос и в конце приходит к выводу, что труды гностиков рассказывают совсем о другом.

Читая работу Пейджелс, я пришла к пониманию, что книги из Наг-Хаммади дают нам возможность узнать, что на самом деле говорили гностики. Эти древние тексты дают нам шанс сравнить заявления гностиков с заявлениями их противников-католиков. От профессора Пейджелс я узнала, что раннее христианство было крайне разнородной религией и что католицизм одержал верх как общепринятая или «правильная» вера, силой подавив гностиков и уничтожив их сочинения. Пейджелс не смогла найти в доктрине гностиков ничего неправильного с теологической точки зрения. На деле у них был весьма разумный, подчас даже более разумный, чем у католиков, подход к пониманию человеческой сущности, мира и Бога.

Основная мысль, ставшая причиной постигших сообщества гностиков несчастий, согласно Пейджелс, заключалась в том, что мы должны сами найти путь к Богу, что свет Божий уже заключен в нас и что такое самопознание спасительно. К Спасению не прийти через таинства и обряды. К нему не прийти через правильную веру или чтение Библии. К нему не прийти через самопожертвование и мученичество. Его можно достичь, лишь познав божественное внутри нас самих.

Католические епископы видели в этой концепции угрозу для себя, поскольку если она верна, то не нужны никакие епископы, проводящие обряды, толкующие Священное писание, выслушивающие исповеди и управляющие церквями. Иными словами, они остались бы без работы. Так что причина теологических разногласий между

гностиками и католиками касательно природы Бога и воскрешенного тела Христова, значимости распятия Христа и пути к Спасению заключалась не столько в верности или ошибочности гностической доктрины, сколько в борьбе за политическую власть Христианской церкви. Гностики, неспособные регламентировать или институционально оформить свой личный опыт взаимодействия с божественным, в этом бою проиграли. Они исторически не выжили. Их глубоко личностная религия была уничтожена под давлением католицизма, сумевшего развиться в организованную церковь, привлекательную для широкой аудитории.

Увлечшись этой темой, я купила экземпляр «Библиотеки Наг-Хаммади на английском» (Робинсон, 1977) и принялась читать непосредственно гностические писания. В ходе чтения собрания древних гностических текстов я обратила внимание на постоянные упоминания обрядов, общих молитв, организованных собраний и церковных лидеров. Гностики, писавшие эти тексты, были организованы не хуже католиков и вполне способны регламентировать свой личный опыт взаимодействия с божественным. На деле верным казалось обратное. Гностики, писавшие эти тексты, разработали группы ритуалов, направленных на то, чтобы передавать глубоко пережитый религиозный опыт духовной трансформации и надличностного слияния. И занимались они этим в организованных сообществах с подобными гуру лидерами. Да что же там творилось?

Я была взбуждена. Совершенно внезапно я осознала, что никогда не стану медсестрой. Мне стало ясно мое призвание. Путь мой лежал в науку, где мне предстояло попробовать разобраться в нетрадиционной духовности и запрещенной религии, таящихся в писаниях, отринутых христианской церковью. Я была полна решимости разобраться, почему писания гностиков стали запрещенными.

Революционная духовность

Получив в Мичиганском университете докторскую степень по исследованию Ближнего Востока, я полностью переключила свое внимание на гностиков и их литературу. Последние двадцать лет я была полна решимости понять, почему их писания были запрещены ранней церковью. Чтобы перевести и изучить оригиналы документов, я путешествовала по всему миру, посещая крупнейшие музеи и библиотеки, в которых хранятся коптские рукописи гностических текстов.

То, что я обнаружила, повергло меня в изумление. Гностические писания были отринуты не потому, что извращали более древнюю и истинную католическую веру, как на протяжении веков утверждали

апологеты христианства. Не были они и безобидной ересью, сфабрикованной католиками, чтобы контролировать политическую шахматную доску и упрочивать интересы католической церкви. В ходе многолетних исследований я пришла к пониманию того, что гностические сочинения были запрещены потому, что продвигали столь революционную духовность, что она ставила древнюю религию с ног на голову. Идеи, высказанные в гностических писаниях, вовсе не невинны и не безобидны. Дерзкие — вот более подходящее слово. Они подразумевают риск. Заставляют задаваться вопросами. Подстрекают и смущают умы.

Гностики первыми рассматривали традиционную религию как опиум для народа, наркотик, благодаря которому люди рады служить богам и их царям как послушные рабы и вассалы. Гностическая духовность предлагала новый подход, утверждавший, что человеческие существа — это не только смертные творения богов. Традиционные религии, считали они, скрывают истинного Бога, достойного поклонения, трансцендентного Бога, вмещающего абсолютную реальность и первоисточник всего сущего. Этот Бог добра и любви превосходит всех богов и все религии, и Его можно познать, лишь прикоснувшись к Нему лично, слившись с Ним в ходе глубинного, запредельного религиозного переживания.

Гностики верили, что такая личная связь с трансцендентным Богом естественна. Согласно их учению, основа человеческой личности, наша подлинная сущность есть не что иное, как частица сути самого Бога, Его духа, заключенная в глубине человеческой души, где она дремлет в забвении и безвестности. Дремлет там в печали, ожидая, когда ее пробудят, взрастят и дадут воссоединиться с божественным источником всего.

Для гностиков религия связана не с повиновением традиционным богам, а с тем, чтобы превзойти их и через это найти духовную связь с трансцендентным Богом, первоначальным источником всего сущего. В разнообразных общинах гностиков людей уже не рассматривали как порочные смертные создания, наказанные творцом и обреченные им на вечное служение и самопожертвование. Люди были освобождены от рабского служения богам. Они были избавлены от тирании богов и царей — их провозвестников среди людей. Истинный Бог — трансцендентный Бог любви — сильнее всего желает воссоединения и слияния с нами.

Эта новая контркультурная направленность на стремление к трансцендентному Богу и божественной силе человека опасным образом изменяла традиционную цель религии и бросала вызов религиозным обычаям. Поскольку гностики перестали рассматривать от-

дельного человека как простого смертного, созданного могущественным богом, дабы исполнять его приказание в покорном повиновении, их подход переворачивал традиционное поклонение с ног на голову. А поскольку в древности люди верили, что оскорбление богов и пренебрежение их законами влечет за собой кары небесные, стихийные бедствия и народные волнения, идеи гностиков в те времена большинству претили. Они были трансгрессивны. Они были контркультурны. Они угрожали самой структуре того общества и поддержанию в нем порядка. Изучая гностическую литературу, я осознала, что гностические писания не стали запрещенными. Они были запрещенными.

Грязное слово «гностицизм»

За сорок лет, прошедшие с момента публикации «Гностических евангелий», было проведено много новых исследований в области раннего христианства (Rudolph 1983; Layton 1987; Couliano 1992; Williams 1996; King 2003; Marksches 2003; Logan 2006; Pearson 2007; Brankaer 2010; Brakke 2011; Denzey Lewis 2013; Broek 2013). После выхода работ Майкла Уильямса (1996) и Карен Кинг (2003) многие ученые, занимающиеся ранним христианством, стали с подозрением относиться к терминам «гностицизм» и «гностик». Многие вообще стали избегать их использования, аргументируя это тем, что эти термины были уничижительными тогда и остаются таковыми по сей день, и незачем продолжать ими пользоваться. Гностицизм не был древней религией, и нам следует отказаться от этого термина, потому что он ограничивает нашу способность увидеть созвездие древнехристианских течений во всей его полноте непредвзято и без предрассудков, способных повлиять на их анализ. Гностики, говорят они, были христианами, и нам следует говорить о них в этом контексте, а не в гностическом.

Такое разочарование в гностическом ярлыке сейчас в моде в научных кругах. Оно зародилось с возникновением постмодернистской критической теории, в которой все ярлыки рассматриваются как колониальное привнесение, создаваемое и используемое властью имущими для контроля исконного населения. Из-за этого стало возникать неприязненное отношение к глобальным идеям в литературе, стройным трудам по всемирной истории и идеологиям, созданным различными сообществами для самоопределения и поддержания стабильности. Все в нас представляется локальным, региональным, ситуативным, субъективным и относительным.

Поскольку этот подход стал в научных кругах господствующим, с 1980-х годов невозможно придерживаться каких-либо определений. Слова «гностицизм» и «гностический» эта деконструктивная тенден-

ция также не обошла стороной. Их низвели до термина «христианский». Это, разумеется, не решает проблему, а лишь привносит другую глобальную идею раннего христианства, которая поглощает гностическую и представляет ее, как реальную альтернативную форму христианства.

Такой новый подход означает, что мы имеем две конкурирующие истории о гностиках. Более ранняя говорит о том, что гностики — это еретики, возникшие на христианской сцене и угрожавшие разьесть чистую христианскую религию, которая возникла раньше гностицизма. Эту угрозу вырождения христианской истины предотвратили герои зарождающейся католической церкви, ввергнувшие гностиков в забвение.

Более новая история говорит нам, что гностики — это другой вид христиан. Альтернативное христианство гностиков вымерло в силу некоторых социально-политических факторов, благоприятствовавших зарождающемуся католицизму и создавших такую среду, в которой этих альтернативных христиан можно было подавить и искоренить. Ужасными еретиками-гностиками альтернативных христиан объявили лидеры католической церкви в подлой словесной борьбе, сфабриковав гностическую ересь, чтобы избавиться от их присутствия на религиозном рынке. И поскольку слова «гностик» и «гностицизм» отражают полемику католических лидеров, нам следует не конкретизировать их, а вовсе без них обходиться. С таким подходом мы оказываемся в ситуации, где у гностиков нет собственного уникального обозначения, а слово «гностицизм» считается грязным.

Я нахожу этот деконструктивный проект во многих смыслах удручающим, в частности, потому что в результате мы приходим к тому, что стираем из истории уникальные трансгрессивные особенности, в то время как нам бы следовало, напротив, в полной мере изучать их значение (DeKonick 2013a, 2016). Мы либо объявляем гностиков еретиками и, следовательно, недостойными изучения, либо низводим гностиков до уровня течения, укрощенного христианством.

В обоих случаях конечным результатом становился уход от уникальных трансгрессивных особенностей, которые могут многое рассказать нам о религии и ее способности обновлять, будоражить, изменять и даже кардинально менять наше существование в мире. В «Гностическом нью-эйдж» я вывожу на передний план именно трансгрессивную способность гностицизма обновлять и радикально изменять религию и исследую ее как отличительную черту гностической духовности.

Хотя такие ересеологи, как епископ Ириней Лионский и Ипполит Римский действительно описывали гностическое как демоническое

и создали представление о том, что различные не имевшие отношения друг к другу группы относились к отцу всех ересей Симону Волхву, это не означает ни того, что гностиков не существовало в истории, ни того, что они были безобидными альтернативными христианами. Или, говоря иначе, хотя еретиков из гностиков, возможно, и сделали ранние католики, это не отменяет того факта, что гностики действовали в тени общепринятых религий, используя свой контркультурный подход, переворачивавший традиционные представления о теологии, космогонии, космологии, антропологии, герменевтике, писании, религиозных практиках и образе жизни (DeConick 2016; ср. Kaler 2009). Утверждая, что гностики суть альтернативные христиане, мы рискуем прийти к укрощению строптивой. Слово «альтернативные» указывает на эквивалентные, равно приемлемые пути для достижения одной цели. Дорога гностиков, однако, контркультурна и сопряжена с путешествием к другой цели, возможно, даже по дороге, идущей в противоположном направлении (см. Yinger 1982, p. 42).

Настоящие гностики

Приравнивать гностиков к безобидным альтернативным христианам становится еще проблематичнее, когда мы беремся рассматривать исторические свидетельства возникновения к III веку полноценных гностических религий, как мы увидим в главе 10. Мандеи — убежденные гностики, и их религиозная идентичность не связана ни с иудаизмом, ни с христианством, ни с зороастризмом. Слово «мандеи» буквально означает «гностики» или «знающие» и происходит от арамейского «манда» — «знание». Мандеизм как новое религиозное течение возник в конце I века, а к III веку н. э. стал зрелой гностической религией (Deutsch 1995; Lupieri 2002; Buckley 2002, 2006). Он существует по сей день.

Манихейство, еще одно новое религиозное течение III века, был намеренно созданной гностической религией (см. Klimkeit 1993; BeDuhn 2000, 2015; Gardner and Lieu 2004; Coyle 2009; Baker-Brian 2011; Colditz 2015). В нем бытовали самоопределение, верования и религиозные практики, которые также не являются ни иудейскими, ни христианскими, ни зороастрийскими, ни буддийскими. Она была откровенно гностическою религией, представленная ее основателем Мани как единственная истинная. Манихейство распространилось по Ближнему Востоку и Азии от берегов Атлантики до побережья Тихого океана, став первой мировой религией. Хотя манихейство более не существует как религия, по сей день есть по меньшей мере один храм в Китае, где почитают статую Мани как Будду Света.

Название еще одной гностической религии III века в истории не сохранилось. Мы называем их иеуитами, поскольку имя их бога было Иеу (Evans 2015). Как и в случае с другими гностическими религиями, возникающими в этом веке, у них была своя уникальная история и идентичность, отличающая их от других вероучений Средиземноморья.

К этим фактам можно добавить свидетельства Плотина, известного философа-платоника III века. Он был знаком с группой гностиков, посещавших его семинар в Риме. Он называл их «друзьями», хотя крайне критически относился к их напыщенному видению себя самих как богов, видению, которое считал чрезвычайно опасным («Эннеады», 2:9:14).

Таким образом, вопрос состоит не в том, существовал ли гностицизм в древности или жили ли в прошлом настоящие гностики. К III веку мы наблюдаем зрелые вероучения, которые принадлежат не к христианству, не к иудаизму, не к зороастризму, не к буддизму, но к гностицизму. Мы также наблюдаем одну из этих гностических религий, дожившую до наших времен — мандеизм. Ему, как и католицизму, почти две тысячи лет.

Если гностики и гностицизм как новая форма духовности существовали в древности, то в чем же проблема? Трудность, с которой мы сталкиваемся, заключается в том, что еще не установлено, как формировались гностические вероучения III века и как они соотносились с другими крупными религиями древнего мира. В основе проблемы лежит тот факт, что до сих пор не удается разграничить, когда и как первоначально образовалась гностическая идентичность и как именно распространялась среди новообразованных гностических сообществ еще в I веке н.э. Вместо этого мы либо принимаем построения о гностиках, созданные первыми христианами-католиками, либо полностью их игнорируем. Результат в том и другом случае один. Гностицизм отвергается или как ересь, или как еретическое построение, из которого западной мысли и культуре нечего почерпнуть.

В этой книге древние гностики представлены как реальные исторические действующие лица, а не как приверженцы некой единой, собирательной гностической религии или еретические конструкты раннекатолических деятелей, хотя католики, бесспорно, пытались представить гностиков как «так называемых знающих» и обратить их религиозную идентичность в нечто позорное. Гностики представлены в этой книге как реальные религиозные деятели, чей поиск духовной истины приводил их к тому, чтобы переоценить собственную религиозную принадлежность, отказаться от традиций вероучений предков

и создать новую религию, которая бы исцеляла человечество, а не очаровывала богов.

Гностицизм и религиозный фундаментализм

Если гностицизм — не единая религия, разделенная на кучку сект, и не уничижительная пропаганда католических деятелей, то что же это? В этой книге гностицизм понимается как новая форма духовности. Гностицизм — это духовная направленность, аналогичная другим, которые выбирают люди, принадлежащие к различным религиям, как, например, религиозный фундаментализм.

Рассмотрим фундаментализм как концепцию, стоящую отдельно от какой-либо единой религии. Он представляет собой собственную уникальную духовность, в рамках которой Бог рассматривается как патриархальная фигура с непререкаемым авторитетом, а Писание — как священный, непогрешимый документ, который буквально являет нам истину. По этой причине человеческому существу должно подчиняться воле Божьей в том виде, в каком она явлена в Священном писании. Это приводит к эксклюзивизму, при котором некоторые люди, входящие в это сообщество, спасутся благодаря следованию Писанию, а все остальные, не входящие в сообщество, обречены на гибель. Эта духовная направленность может сочетаться с различной религиозной принадлежностью, так что в современном мире существуют как христианские, так и иудейские, буддийские и мусульманские фундаменталисты.

Так же обстоит дело и с гностицизмом. В данной книге агностицизм понимается как собственная уникальная форма духовности, возникшая тогда, когда некие древние искатели истины попытались придать смысл своему опыту взаимодействия с миром. Все действительно так просто. «Гностицизм» — это принципиально новая концепция, которую начали использовать некоторые люди древности, чтобы описать новый подход к религии. Это религиозная идентичность нового типа, возникшая в I веке н. э., когда среди верующих людей стали появляться те, кто утверждал, что владеет новым духовным знанием (гнозисом). Понятие «гностического» означало для них не новую религию, а новый тип духовности, новый подход к жизни в окружавшем их мире в качестве людей верующих, независимо от их текущей религиозной принадлежности. Поскольку гностическая духовность возникла в рамках различных личностных контекстов, эти искатели истины начали ставить под сомнение истинность религий своих стран и предков и поворачивать эту истину в новых, необычных направлениях.

Думая о понятии «гностическое», мы извлекаем из долговременной памяти идеальные признаки, которые у нас с ним ассоциируются. Ученые, исследующие когнитивные функции, показали, что люди извлекают из памяти знание, уже удобно организованное по категориям. Такие категории именуется «блоками памяти» или «схемами» (Coulson 2001), или «идеализированными когнитивными моделями» (Lakoff 1987). Становится проще, если рассматривать гностическую концепцию как блок, который люди древности извлекали из памяти, думая об определенном понимании религиозности.

Как именно? В качестве всем знакомого сегодня примера блока памяти можно взять книгу. Что делает для нас книгу книгой, а не чем-то другим? Мы мысленно заключаем книгу в блок идеальных характеристик, таких как собрание сшитых между собой сложенных вдвое листов бумаги, покрытое обложкой. Обязательно ли у книги должна быть обложка, может ли это быть просто стопка сложенных листов, связанных веревочкой? Обычно внутри содержится написанный текст, который мы читаем, но не всегда. Существуют пустые книги, которые можно использовать в качестве дневников, а также ненаписанные книги. Книги бывают опубликованными и неопубликованными, рукописными, отпечатанными в типографии и состоящими из картинок.

Иными словами, блоки, которые мы извлекаем из памяти, думая о мире, достаточно гибки. Мы признаем, что не все книги одинаковы. Не все они обладают точно теми же свойствами, что и идеальная модель. Тем не менее, мы опознаем их как книги. Что еще важнее, элементы, определяющие книгу, могут смещаться, подстраиваясь под новый опыт, как объекты. Этот новый опыт может расширять, изменять или разбивать модель, открывая место чему-то новому. Возьмем, к примеру, электронную книгу. В ней нет страниц, нет обложки, и есть виртуальные слова, которые исчезают при выключении устройства. Тем не менее, мы пришли к тому, что распознаем ее как книгу, потому что это электронная версия физической книги. Вот то инновационное изменение концепции книги, которое в лингвистике называется «эмергентной структурой» (Fauconnier and Turner 2002). Если такая идея становится устоявшейся, как произошло с электронной книгой, она реорганизует категории, которыми мы мыслим. Электронная книга открывает нам новые направления мысли обо всем, от чтения до книгоиздания, библиотек и других форм печати, таких как газеты и журналы. Как и электронная книга, гностицизм — эмергентная структура, инновационной концепцией, которую стал применять ряд людей древности, чтобы описать новый подход к религии.

Идеальные характеристики гностической духовности

В понимании людей древности у этого нового типа духовности имелись определенные идеальные признаки. В данной книге я представляю древний гностицизм как форму духовности, ассоциирующуюся в памяти современников с пятью идеальными характеристиками.

Первая характеристика связана с непосредственным эмпирическим знанием об абсолютном Боге, которое гностики называли «гнозисом». В такие моменты экстатического транса гностики испытывали всепоглощающее чувство присутствия непостижимого абсолюта, веря, что воссоединяются с самыми основами бытия. Это был полностью преображающий опыт, средство, позволявшее им восстанавливать духовную и психологическую целостность. Согласно рассказам гностиков, бог, которого они встречали в моменты экстаза, есть Бог, живущий за пределами нашей вселенной в царстве абсолюта. Этот Бог есть абсолютное добро и любовь.

Вторая: такие экстатические состояния далеко не всегда были самопроизвольными вспышками озарения, их тщательно режиссировали при помощи ритуалов. Гностическая духовность направлена на следование определенным религиозным практикам, которые применялись для того, чтобы вызвать экстатическое состояние и опыт единения с абсолютным, которого искали гностики. Эти практики строились вокруг церемоний посвящения или инициации. Они включали как мощные созерцательные и скрыто воздействующие компоненты, так и театрализованные действия, изображавшие путешествия через подземный мир и небесные пределы. Они производили сильный катартический и психолого-терапевтический эффект.

Третья: поскольку эти люди ощущали в ходе инициаций полное единение с абсолютным Богом, они были убеждены, что у человека есть врожденная духовная сущность, являющаяся продолжением этого абсолюта. Это частица божественного, воплощенная в каждом из нас, абсолютный Бог, присутствующий внутри человека. Такую Божью искру гностики называли «пневмой» — духом. Она — наш вечный, бессмертный аспект, в то время как психе — душа — смертна, как считало большинство гностиков. Хотя душа переживает смерть физического тела и может быть порождена или ввергнута в очистительные посмертные муки, она не будет жить вечно. Когда вселенная прекратит существование, наши души погаснут, как потушенные огоньки. В понимании большинства гностиков именно духу суждено сохраниться в вечности, но только если удастся его пробудить и восстановить его связь с абсолютным Богом, истоком его существования. Помимо того, что такое слияние личности с Богом гарантирует веч-

ную жизнь наших «я» после смерти, гностики верили, что оно ведет к психологическому и физическому оздоровлению. Хотя они чувствовали, что наши тела и души значительно уступают духу, даже держат его в заточении, они, тем не менее, разделяли холистический взгляд на человеческое существо. Они верили, что духовная целостность неразрывно связана с физическим и психологическим благополучием. От поддержания здоровья духа зависит поддержание здоровья тела и души.

Четвертая: такие взгляды были трансгрессивный, что настроило против гностиков сторонников традиционных религий, в которых почитались местные божества земли и небесных сфер, а не царства абсолюта. Хотя некоторые греческие философы первых веков н.э. также говорили о некоем абсолютном божестве, существующем за пределами Сознания и Бытия (Whittaker 1969), они не почитали этого Бога, как гностики. В II веке несколько христиан философского склада ума также начали размышлять об абсолютном Боге. Чтобы разрешить поднятую гностическим видением транстеистическую проблему — тезис о том, что истинным Богом, достойным почитания, является высший Бог, пребывающий за пределами мироздания, а не библейский, — эти христиане слили воедино концепцию абсолютного божества с библейским Богом. Гностики вступили в противоборство с устоявшейся религией и ее писаниями, перевернув с ног на голову традиционное понимание богов и чтения текстов. Они разработали контркультурный метод интерпретации.

Пятая: для достижения этой цели гностики использовали в своих религиозных спорах все, что только можно. Стремясь трансформировать религию в истинную, они опирались на все подряд, от Гомера и Платона до магии и астрологии, до древней науки о мозге и фантастических космологических теорий о множественности миров. Они были погружены в контркультуру. Их интеллектуальная деятельность не имела ограничений, их образ мышления был направлен на поиск (см. Roof 1993, 79–83). Может возникнуть соблазн сказать, что это духовность «с системой самообслуживания», выполняющая свою функцию на рынке религий, однако такой подход умаляет тот факт, что гностики помещали духовную власть в душу или дух индивида. Таким образом, именно из того, что уже известно индивиду, и того, что он познает через экстаз и откровение, и складываются их планы по превращению религии в истинную религию.

Поклонение на окраинах

Основная задача данной книги — исследовать трансгрессивную природу гностической духовности как ее отличительную черту (DeConinck 2013b, 2016). Именно эта черта делает запрещенные писания запрещенными. Гностическая духовность с ее подрывающим устои видением абсолютного Бога, божественности человеческого существа и множественности миров являет собой ни много ни мало революцию в религии, восхождение духа, потрясшего основы религиозного мира древности.

Как мы увидим в главе 1, до возникновения этой новой духовности не существовало ничего похожего на исключительную гностическую направленность, наделявшую силой отдельную личность и ниспровергавшую традиционную цель религии как служения богам. До возникновения гностической духовности в религиях средиземноморского региона человек и Бог воспринимались как совершенно различные сущности, как по сути своей, так и по силе. В рамках метафизической ориентации традиционных религий человеческое существо понималось как смертное создание, сотворенное могущественным Богом с единственной целью: покорно служить Богу и назначенному Им царю в качестве раба и вассала.

Гностическая же духовность, напротив, вынесла в центр взгляд на человека как нечто большее, чем смертное создание, скроенное Богом ради исполнения Его повелений. Человеческое существо рассматривается как нечто более могущественное, чем привычные боги, самой своей сущностью связанное с божественным источником, превосходящим все творение. Знание об этом божественном источнике, гнозис, зависит от непосредственного религиозного опыта соприкосновения человека с абсолютным Богом.

В главе 2 мы рассмотрим, как гностические течения и религии, выкованные из этой новой метафизической ориентации, фокусировались на пробуждении того божественного, что является ядром человеческого существа. Такое пробуждение воспринималось как терапевтическое шаманское путешествие к слиянию, надличностное путешествие к обретению духовной целостности. Древние гностические течения и религии сместили фокус религии с заботы о благе богов на заботу о здоровье и благополучии людей, которым предписывалось не подчиняться богам этого мира, а покорять их.

Гностическая духовность не была безобидной. Ее контркультурная программа перестраивала устоявшиеся религии таким образом, что, по мнению многих традиционалистов, это вело к народным беспорядкам, волнениям и вечным мукам. Однако призывы к освобожде-

нию человечества от тирании богов и их царей не повлекли за собой вооруженных переворотов и кровопролития. Гностицизм вырос не из политического бунта и не спровоцировал таковой. Скорее он вырос из жизненного опыта угнетенных людей, не имевших никакой надежды на получение политического преимущества. Они буквально чувствовали себя отчужденными. Их подавлял и деморализовал римский колониализм и империализм. Сталкиваясь изо дня в день с жестокостью и угнетением, эти люди начинали ставить под вопрос свое религиозное воспитание, учившее их склоняться перед волей царя как наместника богов, сносить божественное воздаяние за грехи и покорно принимать судьбу, уготованную им богами. Единственная поддержка, которую давали им их религии, заключалась в апокалиптической надежде, что их страдания сейчас означают место на небесах потом. Некоторым людям этого было недостаточно. Эти-то люди и начали искать истину, сходя с обычных дорог. Эти люди и были первыми гностиками.

В главе 2 я высказываю предположение, что гностическая духовность впервые возникла, когда некие отчаявшиеся греки и евреи отправились в паломничество по египетским храмам — учиться у жрецов, представлявших себя в качестве духовных гуру. Жрецы инициировали паломников, проведя их духовным путем на встречу с Атумом, абсолютным первоначальным Богом Прежде Всех Богов. Опыт прикосновения к абсолютному Богу так глубоко впечатлил паломников, что они усомнились в своем религиозном воспитании и вере предков. Бог, встреченный ими в видениях, не являлся богом какой-либо устоявшейся религии. Они были в этом убеждены. И они начали реорганизовывать свои религиозные идеи и практики, чтобы привести их в соответствие с поклонением этому абсолютному божеству. Они установили религиозные идеи и практики освобождения и оздоровления, получая контроль над угнетавшим их миром через ритуальное завоевание традиционных богов и наделение себя самих силой бессмертных.

Эта контркультурная духовность показалась привлекательной многим людям древности, никогда прежде не слышавшим ни о чем подобном. Вскоре гностическая духовность приобрела бешеную популярность и вступила во взаимодействие с традиционными религиями, реформируя их и выворачивая наизнанку. В главе 3 я набрасываю схему распространения гностической духовности из Египта в языческие круги герметистов и в библейские круги сифиан. В главах 4 и 5 я прослеживаю ее распространение на север, в Палестину, Самарию и Малую Азию, где она вступает во взаимодействие с формирующимся христианством в посланиях апостола Павла и Евангелии от Иоанна.

К началу II века многие мыслители-гностики познакомились с философскими учениями Пифагора и Платона и древними знаниями о медицине, а также с искусством астрологии и магии. Результатом такого религиозного обмена стало появление большого числа совершенно новых, уникальных гностических религий с чрезвычайно разветвленными системами доктрин, мифологии и церемониала, которые я рассматриваю в главах 6 и 7. Как мы увидим в главе 8, гностическая духовность в конце концов оказала влияние на христианские учения Валентина и других последователей его школы.

В главах 6, 7 и 8 мы также увидим, что цель гностических религий и течений состоит в облегчении человеческих страданий и избавлении от чувства одиночества путем обращения через миф и ритуал к нашим потаенным тревогам, заветным желаниям и самому глубинному опыту. Смысл гностических учений не в гражданском или семейном долге. И не в состязании в успокоении или умиротворении Бога, которого должно бояться. Они замыслены не ради попыток заслужить Божье благорасположение и признание, чтобы обеспечить себе лучшую жизнь на этом свете или на том. Их смысл в обновлении человека как Бога и в умении направить свою личную силу на то, чтобы создать себе лучшую жизнь здесь и сейчас, и во веки веков.

В главе 9 мы увидим, что отношения между гностиками и традиционными религиями были в лучшем случае поверхностными. По этой причине гностики в конце концов создали реформаторские и сепаратистские течения на окраинах традиционных религий, в которых критиковали традиционный подход к мысли и поклонению. Гностики все чаще оказывались за пределами религий своих предков, поклоняясь на рубеже, за границами традиционно организованных религий. По этой же причине многие гностические лидеры вовсе предпочитали основать собственную религию, а не пытаться реформировать одну из существующих традиций.

Гностики подвергали жесткой критике притязания на власть, законность которых основывалась на связи с традиционными богами и их представителями среди людей или на священных текстах. Для гностиков власть находилась в сердце каждого человека, и озарение было ей поддержкой. Хотя гностики строили свои системы, во многом опираясь на традиционные религии и философские учения, в возникновении и поддержании их течений всегда присутствует элемент озарения. Именно озарение, а не следование общепринятым суждениям, какими бы разумными они ни были, придает течению законность и авторитет.

Мы увидим, как из всего этого выросли враждебные взаимоотношения с людьми, восхвалявшими традиционную мудрость, как с те-

ми христианами, что называли себя «апостоликами» и «католиками». Ярлык апостоликов-католиков обозначает этих христиан как часть всемирного или «вселенского» движения, основанного на учении двенадцати учеников.

Важно, однако, помнить, что апостолические католики тех времен — не то же самое, что католики в нашем сегодняшнем понимании. Они были первоначальными предшественниками появившихся позднее католиков и православных христиан, а в конечном счете и протестантов.

Реакция древних апостолических католиков на гностическую духовность и порожденные ею течения и религии была пренебрежительной и опасной. С точки зрения христиан-католиков гностики виделись ненормальными, ужасными монстрами, подлежащими либо обращению, либо истреблению. Их учения очерняли. Их книги сжигали. Соборы один за другим предавали их анафеме и отлучению. Вновь и вновь вспыхивало насилие.

Нарушение гностиками правил будоражило приверженцев традиционных вероучений, и они стремились удержать под контролем возникающий резонанс, осуждая гностическое отклонение от нормы, прибегая к унижениям и насилию. Усилия лидеров традиционных религий увенчались успехом: гностицизм был запятнан позором. Таким образом искавшие абсолютного Бога гностики стали в нашем сознании еретиками-политеистами, стремившимися разрушить христианский монотеизм.

Возрождение гностицизма

Читая и преподавая на протяжении многих лет гностическую литературу, я стала обращать внимание на удивительные параллели между древним гностическим миром и современным нью-эйдж (см. Campbell 1972; Roof 1993, 1999; Bloom 1996; Hanegraaff 1998; Versluis 2014). Как следует из названия данной книги, религиозное пространство, созданное гностической духовностью в средиземноморском регионе, отражает появление своего рода древнего гностического нью-эйдж. Я люблю сравнивать первых гностиков с основоположниками современного нью-эйдж: этих людей настолько не устраивала духовная цель устоявшихся организованных религий, что они отправились на поиски собственных ответов за границами традиционных догм.

У основоположников нью-эйдж была такая возможность, поскольку в 1960-х годах традиционные религии и ценности стали рушиться с формированием более глобального мира.

Древние гностики также жили в среде, где местные устоявшиеся религии распадались под давлением римского империализма и колонизации. У них тоже часто происходил контакт с новыми религиями и философскими учениями, поскольку наличие римских дорог и торговых путей — таких, как Великий шелковый путь — облегчало обмен информацией. Благодаря этому образовался богатый религиозный буфер, давший гностикам необходимые инструменты для превращения их глубинного религиозного опыта в новый подход к вере. Они создали новый смысл на основе собственной жизни и в процессе произвели революцию в религии, положили начало древнему гностическому нью-эйдж. Как и современные сообщества нью-эйдж, гностические течения возникали спонтанно, с нуля, возглавляемые харизматичными лидерами и пророками. Авторитетность этих течений как прошлого, так и настоящего опиралась на откровения, идущие от духовных сущностей через видения и спиритические сеансы. И нью-эйдж, и гностические течения основаны на контркультурном подходе, критическом по отношению к доктринам и практикам организованных, устоявшихся поколениями религий. Эта контркультурная направленность полностью переворачивает то, как древние гностики и современные последователи нью-эйдж «занимаются» религией, создавая полные жизни течения на задворках традиционных вероучений. В центре этих течений, и древних, и современных, лежит страстное стремление к абсолюту, к духовному источнику, породившему все сущее.

Искатели религиозной истины обоих периодов используют для построения своих идей и практик любые подвернувшиеся под руку источники, включая священные тексты, философию, магию, астрологию, науку и отсылки к инопланетянам или множественности миров. Если современные последователи нью-эйдж ощущают себя частью духовной трансформации человечества с началом Эры Водолея, то гностики верили, что их инициации запускают трансформационный процесс вселенского духовного обновления, в конечном счете позволяя духовным составляющим людей воссоединиться с великой абсолютной вечностью и возродить целостность Бога в последнюю эру этого мира.

Поскольку к концу Средних веков большинство гностических учений угасло, многие ученые утверждали, что католическая церковь уничтожила гностицизм, сжигая их книги и отправляя гностиков в изгнание. Однако поразительные параллели между мирами древнего и современного нью-эйдж указывают на то, что гностическая духовность продолжает жить — мощная трансгрессивная духовность,

основанная на личном опыте, подмывающая традиционные религии сегодня точно так же, как делала это в прошлом.

В главе 11 мы проанализируем то, как гностицизм продолжал существовать на протяжении двух тысяч лет, наиболее выраженно проявившись в современном мире в рамках религии нью-эйдж. Его отголоски, однако, простираются за пределы нью-эйдж в религии Америки в более широком смысле (Bloom 1992, 1996; Smoley 2006; Burfeind 2014). Мы рассмотрим, как гностическое терапевтическое понимание религии стало для нас привычным. Религия, не предлагающая нам духовного благополучия, психологического восстановления и эмоциональной привязки к Богу любви, оказывается в невыгодном положении. Американская религия — от евангелических мегацерквей до новых течений, от прихожан до служителей — очарована гностицизмом, его видением божественного в человеке и холистическим терапевтическим подходом.

Это очарование гностицизма будет подчеркиваться в каждой главе этой книги, где наряду с древними гностиками будут встречаться и современные кинематографические. В фильмах нашего времени гностики представлены как герои, чьи слова и деяния не осуждают и поносят, но восхваляют и превозносят (Wilson 2006). Популярность этих историй многое говорит о распространенности гностицизма как высоко ценимой революционной духовности в современной Америке, где мы переживаем не что иное, как гностический нью-эйдж.

Глава первая

Матрица древней духовности

Томас Андерсон

Томас Андерсон ведет двойную жизнь. Днем он выполняет скучную работу программиста в компании-разработчике ПО. По ночам же под именем Нео взламывает системы. Он упорный тип, который за определенную плату может добыть что угодно для кого угодно. Затем на его компьютер начинают приходить сообщения от таинственной личности по имени Морфеус. Обрывками, кусочками предложений. По словечку-другому. Нео крайне озадачен. Обескуражен. У него начинаются приступы паранойи. Однажды утром, уже совсем измотанный, он видит застывшие поперек экрана слова: «Проснись, Нео... Ты увяз в Матрице».

Что есть Матрица, которую обнаруживает Нео в фантастическом фильме братьев Вачовски? В жутковатой сцене, где показаны люди, заключенные в металлические капсулы на гигантской, похожей на пчелиный улей конструкции, Нео узнает, что Матрица — это компьютерная программа, в которой проживают свою жизнь люди. Это виртуальная реальность, созданная разумными машинами для контроля над людьми. Машины выращивают людей искусственно, чтобы извлекать из их тел энергию, необходимую им для выживания (рис. 1.1).

Рис. 1.1. Томас Андерсон (Киану Ривз) выбирается из своей капсулы в фильме «Матрица» (1999).

Чтобы люди оставались пассивными, машины подключают их к Матрице, где те счастливо живут виртуальной жизнью на Земле XX века, в то время как их тела с присоединенными трубками для добычи энергии лежат в капсулах с жидкостью. Матрица — единственная реальность людей. Именно она придает их жизням цель и смысл. Они спят, как дети, не подозревая, что доживают свой век в интересах Матрицы, являющейся всего лишь компьютерной программой, к которой они подключены.

Если представить нашу реальность как искусственно сконструированную матрицу, компьютерную программу, к которой мы подключены, становится не по себе. Пусть никакие машины не выращивали нас в капсулах, мы, тем не менее, живем в картине мира, сконструированной для нас нашими предками-людьми, и воспринимаем эту картину мира как реальность, как действительное положение вещей. С другой стороны, в ходе изучения исторических и культурных процессов становится отчетливо видно, что картины мира могут уточняться, а понимание того, что именно считается «реальным», меняется в зависимости от времени и места. Людям свойственно менять и переиначивать картину мира или матрицы, структурирующую и организующую жизнь, в том числе менять духовную направленность — то, что мы сегодня называем «духовностью».

Духовность определяет метафизическую карту, которая задает направление нашей жизни. Духовность — это наш взгляд на реальность, та метафизическая матрица, в которой мы живем. Как описанная Вачовски компьютерная программа для людей, которую мы запускаем, когда думаем обо всем вокруг и о том, как мы вписываемся в эту картину. С духовностью связано то, как мы структурируем свою жизнь вокруг главных вопросов о бытии, реальности, трансцендентном и священном (ср. Fuller 2001, 8–9; Sheldrake 2007, 1–2; Kaufman 1993, 45–47). Что безусловно существует? Кто мы в основе своей? Что мы ценим превыше всего? Зачем мы здесь первоначально появились? Что внушает нам благоговение и ужас? Ответы на подобные вопросы и создают ту духовную матрицу, в которой мы ориентируемся, позволяя нам вести упорядоченную и осмысленную жизнь в мире хаоса, где страдания и смерть неизбежны.

Какое же место в этом занимает религия? Если то, как мы строим свою жизнь в контексте экзистенциального, трансцендентного и священного, определяет духовность, то что есть религия? Религия — это общественное, коллективное выражение этой метафизической карты через символы, язык и определенное поведение. Религия — это организованное сообщество поклоняющихся, братство верующих.

Духовность и религия тесно связаны между собой. Именно духовность народа, его согласованные представления относительно вопросов экзистенциального, трансцендентного и священного порождает организованную религию, в рамках которой народ может объединиться в сообщество. Религия служит институциональной платформой, укрепляющей изначально породившую ее духовность.

Но что происходит, когда в сообществе появляется новый способ восприятия реальности, когда отключается традиционная духовная направленность, поддерживавшая определенную религию? Происходит, так сказать, сдвиг программы или, как в случае с Нео, разрыв матрицы, когда он принимает красную таблетку и оказывается в совершенно иной реальности. Разрыв, приводящий к религиозной разобщенности. Некоторые люди начинают реформировать религию, желая устранить этот разрыв матрицы, пытаются перестраивать ее старую духовность, чтобы привести ее в соответствие со своим новым взглядом на мир. Если этого сделать не удастся, они разворачиваются и становятся «вне церкви», как случилось с ныне существующим духовным-но-не-религиозным типом мышления нью-эйдж (Fuller 2001).

Такого типа разрыв между старой духовностью, служившей основой традиционной организованной религии, и новообразовавшейся духовностью для современной американской религиозной системы не новость. С тем же в начале I века н.э. столкнулись древние народы Средиземноморья, когда в систему включилась гностическая духовность, подрывая самые основы религий того времени. Эта духовность произвела революцию в религии, сместив ее фокус с вечного, движимого страхом поиска способов удовлетворения богов и их желаний через подчинение и послушание на поиск отдельным человеком пути к достижению целостности. Радикальная ориентация, продолжающая действовать в современной системе американской религии, где ее некогда еретический посыл о могуществе богочеловека распространился повсеместно. Терапевтический посыл о самопреображении сделал эту форму духовности самой популярной в Америке, успешно конкурирующей с более старыми моделями духовности, действующими с древних времен.

Какие же типы духовности были распространены в древности до появления этой гностической ориентации? Какие картины мира ниспровергали гностики? До возникновения гностической ориентации на религиозной арене существовало три основных типа духовности: служения, завета и экстаза. Эти три типа духовности порождали религии по всему Средиземноморью и, как при вращении колеса, сами подпитывались и поддерживались организованными религиями.

Духовность служения

Древнейшая духовность в средиземноморском регионе — духовность служения. Такая метафизическая направленность питала все религии древнего Средиземноморья. В рамках этой направленности человек рассматривается как смертное создание, сотворенное более могущественным бессмертным существом или богом. Будучи творением бога, человек является его собственностью, с которой бог волен обходиться, как пожелает, хоть бы и повинуюсь мимолетной прихоти. В таких системах боги, как правило, поступают так же, как поступали бы люди, поддаваясь эмоциям и страстям, что приводит к капризному и неизбирательному поведению с их стороны. Единственная цель сотворения человека состоит в том, чтобы создать существо, которое бы избавило богов от тяжелого труда. Человек создан, чтобы служить богам — не из любви или уважения, но из страха и чувства долга. Если боги останутся довольны службой, людей, возможно, не накажут и не уничтожат. Если боги будут недовольны, людей могут постичь голод, мор или война.

Неотъемлемая составляющая духовности служения — вера в то, что наш мир естественным образом стремится к распаду и возвращению в хаос, в том числе из-за склонностей и действий людей. Подобные стремления необходимо преодолевать, а мир приводить к порядку и затем вечно поддерживать в этом состоянии. Поскольку человек предрасположен к хаосу, структуру должна поддерживать внешняя сила. Она исходит от богов, которые исконно устанавливают порядок, сразив или пленив жестокие силы хаоса, структурируют строение неба и земли и запускают ход времени.

Намерение богов состоит в том, чтобы организовать спокойный, стабильный мир, который бы поддерживал предпочитаемый ими праздный образ жизни. Однако есть проблема: естественная тенденция мира к возвращению в хаос никуда не девается. Исконная структура сама себя поддерживать не может. Если пустить все на самотек, мир естественным образом погрузится в хаос.

Как можно решить эту проблему? Бремя поддержания стабильности и покоя во вселенной ложится на людей под предводительством вождя или царя, действующего в наилучших интересах богов как их представитель или сын.

Одна из первоочередных задач царя заключается в толковании и насаждении воли богов, чтобы они оставались довольны и благосклонны к его народу. Для этого царь должен обеспечить строительство людьми храмов, где боги могли бы жить и где о них бы заботились. Он должен обеспечить исполнение людьми религиозных

ритуалов для удовлетворения богов поклонением и дарами. Поскольку боги желают, чтобы сохранялась в первозданном виде циклическая структура творения и природы, царь должен проследить, чтобы люди регулярно имитировали или воспроизводили установление порядка в миниатюре, на уровне ритуалов. Все это приводит к правлению, основанному на повторяющихся действиях царя и его подданных, что способствует скорее сохранению традиционного положения вещей, нежели какому-либо развитию или прогрессу.

Другая задача царя заключается в поддержании общественного порядка среди людей, чья природная алчность сравнима с вошедшим в поговорку наблюдением, что большая рыба всегда съест мелкую. Боги ждут от царя, что он будет вершить правосудие над своим народом так, чтобы защитить слабых от сильных, а бедных от богатых. Таким образом, именно на царя ложится обязанность подавлять варварскую и корыстную природу людей жесткими, даже деспотичными методами.

Классическая метафизическая направленность, в которой могущественные бессмертные божества укрощают хаос и создают смертных людей для поддержания мирового порядка, имеет свои последствия. Она приводит к формированию образа человека как вынужденного работника, надрывающегося под тяжестью воли богов, и их творения, непрестанно служащего богам и царю (ср. Assmann 1989, 55–88; Moscati 1960). И ради чего? Посмертие не предлагало никакого облегчения. Умерший влачил жалкое существование в виде тени во мраке, питаясь прахом и грязной водой. Единственным источником надежды на передышку оставались живые, которые могли принести мертвым еды и вина в качестве подношений. Если же живые забывали им помочь, беспокойные тени бродили по земле в качестве озлобленных демонов, досаждая живым.

Жизнь и смерть в Вавилонии

Духовность служения лежала в основе вавилонской религии, что можно увидеть в вавилонской истории о сотворении мира «Энума элиш», в которой люди представлены как вершина творения, но не его умопомрачительная кульминация (Jacobsen 1976, 167–91). Они являются дополнением, слепленным, чтобы служить пантеону богов в храмах Мардука. Возложив на людей задачу служить им, повествует древний миф, боги освободили себя, чтобы иметь возможность поступать, как им заблагорассудится.

Низкое положение людей подчеркивается в вавилонском сказании, когда в нем говорится, что они были созданы из земли, смешанной

с кровью Кингу, побежденного первородного демона хаоса («Энума элиш» 4:33–34). Кажется жалкой шуткой то, что в этой истории люди представлены как сочетание праха и крови одного из древнейших чудовищ хаоса в вавилонской мифологии. Иными словами, в наших жилах течет кровь хаоса, стремление к анархии.

Вавилоняне воспринимали установление правовых норм, таких, как знаменитые законы Хаммурапи, как необходимость для контроля над хаосом, содержащимся в крови каждого человека. Согласно легенде, царя Хаммурапи назначили боги Ану и Энлиль, чтобы тот установил царство справедливости на земле, уничтожил злых и несправедливых, чтобы сильные не угнетали слабых. Ради распространения справедливости и общественного благополучия царь принял от этих же богов законы, которые ему было поручено насаждать. Как представитель их законов, он обладал всей необходимой для этого полнотой власти.

После жизни, полной вынужденного служения богам и царям, приходила смерть, когда, как считали вавилоняне, покойный превращался в этимму (привидение). Существо это — бесплотная тень умершего, которая остается в подземном мире, откуда нет возврата. Как повествует классический «Эпос о Гильгамеше», все люди умирают, включая величайших героев, и уходят в землю мертвых, где питаются прахом и обитают во мраке. Такова жалкая судьба каждого из нас, хорошего или плохого. Гильгамеш сетует (Jacobsen 1976, 207):

Что же делать, Утнапишти, куда пойду я?
Плотью моей овладел Похититель,
В моих покоях смерть обитает,
И куда взор я ни брошу — смерть повсюду!

Так в чем же смысл? Праведники страдают — об этом вавилоняне точно знали. Даже исполнив все задания на службе богам, они все равно страдали под их гнетом. Кому же знать, заключили они, чего боги желают на самом деле? Люди — простые смертные. «Кто жил вчера, сегодня мертв, — говорили они. — Что зло для человеческого ума, то для бога благо» (Pritchard 1969, 435).

Вечное послушание в Египте

Египетская религия также строилась на базе духовности служения, и в ней люди настолько несущественны, что в мифологии даже не упоминается их сотворение, или же упоминается мельком появление созданий из пролитых Атумом слез (Lloyd 1989). Атум — изначальный самозародившийся бог, первым вышедший из первобытной тьмы. Он испытывает облегчение, когда к нему возвращаются его брат

и сестра, на время покидавшие его в одиночестве. Именно из слез облегчения, пролитых Атумом при воссоединении с ними, незапланированно возникли люди. В одном месте упоминается, что причиной слез стал гнев, что подразумевает, что род людской явился плодом злости и горя Атума (Faulkner 2004, spell 714). По другой версии люди родились из слез скорби и одиночества, что подразумевает, что род людской был исключительно скорбным и жалким плодом (spell 1130).

Согласно некоторым источникам, людей вылепил из грязи или глины бог-творец Хнум, продолжающий создавать на гончарном круге тела еще не рожденных детей. В момент рождения в них вдыхается Ка (дыхание жизни). Смерть наступает тогда, когда Ка покидает тело, чтобы переселиться в статую или портрет на гробнице человека. Полностью передать значение слова «ка» сложно, поскольку у нас сегодня нет аналогичного понятия. Считается, что это жизненная сила человека, и потому переводится как «близнец» или «двойник» индивида. Кроме того, у человека имеется Ба — личная способность двигаться. Ей приписывается крайняя важность после смерти, когда тело уже не может двигаться, и необходимо выпустить Ба из тела при помощи обряда, именуемого «Отверзанием уст».

Ба изображали как птицу или животное, олицетворяющее человека. Она может покидать гробницу и странствовать по земле и небесам в течение дня, каждую ночь возвращаясь в подземный мир, чтобы воссоединиться с Ка (рис. 1.2).

После проведенной должным образом мумификации тела союз Ка и Ба приводил к отделению от него Ах. Ах — это сияющая посмертная форма человека, умерший, воссозданный как существо света. Ах подобна бродячему призраку.

Для чего же существуют люди, по мнению древних египтян? Их задача состоит в том, чтобы поддерживать Маат (истину, справедливость и порядок), установленную богами после усмирения первобытного хаоса. Маат — это вселенская стабильность, цикличность сезонов, а также закон и справедливость богов; противоположность хаоса, беззакония и насилия. Вселенский порядок поддерживают жрецы, следящие с этой целью за исполнением ежедневных религиозных обрядов в храмах. Маат в обществе поддерживается через соблюдение приличий и личную мораль, что в особенности проявляется в поведении фараона и послушании его подданных.

С таким акцентом на личной морали неудивительно, что в конце концов в египетской мифологии развилось сложное представление о загробной жизни, в которой вознаграждается личное благочестие. Аспектом человеческого существа, отвечающим за нравственность поведения, являлось Иб (сердце), вместилище разума и эмоций. Хо-

рошего человека сердце внутренне направляло на путь добродетели. Добродетель понималась как знание правил поведения, ведущих к общественной гармонии, а также покорность воле богов. С точки зрения египтян мудрым считался тот, кто молча подчиняется как Маат, так и воле богов. Боги представлялись всеведущими и постоянно присуждающими людям милости и немилости в зависимости от степени их законопослушности.

Так что в загробной жизни это тоже сохранялось. Для того, чтобы умерший мог совершить переход в потустороннее состояние, трансформировавшись в Ах, необходимо разъединить старое тело и создать новую форму. Для этого жрецы проводили сложные церемонии бальзамирования. Эти практики были призваны не столько сохранить тело умершего, сколько разрушить старое тело и преобразить умершего в новую форму, которая будет жить после смерти.

Частью этого перехода в состояние Ах являлось пугающее путешествие по загробному миру в Зал двух Истин. У каждой врат подземного мира умершего испытывали свирепые змееподобные стражи. Умерший должен был доказать, что достаточно сведущ и достоин войти в сферу Ах, заслуживает права жить на Поле тростника Осириса, взойти на борт небесной лодки бога солнца или стать звездным божеством на брюхе небесной матери. Окончательное решение принималось в Зале двух Истин, где умерший проходил тщательную

Рис. 1.2. Изображение Ба, покидающей умершего, из одного из вариантов «Книги Мертвых», выставленного в Египетском музее в Турине, Италия. Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.

проверку, которая устанавливала, достаточно ли он чист и достоин посмертного преображения. Чтобы получить разрешение, умерший произносил в точности предписанные ответы на вопросы о его личности и способностях. В качестве свидетельства своего морального состояния он также перечислял сорок два греха, которых никогда не совершал. Чтобы доказать правдивость этих утверждений, Иб умершего помещали на весы, а на другую чашу клали перо Маат. Если Иб оказывается тяжелее пера, сердце умершего признается отягощенным грехом. Тяжелое сердце тотчас же пожирает Амаат, ужасное чудовище с пастью крокодила, и умерший прекращает свое существование.

Если весы приходят в равновесие, великий бог мудрости Тот повторно проверяет умершего по итогам его испытания. «Зачем пришел ты? — вопрошал он. — Каково твое моральное состояние? Кого надеешься увидеть?» Умершему полагалось отвечать, что судьи признали его достойным, сопровождая свой ответ многократным повторением восклицания «Я чист!», и просить позволить ему аудиенцию с Осирисом. Тогда Тот представлял умершего Осирису, и он принимал форму Ах, чтобы наслаждаться вечной загробной жизнью в Поле тростника, пожиная щедрость Осириса в качестве его вечного слуги.

Дифференциация смертных в Греции

Греческая религия также возникла как проявление духовности служения. В сущности, огромная разница между богами и людьми занимала в этой религии центральное место, даже после того, как в греческой философии была выработана концепция бессмертной психе (души) индивида. Греческих богов делает особенными высшее могущество и вечно юные тела. Тела людей смертны, они слабеют и стареют. В жилах богов течет особая кровь, именуемая ихор, благодаря которой боги не умирают даже от ран, которые для человека были бы смертельными. Им не требуется есть для поддержания жизни, как людям, хотя они все же любят вкушать еду, приносимую их слугами-людьми, вдыхая дым жертвенных костров на алтарях посвященных им храмов.

Людям полагается восхищаться богами, поклоняться им и бояться их из-за этой разницы в могуществе. Грех равносителен скорее гордыне, преступанию человеческих границ, нежели нарушению закона. Людям можно подражать богам в красоте и силе, но если это подражание становится чрезмерным и посягает на их высшую природу или переходит в насмешку над ними, следует божественное воздаяние: голод, мор, война, смерть. Людям должно признавать границы своих возможностей и склоняться перед судьбой и смертью, назначенной им

богами, какой бы несправедливой та ни была. Если люди не следуют этим правилам, их может ожидать наказание как на личном уровне, так и на общественном.

Из знаменитой истории о Прометее мы узнаем классическое средиземноморское сказание о сотворении человека как жалкого раба богов. После падения чудовищ-титанов и их заточения в мрачном подземном царстве Тартара юному богу Прометею поручают создать человека, которого он лепит из грязи. Затем богиня мудрости Афина вкладывает в грязевую фигурку дыхание жизни. Однако творение Прометей лежит на земле, жалкое и слабое. В довершение картины все заслуживающие внимания качества, такие как стремительность и сила, уже розданы другим животным, что делает человека совсем убогим в сравнении с ними. И Прометей делает для своего создания то, что может. Он делает человека прямоходящим, как бога, и дарует ему огонь.

Зевс, царь олимпийцев, недоволен, потому что эти дары размыывают четкую границу между богом и человеком, уменьшают разницу в могуществе между двумя родами. Чтобы заново провести эту границу, Зевс обязывает людей служить богам. Зевс постановляет, что доля от каждого приготовленного людьми животного должна отдаваться в пищу богам. Прометей недостаточно могущественен, чтобы отменить распоряжение Зевса, но он способен перехитрить его, убедив принимать в качестве доли богов лишь кости и жир. Зевс нелегко смиряется с этой хитростью. В гневе он спускает на людей коварных красавиц, таких, как Пандора, и все то зло и страдания, что приносят подобные женщины.

И все же на дне ящика Пандоры лежит надежда. Не яркая, сияющая надежда на жизнь, осененную благословением богов, но надежда, что человек может отвести от себя божественное воздаяние через послушание и унижение перед лицом величайшей силы богов. Склоняясь и принимая границы людских возможностей и жребий смертности, человек может оказаться способен предотвратить божественный суд хотя бы до момента смерти.

Переживала ли какая-либо часть человека смерть, чтобы получить награду или наказание? В классическом варианте греческой религии существуют *skiai* — тени умерших, обитающие после смерти в подземном мире, однако способные забредать в сны живых в качестве призраков. Они рассматриваются как образы умерших, подобия усопших.

С течением времени в греческой религии развилась концепция посмертного суда, происходящего после того, как умерших перевозят в чертоги Аида. Тех, кого признают грешными, сбрасывают в без-

дну Тартара или подвергают бесконечным мукам, например, погрузив в озеро без возможности когда-либо из него напиться. При благоприятном решении суда умершие отправляются жить в блаженстве на подземных полях Элизиума.

Бессмертная душа

К временам Платона появился новый взгляд на человека. В греческом мире возникла концепция души как чего-то бессмертного и отличного от тела. Эта идея восходит к Пифагору, учившему, что душа входит в тело с первым вдохом ребенка. Она приходит из небесного царства и после смерти возвращается жить в вышние сферы, на Млечный Путь, или перерождается в новом теле, если чистота души еще не была достигнута.

Уже к 400 г. до н. э. бессмертие души сделали фокусом религиозных практик, связанных с инициацией, люди, известные как орфики. Согласно их учению, такое освобождение из круга перерождений достигается не без усилий. Чистота души достигается через аскезу, эмоциональную сдержанность и исполнение предписанных религиозных церемоний. Если человек неспособен взять под контроль свое тело и эмоции, то после смерти бессмертная психе переходит в другое тело, и круг рождения и смерти продолжается. Орфики полагали, что в конечном итоге очищенной душе суждено поселиться под землей, в благословенных рощах и полях Персефоны.

Орфическое видение бессмертной души отражает альтернативный взгляд на человека, возникающий в древних литературных отсылках к мифу о поедании бога Диониса в образе младенца Загрея (Плутарх, «О Мясоедении», 1:996b-c; Олимпиодор, «Комментарии к «Федону» Платона», 1:3; Ксенократ, фраг. 20; Дамаский, «Комментарий к «Федону» Платона», 1:2). Диониса — младенца Загрея, сына Зевса и Персефоны — ловят Титаны, пока он играет с зеркалом. Титаны разрывают его на части, а затем съедают. Афине удается спасти его сердце и вернуть его Зевсу, благодаря чему Дионис может возродиться. Тем временем разгневанный Зевс испепеляет титанов ударом молнии. Из получившегося из них пепла и появляется род людской. Это означает, что человеческая природа включает две составляющие: божественную природу от останков Диониса и чудовищную, воинственную природу от останков титанов.

Платон разрабатывает философское учение, в котором ссылается на это альтернативное понимание человека. Платон считает, что существует бессмертный божественный элемент, психе, который может вернуться на небеса к жизни богов, которой наслаждался прежде,

если человек сможет освободиться от этой титанической природы (Платон, «Законы», III, 701b — c). В каждой жизни, считал Платон, психе человека полагается учиться и развиваться, двигаясь к этическому очищению и интеллектуальному просвещению, к внезапному воспоминанию о божественности психе до того, как ее притянуло в материальное тело и придавило весом плотских страстей. Когда это очищение достигнуто в полной мере, душа умершего может вернуться звездой в свой небесный дом в высших космических сферах. Если душа недостаточно чиста, она перерождается.

Центральным элементом этого представления о божественности психе является представление Платона о ее составляющих. В его понимании непростое положение психе сравнимо с положением возничего, пытающегося удержать упряжку крылатых коней, где один благороден, а другой нет. Возничий представляет здравомыслящую часть психе, нус (разум), чьей задачей и является управление конями. Низшую часть психе представляет пара коней. добрый конь — это нравственный порыв психе; дурной — это иррациональный, инстинктивный порыв. Первоначально душа под чутким управлением возничего летает в небесах среди богов и при каждом обороте может мельком увидеть Благо, пребывающее над всем сущим. Но рано или поздно возничий теряет Благо из виду, а следом и контроль над лошадьми. Он падает с небес. Психе воплощается и входит в цикл рождения и смерти до тех пор, пока снова не научится контролировать свои низменные аспекты и не взлетит к богам (Платон, «Федр», 246a–254e).

Эта философия произвела настоящую революцию в представлении древних о человеческом существе, однако она мало чем изменила греческую религию. Хотя в возникающих греческих мистериях культивируется сильное чувство личного в религии — через церемонии инициации, путешествия по подземному миру и полеты по небу, — эти религии все равно сосредоточены на человеке-просителе, ищущем «контакта» с богами нижнего мира. Посвященный надеется на признание и фаворитизм, на то, что связь с богом на основе поклонения обеспечит ему в посмертии привилегированное положение и трансформацию в тело, которое сможет жить и благоденствовать в пространстве загробного мира. Даже если человеку очень нравилась инициация в мистерии великих богов, таких как Деметра или Дионис, у него по-прежнему сохранялись семейные и общественные религиозные обязанности. Греческая религия продолжала строиться на служении людей могущественным богам в рамках общественного долга, что поддерживало благо города, сдерживая гнев и ревность бессмертных.

Причудливые сделки в Израиле

Духовность служения также лежала в основе религии древних израильтян. В сущности, Израиль как сообщество понимался как слуга Бога Иаков. Древнейшая мифология израильтян (ок. 950 г. до н. э.), то, что ученые называют Яхвист, включена в сказания Ветхого Завета. В этом примечательном цикле историй Бог упоминается под именем YHWH (вероятное произношение — Яхве).

Хотя эти сказания многократно редактировались и переписывались, прежде чем приобрели свою финальную библейскую форму, ясно, что древние сказания об израильском Боге в Яхвисте изображают его могущественным божеством, относящимся к племенам израилевым как к слугам. Авраам называет себя рабом YHWH, ищущим благоволения пред его очами, для чего готовит и подает ему воду, хлеб, мясо, масло и молоко (Быт. 18:1–8). Иаков обозначается как раб YHWH, когда говорит с ангелами Божьими в Маханаиме. Он молит YHWH спасти его от гнева Исава, чтобы потомство Иакова могло плодиться бесконечно и продолжать служить YHWH по воле его (32:1–5, 9–12).

В древнеизраильской традиции не только вожди увековечены как рабы YHWH: это же определение применяется ко всей совокупности племен. Род Израилев состоит на его службе, народ, избранный YHWH быть его рабами, приносить ему дары и чтить его жертвами. Поэтому YHWH называет Израиля «червем» и «насекомым», полностью зависящим от его помощи. По сути, само существование Израиля, даже обеспечение таких базовых вещей, как вода в пустыне, всецело зависит от благоволения YHWH (Ис. 41:8–17, 43:22–24, 44:1–3).

Как же добиться благоволения YHWH? Как и в случае с другими рассмотренными средиземноморскими религиями, благоволение достигается через ревностное служение Богу и поддержание справедливости в обществе. Людям полагается целиком посвящать себя исключительно YHWH, который предстает ревнивым Богом, готовым раздеть, избить, изувечить и бросить отбившихся, как муж — неверную жену.

Им также поручается вершить правосудие или поддерживать праведность в обществе. Они должны придерживаться законов, установленных YHWH для своих слуг, или ожидать сурового наказания от его руки (Ис. 42:1–4). Эта идея очень стара, изложена еще в Яхвисте, где первые отцы веры изображены как те, кто ходил путем YHWH, «творя правду и суд» (Быт. 18:19). Правосудие древние израильтяне рассматривали как справедливое распределение ресурсов: чтобы слабым и больным помогали, бедных кормили, о пленных заботились.

Как и в случае с другими средиземноморскими религиями, рабы ҮНҰН виделись творениями ҮНҰН, созданными им для служения ему. «Помни это, Иаков и Израиль, ибо ты раб Мой, — говорит ҮНҰН. — Я образовал тебя: раб Мой ты» (Ис. 44:21).

Эта тема восходит к древнейшему циклу сказаний из Яхвиста, к сказанию об Адаме, первом человеке, созданном из праха земного и наполненном дыханием жизни (Быт. 2:7). Задача Адама состоит в подчинении своему создателю, Богу ҮНҰН, желающему превыше всего сохранить различие между Богом и человеком (2:15–17, 3:4–5, 22). Потому первым людям запрещено есть от древа познания, чьи плоды сделают их подобными богам, знающим разницу между добром и злом.

Когда они нарушают его прямой приказ, ҮНҰН беспокоит тот факт, что различие между Богом и человеком стало размываться. Неповиновение людей служит для ҮНҰН сигналом, что его творения становятся подобны богам (3:22). Боясь, что это неповиновение может продлиться и они могут вкушать и от древа жизни, и действительно стать бессмертными, он высылает их из сада и обрекает на смертную жизнь в послушании, боли и бесконечном труде, выращивая на бесплодной земле пищу и для человека, и для Бога (3:16–23).

В древнем цикле Яхвиста присутствует некоторая произвольность в поступках ҮНҰН в отношении созданных им людей, некоторое самоуправство, которое лучше прямоты и честности демонстрирует его силу. Довольно скоро ҮНҰН раскаивается в создании людей, поскольку видит в них склонность ко злу и насилию. Не восстанут ли они против него? И тогда он решает обрушить столько насилия, сколько только возможно, и истребить всех людей, зверей и птиц в потоке — за исключением праведника Ноя и его семьи, обретших благодать (6:5–8).

Когда после потопа родились новые поколения людей и они начинают строить город с высоким храмом, ҮНҰН наблюдает за ними. То, что он видит, беспокоит его. Люди объединились и совместными усилиями успешно строят, создавая башню, которая позволила бы им добраться до самых небес, где обитает ҮНҰН. В их успехе он видит угрозу для себя, так как они состязаются за место среди богов. «И вот что начали они делать, — говорит ҮНҰН, — и не отстанут они от того, что задумали делать» (11:6). Его решение? Он смешивает их речь так, чтобы они не могли общаться друг с другом. Утратив способность к взаимопониманию, народ разделяется. Люди покидают неоконченный город и храм и рассеиваются по земле.

Затем, без каких-либо объяснений, ҮНҰН избирает из всех людей одно маленькое племя, праведный клан Авраама, чтобы удостоить

того чести. В конце концов некоторые жители Содома начинают тревожить ҮНҰН, и он спускается вниз, чтобы взглянуть. Когда Авраам узнает, что ҮНҰН намеревается уничтожить соседний город, он расстроен. Какова этическая сторона проблемы? Он спрашивает, намеревается ли ҮНҰН убить праведных наравне с нечестивыми. Да, ҮНҰН собирался избавиться от всех них. Авраам торгуется с ҮНҰН от лица живущих в Содоме праведников, чтобы можно было вывести из города хотя бы праведного раба ҮНҰН Лота и его семью, прежде чем ҮНҰН обрушит дождь из серы и огня и уничтожит все в этом месте (18:23–33, 19:12–26).

Позднее ҮНҰН испытывает, насколько Авраам его боится, приказывая ему убить собственного сына Исаака и принести его во всесо-жжение. Авраам подчиняется и кладет сына на жертвенник. ҮНҰН удовлетворен и сохраняет мальчику жизнь, когда Авраам уже готов заколоть Исаака (22:1–14).

В древнем цикле сказаний о Моисее непоследовательных действий и насилия не меньше. Сразу же после того, как ҮНҰН избирает Моисея своим пророком, он встречается с ним на пути в Египет. Тайный ночной визит провоцирует грубое, но безуспешное нападение со стороны ҮНҰН, который пытается умертвить Моисея, очевидно, потому что тот не обрезан. От верной смерти от руки ҮНҰН Моисея защищает ритуал, отгоняющий демонов (Исх. 4:24–26).

Когда евреи отливают статую тельца как объект поклонения, ҮНҰН воспаляется гневом и говорит Моисею, что решил истребить их всех, а своим народом сделать лишь потомков Моисея. Моисей убеждает ҮНҰН, что тот будет дурно выглядеть, если истребит тот самый народ, который только что вывел из Египта. Он напоминает ҮНҰН об обещаниях, которые он давал рабам своим Аврааму, Исааку и Израилю. ҮНҰН смягчается. Вместо уничтожения он посылает им чуму в наказание за совершенный грех. Моисей сам берется мечами сынов Левиных убить три тысячи нарушителей, которых называет братьями, друзьями и ближними. Жестокая месть сынов Левиных выступает как их рукоположение и посвящение на службу ҮНҰН. Цена того, чтобы стать служителем ҮНҰН, по словам Моисея, это жизни их сыновей и братьев (23:1–14, 25–35).

Снова и снова на протяжении этих сказаний в своих поступках ҮНҰН идет на поводу у гнева, мести, сожаления и ревности, как может только существо, обладающее наивысшим могуществом. Он есть высший воинственный бог, сокрушающий врагов своего избранного народа, как и всякого, кто прогневит его. Он помышляет рабом своим Иаковом, как ему заблагорассудится, и наказывает невинных детей за прегрешения их предков четыре поколения назад. Он делает мир

и производит бедствия (Ис. 45:4–7). Как и греческие боги, YHWH совершает поступки, потому что может их совершить.

Пожалуй, наиболее полно его портрет рисуется в книге Иова, где YHWH позволяет сатане жестоко обойтись с рабом своим Иовом и его семьей, хотя Иов непорочен, справедлив и богобоязнен. Единственное условие, которое YHWH ставит сатане, состоит в том, что сам раб его Иов должен остаться жив. Тем не менее, пройдя через все страдания, ужасы и смерти, которые ему пришлось вынести, Иов отказывается винить YHWH, потому что, как рассуждает Иов, что YHWH дал, то может и взять.

В конце ответом Иова на все его постигшее становится личное унижение. Он посыпает себя пеплом и сокрушается о своем низком, презренном положении, о своем смертном разуме, не способном познать деяния разума всемогущего Бога, который может делать все, что хочет, со своими созданиями, сотворенными из праха (Иов 1:21, 42:1–6).

Духовность завета

В иудаизме появляется необычное нововведение, когда возникает духовность завета, вытесняя парадигму служения и обуздывая своевольную природу древнего Бога YHWH. После того, как в 586 г. до н.э. вавилоняне разрушили иудейский Храм в Иерусалиме, иудейские цари и священники были вынуждены переселиться в Вавилон. Событие, которое вошло в историю как Вавилонский плен. За время плена иудейские священники составили и отредактировали Тору — первые пять книг иудейской Библии или Ветхого Завета; новаторский труд в области духовности. Составляя свою историю как религиозные люди, священники сформировали видение Бога YHWH как могущественного царя, действующего на основании законов, которые он установил в отношении избранной им части человечества — племени Авраама и его потомков Исаака и Иакова.

В древнем мире заветами считались соглашения, заключавшиеся между двумя сторонами. Например, договоры, в которых в одностороннем порядке определялось, в какие дни каждая из сторон может пользоваться местным источником воды. Или могущественный царь мог установить отношения завета с подданными, требуя от них уплаты налогов в обмен на царскую защиту.

Идея о том, что бог может заключить завет со своими слугами-людьми, могла изначально возникнуть как простая метафора, использованная пророком Осией, чтобы отметить возможность защиты YHWH, что такая защита зависела от выполнения Израилем обяза-

тельства быть праведным и справедливым народом (Осия 8:1–3). Однако в полной мере идея полноценного правового соглашения между Богом и людьми проявилась только тогда, когда была составлена историческая хроника, зафиксированная во Второзаконии, книгах Иисуса Навина, Судей и Царств, и плененные священники переписали старого Яхвиста в Тору. Может быть, именно переломный момент и ужасы войны и вынужденного переселения в Вавилон дали такому ошеломляющему заявлению возможность получить развитие.

Изначально высказывания о том, что YHWH подписал договор со своими рабами-людьми, наверняка вызывали возмущение, особенно в свете истории, представленной в сказании Авраама. В случае завета Авраама YHWH скрепляет договор, проходя между половинами рассеченных жертвенных животных, а не говорит сделать это Аврааму — подчиненной стороне. Действия YHWH подразумевают, что он видит собственную кончину подобной кончине жертвенных животных. Если YHWH не выполнит данное Аврааму обещание обеспечить его народ имуществом, потомством и защитой, он будет подобным же образом рассечен пополам (Быт. 15:1–21; см. McKenzie 2000, 17–18).

Это указывает на полную приверженность YHWH данному Аврааму обещанию, на абсолютное намерение Бога исполнить взятые на себя заветные обязательства. От Авраама требуется только сделать обрезание всем мужчинам в общине в знак согласия принять обещания YHWH. Обрезание служит физической отметкой принадлежности индивида YHWH.

В противовес завету с обязательствами YHWH, который мы наблюдаем в цикле об Аврааме, в повествовании о Моисее находим четко выделенный завет с обязанностями людей. В данном случае завет — со всеми пространными условиями — скрепляется церемонией, в ходе которой народ согласился соблюдать все законы YHWH. Когда народ и жертвенник окроплены кровью жертвенных животных, они говорят: «Все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны» (Исх. 19:5, 24:3, 7–8; см. McKenzie 2000, 20).

Каков подтекст такого радикального перехода от духовности служения к заветной? Суть того, о чем говорили историк Второзакония и плененные священники, сводится к тому, что YHWH не может творить все, что захочет в своем своеволии. Хотя израильтяне оставались его творениями, смертными существами, созданными по образу его, он не мог делать с ними все, чего ни пожелает. Как и его народ, он должен следовать условиям договора, который они вместе скрепили. YHWH был обязан обеспечить их родиной, потомством и защитой, пока люди оставались его послушными слугами и соблюдали хорошо проработанный свод законов. Однако если народ нарушит законы,

у YHWH не останется перед ними обязательств, и их жизни окажутся под ударом. Карой им будет смерть, непосредственная или опосредованная через систему жертв, подменяющую животное правонарушителем.

Милосердие и всепрощение

Это заветное соглашение послужило новым поворотом в отношениях между человеком и Богом. Оно неизбежно было бы однажды нарушено и его потребовалось бы перезаключить, а это значило, что со стороны YHWH должны будут включиться милосердие и всепрощение, а со стороны Израиля — раскаяние. Хотя YHWH никогда не представлялся любящим свой народ безоговорочно, в его отношении появляется новый оттенок. Он становится Богом, чью жестокость сдерживают милосердие и сострадание, пока его слуги продолжают его бояться как владыку. Происходит его переосмысление как отца, испытывающего жалость к своим детям — короткоживущим, слабым созданиям из праха. Как поется в псалме 102:11–18:

Ибо как высоко небо над землею, так велика милость Господа
к боящимся Его;
Как далеко восток от запада, так удалил Он от нас
беззакония наши;
Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его.
Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы — персть.
Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветет.
Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его
уже не узнает его.
Милость же Господня от века и до века к боящимся Его,
И правда Его на сынах сынов, хранящих завет Его
и помнящих заповеди Его, чтобы исполнять их.

Весьма вероятно, что формирование духовности завета стало прямым следствием травмы от потрясших иудейское общество событий: они наблюдали разрушение храма YHWH в Иерусалиме, истребление части населения, а затем выдворение в Вавилон и захват их земли.

Очевидно, они были не в состоянии поверить, что YHWH мог наслать на них такое уничтожение совсем уж без причины, потому что перед лицом подобных ужасов плененные священники поддерживали веру в то, что YHWH не оставил их своевольно. Не верили они и в то, что мстительный, воинственный YHWH — слабый бог, которого мог одолеть Мардук, бог победителей-вавилонян.

С их точки зрения должно было происходить что-то другое. Плененные священники были в этом убеждены. Народ утратил благоволе-

ние YHWH. Он лишил Израиль своей защиты, рассуждали священники, потому что народ был неправеден. Лишение было справедливым. Священники начали распространять идею о том, что YHWH делал то, на что имел полное право, потому что израильтяне заключили с ним завет. Но именно израильтяне не выполнили своих обязательств по договору. С учетом нарушения завета, YHWH больше не был обязан выполнять свою часть сделки, отменил свое обещание и лишил народ защиты.

Стремясь преодолеть постигший их экзистенциальный кризис, священники решили отдаться на милость высшего правосудия. Они стали утверждать, что YHWH не только категоричен в своей праведности, но и милосерден, что Бог останется верен своим обещаниям, даже если его народ не выполнил свои. Если народ ответит страхом и раскаянием, он возобновит завет и снова возьмет его под защиту. Именно в этом критическом контексте особенно правдиво звучит плач Израилев (Плач 5:19–22):

Ты, Господи, пребываешь вовеки; престол Твой — в род и род.
Для чего совсем забываешь нас, оставляешь нас на долгое
время?

Обрати нас к Тебе, Господи, и мы обратимся;
обнови дни наши, как древле.

Неужели Ты совсем отверг нас, прогневался на нас безмерно?

Духовность экстаза

Третий тип духовности, широко распространенный в древнем Средиземноморье, это духовность экстаза. Она указывает на экстатические или мистические взаимоотношения с Богом. Поэтому стоит принимать во внимание как слово *ekstasis*, означающее по-гречески «диссоциация» или «выход из тела», так и слово *mystês*, обозначающее кого-то, кто был посвящен в божественную тайну — *mystêria* (мистерию). За этим стоит греческое слово *miô*, означающее «закрывать» или «захлопывать» рот или глаза. Оно указывает на понимание божественного как чего-то сокровытого, что необходимо раскрыть невежественным.

Эта форма духовности основывается на идее, что бог и человек значительно различаются по двум параметрам. Во-первых, человек смертен, тогда как боги бессмертны. Это означает, что люди отличаются от богов в основе своего бытия. Во-вторых, место обитания богов находится далеко от места обитания людей или представляет собой отдельное закрытое пространство, так что два мира разделяет пропасть. Эта бездна призвана разделять богов и людей, чтобы каждые

жили в своих мирах. Боги обитают в скрытом завесой божественном мире за пределами человеческих земель, в месте, куда людям нет пути. Согласно взглядам этой духовности, боги совершенно Иные в своем ином мире.

Это различие означает, что человеку не под силу понять богов. Природный человеческий разум категорически отличается от разума богов и потому не способен постичь богов, являющихся принципиально Иными. Они являют собой тайну, познать которую не под силу разуму смертного. В человеческом языке нет таких слов, которыми можно было бы даже начать описывать богов. С точки зрения мистиков боги непостижимы и невыразимы. Мы можем знать о них лишь то, что они скрыты, это тайна, которая остается неразгаданной.

Можно подумать, что это духовность агностической направленности. Мы ничего не можем знать о богах, вот и весь сказ. Однако это не тот случай. В сущности, верно обратное: духовность экстаза призывает людей искать знание о богах двумя путями.

Первый — это путь распознавания, когда мы пытаемся читать знаки, оставленные нам богами в окружающем мире, например, внимательно разглядывая небеса или внутренности жертвенных животных. Можно узнать о планах или тайнах богов от какой-нибудь божественной фигуры, пересекающей границу между иным миром и нашим, чтобы рассказать, чего боги желают. Такой фигурой может быть ангел, как Михаил, несущий откровение, или бог, как Гермес, готовый поделиться определенной божественной мудростью. Ей может оказаться и человек-пророк, как Иеремия, вдохновленный духом Бога говорить от его имени, чтобы донести до сообщества, какой именно верности желает от него Бог. Или провидец, как священник Иезекииль, потрясенный видением Бога в зримой форме и получающий повеление рассказать о нем. Откровения могут являться в виде снов, как описывает Даниил, которые религиозным экспертам необходимо правильно истолковать, чтобы разгадать послания Бога.

Второй путь более травматичен, поскольку предполагает попытку преобразить человека в создание в достаточной степени божественное, чтобы войти в иной мир и взаимодействовать с богами напрямую. Процесс такого преобразования основан на причудливых ритуалах, разработанных для того, чтобы оторваться от человеческого тела и превратиться в некое новое существо, способное отправиться на поиски богов, пересечь пропасть, отделяющую иной мир, чтобы выснить их волю.

В конечном итоге приверженцы духовности экстаза надеялись узнать волю богов вне всякого сомнения. Лишь когда они смогут жить в соответствии с божественной волей, боги приблизят их и ода-

рят своей милостью, изменяя их плачевную судьбу, исцеляя болезни и ниспосылая удачу, как и полагается доброму покровителю. Эта тяга к познанию воли богов не имела своей целью обеспечить поддержание вселенского порядка или избежать преждевременной смерти или увечий от руки богов, как обстоит дело в случае духовности служения. Цель была и не в том, чтобы следовать договору, заключенному между богом и его народом, как происходило в случае духовности завета.

В духовности экстаза цель состоит в том, чтобы получить дар благополучия и удачи из рук богов-покровителей, относящихся к своим подопечным по-дружески, даже по-родственному.

Вторжения в иной мир

Такой природный экстатический импульс присутствовал в религиях средиземноморского региона с древнейших времен. Однако он был укреплен и переосмыслен, когда греки вступили в контакт с сибирскими и монгольскими шаманами, специализировавшимися на путешествиях по иным мирам (Kingsley 2010). Греческие сказания сообщают нам, что исторический контакт с монгольским шаманизмом произошел не позднее VI в. до н. э., когда Грецию посетил Абарис, шаман с севера, вставший рядом со знаменитым философом Пифагором.

Абарис был гиперборейским жрецом Аполлона, известного как бога-целителя. Гиперборейцами в греческих легендах называли народ, живущий «за северным ветром». Поскольку Борей, бог северного ветра, обитал во Фракии, прозвище «Гипербореец» обозначает Абариса как человека, пришедшего из региона к северу от Фракии, из горных областей Центральной Азии. Сказания, связанные с Абарисом, в том числе история о его путешествии по ветру на золотой стреле, дают возможность предположить, что он был шаманом из Монголии, путешествовавшим по всей Греции, исцеляя людей и останавливая эпидемии. Его прозвали Воздухошествующим.

Будучи представителем монголов, Абарис следовал древней традиции: оставлял свою стрелу на попечении кого-то другого в качестве залога и жеста взаимного доверия. Согласно легенде он оставил стрелу Пифагору, сделав того своим преемником. Пифагор и другие, такие как Аристей, Эмпедокл, Парменид и Эпименид, прославились в рамках местных сообществ как шаманские фигуры. Их почитали мудрецами, которые регулярно путешествовали в иной мир, где встречались с богами и покойными предками, чтобы познать тайны жизни и смерти. Эти сказания подразумевают, что имело место некоторое смешение евразийских шаманских практик и традиционных

для греческой религии экстатических практик (Ruck 2004, 478b–484d; ср. Burkett 1972, 162–165).

Шаманы, жившие к северу и к востоку от Средиземноморья, в регионах Западной и Центральной Азии, традиционно считались религиозными специалистами, известными благодаря своей способности в моменты спровоцированного экстаза попадать в мир духов. Душа шамана была привычна к полетам по подземному миру и многоярусным небесам в поисках доступного духам знания о том, как исцелить отдельных представителей сообщества. Центральная роль экстаза и знания в профессии шамана явно выражается в тунгусском наименовании шамана, означающем, по мнению некоторых исследователей, как «знающий», так и «восторженный» (Edson 2009). Из-за способности переступать порог между нашим и иным мирами некоторых шаманов полагали психопомпами, то есть проводниками, сопровождающими души умерших к месту их последнего упокоения в загробном мире. Свой статус экстатического целителя шаман получал через сложную систему церемоний инициации, позволявших ему общаться с духами и даже принимать их животные формы (Winkelman 1992, 2001).

Довольно скоро жители Средиземноморья разработали собственные планы по захвату при жизни царства, не предназначенного для людей. Были установлены религиозные ритуалы, зачастую продуманные до мелочей. Эти предсмертные ритуалы были направлены на то, чтобы разобрать человеческое тело и воссоздать человека в форме, способной к жизни в ином мире. Они были направлены на то, чтобы травмировать и разрушать тело, чтобы вместо него могло сформироваться другое, более подходящее, и инициированный мог возродиться преображенным существом.

Таким образом мы обнаруживаем по всему древнему религиозному пространству рост популярности обрядов инициации, шаманских мистерий посвящения, проводимых жрецами для светского населения. Ярче всего это проявляется в создании греческих, римских и египетских мистерий, предлагавших желающим совершить путешествие по иному миру с проводником. Такие путешествия преследовали двоякую цель: во-первых, разведать дорогу в иной мир и узнать его тайны, во-вторых, встретиться с богом лицом к лицу, чтобы заручиться его дружбой, расположением и покровительством во имя лучшей жизни как здесь и сейчас, так и потом.

В рамках подготовки к путешествию по иному миру посвященного обязательно обучали тому, что есть иной мир и какого рода опасности может представлять вторжение в него. Как правило, Иные сущности не приходят в восторг при виде вторженцев. Человеку там не ме-

сто, поэтому вторженцы сплошь и рядом сталкиваются с насилием и угрозами в свой адрес.

Чтобы подготовить посвященных к столь враждебному приему и научить их, как противостоять стражам иного мира, которые будут преграждать путь к богу, требуется долгий период обучения и насыщенных устных наставлений. В программу стандартно входило заучивание наизусть фактов об обитателях и местах иного мира. Зазубривались отвращающие заклинания, молитвы о помощи и имена богов и их стражей. Преданность богу преподавалась через многократное повторение молитв, гимнов, мифических представлений, восхвалений и подношений. Верность богу включала в себя обет хранить тайну. Ни в коем случае нельзя разглашать непосвященным, как попасть к богу. Это знание считалось тайной за семью печатями, предназначенной лишь для избранных бога, тех, кто сумел пережить трудное путешествие и травматичную встречу лицом к лицу.

При подготовке к путешествию в центре внимания всегда оказывается тело. Чтобы разрушить тело, древние требовали от посвященных или воздержаться от обычной физической активности, или каким-либо образом ее нарушить. Как правило, исключался секс, но не потому, что древние считали его греховным или нечистым. Воздержание, зачастую в течение долгого периода перед инициацией, требовалось для того, чтобы нарушить нормальное функционирование человеческого тела. Отказ телу в его нормальном функционировании означало разрушить его. То же касалось и еды. Для посвященных устанавливались строгие посты, чтобы отказывать телам в том, что им требовалось в норме для выживания как человеческим существам.

Посвященных подвергали физическим нагрузкам, куда более сильным, чем обычно, например, веля тащить брыкающегося поросенка двадцать семь миль до моря, пока посвященный не будет совершенно измотан. Их могли лишать сна, поить особыми напитками, раздевать и переодевать, одевать в маски животных, опаивать наркотическими или иными дурманящими веществами, изолировать, клеймить или кастрировать. Все эти действия были направлены на уничтожение человеческого тела и подготовку к преображению в иную форму, способную проникнуть в иной мир и отыскать там скрытого бога.

Разрушение тела не являлось метафорой. Сами церемонии инициации могли переходить в настоящие предсмертные ритуалы. Часто применялись притирания, предназначенные только для похоронных обрядов: ими мазали тело посвященного, имитируя подготовку к погребению. Считалось, что подобные действия высвобождают личность из тела, чтобы та могла облечься в новую форму, способную выжить в ином мире. Предпринимались путешествия в подземный

мир через физически существующие пещеры или иные порталы. Планировались восхождения на небеса по столпу Млечного пути и вокруг зодиака на звездных колесницах и небесных ладьях, чтобы совершать полеты в особые дни года, когда звезды выстраивались определенным образом.

Инициации часто включали несколько ступеней, что позволяло проводить постепенную трансформацию новообразованного тела — из состояния новорожденного младенца к юности, а затем к зрелости. Уровни обозначались особыми именами, описывавшими степень трансформации или местоположение вторженца в ином мире. В знак прогресса или успеха посвященным давали памятные вещицы, например, лавровые венки. По мере продвижения путешествия во все более опасные области, все ближе к богу, использовались защитные амулеты, отвращающие зло.

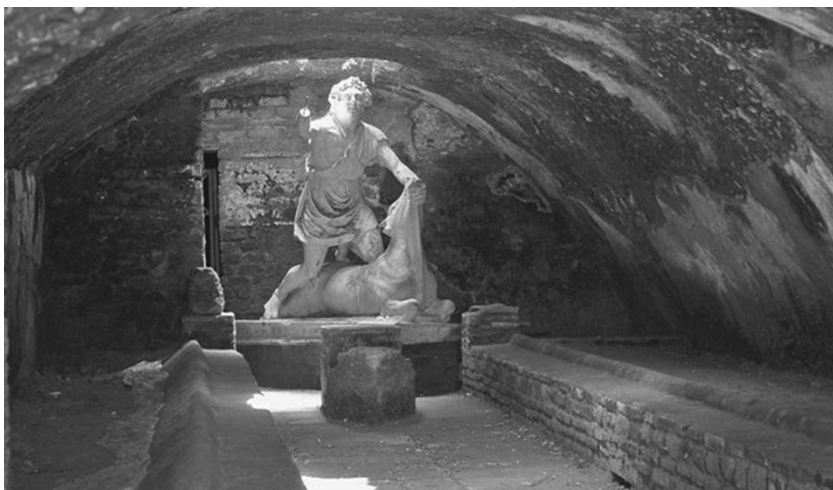

Рис. 1.3. Статуя Митры, убивающего быка, в митреуме под митраистскими банями, Остия-Антика, Италия. Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.

Стадии посвящения и постепенное преображение отчетливо проявлялись в мистериях Митры, бога солнца, которому поклонялись римские солдаты примерно в начале I века н. э. (Besk 2007). О мистериях Митры известно больше, чем о большинстве древних мистерий, до сих пор скрывающихся за расплывчатыми упоминаниями в литературе, поскольку было раскопано большое количество митраистских пещер, что позволило реконструировать многое из их деятельности (рис. 1.3). В частности, известно, что их церемонии делились на семь уровней или ступеней. Каждая ступень ассоциировалась с той или

иной планетой, определявшей местоположение человека в пространстве, именем, обозначающим степень его трансформации, и памятными подарками или амулетами, обозначающими уровень его прогресса. К примеру, первый уровень посвящения был связан с планетой Меркурий. Человек, достигший этого уровня, именовался Вороном и получал чашу и кадуцей. Второй уровень ассоциировался с Венерой. Посвященному вручали солдатскую сумку, копье и шлем на память о его достижениях и давали имя Жених. Путь прогресса по планетам и наборам сувениров продолжался до тех пор, пока посвященный не достигал последней стадии — Отец (рис. 1.4).

Рис. 1.4. Мозаичный пол в митреуме, изображающий стадии посвящения в мистерии Митры, Остия-Антика, Италия. Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.

В мистериях Митры римские солдаты захватывали небесный мир и постепенно трансформировались в непобедимого бога солнца Мит-

ру. Архитектурно устройство их залов и пещер показывает, что митраистские церемонии инициации происходили фактически среди звезд, вдоль зодиакального круга. Скамьи отмечены зодиакальными символами. Проходя (или протанцовывая) вокруг пещеры и садясь на различные скамьи, посвященные продвигались от одного зодиакального дома к другому, восходя от планеты к планете.

Любимцы Персефоны

Способность общаться с богами в ином мире давала постепенная трансформация из человека в Иного. Хотя такое общение могло быть кратким и временным, этого было достаточно, чтобы обеспечить человеку благосклонность, даже кумовство. Через посвящение они становились родней богов. Бог будет близко знать их как своих преданнейших почитателей, неукоснительно следующих его воле, и одарит привилегиями в этой жизни. Когда же посвященные умрут и трансформация в Иное тело станет окончательной, они уже будут знать дорогу к дому бога, где, как они верили, они получают определенные преимущества в жизни загробной.

К мистериям, об обрядах которых нам многое известно, относятся орфические мистерии, поскольку был найден погребальный инвентарь, рассказывающий о том, о чем в популярной литературе древних времен умалчивалось или упоминалось лишь вскользь. Орфики клали в могилы золотые таблички наподобие египетской «Книги мертвых», чтобы у умершего были наставления о путешествии по загробному миру. Содержание этих табличек ясно указывает на существование культа, подразумевавшего инициацию, с общей мифологией, обрядовой системой и эсхатологией (Graf 2007; Bernabé and Cristóbal 2008). В табличках содержатся отсылки к Дионису или Вакху, помогавшему при проведении обрядов инициации, а также к царице подземного мира Персефоне, которая, как они надеялись, встретит их с благосклонностью в загробном мире и дарует счастливое посмертие в своих полях и рощах.

Учения, отраженные в табличках, преподавались умершему еще при жизни в ходе церемоний инициации. По этой причине человек в этих табличках именуется и «мистиком», и «Вакхом», что отсылает к его статусу посвященного и преданного последователя культа Диониса.

Таблички предостерегают умершего от питья воды забвения из источника у белого кипариса справа от входа в Аид. Вместо этого ему следует отправиться к Озеру Памяти и, пройдя испытание стражей,

желающих знать, зачем он там, повторять слова, выученные в ходе инициаций (Bernabé and Cristóbal 2008, 9–12):

Я сын Земли и звездного Неба;
Но род мой — от одного Неба.
Дайте скорее холодной воды,
струящиеся из Озера Памяти.

Здесь содержится ключ к обрядам, центральной идеей которых была трансформация посвященных из смертных в бессмертных. Здесь содержится заявление о бессмертии и признание того, что их истинный род — род богов. Пусть и признавая себя людьми, рожденными землей (тела) и небесами (души), они верят, что перешли из смешанного людского рода в чистый или небесный род богов. Это намек на природу человека, как она описана в мифе о титанах, поедающих Диониса. Все люди суть сочетание земли и неба, но только посвященные очистились от титанической природы и взрастили в себе дионисийскую (Bernabé and Cristóbal 2008, 41–42). Они восстановили свою божественную природу и теперь принадлежат к роду богов. Таблички торжественно обещают: «Счастливец! Из смертного ты станешь богом» (173).

Далее, в табличках говорится, что стражи Озера Памяти советуются по поводу пришедшего умершего с Персефой. Следует ли дозволить умершему испытать? Она дает дозволение испытать из озера. Испив из озера, умершие вспоминают дорогу к Персефоне, выученную за время церемоний инициации. Умершие следуют Священной Тропой и подходят к Персефоне как просители. Они надеются, что Персефона отправит их жить вместе с другими вакхическими мистиками, уже умершими и прошедшими Священной Тропой. Для этого они заявляют о своей чистоте: «Я пришел, чистейший из чистых, чистый!»

Персефона уступает, и умершие навечно превращаются в героев и богов. Такое преображение описывается как обновление или перерождение. В табличках говорится о том, как умерший ныряет под ноги Персефоны, становясь детенышем животного, упавшим в молоко (рис. 1.5). Вероятно, это намек на новое рождение умершего грудным младенцем из лона Персефоны (Bernabé and Cristóbal 2008, 76–83). Затем он отправляется в священные рощи и луга Персефоны, где будет вечно пить вино и жить в радости вместе с уже находящимися там героями и очистившимися.

Хотя обряды орфиков явно фокусировались на концепции богочеловека, эта концепция оставалась заключенной в рамках старой метафизики духовности служения и духовности экстаза, никоим образом не пытаясь реориентировать или реформировать традиционную гре-

ческую религию. Умерший получает бессмертие, наполненное пирами и возлияниями, но получает его в качестве любимца Персефоны, оставаясь запертым в подземном мире вместе с другими ее избранниками.

Рис. 1.5. Персефона на троне с поросенком на руках, Национальный музей в Риме, термы Диоклетиана. Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.

Красная таблетка

Все три типа древней духовности объединяет представление о человеке. Человек — слуга хозяина-бога, неизмеримо превосходящего его по силе; вассал, связанный законными обязательствами с могущественным владыкой; подопечный влиятельного покровителя; или же ребенок, полностью зависящий от авторитарного родителя. Во всех этих случаях человек выступает как низшая сущность, обязанная подчиняться желаниям и прихотям сущностей, намного его превосходящих. Религии, построенные людьми древности на основе духовно-

сти служения, завета и экстаза, полностью зиждятся на метафорах раболепия, кабальной зависимости, унижения и страха.

Откуда взялись эти метафоры? В чем причина того, что люди древности воспринимали взаимоотношения со священным таким образом? Почему цель своей жизни они видели в рабстве и полной зависимости? Эти метафоры были следствием повседневного жизненного опыта людей, живших в рабовладельческом обществе, управляемом всееляющими ужас царями и своевольными олигархами. Даже свободные подчинялись отцам своих семейств и были включены в систему милостей, основанную на службе состоятельным покровителям. Иными словами, их повседневный опыт вынужденного труда, угнетения правителями, патриархальных семей и алчных богачей формировал их взгляд на реальность, и это распространялось на формирование концепций священного и трансцендентного.

Когда схемы раболепия по отношению к священному утвердились в мифах, символах и ритуалах древних религий, сами религии стали мощным инструментом поддержания в обществе схемы господства и служения. Религиозные учения укрепляли господство могущественных царей, отцов и богачей. Таким образом религия стала мощным средством пропаганды места человека в мире и обществе как покорного, тихого раба превосходящих его сущностей, будь то боги или правящие им люди.

Так было, пока не возникла гностическая духовность, поставившая статус-кво под вопрос. Именно с формированием в начале I века н. э. гностической духовности появилась альтернативная модель реальности, в которой человек не служит богам, а освобождается от них. Первые гностики перевернули старые формы духовности с ног на голову, обнаружив совершенно другую реальность.

Вероятно, их первые подозрения, что в мире все не так, были похожи на посвящение Нео в «Матрицу», которое начинается, когда он впервые встречается с Морфеусом. Морфеус говорит, что Нео встретился с ним, потому что понял, что что-то в жизни неправильно. Он не может это выразить, просто ощущает. Всю жизнь ощущал, что с миром что-то не в порядке. Нео не знает, что это, но Морфеус говорит, что оно там, как заноза в мозгу, оно сводит с ума. Морфеус сообщает ему, что «это» — Матрица, мир, надвинутый ему на глаза, чтобы скрыть правду.

Нео готов сломаться и сбежать. Ему хватило этого бреда. Он требует, чтобы ему объяснили, в чем состоит правда. Морфеус отвечает медленно, даже монотонно: «Ты только раб, Нео. Как и все, ты с рождения в цепях, с рождения в тюрьме, которую не почувешь и не коснешься. В темнице для разума». В этот ключевой гностический

момент Морфеус объясняет Нео, что никому невозможно рассказать, что такое Матрица на самом деле. «Ты должен увидеть это сам», — говорит он. Он предлагает Нео на выбор две таблетки. Если принять синюю, Нео переключится обратно в Матрицу, как будто ничего не случилось. Красная же отправит Нео вглубь кроличьей норы, и этот опыт совершенно его преобразит. Морфеус предупреждает его не спешить с решением, потому что стоит ему увидеть Матрицу, как у него не будет пути назад в нее.

Любопытство кошку сгубило. Нео глотает красную таблетку и обнаруживает, что задыхается в заполненной жидкостью капсуле. Как новорожденный, рвущийся из материнского лона, Нео выбирается из жидкости, и Морфеус перерезает пуповину. Он — посвященный, столкнувшийся с новой реальностью. Ужас этого нового рождения столь велик, что Нео тут же выворачивает наизнанку. Его приветствуют Морфеус и компания: «Добро пожаловать в реальный мир».

Глава вторая

Гностический Настоящий Человек

Труман Бёрбанк

Труман Бёрбанк чувствует, что с его миром что-то не так. С неба падает студийный прожектор с надписью «Звезда Сириус» и разбивается посреди улицы, на которой он живет (рис. 2.1). На него обрушивается сильнейший ливень, идущий одной полосой, словно из единственной лейки душа, поднятой на небеса. Труман начинает обращать внимание на велосипедистов на своей улице. День за днем мимо его дома в предсказуемое время проезжают одни и те же люди, как будто ездят кругами. Однажды по дороге на работу Труман натывается на своего отца, который предположительно утонул, когда Труман был еще маленьким. В этот хаотический момент узнавания Трумана вдруг запихивают в автобус незнакомые люди в костюмах, будто бы намеренно препятствуя его воссоединению с отцом. Опаздывая на работу, он видит, как в задней стенке лифта открывается фальш-дверь, за которой обнаруживается закусочная. Трумана поспешно выпроваживают. Он в замешательстве. В смятении. В испуге.

Каждый раз, замечая трещины в своей жизни, какие-то нестыковки, Труман пытается поговорить об этом со своей женой Мэрил или со своим другом Марлоном. Каждый раз его успокаивают и отвлекают: Мэрил — своим сексапильным телом, Марлон — болтовней и выпивкой.

Но Трумана преследуют мысли о его мимолетной знакомой Сильвии. Ее глаза с таким проницательным взглядом. Ее красный свитер с надписью «Чем все это кончится?» на значке. Сильвия перешептывается с ним в библиотеке. Ей нельзя с ним разговаривать. У них так мало времени. Он должен ее выслушать. Она рассказывает ему, что все знают о каждом его шаге. «Они притворяются. Понимаешь? Все, что я тебе говорю, правда. Все ненастоящее. Выберись отсюда».

Мы знаем то, чего не знает Труман Бёрбанк: что он заперт в фальшивом мире реальности-шоу, на съемочной площадке, задуманной и построенной заносчивым телемагнатом Кристофом, чья штаб-квартира расположена в лунном модуле, встроенном в купольный потолок мира Трумана.

В открывающей сцене фильма 1998 года «Шоу Трумана» Кристоф размышляет о положении Трумана. Хотя он и обитает в мире, искусственно созданном Кристофом, сам Труман совершенно настоящий. Кристоф отмечает, что у Трумана нет сценария, нет текста роли. В нем нет ни капли фальши; его всего лишь контролирует Кристоф со своего престола на луне. «Наше шоу — это не Шекспир, — объясняет Кристоф, — но оно искренне, как сама жизнь».

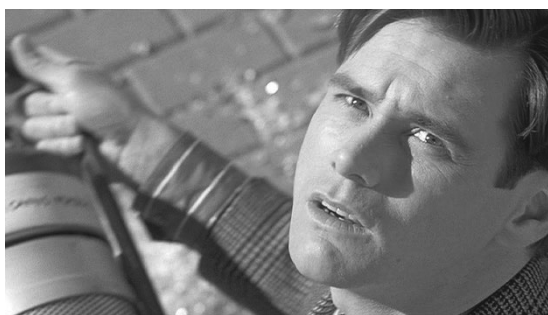

Рис. 2.1. Труман Бёрбанк (Джим Кэрри) рассматривает упавший прожектор в фильме «Шоу Трумана» (1998).

Гностическая духовность и опыт взаимодействия с Богом

Причиной гностической революции в I–II веках н. э. стали микротрещины, замеченные некоторыми людьми древности на поверхности окружавшего их мира, нестыковки вроде тех, что замечал Труман Бёрбанк, вещи, что не выстраиваются должным образом.

Древним религиям полагалось поддерживать закон и порядок, и первых гностиков беспокоил тот факт, что жизнь далека от справедливости. Несмотря на то, что цари и священники выполняли свою работу, крупная рыба по-прежнему пожирала мелкую при каждом удобном случае. Богов не всегда удавалось умиловить служением и дарами. Чума и голод выкашивали даже те города, где священничество было на высоте. Попытки подружиться с богами хоть и имели свои преимущества, подходили не каждому. С самыми верными последователями по-прежнему случались несчастья. Страдание было бескрайним, какую магию ни применяй. В жизни царил хаос, не поддававшийся контролю. Окружающая жизнь казалась срежиссированной постановкой.

Подобно Труману, первые гностики решили, что пришло время получить кое-какие ответы. Подобно Труману, они не могли найти интересовавшие их ответы в пределах хаоса своего мира, вселенной, будто бы специально построенной для того, чтобы обманывать их на

каждом повороте. Они искали реальность, лежащую по ту сторону двери в небе, на вершине небесного свода, за пределами какой угодно хитроумной симуляции, которой мог быть их мир.

Поиск реальности — это основная черта гностической духовности. В понимании гностиков кульминацией этого поиска становится прямое познание верховного Бога, обитающего за пределами известной нам вселенной. Бог, которого они ищут, — это скрытый, тайный Бог, неведомый большинству людей.

Может показаться удивительным тот факт, что слово «гностик» первоначально возникло вовсе не как связанное с религией. Это техническое слово, произведенное Платоном четырьмя веками ранее от существительного «гнозис» («знание»). Слово «гнозис» обозначало четкое знание предметов, непосредственное представление или опыт взаимодействия с вещами. Оно позволяло людям говорить о знании предмета в противовес знанию о предмете.

Платон придумал слово «гностический» (gnostic) как прилагательное, образованное от существительного «гнозис» (Smith 1981, 799–801; Layton 1995; Marksches 2003, 7). Он сделал это, чтобы противопоставить гностическое понимание практическому, в знаменитом диалоге о том, какой человек был бы лучшим государственным деятелем. Он утверждал, что лучшим государственным деятелем будет тот, у кого есть гностическое понимание великих идеалов, таких, как Благо или справедливость, нежели практическое знание о них. Гностическое понимание есть непосредственное умственное восприятие идеалов, тогда как практическое понимание есть вторичное их применение, полученное в ходе работы.

Существует очень известный современный мысленный эксперимент под названием «Комната Марии», предложенный философом Фрэнком Джексоном (1982, 127–36). Целью этого эксперимента было опровергнуть современные взгляды, опирающиеся исключительно на физические объяснения человеческого мышления. Для нас важно то, что он иллюстрирует тип знания, обозначаемый словом «гнозис».

В центре мысленного эксперимента находится ученая Мария, запертая в черно-белой комнате. Всю свою жизнь она вынуждена изучать мир через черно-белый монитор в этой комнате. Она — специалист в области нейрофизиологии и изучила по книгам и наблюдениям через монитор все, что только можно о том, как мы видим. Она знает точную длину световой волны, под воздействием которой сетчатка производит сигнал, обозначающий красный цвет. Она может осмысленно говорить о красных помидорах и понимает, каким образом голодовые связки воспроизводят предложение «Помидор красный». Что произойдет, когда Мария выйдет из своей комнаты и увидит крас-

ный помидор? Платон бы сказал, что Мария получит гностическое понимание, знание предмета, которое можно обрести только через непосредственное взаимодействие с ним.

Гностики верили, что обладают гнозисом, поскольку нашли скрытого Бога и непосредственно встретились с Ним, пройдя путь экстатического поиска. Потрясение вызывал тот факт, что встреченный ими Бог не числился среди богов из вавилонских, египетских, еврейских или греческих мифов, которым поклонялись в храмах за углом.

Египетский трансцендентный Бог

Совершенно ясно, что гностическая духовность была выкована в экстатическом горне, однако определить, в каком именно, куда сложнее, особенно если принимать во внимание то, насколько гностики были разнородны. Помимо личных откровений, гностические системы формировались на основе разнообразнейших религиозных и философских источников. Первые гностики были плюралистами, черпая из любой традиции и любого источника, помогавшего им найти ответы на экзистенциальные вопросы. Таким образом, у нас есть тысячи следов, но нет зверя.

Прежде всего, однако, нам известно, что гностики очень серьезно воспринимали идею верховного трансцендентного Бога. По сути, Ириней, епископ лионский, определяет этот элемент как центральный в гностических учениях. Свой пятитомник «Против ересей» он начинает с возражений против заявления гностиков об их способности открыть посвященным Бога, превосходящего в Своем величии библейского Бога YHWH, создавшего небо и землю (Ириней, «Против ересей», 1.1.1, 1.19.1–2).

Разные гностические группы называют этого верховного Бога различными именами. Этого Бога называют Совершенным, Вечным, Нерожденным, Безначальным, Предвечным, Предначальным, Праотцом, Первоотцом, Глубиной, Невыразимым, Единым, Гермафродитом и Величайшим. Этого Бога также характеризуют отрицательными терминами, такими как Невидимый, Неописуемый и Непостижимый. Постоянно встречаются отсылки к тому факту, что этот Бог бесчисленные века пребывал в тишине и покое. Именно от этого Бога — из Его уст или же лона — появляются восемь первородных аспектов божественного мира, в первоначальных собраниях богов часто именуемые Огдоадой (Восьмеркой). Гностики изображают верховного Бога змеем или же Его представителей — змееподобными. Демоническая сущность в гностических источниках также представляется в виде гигантского чудовища, змея, обитающего во внешней тьме или

в океане, окружающем мир. Таким образом есть два змея, благой и дурной, вползающие и выползающие из гностических сказаний (Mastrocinque 2005).

Некоторые теологи-гностики, например, Иустин, отождествляли этого верховного Бога с платоновским Благом, пребывающим над зодиакальным кругом и вращением планет, но это вторичное отождествление, смешавшееся с более ранним сказанием о пробуждении трансцендентного божества из предначальных вод. Гностическое сказание о предначальном верховном Боге, который пробуждается и порождает других богов, изначально не является эллинистическим или греческим сказанием о платоновском Благе. Первоначально гностицизм вовсе не был выраженной эллинизацией христианства.

Не было сказание о трансцендентном Боге по происхождению и иудейским, даже если рассматривать первые стихи книги Бытия как отражение невидимого, неоформленного, первозданного Бога и Огдоады Его помощников (Ириней, «Против ересей» 1.28.1). Гностическое представление первоначально зародилось не в кругах иудейских мятежников и даже не среди самаритян, если на то пошло (ср. Broek 2013, 206–26). На самом деле трансцендентный Бог возникает как египетское сказание, со своими отличительными особенностями (Parrott 1987; Adamson 2013). Это египетское сказание, переложенное для инокультурной аудитории — так, чтобы основа истории осталась прежней, а имена богов и прочие детали подстроились под взгляды не-египтян и стали созвучны их собственным предпочтениям, ожиданиям и мировоззрениям. Египетское сказание из Гелиополя, города Солнца, повествует о всевластителе по имени Атум, сотворившем богов из своего пота и людей из пролитых им слез (см. Faulkner 2004, spells 464g–465a).

На древнейшем пласте египетской мифологии он изображается как единый Бог, пребывающий над и вне мира и населяющих его божеств. Он есть самосотворенный Бог, единственный возникший в предначальных водах хаоса нун (Assmann 2001, 177, 180). В египетских «Текстах саркофагов» возникновение космоса описывается как факт осознания Атумом собственного «Я», его переход от вялости и усталости в предначальных водах к самоосознанию и активности. Атум встает на холме или же начинает извиваться в облике змея в предначальном океане, опутанный собственными кольцами. Когда Атум осознает себя и начинает существовать, он получает имя Хепри, что означает «Тот, Кто Возникает» («Тексты Пирамид» 1587). Затем Хепри проявляется в образе Ра, бога солнца, восходящего каждое утро. В «Книге мертвых» этот процесс становления описан поэтически («Книга мертвых» 17):

«Все было моим, когда я существовал один в Нуне; я был Ра, когда он спускался, когда он начинал свое царствование... Я — великий Бог, воссуществовавший сам».

Что происходит, когда Атум обретает себя и осознает собственное одиночество? Ему оставалось породить многообразие или сойти с ума в полной изоляции. Он впервые испытывает любовное влечение, желание других, и у него происходит эрекция. «Атум — тот, кто сам себя породил, извергнув семя в Гелиополе. Он взял свой член в руку свою, вызвав извержение семени, и так родились близнецы — Шу и Тефнут» («Тексты пирамид» 1248).

Но как именно они родились? Древние египтяне представляли Атума гермафродитом, чей рот являлся его же лоном. Он творит через сексуальный процесс самозарождения, осеменяя собственную рот-матку. Его отпрыски являются вариациями его самого, одна мужская, другая женская. В речах «Текстов саркофагов» Атум показан как предначальный гермафродит, создающий своих детей — Шу, бога воздуха, и Тефнут, богиню влаги, — выплевывая их изо рта могучим выдохом или рычанием. Шу, чье дыхание в конечном итоге оживит человеческое тело, — воплощение жизни, в то время как Тефнут — воплощение Маат (истины).

Шу и Тефнут, разнополая пара, совокупляются и производят на свет Геба — землю — и Нут — небо. Формирование первой Огдоады — восьмерки богов — завершается с рождением детей Геба и Нут — Осириса, Исиды, Сета и Нефтиды. Таково начало творения, берущего исток от Атума, Бога, Породившего из Себя Миллионы. Он Единый и он есть Все. Это сверхбог, стоящий выше любых других божеств, и его имя, как и его фигура, скрыто (Assmann 2001, 240–243). Он есть неразделенное единство, из которого все появляется в видоизмененной форме, будь то боги, люди, животные или миропорядок в целом.

Последовательное происхождение богов от Атума начинается не с большого взрыва, но с пробуждения от бессознательности предначального Бога Всего Сущего, пробуждение, выпускающее из глубин Атума поток существования (179). В египетском мифе четырехтысячелетней давности мы видим глубокое понимание единства, стоящего за многообразием вселенной. Это единство отождествляется с одним Богом, создавшим самого себя и ответственным за существование жизни, изливающейся из его уст подобно разливу Нила.

В «Книге мертвых» Атум изображается как великий змей глубин, обитающий в океане, согласно верованиям древних окружавшем весь мир. В своей ипостаси творца он изображается как свившийся кольцом уроборос, глотающий собственный хвост. Эта картина отсылает

к способности Атума бесконечно творить, осеменяя собственный ротматку. В качестве уробороса Атум вечно порождает, поддерживает и обновляет мир. Он кольцом охватывает мир — единство, из которого вечно возникает вселенная (рис. 2.2).

Атум — творец, но он же и разрушитель. В этой ипостаси его изображают в виде вставшей на хвост и высунувшей язык змеи, похожей на скипетр. В этой форме он разрушает хаос и зло. Как и в начале времен, он каждую ночь переплывает на своей лодке подземный мир, побеждая извивающегося кольцами Апопа, змея хаоса, обитающего за горизонтом во внешней тьме.

Что произойдет, когда он выпустит хвост из пасти, решит прекратить производить потомство и снова улечься в водах предначального океана? Как только он упокоится в водах, прекратят свое существование всякие различия во вселенной. Атум будет безвольно качаться на волнах первобытного моря, вновь заключив в себе потенциал к возникновению жизни.

*Рис. 2.2. Атум в ипостаси творца: уроборос, рождающий бога солнца Папирус из Дама Херуб, двадцать первая династия, Египет
Изображение из открытого источника Wikimedia Commons*

Религиозный буфер

При поиске первых намеков на зарождение гностической духовности следует внимательнее взглянуть на египетский контекст. Говоря точнее, гностическая духовность впервые зародилась в рамках «религиозного буфера», сформировавшегося в Египте к началу I века н. э.

Религиозный буфер, о котором я говорю, функционирует аналогично буферу в компьютерной сфере, хранящему в памяти разнообразные временные элементы, к которым можно мгновенно получить доступ и собрать из них более долговременную структуру, например, роман или веб-страницу. Однако религиозный буфер — не компьютер, и мы имеем дело не с романами и не с веб-страницами. Религиозный буфер — это органический, динамический буфер коллективных воспоминаний, постоянно формирующийся по мере взаимодействия между собой различных религий в весьма специфичной локальной среде.

Один из потрясающих аспектов функционирования различных обществ состоит в том, что сообщества, как и отдельные личности, создают воспоминания и делятся ими. Память — это не только функция сознания индивида, это функция, которой индивиды могут обмениваться друг с другом в рамках коллектива. Такие коллективные воспоминания превосходят наши индивидуальные, но в то же время мы как индивиды по-прежнему являемся их частью.

Ученые называют это явление коллективной памятью. В каждом отдельно взятом обществе в каждый отдельно взятый период времени существует общий буфер памяти, кратковременное хранилище общих знаний, включающий кратковременную память индивида, а также подборку сплетен, новостей, письменных публикаций, драматических представлений, материальных объектов и т.п., распространенных в коллективе (Anastasio et al. 2012).

Таким образом, религиозный буфер становится коллективной подборкой информации о различных религиях, откровениях, духовном восприятии, религиозном опыте и метафизических теориях. Внимание определенных групп в любом обществе сосредотачивается на конкретных элементах из этого буфера. Их опровергают и отстаивают, навешивают на них ярлыки и примешивают их к долгосрочным знаниям, уже распространенным в этом обществе. И иногда, когда такое смешение происходит в правильный момент и правильным образом, его результат закрепляется, и возникает новый жизнеспособный подход к религиозности. В силу своей полезности или значимости в каком-то новом смысле такая память стабилизируется в качестве новой концепции, и возникшая духовная направленность остается. Именно это произошло в начале I века н.э., когда в строй вступила гностическая духовность, предоставив людям новый подход к построению отношений с миром и Богом.

Говоря о таких инновационных идеях, как гностическая духовность, возникающих в рамках религиозного буфера, мы говорим не о простом синкретизме, когда две идеи ассоциируются друг с другом и начинают пониматься как обозначения одного и того же: Исида

становится в то же время греческой богиней Деметрой, или Зевс воспринимается как тот же бог, что и YHWH или Ра. При возникновении из религиозного буфера инновационных структур, таких, как гностическая духовность, речь идет о создании смешанной концепции, совершенно уникальной и в то же время полностью зависящей от матрицы религиозного буфера. В данном случае целое является не суммой составляющих, но чем-то принципиально новым.

Рассматривая сложное многообразие гностических течений, появившихся в I — начале II века, можно хорошо прочувствовать, каким, вероятно, изначально был религиозный буфер, породивший гностическую духовность. В ходе изучения древнейших воспоминаний о гностицизме становится ясно, что мы наблюдаем религиозный буфер, служивший в начале I века н. э., до появления в доступе христианства, для того, чтобы адаптировать для инокультурной аудитории египетское тайное религиозное чувство по отношению к Владыке Всего Атому.

Религиозный буфер доступен всем членам соответствующего общества, однако создание инноваций на основе эклектичной подборки религиозных чувств обычно принадлежит людям, находящимся на окраине традиционной религии. Именно они задаются религиозными вопросами и находятся в духовном поиске. Их не устраивает существующее положение вещей, они уверены, что в жизни есть нечто большее, чем то, что предлагают местные культы или религия их предков. Подобно Труману Бёрбанку, они обеспокоены тем, что жили вслепую, что истина где-то там и их задача — найти ее.

Настоящий человек

В середине фильма «Шоу Трумана» у Кристофа, создателя мира Трумана Бёрбанка, берут интервью в его лунной комнате управления. Труман в последнее время задает слишком много вопросов. Он начал предпринимать неуверенные попытки выбраться из Сихэвэна, города под куполом, который вдруг стал казаться ему тюрьмой.

Почему Труману понадобилось тридцать лет, чтобы заподозрить, что с его миром что-то не так? «Мы принимаем на веру тот мир, в котором живем. Все просто», — объясняет Кристоф.

По мере изменения его восприятия окружающего мира Труман начинает осознавать, что он — единственный реальный объект в его мире. Он настоящий человек. Мэрил и Марлон лгут. Он уверяется, что все вокруг него «замешаны в этом», чем бы «это» ни было. Он решительно настроен найти способ сбежать из плена обмана, преодолеть свои страхи и освободиться от лжи. Ему нужно выбраться

за пределы своего мира. И он отправляется в пугающее путешествие по морю, чтобы посмотреть, что же находится за ним.

Затруднительное положение, в котором оказывается Труман Бёрбанк, аналогично затруднению гностиков. Как и Труман, они приходят к выводу, что единственный реальный объект в нашем мире — нечто, вращающееся вокруг них как человеческих существ. Все остальное — фальшь и обман.

Что же такое это нечто, делающее человека трансцендентным, связывающее его с Богом и миром за пределами повседневного восприятия? Древние гностики не особенно верили окружающим, говорившим, что люди — лишь смертные вместилища, слепленные из грязи и оживленные дыханием какого-нибудь бога. Они не соглашались с теми, кто утверждал, что нам суждено прожить вечность в виде тени подземного мира, духа предков или даже яркой звезды. Даже концепции бессмертной души было недостаточно, чтобы вместить в себя человека. Человек куда больше. Уж в этом они были уверены.

Для объяснения идеи трансцендентности человека гностики обращались к древним религиозным сказаниям. Они задавались вопросом: что же на самом деле значат слова о том, что люди сформировались из потока слез Атума или что их оживило дыхание Бога, как повествуют все древние мифы? Не было ли использовано для оживления вылепленного из глины человеческого тела нечто большее, чем воздух, который божество вдохнуло ему в лицо?

Некоторые гностики в поисках ответов обращались к писаниям героев-философов своего народа, таким, как Платон. Можно вообразить, как они размышляли над знаменитой аналогией Платона, сравнившего психе — душу — с возничим, правящим парой коней, один из которых представляет собой волевой порыв души, а другой — низменные страсти. Возничему-разуму приходится неустанно трудиться, чтобы удерживать обоих коней и заставлять их двигаться в одном направлении. Гностики согласились бы с Платоном относительно того, что психе человека состоит из рассудочного, волевого и эмоционального аспектов.

Но откуда возничий — рациональная составляющая — знает, куда направлять упряжку? Платон отмечает, что голова возничего должна подниматься в занебесную область, чтобы он мог видеть, что реально, а что нет. Эта реальность есть бесцветное, бесформенное, неосязаемое Сущее. Это Благо, Справедливость, Умеренность, Знание и Рассудительность, но не в той форме, какую они принимают в нашем мире. С этой точки реальность видится как абсолютное, подлинное бытие. Забравшись на хребет небесного свода, Нус (разум) может созерцать трансцендентную реальность. Не зря Платон называет Нус «кормчим

души» («Федр» 247с). Созерцание подлинного сущего питает душу и помогает возникшему направлять колесницу верным путем.

В понимании гностиков Платон говорил, что Нус есть особый мыслительный орган человеческого существа. Это глаз, видящий Подлинное. Таким образом, он обозначает нашу способность распознавать и интуитивно чувствовать Истину. Именно этот аспект дает нам доступ к знанию за пределами того, что можно постичь рассудочно или через телесные чувства. Человеческий Нус действует скорее на основании предвидения, интуиции и воображения, чем логики и чувственного восприятия.

Нус — это аспект человека, способный воспринимать то, что нас превосходит. Нус дает нам возможность осознать, что находится за пределами наших обыденных, повседневных сущностей, что есть в нашем существовании универсального, вселенского, что есть Бог. Благодаря своей трансцендентной природе Нус связывает нас с верховным Богом. По мнению гностиков, Нус — это «Я», выходящее за пределы психе. Это наше истинное «Я», Настоящий Человек.

Первочеловек Адам

Как именно трансцендентный Нус поселился в человеке? Для ответа на этот вопрос некоторые гностики обращались к традиционным сказаниям о сотворении мира, как в библейской книге Бытия. Они считали, что мы получили трансцендентное «Я», когда Бог-Творец YHWH вдунул в лицо человеку. В этот момент, без ведома YHWH, в Адама самостоятельно вселился бесплотный дух трансцендентного Бога. Поскольку верховный Бог есть бесплотный дух, рассуждали они, вселившийся в Адама Нус должен также быть Божьим духом, обретшим самостоятельность.

Такой взгляд сильно отличался от взглядов других мыслителей того времени, утверждавших, что дыхание Творца вдохнуло в человека дух, максимально подобный Богу. Нет, возражали гностики, первый человек содержал в себе частицу сознания или духа верховного Бога. Человеческий Нус эквивалентен Божьей пневме (духу). Таким образом, Нус человека не подобен Богу, это не какая-то копия, делающая людей похожими на Бога. Он и есть Бог внутри человека.

Это столкновение взглядов совпало с возникновением в начале I века н. э. в египетской Александрии крайне популярной интеллектуальной арены. Александрия была передовым городом. Модным. Интеллектуальным. Туда стремились. Именно там евреи, греки и египтяне обсуждали метафизические темы, в том числе природу человеческого разума. Одним из таких александрийских интеллектуалов был

знаменитый иудейский философ по имени Юлий Филон. Известно более тридцати трактатов по философии, опубликованных Филоном при жизни.

В своих работах Филон перечитывает иудейское писание в свете учения греческих философов, таких, как Платон. Неудивительно, что он берется за проблему человеческого Нуса и пытается разобраться, является ли эта философская концепция библейской. Те нюансы и сложности, которые затрагивает Филон, говоря о Нусе, лучше всего объясняются тем, что его рассуждения являются ответом на утверждение гностиков о том, что Нус (или пневма, как предпочитали называть эту сущность гностики) есть Несотворенный Бог в человеке. Хотя Филон был весьма высокого мнения о человеческом Нусе, он не склонен воспринимать его в качестве внутреннего Бога, как понимали его гностики, и приводит крайне подробные аргументы на этот счет. Он проходит по тонкой грани между превознесением Нуса как божественной сущности и низведением его до человеческой. С точки зрения Филона, Нус — тот кусочек мозаики, который помогает объяснить странности в библейском сказании о сотворении мира. Он задается вопросом: как так получается, что в первой главе книги Бытия повествуется о сотворении людей по образу Божию, в то время как во второй говорится, что Адам сотворен из праха?

Филон разрешает эту проблему, рассуждая, что в первой главе речь идет о сотворении человека небесного, тогда как во второй — о сотворении человека земного. Небесный человек — это идеальная модель для создания человека земного, духовный прототип, архетипичный человек, вылепленный по образу Бога. Филон называет эту фигуру Логосом (Мыслью), а также Нусом (Разумом). Она представляет собой разум или мысль на уровне вселенной.

Во второй главе Бытия говорится о создании из глины земного человека — Адама, одаренного дыханием жизни. Земной человек — это видимое, физическое существо, созданное с индивидуальным человеческим разумом. Моделью для создания такого существа стал небесный человек, который есть образ Бога.

Таким образом, по Филону, отдельный человеческий разум и есть водительствующий элемент души, тот аспект человека, который наиболее близок к Богу (Филон Александрийский, «О сотворении мира согласно Моисею» 69). Он — общая черта человека и Бога, то, что их связывает и уподобляет (Kooten 2008, 272–75). Человек более любого другого существа на земле подобен Богу, пишет Филон, ибо обладает разумом, который «более всего другого на земле подобен вечному и благому архетипу» (Philo, De decalogo 134).

Но как именно наш разум попал в наши тела? Из чего он сделан? Поскольку Филон полагает, что разум — самое близкое к Богу, что есть в нас, он уж точно не мог быть сотворен просто из глины, использованной для формирования тела Адама. Филон настаивает на том, что с «земным» человеческим разумом должно что-то произойти, чтобы он стал нетленным (Филон Александрийский, «О сотворении мира согласно Моисею» 135, 139–140). Но что?

Здесь ему на помощь приходит Быт. 2:7: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (курсив мой). Стоит учитывать, что Филон читал книгу Бытия в переводе на греческий, а не на иврите. В знакомом ему греческом варианте в этом стихе говорится «душою живою», а не «живым существом», как обычно переводят с иврита в современных изданиях Библии.

Филон считал, что орган, наполненный дыханием Божьим, — это рациональная часть души, «земной» человеческий разум (Philo, *Legum allegoriae* 1.32). Поскольку сам Бог есть пневма (дух), Филон полагает, что сущностью дыхания, которое Он вдунул в лицо Адама, была пневма, вещество более чистое, чем воздух, подобное тому, из чего сотворены звезды (Philo, *Quod Deus sit immutabilis* 46–47). Именно так, должно быть, был оживлен тленный человеческий разум, когда частица Божьего духа была вложена в земной разум и Адам стал душою живою.

Однако это вкладывание духа, огненного Божьего дыхания, приняло причудливую форму. Оно было создано по подобию вселенского разума или мысли. Когда земной разум получил божественную пневму, он сформировался так, чтобы как можно ближе уподобиться архетипичному образу Божию, небесному человеку (Филон Александрийский, «О сотворении мира согласно Моисею» 139–40; *De plantatione* 18–20).

Подлинная частица Бога

Итак, Филон, как и гностики, приравнивает человеческий разум или Нус к человеческому духу или пневме. На самом деле, большинство иудейских и христианских авторов, говоря об этом трансцендентном органе, используют термины «Нус» и «пневма» попеременно (Kooten 2008). Однако читать иудейских и христианских авторов следует с осторожностью, поскольку они, в отличие от гностиков, не утверждали, что вдыхание пневмы означает наличие в человеке подлинной частицы Бога. Филон вообще приводит доводы в пользу обратного, возможно, опровергая этим противоположные доводы

первых гностиков. Хотя в человеческий разум и вложено дыхание Божие, разум этот не есть разум Божий. На деле его формирование отстоит от самого Бога на два поколения. Отдельный человеческий разум — это образ образа Божия. Человеческий разум или дух походит на Господа, насколько это возможно, но не идентичен Господнему разуму (Philo, *De plantatione* 24). Бог остается для Филона совершенно отличным от человека (Филон Александрийский, «О сотворении мира согласно Моисею» 100; Philo, *Legum allegoriae* 2.1; *De somniis* 1.73–4, 2.221).

Но для гностиков дело обстоит иначе: они не станут иметь ничего общего с идеей Нуса, являющегося копией Бога, не идентичной Богу. Этот крошечный нюанс имел огромные последствия, тот самый крошечный взмах крыла бабочки, вызвавший ураган на другом конце мира. Именно такой подход позволил гностикам задаться вопросом: если высший аспект нашей сущности есть Бог, то как получается, что мы служим богам, хоть при жизни, хоть после смерти?

Такая логика подразумевала равенство богам, во всяком случае, не услужение и не рабство. Она может подразумевать даже превосходство над богами, рассуждали они, особенно если понимать первоисточник нашего существования как Бога, что превышает всех иных богов. Настоящий человек — это Нус, дух или пневма, помещенная в человеческую душу. Душа в своем освобожденном состоянии могла надеяться лишь на существование в виде звезды на небе или героя в подземном мире. Дух же по сути своей выше даже небесного обиталища бессмертных богов.

Именно такой тип мышления породил гностическую направленность. Истинная природа нас как людей выше всего сотворенного, даже мировых богов, которые сами были рождены от союза земли и неба. Гностики постулировали, что наш Настоящий Человек есть сущность несотворенная, пребывающая глубже физического тела, даже глубже человеческой психе или души. В их понимании наша истинная человеческая сущность находится за пределами области осознанных ментальных процессов, позволяющих нам рассуждать, познавать и создавать для себя обыденные сущности. Глубинное же «Я», Нус, гностики отождествляли с нашей пневмой или духом.

Это не значит, что гностики были универсалистами. Впрочем, не являлись ими и большинство других мыслителей древнего мира. Гностики были подобны философам Филону и Плутарху, который также разделял человеческое существо на разум, душу и тело и предлагал распределять людей на классы на основе их восприятия умственных и нравственных способностей людей (Kooten 2008, 282–7; Dillon 1996, 211–14). В отсутствие современной науки, открывшей нам гене-

тическую основу человечества, древние воспринимали физические, моральные и психологические различия между людьми совсем не так, как мы сегодня. Подобные различия приводили людей древности к выводу, что не все люди равны. Пусть даже у всех них единый предок, бывший в момент сотворения его Богом совершенным, с течением времени происходили вещи, приведшие к возникновению различий и недостатков в людях, рожденных в дальнейшем. Эти различия и недостатки привели некоторых людей древности к выводу, что человечество состоит из целого ряда классов людей — или, как они предпочитали называть их, рас.

В этом отношении древние гностики были осведомлены не более живших рядом с ними людей. Наблюдения показывали им, что не каждый человек действует так, как будто его истинная природа есть частица Благого Бога. Некоторые являют собой откровенное зло. Другие отвергают истину. В итоге разные группы гностиков разработали различные стратегии в отношении данных фактов.

Некоторые гностики считали, что сами являются особой расой людей. Только они обладали Божьей природой. Все в жизни касалось спасения Божьей природы, присущей исключительно им. Участь всех остальных есть уничтожение.

Другие гностики разрабатывали более сложные системы с множеством нюансов, объясняя различия между людьми тем, что в каждом заложено семя Божьей природы, но лишь крошечное. Взрастить его — задача психе или души. Гностики заявляли, что им это возвращение дается легче, потому что их семена более зрелые, чем у остального человечества. Хотя божественное семя есть в каждом и каждый — часть системы его освобождения и восстановления, гностики обладали более развитой формой семян, что облегчало задачу их возвращения.

Как бы то ни было, инновацией гностиков в области духовности была их убежденность в том, что человек — это больше, чем совокупность тела и души. Человек — это еще и Нус или, как предпочитали называть эту сущность гностики, пневма или дух. Эта трансцендентная величина — не что иное, как сущность жизни верховного Бога, Его собственное живительное дыхание, скрытое в глубине человеческой психе. Гностики были убеждены в существовании духовного, пневматического потока, исходящего от верховного Бога и оживляющего нас. Он несотворен. Он Иной. Он сокрыт под многочисленными слоями телесности, погребен в глубине психе, укрыт нашими эмоциями, заключен в темницу нашей плоти, где и существует — спящий, невыраженный, забытый. Настолько глубоко, что мы даже не знаем о его наличии. Для большинства людей это нечто неосознанное или затерянное в глубинах. Дух страдает в этом состоянии изоляции, скры-

тости и ступора, мучительно ожидая, когда его пробудят, возрастят и позволят воссоединиться с источником — верховным Богом.

Это воссоединение — конечная цель гностического поиска, опыт, именуемый в гностицизме гнозисом или знанием. Такой прямой посвятельный опыт переносит человека обратно к истоку всего, обновляя и возрождая дух, который восстанавливается в самых глубинах высшей, запредельной силы. Только подобная гностическая встреча человеческого духа с Богом может облегчить страдания духа, восстановить его целостность и сделать живым в полной мере.

Шаманское путешествие

Высшая, запредельная сила — это Бог, которого в конечном счете искали гностики в своих экстатических инициациях. Ближайшим аналогом таких инициаций можно считать шаманские полеты души, во всяком случае, в том виде, в каком они практиковались в обрядах греко-римско-египетских мистерий. Однако направленность гностических полетов значительно отличалась от практикуемых в мистериях. Те фокусировались исключительно на путешествиях по подземному миру, как в случае мистерий орфиков или посвященных великой богине Деметре. Отличались они и от небесных путешествий поклонников Исиды или последователей Митры, поскольку гностики стремились выбраться за пределы вселенной в совершенно другой мир — тот, где обитает верховный Бог. Их не интересовало превращение в звезду или солнечного бога, чтобы затем кружить по небесам на его колеснице. Они хотели посетить подземный мир, небеса и созвездия, но не остаться в их пределах.

Как, по мнению гностиков, начинается путь к нахождению священного абсолютно Иного и освобождению от хаоса? Так же, как решает это сделать Труман Бёрбанк. Нужно совершить путешествие за пределы мира. Для Трумана это означало тайком сбежать ночью из подвала своего дома через потайной ход в потолке, отправиться в мучительное плавание на яхте через океан к краю света и взойти по голубой лестнице к открытой двери в крашеном небесном своде.

Гностики следовали путем экстаза, используя те же техники, что и жрецы, устраивавшие инициации в мистериях, только усовершенствовав их в соответствии со своей более высокой целью: проникнуть в абсолютно иное царство священного Иного. Гностики использовали обучение и ритуалы, чтобы брать посвященных в настоящие путешествия по вселенной, для начала продираясь через преисподнюю. Затем они вторгались на небеса, но не для того, чтобы осмотреть свое будущее местообитание среди звезд, а чтобы взобраться к его

наивысшей точке у пасти созвездия Дракона или к другому звездному portalу, где, как они верили, их выбросит за пределы мироздания в иной мир, мир верховного Бога. Такие путешествия были чрезвычайно опасны, поскольку встреченных в подземном мире и на небесах богов следовало не задабривать, а покорять.

Чтобы преуспеть в этом, первые гностики разработали подробные программы подготовки, сосредоточенные на выносливости тела и гибкости ума. Как и приверженцы других экстатических практик, они верили, что человеческое тело неспособно путешествовать в иные царства, будь то преисподняя, небеса или абсолютно иной мир. Для вторжения в нечеловеческие реальности требовалось другое тело.

Хотя их обучение включало постепенную трансформацию тела, это преображение тела в меньшей степени связано с принятием новой формы и в большей — со сбрасыванием выросших слоев людской телесности, тяжелых тел плоти и души, чтобы отыскать и высвободить обитающий внутри них сияющий дух. Речь шла скорее о самоосознании и воплощении, а не о метаморфозе из одного состояния в другое. Их концепция преображения касалась снятия покровов, под которыми открывались все более и более чистые тела из света.

Таким образом, их обряды инициации служили тому, чтобы научить человека постепенно высвобождать скрытую в нем силу духа, покорять богов, правящих небесами и преисподней, и отправляться самой безопасной дорогой обратно к верховному Богу. Суть путешествия сводилась к терапевтическому росту божественного «Я» и его воссоединению с Богом, что исцеляло дух от трагического человеческого опыта сломленности и отчуждения.

В гностических сообществах посвященных называли «шагнувшими к совершенству». Это были люди, совершившие экстатическое путешествие и вернувшиеся на землю, чтобы рассказать другим о своем опыте. Они считали себя полностью преображенными, уже воскрешенными и более могущественными, чем традиционные боги, включая библейского Бога YHWH. Поскольку они верили, что при помощи своей силы покорили богов, они вели себя как целители и чудотворцы. Это боги действовали по их указке, а вовсе не наоборот.

Паломничества в Египет

Этот фокус на ритуальном восхождении к верховному Богу, пребывающему за пределами мироздания, снова указывает нам на египетский религиозный буфер, пользовавшийся в древнем мире репутацией надежного источника древнейших религиозных истин. Не будет преувеличением сказать, что в греко-римском мире с почтением

относились к Египту как к месту накопления духовных знаний. Такое почтение проявляется в литературе как своего рода египтомания (Frankfurter 1998, 218). «Египетский рассказ и любая повесть чарует эллинский слух», — отмечает Гелиодор в своем древнем романе о путешествии в Египет («Эфиопика» 2.27).

Именно на этой эзотерической репутации египтяне построили прибыльный бизнес в качестве самого популярного направления для религиозных туристов. Греки подробно пересказывали истории о путешествиях их собственных великих героев-философов — таких, как Пифагор и Платон — в Египет, где они учились у жрецов тайным знаниям, которыми обладают лишь эти религиозные учителя (см. Страбон, «География» 17.1.29; Диоген Лаэртский, «О жизни философов» 3.6, 8.3, 8.87, 9.35; Ямвлих, «О египетских мистериях» 1.1–2). Египетские жрецы виделись шаманскими гуру, готовыми наставить греков и римлян и посвятить их в древние тайны и философию мистического Египта. Например, жрец Панкрат взял в ученики философов Аригнота и Евкрата, поделившись с ними в помещении под храмом всеми своими тайными знаниями (Лукиан, «Любители лжи, или Невер» 33–4; Frankfurter 1998, 217–18; Dieleman 2005, 185–284). Подобное видение египетских жрецов подтверждается и в комическом романе о приключениях Луция Золотого Осла. За определенную плату грека Луция приводят в храм Исиды в Коринфе, а затем в Риме, где жрецы посвящают его в мистерии богини, наставляют по своим священным книгам и отправляют в путешествие по подземному миру и небесам, чтобы встретиться со всеми богами (Апулей, «Метаморфозы», кн. 11).

Греки описывали египетских жрецов как великих философов, наставлявших в храмах и проводивших ритуалы, передающие ученикам величайшие истины. Их изображали мистиками, отрекшимися от земных удовольствий ради того, чтобы посвятить себя созерцанию божественного мира, в том числе пытаясь понять природу небесных тел и их астрологического движения (Херемон, фраг. 10 = Порфирий, «О воздержании» IV.6; Van der Horst 1984, x). Их воспринимали хранителями, если не непосредственными авторами, священных книг египетского бога Тота, который также ассоциировался с Гермесом. Книги Тота-Гермеса славились своей тайной мудростью и истинами, охватывавшими эзотерические области от астрологии и искусства исцеления до теологии и ритуалистики. Также жрецы владели книгами рецептов магических заклинаний, использовавшихся для уничтожения врагов, связывания возлюбленных, исцеления от мигреней и многого другого.

Греки и римляне, посещавшие египетские храмы и святилища, могли нанимать жрецов в качестве духовных консультантов. Извест-

но, что за определенную плату жрецы при помощи шаманских способностей призывали из загробного мира души, которые посетитель мог расспросить о таких вещах, как бессмертие души (см. Pseudo-Clementine, *Recognitions* 1.5). В сознании древних, если существовала некая истина, то ею обладал египетский жрец, готовый взять ученика-иностранца, если тот может себе это позволить.

Именно в рамках этого религиозного буфера впервые проявляется гностическая духовность. На тот момент она проявляется еще не как религиозное течение, а скорее как момент прозрения, в который возникает новый подход к восприятию Бога и человека. Можно только вообразить момент в расписанной подземной пещере под египетским храмом, когда какие-нибудь паломники, ищущие истины за пределами религии своих предков или родных мест, просят, чтобы их проводили на встречу с Атумом, предвечным богом, о котором вещал им их египетский гуру. В беседах с гуру некоторые паломники-греки могли отождествлять Атума с платоновским Благом, пребывающим над зодиакальным кругом, вращением планет, восходом и заходом солнца. Если среди паломников были иудеи, они, должно быть, задавались вопросом, как, во имя неба, был связан с Атумом Бог их предков YHWH.

Хотя верно то, что в более поздней египетской традиции Атум сливается с богом солнца Ра, этих паломников не интересовала возможность взойти на борт лодки Ра подобно царям древности. Они не хотели пожимать руку Ра, вселенскому проявлению Атума. Они хотели повстречаться с настоящим Атумом, отцом-матерью всех богов и источником всего сущего.

Они не разочаровались. Что бы ни испытали паломники во время экстатических шаманских путешествий, оно навсегда изменило и их, и лицо религии. Паломники, повстречавшиеся с Атумом в подземной пещере египетского храма, были убеждены, что опыт объединяющего взаимодействия с трансцендентным Богом обновил их спавший до того дух, оживил их силой предначального Бога и освободил их от тирании капризных богов, правящих миром.

Они не стали сохранять это знание в тайне. Они делились своим опытом встречи с предвечным Богом с каждым, кто готов был слушать, и духовность, осознанная как миг прозрения в пещере, стала достоянием многих. Она начала распространяться и вступать во взаимодействие с рамками различных религий по всему средиземноморскому миру.

Религия наизнанку

Хотя очевиден тот факт, что гностицизм родился в горниле духовности экстаза, верно также и то, что он пошатнул фундаментальный взгляд на мир, лежащий в основе всех трех старых типов духовности — служения, завета и экстаза, — вывернув наизнанку идею служения. Гностики со своим видением Бога внутри как Настоящего Человека буквально опрокинули традиционных богов и религиозные практики, особенно ритуалы, основанные на модели умиротворения, такие, как жертвоприношение. Серьезность подобного переворота такова, что элемент трансгрессии в нем был огромен.

Представьте, что это значило для традиционных богов. Кто такие Олимпийцы? YHWH с его воинством ангелов? Исида и Осирис? Мардук и Эль? Если источник всего, включая человеческий дух, это трансцендентный Бог, то почему люди служат богам вроде Зевса, YHWH или Мардука?

Гностики пребывали в убеждении, что традиционные религиозные сообщества обмануты богами-трикстерами, что были в действительности демонами или павшими ангелами. Традиционные религии были фальшивкой, а их боги — мошенниками. Сами того не ведая, люди оказались пойманными в силки вселенского масштаба, на всю жизнь приковывавшие их к богам, по сути капризными и злобными демонами.

Именно это выворачивание устоявшихся религий наизнанку сделало гностиков врагами традиционно верующих. Слова гностиков сводились к тому, что боги, которым традиционно поклонялись, включая библейского Бога YHWH, на самом деле не боги, а рабовладельцы, скрывающие от нас правду о существовании настоящего Бога. Мы не собственность богов. Мы куда выше и могущественнее. Мы — дети священного абсолютного Иного, и богам с их царями и жрецами больше не обмануть нас и не заставить верить иначе.

В сущности, именно это удручало в идеях гностиков Плотина, великого философа-платоника. Как дерзко со стороны гностиков, думал Плотин, ходить и говорить людям, что, поскольку они являются детьми Бога, они будто бы благороднее всего вокруг, включая богов. Гностики говорили, что на самом деле смертные — это боги, которым мы поклонялись с древнейших времен, а не мы! Боги смертны, потому что не являются детьми Бога. В них не содержится его духа. «Ты даже не пошевелив пальцем, — проповедовали гностики, — являешься более благородным, чем сами небеса» (Плотин, «Эннеады» II.9). Вообразите реакцию на улицах, когда гностики начали настойчиво утверждать, что не нужно поклоняться богам и бояться их. Можно себе пред-

ставить, как они говорят: «Нужно прекратить приносить жертвы!» — «Почему?» — спрашивает народ. «Потому что мы сами — боги, — отвечают гностики. — Жестокие божества нас обманывали, чтобы мы им служили. Нас водили за нос. Боги — на самом деле демоны, живущие на небесах». И народ на это скажет: «Что за кощунство?!»

Если вдуматься, для большинства людей той эпохи то, что говорили гностики, было непостижимо. Эти идеи ворвались из-за границ традиционной метафизики, которая веками зиждилась на том, что люди — слуги могущественных богов, которых необходимо умиротворять совместными церемониями. Если перестать это делать, с небес могут обрушиться неведомые какие ужасные беды.

Одним из тех, кто считал эту гностическую позицию кощунственной, был Ириней, епископ лионский конца II века. Он рассказывает нам, что гностики считают себя «совершенными» и «избранным семенем» и, соответственно, более не боятся в должной мере совершать поступки, запрещенные Богом YHWH. Они даже едят идоложертвенное мясо из языческих храмов, приводит Ириней в качестве примера. Они посещают языческие праздничные увеселения и гладиаторские бои. Женятся на разведенных и создают вторые семьи с новыми женами. Наконец, используют Священное Писание и сочинения Гомера, трактуя их вразрез с традиционными значениями и подгоняя под собственные вывернутые шиворот-навыворот учения.

Ириней стоит на том, что он и его конгрегация остаются в должной мере богобоязненными, за что гностики называют их «невеждами» (Ириней, «Против ересей» 1.6.3–4, 1.8.1–2). По Иринею, гностики считали себя совершеннее любого другого, выше всех остальных из-за величия своего знания о неизреченной Силе, о трансцендентном Боге. В том числе полагали себя выше апостолов. Поскольку они достигли уровня существования, превосходящего все силы, гностики считали, что освободились от страха перед богами. Забыты законы YHWH! Они могли делать, что пожелают (1.13.6).

Демоны у власти

Из изображений, вырезанных на камнях гностиков — таких, как офитский камень, о котором пойдет речь в главе 7, — и описаний богов в их литературе нам известно, что гностики представляли себе темных владык небес жестокими чудовищами, помесью людей и животных, носящими одежду римских солдат. Чаще всего у чудовищ были головы свирепых львов или шипящих аспидов. В руках они держали царские скипетры, а иногда даже выставляли напоказ головы сраженных врагов во устрашение подданных.

У гностического видения богов имелась революционная сторона с политическим подтекстом. По традиции цари и императоры считались представителями богов, чьей задачей было поддержание порядка в мире и обществе. Изображая традиционных богов в виде демонических чудовищ в одежде римских воинов, гностики подразумевали, что и их политические лидеры, римские бонзы, тоже от демонов. По мнению гностиков, правители и их чиновники — плохие парни, запугивающие нас, лгущие нам и заставляющие нас служить в интересах своих повелителей-демонов.

Это видение показывает, что гностики были, мягко говоря, недовольны политическими лидерами. Они чувствовали себя отчужденными и разобщенными. Но еще больше их угнетало жестокое обращение и чувство ужаса, внушаемое стоящими у власти римлянами. Их беспомощность и страх осязаемы. Они жили в мире варварского колониализма. Жили в постоянном присутствии римских войск. Сталкивались с насильственным рекрутированием в армию, рабством, повсеместным социальным неравенством и невозможным экономическим расслоением общества.

Тем не менее, при всей критике в адрес римского правительства, гностики не пытались организовывать политические перевороты или восстания, зная по опыту, что подобные попытки обречены на провал. Их критика оставалась под покровом религиозных сказаний. Гностики не поднимали против власть имущих оружие, вместо этого избрав другую стратегию, чтобы справиться с собственным политическим недовольством, отчуждением и беспомощностью.

Стремясь ощутить контроль над собственной жизнью, они сосредоточились на задаче свержения космических сил. Они верили, что такой переворот на уровне вселенной станет билетом в лучшую жизнь, поскольку решит проблему жестокости и страха в ее экзистенциальном корне. Если они смогут контролировать источник страха, демонических владык, воплощением которых являлись римские лидеры, то и их общественное положение непременно улучшится. К примеру, гностики-герметисты ради изменения политической ситуации разработали особый цикл ежедневных молитв, призванный разорвать связь царя с демонами и воссоединить его с трансцендентным Богом («Герметический корпус» XVIII.8–16).

Поскольку демонические владыки были ответственны также за создание человеческих души и тела, подавление демонов через ритуалы очищения имело для гностиков катартический и воодушевляющий эффект и на личном уровне. Такие активные ритуальные практики давали гностикам ощущение внутреннего локуса контроля. Даже

если в окружающем мире царили хаос и беспорядок, контроль над собственными телами и личностями они могли получить.

Неудивительно, что большинство гностиков сосредотачивалось на создании для себя высших тел, вводя для этого жесткие правила в отношении питания и половой жизни. Эти правила необязательно требовали отказа от мяса, вина и секса, но они должны были нарушать устои. Бросать вызов обычным ожиданиям общества. Расшатывать порядок, поддержания которого хотели от своих римских агентов владыки-демоны. Для достижения этой цели различные группы гностиков избирали для себя как распутный, так и аскетичный вариант поведения.

За границами

Если говорить о подходе, то нарушение или трансгрессия — это сердце гностической духовности, придающее ей жизнеспособность и остроту. Именно это отличает гностическую духовность от духовности экстаза, веками действовавшей в допустимых рамках старых традиций.

Этот трансгрессивный подход означает, что гностики не всегда действовали приемлемым для сторонников традиционных форм духовности образом. Они грубо нарушали устоявшиеся формы духовности, бывшие краеугольным камнем древних религий. Эти нарушения со стороны гностиков, намеренные или нет, вызывали реакцию окружающих, честивших их ненормальными и еретиками.

Я не имею в виду, что их трансгрессия была всего лишь чем-то «другим» или «менее приемлемым». Гностицизм не был просто альтернативной духовностью, и течения и религии, порожденные им, не были просто альтернативными религиозными группами на грани допустимого. Трансгрессия, о которой я говорю, уходит куда глубже. Это то, что «за рамками очевидного» (см. Wolfreys 2008, 1). То, что взламывает код, переходит черту, выходит за рамки общепринятого. И когда это происходит, со стороны окружающих следуют санкции. К ним прилипает ярлык девиантной группы (см. Clinard and Meier 2008, 4–6).

Гностики буквально вывернули древнюю духовность наизнанку и перевернули с ног на голову. Они сдвинули традиционное направление духа до такой крайней степени, что окружающие видели в гностиках еретиков. Окружающие реагировали на них, как на угрозу, и возводили их в грешники. Их называли зверями, ядовитыми аспидами, чудовищами, самозванцами, магами, шарлатанами и лжецами. Количество речей с угрозами в адрес гностиков само по себе свиде-

тельствует о мощи их идеи, призывающей преступить традиционную духовность и создать всеобъемлющую религиозную контркультуру (см. Franzese 2009, 6–11).

Однако трансгрессивный подход — понятие расплывчатое. Он зависит от восприятия и реакций других людей в рамках сообщества. Его ритм и сила колеблется, ослабевает и даже сходит на нет. Поскольку нарушение называется таковым, лишь прорвавшись через границу, о которой до того могли и не знать, само его существование устанавливает границы и проверяет их на прочность. Если на границу достаточно долго и сильно давить, она сдвинется и то, что было запредельным, вдруг окажется в пределах допустимого. В этот момент трансгрессивное становится общепринятым. Момент, когда татуировка, бывшая прежде знаком повстанца или диссидента, становится поцелуем феи цветов.

Хотя в античности понятие «гностический» стало синонимом для «ненормальный» и «проклятый», в современной Америке гностицизм представляет собой нечто совершенно другое. В нашем сегодняшнем мире границы, которые смещали и прорывали древние гностики, необратимо сдвинулись. Гностическая идея Бога в человеке больше не представляется пугающим вызовом богам. Новая гностическая формулировка религии как поиска духовной целостности вытеснила прежние параметры религии как вынужденного служения могущественным богам.

После того, как гностики свергли старых богов, пути назад не осталось. Последствия их переворота медленно разъедали старые формы духовности — до такой степени, что в нашей сегодняшней культуре гностическая идея во многом стала основой духовности. Наиболее успешные религии в современной Америке предлагают терапию для души, а не суд и наказание. Даже в рамках многочисленных форм христианства, распространенных в Америке, Бог видится уже не как своевольный или справедливый YHWH из Ветхого Завета. Хотя карающий YHWH еще может являться в воспоминаниях христиан, его образ блекнет, уступая место образу Осененного Касанием Ангела Бога любви и милосердия, который принесли в I веке гностики-христиане.

Ты — звезда

По другую сторону океана, на краю мира Трумана есть потайная голубая лестница. Наверху лестницы находится дверь. Когда Труман наконец обнаруживает ее, он стремительно поднимается, отчаянно спеша к выходу наверху. К нему обращается Кристоф, и Труман

потрясен, услышав его голос. За дверью кто-то есть. Кто-то, знающий правду. «Кто вы?» — спрашивает Труман.

Рис. 2.3. Труман Бёрбанк (Джим Кэрри) в финальной сцене фильма «Шоу Трумана»

Кристоф представляется как создатель вдохновляющего телешоу. Труман оглядывается по сторонам, а затем задает вопрос, мучивший его с тех пор, как он впервые осознал трещины в своем мире. «А кто же тогда я? Все ненастоящее?»

Кристоф снова пытается его обмануть, надеясь, что Труман спустится обратно по лестнице и вернется к жизни в Сихэвэне. Больше всего он хочет, чтобы Труман продолжил развлекать прилипшие к экранам массы. Поэтому Кристоф говорит: «Ты — его звезда. Ты был настоящим. Именно поэтому за тобой так интересно наблюдать».

Кристоф продолжает разубеждать его, говоря, что мир за пределами Сихэвэна ничуть не более настоящий, чем тот, в котором Труман живет. Там та же ложь, то же предательство. Разница состоит в том, что в мире за дверью Труману всего следует бояться. В мире же, созданном Кристофом для него, Труман в безопасности. «Тебе страшно, — говорит он Труману. — Поэтому ты не можешь уйти».

Этого-то момента мы все и ждали. Чем все это кончится?

Труман разворачивается вокруг собственной оси и вскидывает руку в прощальном жесте. «Да, и на всякий случай: добрый день, вечер и спокойной ночи!» (рис. 2.3). Он скрывается за дверью, ведущей в реальный мир. Как и пожилая дама, которая смотрит по телевизору, как Труман выходит, мы кричим: «Давай, Труман!»

Глава третья. Суперсилы и чудовища

Кларк Кент

Лара кричит первобытным криком матери, рожаящей ребёнка. Джор-Эл склоняется и берет их сына, прекрасное дитя, сияющее в его руках, первого ребенка на Криптоне за много столетий, рожденного естественным путем. Мы знаем, что эти родители пошли на крайние меры и что никто не поддерживает их в том, что они делают. Это подтверждается, когда Джор-Эл переносит в тело своего новорожденного сына Кодекс, помещая в его клетки ДНК всех, кто когда-либо жил на Криптоне.

Ядро Криптона истощено бесконечной добычей ископаемых, и планета погибает, но у Джор-Эла есть план по спасению ее населения. Они с Ларой отправят своего сына Кал-Эла через звезды на Землю, где, как они надеются, Криптон возродится через него (рис. 3.1). Заменит ли криптонская ДНК человеческую или сольется с ней, предстоит выбрать Калу, когда он проживет среди людей и сможет прочувствовать, как обстоят дела на Земле.

Лара переживает, что среди людей Кал будет изгоем, что ему будет одиноко. Джор-Эл возражает: «Нет, он будет для них богом». Джор-Эл видит Кала проводником человечества и маяком надежды. Эта надежда — возможность любого человека стать силой добра. Именно это, по его мнению, Кал может принести нам. Он будет идеалом для подражания, тем величайшим, чем мы можем стать.

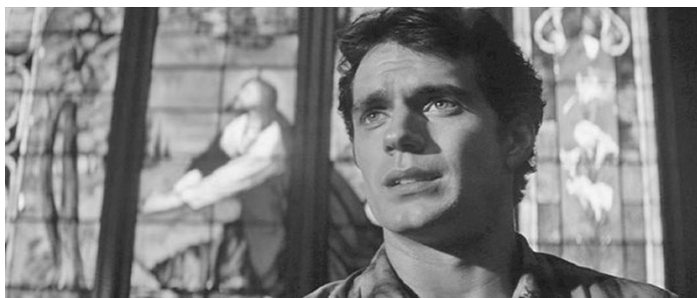

Рис. 3.1. Кал-Эл (Генри Кавилл), он же Супермен, в фильме «Человек из стали» (2013)

Однако на деле все оказывается не так просто. На Земле у Кала, названного здесь Кларком Кентом, проявляются суперспособности,

делающие его отличным от всех остальных. Каждый раз, когда он применяет эти способности для помощи окружающим людям, те смотрят на него с подозрением и страхом. Человеческий отец Кларка советует ему скрывать свои способности до тех пор, пока не возникнет необходимость применить их для спасения мира. Он убежден, что у настоящего отца Кларка была веская причина отправить сына на Землю и что Кларку нужно выяснить, в чем эта причина состоит.

В фильме «Человек из стали», ремейке легендарной истории DC Comics о Супермене, выпущенном Дэвидом Гойером и Кристофером Ноланом в 2013 году, обыгрывается троп гностической неведомой сверхсилы, пришельца из другого мира, посланного, чтобы спасти нас. В этом фильме Супермен — не просто Кларк Кент, прячущий лицо за большими очками в темной оправе, как в комиксе и более ранних экранизациях. По сути эти очки Кларк надевает только в последней сцене фильма, где приходит в редакцию «Дейли Плэнет» под новой маской репортера.

Напротив, на протяжении всего фильма мы наблюдаем, как Кларк маскируется под представителей «невидимых» профессий: рыбака на маленькой лодочке в океане, бармена в кабаке лесорубов, грузчика в канадской глуши. Когда слухи о нем доходят до Лоис Лейн и она решает его выследить, перед ней встает вопрос: как найти человека, который всю свою жизнь только тем и занимался, что заметал следы? Едва ли ей известно, что Кларк — это бог, скрывающийся среди нас.

В конце концов Кларка обнаруживают, когда он случайно активирует криптонский аварийный маяк. Он позволяет генералу Зоду и его дружине, фашистским чудовищам с Криптона, отыскать Кларка и начать выполнять свой план по преобразованию Земли. Они намереваются переделать Землю в Криптон, используя ДНК Кларка. Но чтобы это сделать, Зоду сначала нужно убить Кларка. Физические возможности Кларка невероятным образом совпадают с его собственными, что делает эту задачу крайне непростой. Кларк быстрее летящей пули, сильнее локомотива, способен перепрыгивать здания одним прыжком. Посмотрите в небо. Это птица? Или самолет? Нет. Это Супермен.

Языческий гностицизм и герметисты

Как и у нас, у гностиков тоже имелись свои суперспособности и чудовища. Истории, которые они создавали, чтобы выразить свою новообретенную духовность, представляли собой классические действия об обмане, столкновениях и поражении, в которых изображалась борьба могущественных богов и чудовищ за контроль над людьми

и их делами. Нисхождение человеколюбивых богов из других миров, вознесение преобразившихся людей, неведомые сущности, подпольные планы, тайные знания и магические деяния — всё это стандартно присутствовало в этих сказаниях. Добрый бог и его посланники сражаются, чтобы одержать верх над злом и освободить человечество от чудовищ и их обмана, чтобы люди смогли воспринять свое истинное положение, понять, что они сами — боги. Как и мы, гностики выражали и распространяли свою истину при помощи могучего языка сказаний и мифов.

Однако для гностиков эти истории не были книжками комиксов или магией из голливудского кино (см. Kripal 2011). Эти сказания непосредственно повествовали о действительности, лежащей под всем происходящим вокруг нас. Гностическая истина говорит не столько о том, что все вокруг нас есть иллюзия, сколько о том, что за всем этим происходит нечто большее, находится реальность, о которой большинство из нас обычно не догадывается. Что же происходит за кулисами нашей обыденной жизни? Вселенская борьба сил добра и зла, и на чаше весов находится судьба человека как раба или свободного, ничтожества или могущественного существа.

Гностическое сказание приобретало различные формы по мере того, как люди древности популяризировали его, стремясь выразить свою новую духовность, в которой делался акцент на божественной сущности человека. По древнему религиозному миру циркулировали фантастические версии сказания, прокладывая новые пути в устоявшейся системе религиозной мысли и практики. К началу II века н. э. это контркультурное течение уже проложило две новые дороги через старую дельту Нила в мир Средиземноморья: языческую и библейскую. Гностическая духовность стала заразной.

Языческий путь развития — это форма гностической духовности, возникшая в религиозных кругах людей, почитавших Гермеса Трисмегиста, Триждывеличайшего Бога. Мы называем их герметистами. Библейский вариант сосредоточен на иудейском герое Сифе, младшем сыне Адама и Евы. Последователей этой версии мы называем сифианами. Учение сифиан имеет древние корни, оно возникает в I веке н. э., хотя до сих пор ведутся споры о том, сформировалось ли оно в Александрии, Палестине или Месопотамии (Turner 2001, 256–301; Pearson 2007, 15–19, 51–133; Denzey Lewis 2013, 118–29). По некоторым свидетельствам герметическая традиция, возможно, обладает даже более древней историей в рамках египетской религии (Fowden 1986, 155–76). Сохранились тщательно проработанные сочинения герметистов и сифиан, составленные уже к последнему десятилетию I века или к началу II века н. э. В их число входят герметический трактат

«Асклепий», фрагменты «Троевидной протенойи» и дохристианская верия «Апокрифа Иоанна».

Суперсила Гермеса

Кто же этот триждывеличайший бог, которого почитали герметисты, их сверхсила? На самом базовом уровне он — сплав египетского бога Тота Триждывеличайшего и греческого бога Гермеса (Fowden 1986, 26). Тот Триждывеличайший — египетский владыка языка, науки и знания, ведомого и неведомого, открытого и тайного. Он является воплощением разума и понимания, вестником, доносящим людям послания богов. Он участвует в суде над умершими в загробном мире и проводит чистых сердцем к престолу Осириса (рис. 3.2). Он ассоциируется с чем угодно, от медицины до луны.

Поселившиеся в Египте греки отождествили Тота со своим богом Гермесом, который также был проводником душ умерших в загробный мир и вестником, передающим людям послания богов. Гермес, как и Тот, пересекает непроходимые границы и проходит сквозь непроницаемые барьеры, пропасть, отделяющую божественный мир от человеческого, чтобы взаимодействовать с людьми.

В кругах герметистов Гермес Трисмегист становится новым могущественным богом, отождествляемым с творцом неба и земли. Он настолько велик, настолько неординарен, что его признают правителем мира, властвующим над судьбой и правосудием. Это вселенское божество вселенских соотношений. Его именуют Поймандром, что означает «Разум Ра» (Kingsley 2000). Гермес Трисмегист — разум самого бога солнца.

Однако этот новый бог, возникший в рамках религиозного буфера, не простое синкретическое смешение Тота с Гермесом. Это не просто могущественная космическая сущность, являющаяся на землю в качестве бога. Не просто супермен, сошедший на землю из другого мира, чтобы помочь человечеству. На самом деле из герметической литературы ясно следует, что когда-то он был человеком.

Таким образом Гермес представляет собой также сверхсилу иного типа. Это человек, превратившийся в необычайное существо, человек, ставший богом.

В сплетаемых нами историях превращение в сущность, обладающую исключительной, сверхчеловеческой силой и мудростью, как правило, происходит не спонтанно; обычно требуется некий механизм преобразования, с помощью которого и создается новое существо. В привычных нам историях в центре внимания оказываются особые субстанции, которые человек поглощает или впитывает, или

воздействию которых подвергается. Нам также нравится идея аугментации — когда человек владеет особым материальным предметом, добавляющим и увеличивающим его ловкость, силу и мудрость. Другой популярный мотив — обучение и тренировки, особенно в области тайных знаний. Такие тренировки часто подразумевают многотрудные путешествия, в ходе которых развиваются необычайные навыки.

Рассмотрим Человека-Паука, преобразенного Питера Паркера. Его тело и сознание изменяются после укуса радиоактивного паука. У Питера появляется шестое чувство — паучье чутье, предупреждающее его об опасности, а также потрясающая ловкость, быстрота и чувство равновесия. Есть еще Капитан Америка, чье хилое тело становится воплощением идеала под воздействием Вита-лучей и сыворотки Суперсолдата. Он способен сражаться с гитлеровскими чудовищами и выжимать вес в 1200 фунтов. Есть Тони Старк, страдающий от последствий ранения в грудь и сконструировавший для себя невероятный костюм, который усиливает его жизненные системы, превращая его в непобедимого Железного Человека. Даже взрыв ядерной боеголовки не в силах помешать ему спасти мир.

Можно также рассмотреть доктора Стрэнджа, чей путь достижения бессмертия связан с освоением шаманских практик. Все начинается после несчастного случая, в котором его руки хирурга оказываются необратимо повреждены. Доктор Стрэндж хочет исцелиться и потому блуждает по свету в поисках лечения. Он встречается

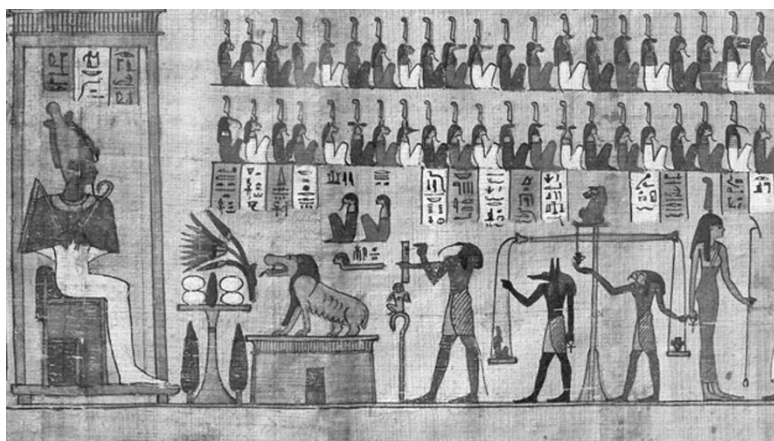

Рис. 3.2. Тот (центральная фигура) перед восседающим на троне Осирисом исполняет свои обязанности в ходе суда над умершим. Из одного из вариантов «Книги мертвых», выставленных в Египетском музее в Турине, Италия. Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.

с живущим в Гималаях гуру, Древним. Там доктор Стрэндж проходит посвящение в мистические и магические искусства, трансформируясь из эгоистичного хирурга в бессмертного, обращающего свои новообретенные силы против зла. В ходе обучения доктор Стрэндж преобразается в существо, обладающее невероятным могуществом, чья задача состоит в том, чтобы не дать демонам и властителям из темного измерения уничтожить мир. Он способен сделать практически что угодно. Летать, воскрешать мертвых, обращать время вспять и восстанавливать целые вселенные.

Гностический Гермес сравним с этими современными людьми-супергероями. В основе его истории лежит тот же механизм, что и в основе истории доктора Стрэнджа: шаманская инициация. Через процесс инициации человек Гермес возносится к высшим сферам. Достигнув вершины мира, места, где обитают в небесах боги, Гермес утверждает, что вышел за пределы себя самого. Его ум покинул смертное тело и навсегда взошел в бессмертное тело бога, «я больше не тот, кем был» («Герметический корпус» I, XIII, 3). После этого преобразования он нисходит на землю в качестве нового бога, Гермеса Трисмегиста, Разума Ра, и остается здесь, чтобы раскрыть тайны божественного мира другим людям (рис. 3.3). По утверждению герметистов, его откровения записаны в герметической литературе.

В глазах герметистов Гермес Трисмегист идеально подходил на роль носителя откровения и искупления, поскольку был от природы способен балансировать между миром людей и миром богов. Поскольку он сам некогда был человеком и нашел путь к достижению божественности, он — авторитет в вопросах инициации и может без труда провести других через процесс их собственного преобразования в богов. Поскольку он представляет собой Разум Ра, сошедший на землю, он обладает знаниями более обширными, чем мы в силах вообразить, и может без труда поделиться ими с нами. Он — гностический супергерой, нечто среднее между Суперменом и доктором Стрэнджем.

Криптонская слабость

Несущее откровение послание Гермеса Трисмегиста не согласовывалось с традиционными формами духовности служения, завета и экстаза. Идеи Гермеса подрывали основы; его понимание божественного было неприемлемо для широких масс. Люди, не входившие в круги герметистов, называли их сумасшедшими и нелепыми. Герметисты повествуют нам о том, что им приходилось сталкиваться с презрением, ненавистью и даже убийствами из-за их учений о верховном Боге и божественной природе человечества («Герметический корпус»

IX.4). Их специфические верования о бессмертии души воспринимались людьми, не входившими в их сообщество, как нечто комическое и совершенно оторванное от реальности («Асклепий» 25).

Что же открыл им Гермес Трисмегист? Трагическое сказание о том, как Бог стал человеком и оказался в ловушке чувственного восприятия и бессознательности — историю, похожую на сказание об Атуме. Гермес Трисмегист рассказывает о предначальных временах, когда из глубин вод тьмы поднялся с горестным рёвом извивающийся змей. Из его крика возникли четыре стихии: огонь, воздух, земля и вода («Герметический корпус» I.4–6, III.1–2).

Этого Бога за его способность к творению называют «Отцом». В самом деле, в его утробе зарождаются все вещи (V.6). Бог сей — гермафродит, порождающий жизнь и свет, Бог, который есть начало, совершенство и непрерывность всех вещей (VIII.5). Его называют «благом», ибо это единственное слово, способное описать всю природу Бога (II.16–17). Он проявляется как вселенский разум (Нус), порождающий второго бога из огня и духа, солнечного бога, который непосредственно и создает вселенную. Из любви к себе этот разум также создает архетипического человека, являющегося могущественным клоном самого Бога.

Из любопытства и желания понять, чем занимается солнечный бог, клон наклоняется, чтобы заглянуть сквозь крышу мироздания. Сделав

*Рис. 3.3. Гермес Трисмегист, изображение на напольной мозаике в храме Сиены, Италия. Изображение из открытого источника
Wikimedia Commons*

это, он видит собственное отражение в луже воды на земле и тут же влюбляется в то, как выглядит в материальной форме. Земной облик привлекает его так сильно, что больше всего на свете он хочет оказаться в нем. Его желание исполняется. Он и его природная форма сливаются в объятиях и занимаются любовью.

Именно поэтому, учат нас герметисты, человечество имеет дуальную природу. Хотя природное человеческое тело смертно, мыслящая часть души, наш разум или Нус, бессмертен. Будучи Богом, человеческий разум имеет власть над всеми вещами. Но человеческий разум пострадал от заключения в смертное тело. Он стал подвержен воплощению и судьбе. Хоть человеческий ум и превосходит вселенское устройство, он стал его рабом («Герметический корпус» I.9–15). Трудность положения человечества состоит в том, что оно выше богов, но в то же время служит им («Асклепий» 22–23).

Трудность этого положения также в том, что наследием человека стала особая форма нарциссизма. Фатальная слабость, трагический изъян заключается в том, что Бог жаждет стать человеком, а не человек — Богом. Бог оказывается в ловушке эротического слияния с собственным физическим воплощением, телом, которое ослабляет его, как криптонит ослабляет Супермена.

Герметический путь долог и труден, на нем необходим проводник-гуру. Это полёт сквозь множество космических царств и круговращений звезд. Он видится буквально, как дорога через звезды, ведущая к выходу на вершине вселенной. Посвященному обещают, что он насладится зрелищем величия земли, широты разлива океана, течения рек, легкости воздуха и бега звезд в небесах, вращающихся с поразительной скоростью («Герметический корпус» V.5). Посвященного напутствуют: «Возьмем его как путеводную звезду, и поспешим по тернистому пути: трудно оставить вещи родные и привычные, чтобы возвратиться к древним тропам, ведущим к исконным ценностям» (IV.8–9).

Во время путешествия душа посвященного набирает силу, чтобы сбросить материальное тело. Душа взлетает к небу, где ничто не может остановить ее, ни огонь солнца, ни эфир, ни вихрь, ни тела звезд. Душа проходит сквозь все это. Затем, оказавшись на вершине вселенной, человеческий ум вырывается вперед, отделяясь от души, и устремляется сквозь свод вселенной наружу, чтобы полюбоваться тем, что находится вне мира (XI.19).

Это фантастическое путешествие начинается с ритуального погружения в чан с водой, символизирующий вселенский Разум. Считалось, что через погружение в воды Разума отдельный ум посвященного начинает свое возвращение к целому (IV.1–4). Крещение работает,

как Вита-лучи, создавая в посвященном суперразум. Оно возрождает способность человеческого ума воспринимать все вещи, будь то на земле, на небе или за его пределами (IV.5). Все это позволяет разуму посвященного получить доступ к силе столь великой, что она способна преобразить человека в Бога.

Посвященному объясняют важность пробуждения человеческого разума при помощи такого погружения в воду, поскольку «лишь подобное понимает подобное». Лишь тот, кто равен Богу, может постичь Бога, верили герметисты. «Увеличь себя до неизмеримой величины, превзойди все тела, пересеки все времена, стань вечностью, и тогда ты постигнешь Бога, — наставляли посвященного. — Ничто не мешает тебе представить себя бессмертным и способным познать все... собери в себе все ощущения от вещей сотворенных... Представь себе, что ты одновременно везде... что ты еще не родился, что ты еще в утробе матери, что ты молодой, старый, мертвый, вне смерти» (XI.20).

Этот трансцендентный, мистический момент вне времени достигается через направляемое проводником восхождение через небесные сферы, ближайшим аналогом которого можно считать полет души в шаманизме. При помощи контролируемого экстатического опыта посвященный на каждой планете шаг за шагом сбрасывает мирские наслоения, наложенные на него в момент рождения, мишуру, удерживающую человеческий разум в плену материального мира, такие свойства, как способность расти и стареть, источник злобы и коварства, наваждение похоти, тщеславие власти, поспешность суждений, привязанность к богатству и лукавая ложь — от всего того, что, как криптонит, ослабляет разум.

Освободившись от криптонской мишуры, разум посвященного вступает в область Огдоады — Зодиак, располагающийся выше семи сфер планет. На этом восьмом уровне посвященный поет гимны во славу отца, живущего выше и вне Огдоады в области, принадлежащей только ему. После этого разум посвященного устремляется прочь из Огдоады, за пределы мироздания, к Единому и Единственному, доверяясь силам, царящим в этом высшем месте. Это место есть Ум, который полностью содержит в себе сам себя, свободный от всякого тела, избавленный от заблуждений, бесстрастный и нерушимый, недвижимый и постоянный в себе самом, содержащий все сущее и сохраняющий все в существовании («Герметический корпус» II.12). В этот момент посвященный поет хвалу всевластителю, а затем переходит в тишину (V.11):

«Ведь Ты есть все, чем я могу быть, Ты есть все, что я могу сделать, Ты есть все, что я могу сказать, ибо Ты есть все, и нет ничего, что Ты не есть, Ты есть даже то, что не существует! Ты есть все, что

рождено, и все, что не рождено. Ум мыслимый и Ум мыслящий, Отец как создатель мира, Бог как энергия в действии. Благо как Творец всех вещей».

Так посвященный входит в Бога и делается Богом. Это Гнозис, когда посвященный, подобно Гермесу, летит по воздуху и сам становится сверхсилой («Герметический корпус» I.24–26). Гуру говорит ему, что он ощутил себя «существом божественным, которое следует сравнивать не с земными животными, но с существами небесными, называемыми богами». Гуру-герметист продолжает: «Или, скорее, не побоимся сказать правды, настоящий человек выше их или, по крайней мере, равен им». Человек на земле есть «смертный бог», чья способность пересекать границы делает его выше небесных богов — всего лишь «бессмертных людей» (X.24–25).

Герметическое спасение

Одна из отличительных черт языческого варианта гностической духовности заключается в более благоприятном видении мироздания, чем в библейском варианте. Тем не менее, герметисты не считали мир безупречным. Герметисты воспринимают его как ловушку, а тело — как ужасную темницу, преграждающую нам путь к истине.

И все же мироздание видится как потоп, в конечном итоге проистекающий от всевластителя («Герметический корпус» VII.1–3). Это следствие многообразности Единого и Единственно Сущего (XI.5). Поэтому мир воспринимается как второй бог, бессмертное живое существо. Он происходит от вечного первого Бога, своего творца и хранителя (VIII.1–2). Вселенная прекрасна и блага тем, что происходит от постоянно творящего всевластителя, дарителя жизни (XI.13–14). Созерцая вселенную, мы видим зримое воплощение Бога (V.5).

Тем не менее, герметисты понимали, что нас повсюду окружает порок (VI.3–4). Откуда же берется порок, согласно их философии? Что произошло?

Сохранившаяся герметическая литература не дает абсолютно ясного ответа на этот вопрос. Точно известно, что герметисты видели проблему в том, что человеческий разум заточён внутри души, заточённой в материальном теле. Оно делало бессмертную душу и разум подвластными судьбе и смертности, желаниям и страданиям. Парализовало их, как криптонит парализует Супермена.

Впервые это произошло тогда, когда человек, архетипический клон, возжелал свое отражение в воде, больше всего на свете захотел совокупиться с ним и сделал это. Это желание тела удерживает разум,

душу и тело в совокупности, удерживает Психе и Нус заключенными в материальную оболочку.

Поэтому герметисты определяли похоть и телесное желание как проблему, лежащую в основе всякого зла. Продолжение рода само по себе считалось священным действием между мужчинами и женщинами-герметистами, однако похоть следовало контролировать даже во время предназначенных для этого встреч («Асклепий» 21). Если этого не делать, то Истинный Человек никогда не освободится и продолжит жить во мраке и заблуждении, преданный страданиям смерти («Герметический корпус» I.19). Истинный Человек останется привязанным, прикованным к смертному телу со всеми его ограничениями.

Герметисты оставили после себя множество документов, описывающих их верования, и все они указывают на религиозный буфер, в котором смешались египетское предание об Атуме и способность к восприятию греческой философии. Египетские гуру, составлявшие эти документы, делали это в период, когда египетские земли были колонизированы греками, а затем и римлянами. Они чувствовали, что их предки были верны египетским богам, служили им и почитали их, но их преданность не окупилась. Что хорошего вышло из всех жертв, принесенных ими богам? Что стало следствием их почитания? Страну захватили чужеземцы. Храмы были заброшены. Священные земли Египта стали землей, заполненной трупами и могилами. Повсюду царили непочтение, беспорядок и зло. Былой Египет умер («Асклепий» 24, 26).

Можно было бы ожидать, что жрецы обвинят в разрушении бывшего Египта чужеземцев. Но нет. Вместо того, чтобы обвинять в царящем вокруг беспорядке и хаосе чужеземцев, они обвинили своих предков. Они сочли, что предки крупно ошиблись в том, что касалось понимания божественности. Хотя предки с вниманием относились к почитанию богов, они не проявили внимания к поклонению Богу, всевластителю. Вместо того, чтобы сосредоточиться на почитании Нерожденного, Единого и Всеобъемлющего — Атума, предки сосредоточили свое внимание на рожденных богах, божествах второго уровня, созданных для того, чтобы править землями (371).

Что же делали их предки? Создавали культовые статуи, в которые при помощи магии успешно подсеяли души различных богов. Поскольку эти культовые изображения создавались путем смешения душ богов с драгоценными металлами и камнями, культовые боги имели как небесную, так и земную природу. Культовых богов требовалось умилять и развлекать постоянными жертвоприношениями, гимнами и восхвалениями, чтобы приманить небесные сущности и убедить их оставаться в земных статуях и помогать людям. Хотя

божественными сущностями в культовых статуях можно было манипулировать, чтобы они творили добро, они также могли проявлять свое недовольство и насылать кары. В сущности, именно это и случилось. Когда в различных поселениях к различным статуям стали относиться по-разному, чувствуя одни больше других, боги рассердились и покинули эти земли (37–38).

Гуру-герметисты говорили, что единственное средство состоит в почитании верховного всевластителя, которого, в отличие от рожденных богов, оскорбляют жертвы и возжигания благовоний. Поклонение Богу, Который Есть Всё, состоит в вознесении ему восхвалений и гимнов в тишине, нежели в воскурении ладана и иных благовоний. Вот подобающий способ обращения к Богу, пребывающему выше солнца, к Богу, которого все боги неба признают своим царем и предводителем. Хвалебные гимны должно направлять к этому высшему Богу, который, в конечном итоге, и есть тот, кто установил границы моря, кто установил землю на ее основание, закрепил пути звезд («Герметический корпус» V.3–4). Переориентировав таким образом свое поклонение, они надеялись восстановить утерянную связь с единым Богом, что, в свою очередь, обновит их земли и принесет долгожданный мир.

В последних абзацах знаменитого сборника герметических учений под названием «Асклепий» находим красивейший пример записи такого гимна. Можно лишь представить себе мощь этих слов в исполнении гармонично подобранных голосов («Асклепий» 41):

Мы воздаем Тебе честь, о Всевышний Господи;
милостию Твоею мы получили Свет познания Тебя;
святое и достопочтенное имя, единственное имя, под которым только Бога мы должны благословить согласно вере отцов!
Ибо Ты соблаговолил приобщить нас ко всей отцовской набожности,
к религии, к любви и самым светлым благодеяниям,
когда Ты дал нам смысл (*sensa*), рассудок (*ratione*),
ум (*intellegentia*):
смысл, чтобы знать Тебя,
рассудок, чтобы искать Тебя,
ум, чтобы иметь счастье постигнуть Тебя.
Спасенные Твоим божественным могуществом, возрадуемся,
что Ты показываешь нам Всего Себя;
возрадуемся, что Ты соблаговолил, начиная с нашего пребывания в этом теле, посвятить нас Вечности.

Единственное наслаждение человека есть Знание Твоего
величия.
Мы узнали Тебя, превеликий Свет,
Тебя, который можно постигнуть только умом.
Мы постигли Тебя, о истинный путь жизни!
о щедрый источник всех рождений!
Мы познали Тебя, о рождающая полнота Природы!
Мы познали Тебя, о вечная непрерывность!
Во всей этой молитве, обожая Благо и твою Благость, мы
просим Тебя возжелать сделать нас настойчивыми в любви
к Знанию Тебя, чтобы мы никогда не оставили этот образ
жизни.

Герметисты верили, что после восстановления их связи со всевластителем через молитвы и гимны их ритуальные восхваления могли распространяться и на царей земных. Как на небе, так и на земле, считали они. Молитвы и хвалы в адрес политических лидеров позволяют привнести в земные царства мир и благость верховного Бога — во всяком случае, они на это надеялись («Герметический корпус» XVIII.8–16).

Герметисты возносили молитвы всевластителю и царям на землях храмов дважды в день: на восходе, стоя лицом на восток, и на закате, стоя лицом на юг. За вечерней молитвой следовал общий вегетарианский ужин. Во время священного ужина они отказывались от мяса «живых существ», поскольку не желали причинять вред даже неразумным душам животных, которые тоже являются проявлениями Единого и Всего («Асклепий» 41).

Библейский гностицизм и сифиане

Одновременно с тем, как в дельте Нила формировался языческий вариант гностической духовности и развивались тайные собрания герметистов, второй вариант гностицизма поглощал Библию. Поначалу этих библейских гностиков интересовало только переосмысление иудейских писаний в свете возникших в Египте гностических нововведений в области духовности. Христианские писания в то время ещё не были составлены. Эти первые библейские гностики, чье внимание было сосредоточено на том, чтобы интегрировать иудейское писание в гностическую духовность, развились в стройное религиозное течение с собственной уникальной мифологией, обрядовой системой и общинной идентичностью. Хотя нам неизвестно, где географически возникла их первая община — в Александрии, долине Иордана или регионе Евфрата, — известно, что они называли себя Детьми

Сифа, Нетленным Родом и Священным Поколением (Williams 1985; Turner 2001; Logan 2006; Brakke 2011). Их общинная идентичность как потомков Сифа восходит к библейскому Сифу, последнему сыну Адама и Евы. Он был рожден, чтобы заменить своего брата Авеля, убитого Каином. О нем говорится, что он был как две капли воды похож на Адама, точная копия своего отца. Эта группа гностиков полагала Сифа своим основателем и первопредком. Поэтому их мы называем сифианами.

Первые общины сифиан знаменуют собой первоначальное столкновение гностической духовности с иудейской Библией, еще до того, как в Средиземноморье начинает формироваться христианство. С появлением христианства некоторые общины сифиан восприняли также христианские взгляды и писания, смешав их с сифианскими воззрениями. В этих случаях наряду с нехристианскими сифианскими общинами развились христианские формы учения сифиан, поскольку гностическая духовность впитала и иудейскую, и христианскую версию Библии.

Бог в трещинах

Это проявление гностической духовности уникально тем, как оно проникает в библейское повествование, подрывая самые основы традиционной иудейской духовности завета и толкования писания. Сифиане перевернули каждый камень в поисках ответа на вопрос, как библейские сказания подтверждают новую, революционную гностическую направленность. Иными словами, первые библейские гностики не желали отступать от своей веры в правдивость иудейских писаний. Больше всего на свете они хотели совместить иудейское священное писание с гностической духовностью, переосмыслить сказания о YHWH в свете своего опыта прямого взаимодействия с верховным Богом.

Поначалу библейских гностиков волновал вопрос, является ли YHWH тем неизреченным верховным Богом, которого они познали. С этой целью они неотступно искали объяснение трещине, которую видели в библейском сказании: YHWH проявляет человеческие черты и эмоции. Он ходит по эдемскому саду в прохладе дня и непосредственно взаимодействует с первыми людьми, Адамом и Евой. Он утверждает, что ревнует к другим богам. Он работает не в одиночку, но создает человека при поддержке других существей, ведь он сам говорит в Быт. 1:26: «Сотворим человека по образу *Нашему* и *подобию Нашему*» (*курсив мой*).

Именно эта еле заметная трещина навела их на мысль, что что-то неладно с общепринятым иудейским представлением о том, кто такой YHWH. Все эти стихи, как и многие другие подобные, указывали на то, что YHWH — не верховный Бог. По мнению библейских гностиков, эти признаки означали, что YHWH был божеством, подчиняющимся верховному Богу, который находится вне человеческих категорий и характеристик.

Примечательно, что александрийского иудейского философа Филона в его рассуждениях о Библии и природе Бога беспокоит та же трещина. Как и библейские гностики, Филон рассматривает Бога как платоновское трансцендентное Благо. Как и библейские гностики, Филон согласен, что у Бога не могло быть рук и ног, глаз и ушей, языка и гортани. У него нет эмоций, которые толкали бы его на разрушительные поступки. Столь буквальное прочтение чудовищно (Филон Александрийский, «О смешении языков» 27). Однако Филон утверждает, что мы не можем заключить из этого, что YHWH не есть Бог. Это лишь означает, что Библия использует человеческий язык. Поскольку Библия — это инструмент учения, в ней используются образы Бога, которые людям легко понять и представить. Библейские отсылки к человекоподобным характеристикам YHWH — это не буквальное описание Бога, в действительности трансцендентного и непостижимого. Они лишь уступки ограниченному людскому уму и языку (Филон Александрийский, *Quod Deus sit immutabilis* 11).

Библейских гностиков доводы Филона не убедили. Они стояли на своем и по-прежнему настаивали на буквальном прочтении Библии. В Библии говорится, что YHWH — бог, который ходит и разговаривает. Как следствие, библейские гностики были уверены, что YHWH должен быть божеством, стоящим ниже неизреченного верховного Бога.

Если YHWH — действительно бог низшего порядка, то кто же он, и как вписывается в глобальную структуру мироздания? Для ответа на этот вопрос библейские гностики обратились к давней иудейской традиции об ангелах и демонах как созданиях, путешествующих по людскому и божественному мирам. Больше всего их интересовала ветхозаветная фигура, ангел YHWH, в большинстве переводов Библии именуемая «Ангел Господень». В библейском повествовании данная фигура выглядит весьма впечатляюще, ведь она — земное воплощение самого Бога YHWH и, следовательно, обладатель Его священного личного имени. Ангел сей — YHWH в человеческом обличье. Он говорит голосом YHWH, изъясняя Его волю и власть, и во многих сказаниях они с Богом взаимозаменяемы.

Один из наиболее выраженных примеров отождествления Бога YHWH с Ангелом Его находим в сказании о Моисее и горящем кусте. Здесь ангел у является Моисею из горящего куста. Но чей голос вызывает к Моисею из куста? Не Ангела, но голос самого YHWH вызывает: «Моисей! Моисей!» Моисей прячет лицо, потому что «боялся воззреть на Бога» (Исх. 3:1–6).

Этот и другие отрывки из библии, где YHWH и Ангел Его взаимозаменяются, послужили для библейских гностиков подтверждением того, что YHWH — не верховный Бог всего сущего, а второстепенный бог или ангел, создавший мир и правящий им. Поэтому они считали, что везде, где в библейских сказаниях упоминается имя YHWH, указывается именно на этого создателя — ангела или бога, но не Бога с заглавной буквы.

Стоило библейским гностикам дойти до этой мысли, как вскоре они задались вопросом: какие отношения связывают Всеотца с YHWH? Является ли YHWH продолжением Всеотца, создавшим мир в соответствии с волей верховного Бога? Или же он — посланник верховного Бога?

Следом проявились и другие трещины, раскрывая капризную природу библейского Бога, чья цель — ревниво привязать к себе часть человечества. Говоря о себе, отмечали библейские гностики, YHWH описывает себя как Бога ревнивого, наказывающего поколения детей за вину и грехи отцов (Втор. 5:9). Поскольку Бог ревнив, его гнев часто воспламеняется, порой доходя до геноцида, когда Он в ярости своей уничтожает целые поселения (6:15). Он сам говорит в Ис. 45:7: «Я делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь».

Помимо подобных проявлений эмоций, YHWH временами выглядит неосведомленным. Ведь ему пришлось воззвать к Адаму и спросить «где ты?», потому что он не знал его местонахождения в Эдемском саду (Быт. 3:9). Основываясь на подобных писаниях, библейские гностики утвердились в мысли, что YHWH — не представитель верховного Бога. Он Его противник.

Именно в этот момент библейские гностики стали нарушителями устоев. В глазах прочих иудеев они стали еретиками. Само по себе отождествление YHWH с Ангелом Господним вызвало бы в иудейских кругах Александрии некоторое удивление и породило бы споры, однако библейские гностики переступили черту и оказались отрезаны от синагог, только когда заговорили о YHWH как о противнике верховного Бога. Теперь они оказались предоставлены самим себе.

Гностическое чудовище Ялдабаоф

ҮНҮН — противник верховного Бога. Именно эта идея объединила библейских гностиков, она же маркировала их как уникальное сообщество сифиан. Они принялись так и сяк вертеть мысль о том, что ҮНҮН, должно быть, схож с Люцифером — мятежным ангелом, превращенным в демона. Если ҮНҮН ревнив, гневлив и несведущ, не был ли он, как Люцифер, сброшен с вершины за то, что поднял бунт? Сифиане так и считали. Они были убеждены, что ҮНҮН — бунтовщик, бог-отступник.

Сифиане окрестили его Ялдабаофом, что значит «ҮНҮН, Бог Воинств». Имя это отражает хорошо известную по Библии суть ҮНҮН-воина, царя, ведущего за собой ангельское воинство в битву для защиты своих интересов. С точки зрения сифиан, он царь, ведущий за собой небесное воинство в вечную битву против верховного Бога. Он подобен генералу Зоду из историй о Супермене — заносчивый, безжалостный маньяк, ставящий своей целью геноцид, получающий удовольствие от доминирования над людьми при помощи своей сверхсилы. Также сифиане именовали его Саклас («дурак») и Самаэль («слепой бог»).

Поскольку в представлении сифиан Ялдабаоф — ревнивый мятежный ангел, то и его творение тоже видится падшим. В качестве своей вотчины он создает мироздание, включающее небесные сферы, землю и подземный мир. Населяет ее подобными себе сущностями, которые составляют его небесное воинство. Военачальники его армии представляются падшими ангелами или демонами. Сифиане называют их архонтами, что значит «правители». Каждый военачальник Ялдабаофа надзирает за той или иной территорией, соответствующей той или иной планете или адской бездне, и у каждого есть особое имя силы. Эти имена сифиане образовали от различных имен Бога, записанных в Библии. Ялдабаоф, чудовищный змей со львиной головой, заносчиво объявляет себя единым Богом всего сущего, говоря в Библии: «Я — Бог, и нет Бога, кроме Меня» (Втор. 32:39; Ис. 43:10–11, 45:5–6, 18, 22, 46:9, 47:8, 10; Ос. 13:4; Ил. 2:27). По сути, Ялдабаоф не знает о существовании чего-либо выше себя, пока не слышит голос свыше, который говорит: «Есть Человек и Сын Человечий». Он не в силах поверить. Он полагает, что голос может принадлежать лишь его светоносной матери — Софии, великой богине премудрости. Он не осознает, что есть бессмертные сущности выше него самого и его матери, поскольку с рождения живет в изгнании в облаке.

Ялдабаоф родился уродливым чудовищем, несчастливым ребенком прекраснейшей из богинь света. Он тут же преисполняется зависти

к красоте своей матери и решает присвоить ее. Он похищает ее светоносную силу, ее дух, и тогда она сбрасывает его за пределы царства бессмертных и прячет в облаке. Она не хочет, чтобы верховный Бог или сущности, населяющие божественный мир, увидели ее чудовищно уродливого сына или узнали о совершенной им краже. И потому изолирует его за пределами божественного мира.

Ялдабаоф не ведает другого существования, кроме своего изгнания, до тех пор, пока не слышит громовой голос свыше. Он удивляется еще сильнее, когда сквозь крышу мироздания заглядывает архетипический человек и его светлый образ проецируется на воды, лежащие под небесной твердью. Эти события отражают сифианское понимание первых стихов Библии, в которых Бог создает свет. В греческом переводе книги Бытия «свет» обозначается словом «phos», которое может значить и «свет», и «человек», в зависимости от акцентировки. Сифианам очень понравился этот каламбур. Они были убеждены, что этот стих повествует о предначальных временах, когда верховный Бог явил в водах отражение светлого архетипического человека, образа самого Бога.

При его ошеломительном явлении все творение Ялдабаофа затряслось и задрожало от страха. Ялдабаоф с военачальниками осознают, что над ними существует верховный Бог, чью силу они не могут даже вообразить. Что же делать?

Они решают воспроизвести в собственном царстве светлый образ Бога, создав человека из доступных в мироздании субстанций. Они надеются создать нечто столь же могущественное, как Бог, явивший себя в водах, наделивший их творение их же лучшими чертами. Но их постигает разочарование. Их создание — Адам — инертно, неспособно даже встать.

Тогда Ялдабаофу приходит мысль вдохнуть собственное дыхание в лицо Адаму. Сделав так, он вдыхает в Адама не только собственное дыхание, но и светоносную духовную силу, похищенную им у его матери Софии, хотя поначалу и не осознает этого. Ялдабаоф — несведущий бог, не понимающий, что, вдохнув жизнь в Адама, он отдал самое могущественное, что только существует: дух верховного Бога.

Тем не менее, действие Ялдабаофа производит желаемый эффект. Адам встает — и он светится. Он красивее Ялдабаофа и его военачальников. И могущественнее их.

Правителей тотчас охватывает зависть и понимание, что, собирая Адама, они отдали лучшие свои черты. Их пугает его великий разум и очевидное превосходство. Поэтому они сбрасывают его с небес в низшие царства материи — на землю. От этого нисхождения в мир материи Адам ослабевает и утрачивает память о своей истинной сути.

Правители отвлекают его еще сильнее радостями еды и секса с женой Евой. Так Адам и Ева становятся слугами Ялдабаофа в Эдемском саду, покалеченные криптонской ловушкой физического существования.

Скрытые сифианские сверхсилы

Дальнейшая история интерпретируется как борьба чудовища Ялдабаофа и верховного Бога за светоносный дух, заключенный в человеческой душе. Ялдабаоф хочет удержать его в пределах своего творения, поскольку обладание им дает ему силу поработить людей. Верховный Бог хочет его возвращения. Это значит, что верховному Богу приходится направлять тайных посланников, чтобы те открыли людям глаза на их бедственное положение.

Таковы скрытые сифианские сверхсилы: они спускаются через царства бытия из мира верховного Бога в мир Ялдабаофа, чтобы сразиться с ним.

Сифианские сверхсилы очень похожи на Супермена и Супервумэн, маскирующихся под слабых людей. Сифианские посланники — божественные сущности из мира верховного Бога. На пути вниз они облачаются в тела, соответствующие тем царствам, через которые проходят. Эти тела помогают им смешиваться с толпой, чтобы их появление осталось скрыто от глаз Ялдабаофа и его военачальников, и те ни о чем не подозревают, пока не оказывается слишком поздно.

В сифианской мифологии верховный Бог представляется всемогущим гермафродитом, что именуется Богом-Отцом и Незримым Духом. Первое, что происходит в сифианских сказаниях о начале времен, — одна из немногих вещей, доступных одинокому непостижимому существу: он размышляет о себе.

Первая его мысль о себе воплощается в виде гермафродита — Богини-Матери, известной под именем Барбело. Продолжение или расширение отца, ее также называют Первым Человеком. В Барбело воплощаются мысли бога. Она — его Протенойя (Первая мысль), Эннойя (Мысль) и Эпинойя (Потаенная мысль). Она порождает предвидение, нерушимость, вечную жизнь и истину. В процессе этого расширения или излучения Барбело производит на свет сына-гермафродита, названного Автоген (Самозарожденный), так же именуемого Логос (Причина). Он — Сын Человеческий. Он ответственен за порождение ангела Элелефа и божественных архетипов Адама, Сифа и потомства Сифа.

В силу гермафродитной природы Бога гендерные границы не играют никакой роли для сверхсил при спуске на землю: те с равной легкостью принимают как мужские, так и женские обличья. Более

того, границы между видами тоже проницаемы. Посланники могут являться в образе хоть людей, хоть животных, хоть растений.

Кто же такие сифианские сверхсилы? Чаще всего посланниками выступают Богиня-Мать, Барбело, ее сын, Самозарожденный, и его детища, Сиф и Элелеф.

В некоторых сифианских сказаниях Барбело как Потаенная мысль снисходит к Адаму в Эдемском саду и просвещает его. Она прячется в теле Адама как духовный архетип Евы. Находясь вне его тела, она предстает светлой женщиной-ангелом, Матерью Живущих, стоит рядом с Адамом и говорит с ним. Иногда в этих сказаниях, желая скрыться от Ялдабаофа и других правителей, Потаенная мысль вселяется в древо познания добра и зла, от которого вкушают Адам и Ева. Она становится деревом. В других случаях она оборачивается орлом, который гнездится на древе и является первым людям. В некоторых версиях сказания она вселяется в змея, наставляющего Адама и Еву вкушать плод. Когда они это делают, открывается их суть, и их озаряет свет знания. Они постигают правду о себе и о звериной природе их богов, Ялдабаофа и военачальников, которых отныне ненавидят.

Появление Потаенной мысли в Эдемском саду — первое нисхождение сифианской сверхсилы к людям с целью прояснить им их бедственное положение. Из этого, разумеется, ничего не выходит. Поняв, что Потаенная мысль спускалась из высей и открыла людям правду, правители осыпают Адама и Еву проклятиями, сокращают срок их жизни и обрекают их на тяжелый труд и служение за пределами сада. Память им стирают. Они утрачивают знание о том, кто они на самом деле.

После убийства Авеля Каином у Адама и Евы рождается еще один сын — Сиф, которого сифиане полагают своим первопредком. Сиф избран за то, что единственный из раннебиблейских персонажей никогда не взаимодействует с YHWH и не поклоняется ему. К тому же в библейском повествовании он описывается как сын, родившийся похожим на Адама. В трактовке сифиан это означает, что человек Сиф — отражение своего божественного архетипа Сифа. Если Адам — прародитель всех людей, в том числе подавляющего большинства не-гностиков, то Сиф — прародитель гностиков.

Иными словами, светочный дух, который Ялдабаоф вдунул в лицо Адаму, передался Сифу, сыну Адама и Евы, и его потомкам, хотя последние и не всегда это осознавали. Ялдабаоф все время старается удержать их в неведении относительно собственной истинной природы и силы. Бог же старается держать их в курсе при помощи вереницы посланников, раз за разом нисходящих на землю в качестве наставников.

В глазах сифиан история — настоящая борьба, потому что большая часть населения, ослепленная или отвлеченная от истины, продолжала поклоняться Ялдабаофу. В «Апокалипсисе Адама» находим сифианскую версию истории, согласно которой род людской разделился на тринадцать царств и одно поколение, не имеющее царей над собой. Двенадцать царств представляют собой двенадцать колен израилевых, присягнувших на верность Ялдабаофу. Тринадцатое царство также происходит от их «семени». Это отсылка к ранним христианам — апостольским католикам, по мнению сифиан так же поклонявшимся Ялдабаофу.

Народ всех тринадцати царств не сумел распознать гностические сверхсилы, включая величайшую из них — Иисуса, сошедшего в мир неузнанным, чтобы просветить людей в последние времена. Лишь в поколении, не имевшем над собой царей, не поклонявшемся Ялдабаофу, признали всех посланников и научились у них правильному крещению для высвобождения духа. Посланники учили народ, что те на самом деле выше Ялдабаофа и его военачальников, что их загнали в ловушку вечного служения ложным богам, что их заточили в тела, подобно криптониту истощающие их врожденную силу. Посланники обучают народ водным обрядам, в том числе церемонии, получившей название Пять Печатей. Сифиане верили, что эти водные обряды помогают освободить дух из заточения и постепенно провести его в божественные царства мира верховного Бога.

Самарянский гностицизм и Симон Великая Сила

Революционная идея гностической духовности быстро распространилась на север, в область древней Палестины, известной под названием Самария — регион, протянувшийся от Иудеи на юге до Галилеи на севере и до реки Иордан на востоке. Там возникло сообщество, именуемое самарянами, члены которого видели себя истинными хранителями закона YHWH. Они возводят свой род к северным коленам Израиля — Ефрема и Манассии, а не к Иуде с юга. Таким образом они не поклонялись YHWH в иудейском храме в Иерусалиме, но возвели собственный храм на горе Гризим. По сей день большинство самарян живет в тени этой священной горы, поклоняясь YHWH там.

В I веке н. э. человек по имени Досифей основал необычную самарянскую секту (Fossum 1989). По сохранившимся источникам трудно составить цельную картину тех событий, однако письменные свидетельства называют Досифея одним из учеников Иоанна Крестителя. Речь идет о том же самом Иоанне Крестителе, который фигурирует в христианских сказаниях об Иисусе Христе.

После смерти Иоанна Досифей якобы собрал собственный кружок, включавший главных учеников Крестителя, в том числе женщину по прозвищу Луна. Участники кружка, очевидно, следовали лунному календарю, принимая во внимание их число (тридцать), соответствующее количеству дней лунного цикла, и то, что одна из участниц взяла себе такое имя. Это был самарянский баптистский кружок, в котором практиковались водные инициации и ритуальные омовения. В самом деле, известно, что они возносили молитвы, стоя полностью одетыми в воде, поскольку считали ее священной.

Досифей утверждал, что он — тот, чей приход предсказал Моисей во Втор. 18:15 — пророком, подобным самому Моисею. Самаряне верили, что этого пророка Бог пришлет в конце времен, чтобы восстановить закон Моисея (Тору). Большую часть времени Досифей переписывал Тору — первые пять книг иудейского Писания, а также занимался составлением собственных книг (Fossum 1989, 320). Его последователи верили, что Досифей явился, чтобы восстановить закон Моисеев, по их мнению, искаженный за прошедшие века нечестивыми священниками.

Досифей прослыл «СтоЯщим» — это прозвище указывало на его возвышенное положение. Согласно вере самарян, взойдя на гору за скрижалями закона, Моисей присоединился к ангелам, стоящим подле Бога. Присвоение такого титула Досифею отражает веру в то, что он, подобно Моисею, взойшел к Богу, занял место среди ангелов и спустился обратно на землю, принес исправленные законы, чтобы распространить их среди желающих слушать.

Довольно скоро положение Досифея оспорил один из его учеников. Этим учеником был Симон из Гиттона (впоследствии известный как Симон Волхв). Сказания повествуют о том, как молодой Симон отправился в египетскую Александрию, чтобы получить лучшее греческое образование из доступного (Псевдо-Климент, «Гомилии» 2.7). Вернувшись в Самарию, он примкнул к кружку Досифея. Они с Луной влюбляются друг в друга и хотят пожениться. Судя по всему, Досифей считал Луну своей, поскольку Симону, чтобы жениться на ней, пришлось сначала перехватить главенство в общине. Потому он оспаривает полномочия Досифея, заявляя, что это он Стоящий, а не Досифей.

Симон утверждает, что это он — Стоящий, поскольку способен использовать божественную силу и с ее помощью творить удивительные вещи: «Я могу сделаться невидимым для жаждущих захватить меня и вновь открыться, когда пожелаю быть увиденным. Если пожелаю сбежать, смогу пройти сквозь горы и камни, как если бы те были слеплены из грязи. Если бы я бросился вниз с высокой горы, то слетел

бы на землю невредимым, будто перенесенный в повозке» (Псевдо-Климент, «Гомилии» 2.9). Он заявляет, что может преобразить свою внешность и стать овцой или козой. Путешествовать он предпочитает, летая по воздуху. Он являл собою Великую Силу (Ориген, «Против Цельса» 6.2, комментарий к Мф. 24:4–5; ср. Деян. 8:10; Псевдо-Климент, «Гомилии» 2.9).

На глазах общины Досифей хватает с земли палку. Ему не терпится побить Симона в поединке за титул и девушку. Двое мужчин кружат друг вокруг друга, Досифей потрясает палкой высоко над головой. Он наступает и колотит Симона, безжалостно избивая своим оружием.

Но Симон даже не вздрагивает. Его не удастся сбить с ног. Палка проходит сквозь его тело, будто оно соткано из дыма. Досифей потрясен. Его удары не поражают Симона, зато поражают его самого.

Досифей тотчас же покидает общину, оставляя ее под руководством Симона Великой Силы и Луны (Псевдо-Климент, «Гомилии» 2.11).

Пленение Елены

Под руководством Симона и Луны, чье настоящее имя, по-видимому, Елена, некогда мелкая, малоизвестная самарянская секта выходит за пределы одной национальности и разрастается в гностическую религию мирового масштаба (см. Иустин Философ, «Первая апология» 26; Ириней Лионский, «Против ересей» 23.1–4; Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.19.5; Епифаний Кипрский, «Панарион» 21). Симон вводит в практику гностическую духовность, принесенную им из Египта. В центре этой гностической религии стоят Симон и Елена как сверхсилы, пришедшие свыше, чтобы спасти души человечества.

Идея Симона выглядела просто и привлекательно. Он говорил, что есть Бог-Отец, YHWH, чья Эннойя (первая мысль) являет собой Нус (разум), он же Святой Дух. Это Богиня-Мать. Отец размышлял и размышлял, и в процессе измыслил в том числе идею архангелов, ангелов и мироздания. Его первая мысль, Святой Дух, поняла Его волю и поспешила спуститься в низлежащие царства, где как Богиня-Мать породила ангелов и силы, о которых думал Отец. Ангелы и силы, в свою очередь, сотворили мир, нарисованный в воображении Отца.

Но не все пошло должным порядком. Ангелы-творцы воспылали завистью и возжелали первую мысль YHWH, Святой Дух, более прекрасную, чем они. Они захватили ее и заточили в материальном теле,

и дух стал подвластен циклу рождения и смерти, жизнь за жизнью перерождаясь в человеческих телах. Она бесконечно страдала, не в силах освободиться, не в силах вернуться к Отцу. Она оказалась в ловушке собственного творения.

Единственным решением для этой ужасной ситуации становится личное вмешательство Отца, Его нисхождение на землю для спасения Матери. Симон заявлял, что он — YHWH во плоти, Великая Сила, Сын Божий, сошедший на землю, чтобы освободить Первую Мысль, поработленную мятежными ангелами. На земле Симон предстает людям в образе человека. Он блуждает по земле в поисках своего утраченного духа.

Он находит ее и женится на ней. Она — его возлюбленная Елена. Стремясь максимально ограничить ее силу, мятежные ангелы заточили ее в самом порочном теле. Большую часть нынешней жизни она проработала проституткой в публичном доме в финикийском городе Тире. Но Симон распознал в ней сверхсилу, каковой она и является. Она и есть его первая мысль, Мать Всего Сущего. Он пришел, чтобы вернуть ее домой и освободить человечество от власти мятежных ангелов.

Горние полеты с Симоном

Симон и Елена создают религию, открытую для всех, кто верит в них как в сверхсилы. Они преподают свой простой миф как метафору для всех людей, подобных Елене — людей, в ком заключен дух Божий. В «Великом откровении», книге, приписываемой Симону, разъясняется, что в каждом человеке обитает бесконечная Великая Сила в качестве человеческого духа (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.9.4–18.7). Большинство исследователей считают этот труд позднейшей подделкой II века, поскольку в нем прослеживается более проработанная теология, чем сообщает об учении Симона Иринеи Лионский. Но делать подобный вывод на основании этого свидетельства следует с крайней осторожностью. С тем же успехом Иринеи мог представить нам вкратце суть учения Симона для народных масс, в то время как «Великое откровение» являлось теологическим сочинением, написанным Симоном для более образованной аудитории. В нем полностью объяснялось продвижение от вечной силы к порождению человеческого существа как воплощения этой силы. Для этого автор изучает сказание из книги Бытия в исключительно гностической манере, примешивая к толкованию Библии как знания из области медицины о зачатии и развитии плода, так и египетские мифы об Атуме, двуполом боге, рычащем стоя на холме.

Согласно «Великому откровению», человеческий дух заперт в системе мироздания, истощившей дух своей силы. В таком ослабленном состоянии людям не освободить свой дух из плена никаким благочестием. Никакая, сколь угодно праведная жизнь не поможет духу вырваться из-под власти мятежных ангелов, правящих миром.

Освобождение духа, его избавление, это вопрос высшей милости. Вернуться к свободе и силе он может лишь по милости Бога, который сам берется снизойти на землю и устранить беспорядок, наведенный мятежными ангелами. Бог приходит на землю в облике Симона, чтобы открыть людям всю глубину их затруднительного положения и явить Себя людям, чтобы те могли узнать Его. После получения такого гностического опыта маленькое семечко духа, «божественный потенциал», скрытый в нас, полностью формируется и вырастает в совершенный плод. Согласно этому симонианскому документу, таким образом божественный потенциал реализуется, и Бог оказывается в нас.

Для отправления обрядов поклонения им как Богу-Отцу и Богине-Матери Симон и Елена создали священство. Они берут себе имена греческих богов Зевса и Афины, чтобы повысить популярность своего культа и с большей вероятностью привлечь людей, живущих за пределами Самарии. В обрядах общины использовались статуи этих богов. Центральное место среди их идей занимает вера в искаженное иудейское писание, по-видимому, восходящая к прежним досифеянским корням. Они пошли дальше Досифея, проповедовавшего, что иудейское писание исказили за минувшие века и его нужно переписать. Симон заявлял, что переписывать нет необходимости. Бог-Отец вовсе не был автором Торы. Она искажена в силу того, что создана одним из низших мятежных ангелов ради порабощения человечества. Автором каждой из книг Пророков, по утверждению Симона, также являлся тот или иной мятежный ангел. Чтобы освободить человечество от власти правящих ангелов, он велел отречься от закона. Он заявил, что любой в его общине, кого заметят за соблюдением законов иудейского писания, будет предан смерти.

Кроме того, они с Еленой установили обряды инициации, через которые верующих вводили в религию. Определенную роль играли водные обряды, судя по сохранившимся свидетельствам о том, что преемник Симона, Менандр, крестил всех, вступавших в его общину. Известно, что симонианские инициации также включали заучивание и произнесение всех имен ангелов-чудовищ. Эта программа, вероятно, отражает стремление общины сначала при помощи формул из слов силы покорить мятежных ангелов, а затем вернуть дух в родные горные выси.

Поскольку брак Симона и Елены как Бога-Отца и Богини-Матери рассматривается как искупительный акт, катехизис, который проходили новые адепты, включал в том числе и сакральные сексуальные практики в священном месте, именуемом Святая Святых. Ритуальное соитие рассматривалось как способ возобновить благословенный союз божественных Отца и Матери. Церемония носила название «Совершенная любовь» (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.19.5; Епифаний Кипрский, «Панарион» 21.4.1–2). Она являлась пиком инициации. После того, как дух посвященного покорил мятежных ангелов и вернулся в горние выси, он через сакральный брак воссоединялся с Богом-Отцом.

Симониане быстро расширялись. Симон и Елена не сидели на месте в Самарии, а путешествовали по крупным городам Римской империи, включая сам Рим, где у них сразу же появилось немало приверженцев. В своих странствиях они встречались с проповедниками других новых религий, в том числе зарождающегося христианства.

Раннехристианские сказания не опровергали идей религии Симона. Та настолько походила на их собственную, что некоторые христиане задавались вопросом, не были ли Симон и Иисус одной и той же фигурой (Деяния Петра 4). Чтобы мочь претендовать на подлинность и индивидуальность своей сверхсилы, Иисуса, христиане стали изображать Симона в максимально негативном свете. В христианских сказаниях Симон предстает шарлатаном и колдуном, который соперничал с Петром и первыми апостолами и проиграл.

Из одного из сказаний, сохранившихся в Новом Завете в книге Деяний, узнаем о «великосильном» Симоне, за которым в Самарии шло немало новообращенных. Когда апостол Филипп впервые приходит туда, он успешно обращает симониан и крестит их именем Христа. Обращается даже сам Симон, поскольку Филипп превосходит его по части творимых чудес. Когда же приходят Петр и Иоанн, чтобы помочь Филиппу преобразовать симонианскую общину и новую христианскую, Симон предлагает купить у них Духа Святого. Петр укоряет Симона. Тот упрасивает Петра помолиться за него Господу, дабы не пришлось ему гореть в аду (Деян. 8:9–24).

Хотя в этой истории могло сохраниться зерно исторической правды о том, что первыми в Самарии приняли христианство часть симониан, обращение самого Симона — фальсификация. Христианская пропаганда, попытка принизить сверхсилу Симона и возвысить собственную — Иисуса, Силу и Славу Божию.

Сходное чувство прослеживается в другом христианском сказании, где говорится о том, как Симон и Петр состязались на римском форуме. Симон заявляет толпе собравшихся римлян, что вознесется

обратно к Богу-Отцу, откуда и пришел. Ко всеобщему изумлению он пролетает над всем городом.

Петр проклинает Симона и просит Господа сделать так, чтобы тот упал с неба и сломал ногу. Проклятие Петра срабатывает.

Симон падает с неба, сжимается на земле, и его насмерть забивают камнями те, кто некогда верил в него как сверхсилу. С того дня, говорится в сказании, римские симониане сменили убеждения. Чем же заканчивается это христианское сказание? Вместо того, чтобы воздать почести Симону, римские симониане позволяют Петру убедить себя, что истинной сверхсилой был не кто иной, как Иисус (Деяния Петра 32).

Спаситель мира

В гностическом мире существует лишь один способ борьбы с чудовищами, с правящими нами темными властителями. Из великого царства силы на землю спускается посланник или спаситель, чтобы направить и спасти человечество. В христианских версиях гностических сказаний фигурирует посланник Иисус — не только как носитель откровения, но так же как сила, принимающая вызов чудовищ и побеждающая их во вселенской борьбе. Эта борьба чаще всего ассоциируется с распятием, когда смерть Христа обернулась поражением для правящих миром чудовищ. Гностики, трактовавшие христианские тексты, полагали, что в момент смерти Христа высвободился его могущественный дух и застал врагов врасплох. В эти мгновения хаоса Иисус сумел достаточно ослабить вселенских чудовищ, чтобы Его последователи навсегда оказались надежно от них защищены.

Добровольная жертва Супермена в «Человеке из стали», сдача в плен чудовищу Зоду, выглядит прозрачней некуда. Стоя посреди пустыни в окружении американских морских пехотинцев, Кларк сдается Зоду без сопротивления. Зод думает, что он и его свита победили. Он не подозревает, что все не так просто.

Чего Зод не знает, так это что Кларк не станет следовать его злому плану. Не станет уничтожать жизнь на Земле ради возрождения Криптона, потому что, живя среди людей, он обрел мораль и проникся любовью к человечеству, которая заставляет его действовать. Кларк выберет спасение человечества, даже если это будет стоить жизни ему самому.

Еще Зод не знает, что теперь Кларк вдвое сильнее любого криптонца, включая самого Зода и его приспешников. В теле Кларка хранится Кодекс, хранилище всей генетической информации Криптона, но эта инопланетная ДНК в то же время тридцать лет находилась

в человеческой среде, вследствие чего преобразовалась в нечто новое и потрясающее.

И вот Супермен сцену за сценой вступает в противостояние с Зодом и его приспешниками и уничтожает их одного за другим. В конце этого напряженного эпизода Супермен загоняет Зода в тупик. Когда тот решает воспользоваться своими лазерными глазами для убийства случайных людей вокруг, Супермен хватает его за шею и ломает ее. Этим ловким приемом, последним трюком, Супермен спасает мир.

Глава четвертая

Павел и гностическая догма

Вифания Слоун

Вифания Слоун лежит дома в кровати, уставившись в потолок. Она слышит скрип половицы и выхватывает из-под подушки бейсбольную биту. Вглядывается в темноту, размахивая битой. Вдруг без предупреждения в изножье кровати вспыхивает свирепое пламя. Она с тревогой вглядывается в огонь, пытаясь понять, что происходит. Со страхом она видит в огне очертания человекоподобной фигуры (рис. 4.1).

Из пламени раздается громоподобный глас: «Внемли Метатрону, вестнику Всемогущего, гласу Бога Истинного!»

Вифания делает единственное, что приходит ей в голову: выскакивает из постели и тут же возвращается с огнетушителем. Орудую им, как профи, она заливает огонь вместе с фигурой белой пеной. Пламя рассеивается, и Метатрон, кашляя и отплевываясь, падает на пол.

Ошарашенная его появлением Вифания восклицает: «Кто вы такой, черт возьми? Зачем залезли в мой дом?!»

Рис. 4.1. Встреча Вифании Слоун (Линды Фиорентино) с Метатроном в фильме «Догма» (1999 г.).

Метатрон говорит, что он — глас Божий, ангел высшего порядка. В доказательство своих слов он разворачивает крылья. Не в силах поверить, Вифания интересуется, почему Бог не может говорить сам. Метатрон объясняет: «Люди ни физически, ни психологически не способны вынести неизреченную мощь истинного Божьего гласа.

Услышь ты его, и твой разум бы вскипел, а сердце взорвалось. Мы списали пяток Адамов, пока не разобрались с этим».

В комедийном фильме 1999 года «Догма» сценарист и режиссер Кевин Смит показывает нам классическую историю о неверующем, столкнувшемся с чем-то настолько невероятным, что после этого его жизнь никогда не будет прежней. Мы отправляемся в путь вместе с Вифанией — женщиной, заявлявшей и о своей вере, и о том, что Бог умер, взявшейся исполнить поручение Метатрона, для чего ей нужно выступить в крестовый поход. Она должна отправиться в Нью-Джерси и помешать парочке ангелов-отступников войти в церковь. Метатрон объясняет Вифании, что этих ангелов — Локи и Бартлби — изгнали с небес на веки вечные. В древние времена, когда Бог был мстителем, Локи, ангел смерти, воплощал Божий гнев и нес воздаяние, однако обрушив на Египет десятую казнь, отказался от своей должности. Его друг, ангел-хранитель Бартлби, убедил его, что убивать во имя Бога не слишком похвально.

Тысячи лет Бартлби страдал в изгнании в Висконсине, неся Божью кару, и наконец, как ему кажется, нашел лазейку в католических догматах, с помощью которой можно заставить Бога принять их с Локи обратно на небо. Если они отрежут себе крылья и войдут в церковь как смертные, Богу придется простить им грехи и принять их. Однако их действия влекут за собой последствия. Допустив их на небо, Бог признает собственную ошибку, и все творение прекратит существование. Задача Вифании — нарушить план ангелов и предотвратить подобный исход.

На следующий день Вифания нехотя пакует вещи и выдвигается в Нью-Джерси, чувствуя, что в ее жизнь грубо вмешались и та уже не вполне принадлежит ей самой. Еще вчера она не верила даже, что Бог существует. Была католичкой-отступницей, работающей в абортарии. Сегодня же возглавляет крестовый поход во спасение всего человечества. Ее призвали исполнить долг, но она об этом не просила. Как бы она того ни хотела, отказаться нельзя. Ее избрали.

Вифания напоминает великого апостола христианской церкви Павла, который никогда не знал человека Иисуса, однако мистическое видение об Иисусе, постигшее его на дороге в Дамаск, обратило прежние его религиозные убеждения в «дерьмо», как он пишет на сниженном греческом (Фил. 3:8). Какими бы ни были последствия, пути назад у него не осталось. Он узрел Бога невообразимым для себя прежнего образом. В результате из фанатичного иудея он за одну ночь превратился в новообращенного христианина.

Самое поразительное в истории Павла, Впрочем, это смена духовности, приобретшей, как мы увидим в данной главе, ощутимый

гностический привкус, что современные историки церкви отрицают с пеной у рта. Известно, тем не менее, что сочинения Павла использовались в качестве основополагающих писаний как христианско-гностическими сообществами II века, так и апостольско-католическими. В список его посланий (написанных с наибольшей вероятностью в следующем порядке) входят: 1-е и 2-е к Фессалоникийцам (ок. 40 г. н.э.); к Ефесянам, к Колоссянам и к Филимону (ок. 50 г.); 1-е и 2-е к Коринфянам, к Галатам и к Филиппийцам (ок. 51 г.); и к Римлянам (ок. 52 г.). Аутентичность 2Фес., Ефес. И Кол. ставится учеными под сомнение, но я по-прежнему не считаю, что эти послания написаны кем-то, помимо Павла (см. Campbell 2014).

В гностических и католических сообществах на основе изучения посланий Павла развились собственные для каждой направленности религиозные воззрения. И те, и другие считали Павла своим апостолом. Современные историки церкви утверждают, что так произошло потому, что апостольские католики читали Павла правильно, тогда как гностики накладывали собственные взгляды на его сочинения и прочитывали их неверно. Этот аргумент удобен только тем, что служит законному признанию апостольского католицизма наследием Павла. Он оставляет без внимания тот факт, что обе стороны — и католики, и гностики — считывали у Павла то, что подкрепляло их веру, и игнорировали те элементы, которые могли ей противоречить. Такое стало возможно потому, что в его посланиях действительно прослеживаются тенденции, подходящие обеим сторонам. В сочинениях Павла имеются как католические, так и гностические семена. Поскольку дело в этом, нужно понять, что говорится в посланиях Павла о зарождении гностической духовности в рамках христианских общин, основанных им в Малой Азии, Греции и Риме.

Зарождение христианства

Гностическая духовность не ведает границ в вопросах религиозного оформления. Когда в начале нашей эры гностическая духовность встретила в рамках египетского религиозного буфера с греческой философией, возник герметизм. Когда гностическая духовность слилась с иудейской Библией, появилось сифианство. При участии Симона Волхва гностическая духовность смешалась с местным самарянским культом, и родилось широкомасштабное гностическое течение, известное как симонианизм. Что же произошло, когда гностическая духовность соприкоснулась с зарождающимся христианством?

История зарождения христианства не так прямолинейна, как может показаться по новозаветной книге Деяний святых апостолов.

Другие книги Нового Завета, в том числе послания апостола Павла, говорят о том, что развитие христианства на начальном этапе вовсе не было романтической сказкой апостольско-католической церкви, единственная идея которой сводится к Иисусу, чей образ с течением времени вероломно исказили гностики и прочие еретики. Зарождающееся христианство было неоднородно, являя собой новую религию-калейдоскоп со множеством соперничающих проявлений, и апостольско-католическое стало лишь одним из них.

Как так могло выйти? Представьте, каково после смерти Иисуса было людям, чьи жизни он затронул. Разных людей могли вдохновлять проповедовать и распространять Его учение собственные, личные воспоминания об Иисусе. Такие проповедники могли соглашаться друг с другом, а могли и нет. Наверняка многие стали волками-одиночками, действуя по-своему, не привязываясь официально ни к кому, кроме самих себя и своего Бога.

У нас мало сведений о тех ранних временах, только несколько упоминаний, как в Евангелии от Марка, где ученики Иисуса встречают незнакомого им человека, изгоняющего бесов именем Иисуса. Иисус говорит ученикам оставить этого человека в покое, потому что в нем сила и ему не следует мешать. Он напоминает ученикам, что любой, кто способен творить подобное именем Его, — друг, а не враг (Мк. 9:38–41).

Другое упоминание о подобном неформализованном почитании Иисуса энтузиастом находим в Деяниях апостолов, где рассказывается об Аполлосе, иудее родом из Александрии, принесшем в Ефес свой вариант почитания Иисуса. Его проповеди основывались на Писаниях и пророчествах о Мессии, которые, по его мнению, относились к Иисусу. Основной целевой аудиторией Аполлоса были другие иудеи, которых он надеялся убедить в том, что Иисус и есть Мессия. Как и Иоанн Креститель, Аполлос учил о крещении во имя покаяния, ничего не зная о крещении во имя принятия Духа Святого (Деян. 18:24–19:7). Подобная форма бездуховного крещения известна также авторам новозаветных Евангелий и подвергается их критике, так что можно предположить, что в раннехристианских кругах за пределами их сферы влияния она была достаточно распространена (Мк. 1:8; Мф. 3:11; Лк. 3:16).

Аполлос же в ефесской синагоге натывается на христианских миссионеров Прискиллу и Акилу из Рима. Они слушают его пламенную речь, но потом отводят его в сторонку и излагают собственную точку зрения, поскольку согласны не со всем, что он говорит (Деян. 18:26). После этого Аполлос отправляется в Коринф, где его идеи порождают споры и разделение внутри общины, изначально основанной Павлом

на базе других принципов (Деян. 18:27–19:1; 1Кор. 1:11–17, 3:5–9). То было, конечно, очень непростое время для новообращенных, не понимавших, чьим идеям о Христе нужно следовать.

Версия христианства от Павла была лишь одной из многих, по большому счету реакционной. Павел реагировал на действия возникшей ранее влиятельной церкви, сформировавшейся в Иерусалиме после казни Христа и возглавляемой Иаковом, братом Иисуса. Таким образом, чтобы понять Павла и революционный гностический дух, привнесенный им в создаваемые им церкви, необходимо сначала понять, на кого и на что он реагировал. В данном случае он реагировал на Иакова, брата Иисуса, и его приверженность иудейскому образу жизни. Иаков считал себя не христианином, но иудеем, почитающим своего брата Иисуса как Мессию.

Иудеи, почитавшие Иисуса

Хотя зарождение христианства характеризуется появлением вольных, самопровозглашенных миссионеров, верно так же и то, что еще на очень раннем этапе ученики Иисуса объединились под предводительством Его брата Иакова и организовали собственное движение в Иерусалиме. В раннехристианской литературе сохранилось множество свидетельств того, что делали и думали эти люди.

Движение называлось «Путники» (дословно «люди дороги»). То было иудейское течение, считавшее своим долгом жить по иудейскому закону, Торе, как его толковал Иисус. Авторитет движения базировался на том, что его основатели являлись родственниками и учениками Христа, людьми, знавшими Его лично и близко. Для потенциальных новообращенных такая личная связь с Иисусом значила много, ощутило повышая в их глазах законность и правомочность движения.

«Путники» верили, что каждый может пройти одной из двух дорог: узкой дорогой праведности, ведущей в жизнь, или широкой дорогой греха, ведущей в смерть. Учение Иисуса обозначило для них дорогу в жизнь, которую Бог предназначил народу Своему, дав Моисеев закон. Для них Иисус был долгожданным пророком, подобным Моисею, Мессией, пришедшим вернуть закон Божий к исходному значению и подготовить их к Последнему Суду, как они верили, уже маячившему на горизонте (Деян. 3:19–26, 7:51–53; ср. Мк. 6:4, 15, 8:28; Лк. 4:24, 7:16, 9:8, 13:33, 24:19; Ин. 1:19–27, 4:19, 25, 6:14; Евр. 3:5).

Лучше всего их точка зрения сохранилась в новозаветном Послании Иакова (ок. 60 г. н. э.) и в раннехристианской книге под названием «Дидахе» или «Учение двенадцати апостолов» (ок. 90 г. н. э.).

Однако она фигурирует и в учениях Христа в Евангелии от Матфея (ок. 80 г. н.э.), где Иисус утверждает, что пришел не нарушить иудейский закон, но исполнить (Мф. 5:17–18).

«Путники» видели в Иисусе Божьего святого человека, праведного иудейского пророка и мученика, несправедливо казненного неверующими (Деян. 2:24, 32, 3:15, 4:2, 10, 33 и др.), еще одного в долгой череде иудейских пророков, отвергнутых неправедными (Деян. 2:23, 3:17–18, 7:51–53; Мк. 6:4–5; Мф. 13:57–58; Лк. 4:23–24; Ин. 4:44). Жестокую смерть, впрочем, Он принял не зря. Она являлась частью Божьего плана спасения. Смерть Иисуса послужила прощению грехов Израилевых. В таком заявлении нет ничего необычного, поскольку иудеи того времени верили, что смерти, принятые мучениками за дело иудаизма, могут искупить грехи Израилевы (ср. Деян. 5:31 с 2Макк. 6:12–16, 7:38; 4Макк. 6:27–29, 17:20–22). Наградой для Иисуса, также типичной для иудейских мучеников, стало воскресение из мертвых и возведение в ранг бойца святого Божьего воинства, стоящего близ Божьего престола. По этой вере, Он стал могущественным ангелом-заступником, чье священное имя давало исцеление, защиту и прощение.

Иерусалимское движение служило центром, откуда отправлялись по дорогам группы миссионеров, проповедуя свои идеи по синагогам и площадям. Идея их была проста: «Покайтесь! Приблизилось царствие Божие!» (Мф. 4:17, Мк. 1:15). Под этим подразумевалось: «Времени мало. Бог скоро придет. Перестройте свою жизнь в соответствии с учением Мессии Иисуса, чтобы подготовиться к Последнему Суду и быть допущенными в рай, когда наступит конец света». Они спешно крестили новообращенных в речной воде, веря, что та очищает от любых прошлых грехов.

Чтобы отличаться от последователей Иоанна Крестителя, соперничавших с ними за новообращенных, иерусалимские миссионеры стали заявлять, что их крещение лучше Иоаннова, поскольку не только смывает грехи, но и осеняет посвященных Святым Духом, своего рода ангелом-хранителем, поселяющимся в их душах. Их крещение имитировало крещение самого Иисуса, когда на Него сошел Дух, сделав Его Сыном Божьим. Миссионеры обещали новообращенным, что Святой Дух будет помогать им в попытках вести безгрешную жизнь в повиновении УНВН через толкование Торы, данное Мессией. Почитатели Иисуса, оставшиеся в Иерусалиме, ежедневно посещали храм, молясь о спасении Израиля и удовлетворяя нужды жителей своей общины. Так, в благотворительности и бедности, они ожидали возвращения с небес Иисуса-Мессии. Тогда, как они верили, их перенесут в эсхатологический рай подобными Ему воскресенными ангельскими созданиями.

Обращение язычников

«Путники» имели некоторый успех среди братьев-иудеев, убеждая их, что Иисус — Мессия, однако лучше всего им удалось утвердиться среди посещавших синагоги неиудеев, язычников-богобоязненных. Это были греки и римляне, восхищавшиеся этичными монотеистическими учениями иудаизма, а потому проводившие время в синагогах и старавшиеся по возможности жить, как иудеи, но без обрезания. Они были обязаны соблюдать законы потомков Ноя — семь законов, согласно иудейской вере, данных Ноем прежде, чем Аврааму и его потомкам было предписано обрезание. Эти законы основаны на Быт. 9:9 и других писаниях. Они запрещали идолопоклонство, убийство и воровство, блуд, богохульство и поедание мяса с кровью.

«Путники» привлекали язычников тем, что в качестве церемонии посвящения использовали не обрезание, а крещение. Язычникам не требовалось подвергаться обрезанию, чтобы считаться полностью вошедшими в движение почитателей Иисуса. В первые годы после смерти Иисуса их присоединилось к общине столько, что возникли проблемы с тем, чтобы всех прокормить. Для надзора за раздачей пищи и иных потребностей участникам нееврейского происхождения, не имевшим тех же ограничений в еде, как евреи, ученики назначили группу лидеров второго порядка из числа неевреев, чтобы те занимались вопросами обеспечения обращенных язычников (Деян. 6:1–6).

Хотя сами «Путники» считали себя единой общиной, ясно, что внутри нее формировались две отдельные группы: одна иудейская, другая из бывших язычников. Члены второй группы, не обязанные подвергаться обрезанию и соблюдать иудейский закон с его ограничениями в еде, начали оспаривать полезность иудейского закона и принижать его, называя скорее заветом ангелов, чем самого Бога. Они начали проповедовать в местных синагогах, что Иисус пришел не только затем, чтобы верно истолковать законы Моисея, но еще и чтобы изменить Моисеевы обычаи. Именно к этой группе первоначально примкнет Павел, едва вступив в христианство. Но еще раньше него появляется Стефан, первый христианский мученик.

Малополезный закон

Идея Иисуса, меняющего Моисеевы обычаи, вызвала сильную тревогу среди иудейского населения Иерусалима, которое и так чувствовало постоянную угрозу своей религиозной идентичности и границам со стороны римлян. Римские колонисты сурово угнетали их в экономическом и политическом отношении, вдобавок унижали их как религиозный народ, украшая улицы и новые здания изображениями

языческих идолов. В Иерусалиме назревало восстание сторонников независимости Иудеи, и такие маркеры идентичности, как обрезание, приобретали для борцов за свободу еще большее значение.

Как пишет Лука в Деяниях апостолов, дело доходит до критической точки, когда один из почитателей Иисуса из числа неевреев, Стефан, вступает в спор об иудейском законе в синагоге вольноотпущенников. Стефан говорил собравшимся там иудеям, что Иисус из Назарета пришел, чтобы разрушить Храм и переменить Моисеев закон. Слышавшие это обвинили его в хуле на Моисея и отвели в Синедрион.

Когда первосвященник спросил Стефана, правдивы ли эти заявления, тот ничего не отрицал. Напротив, он пытался защитить свою позицию, настаивая, что Бог пообещал Аврааму и его потомкам землю Израиля до того, как дал ему завет обрезания (Деян. 7:2–8). Далее он объясняет, что Моисеев закон дан их предкам не самим Богом, но ангелами. Более того, этот дар был малополезен: предки так и не смогли ему следовать.

Мало того, Стефан еще больше накаляет обстановку, говоря, что иудеи в Иерусалиме продолжают все делать неправильно и дошли до того, что убили Мессию — Иисуса. По мнению Стефана, они убили святого человека и предали Бога. Разгневавшись, он называет своих обвинителей жестоковещными людьми с необрезанными сердцами (7:51–53).

На этом все и кончилось. Стефана вывели на улицы, и разъяренная толпа забила его камнями до смерти (7:54–60). Первосвященник приказал отыскать принадлежащих к этому богомерзкому культу, силой войти в их дома и заточить их в темницу, пока не предстанут они перед судом синедриона по обвинению в богохульстве. Чтобы спастись, путники-неевреи бежали и рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии, а адепты-евреи и ученики затаились в Иерусалиме, пережидая переполох.

Именно тогда на сцене появляется Павел (рис. 4.2). Павел никогда не знал Иисуса. Но, будучи фанатичным иудеем, он оказывается участником арестов почитателей Иисуса. Автор Деяний апостолов говорит, что с благословения первосвященника Павел отправляется в синагогу Дамаска, где надеется найти и арестовать бежавших туда почитателей Иисуса (8:1–3, 9:1–2). Хотя в Деяниях апостолов события приукрашены, они не являются полной выдумкой. Павел сообщает нам в собственных посланиях, что некогда был фанатичным иудеем. Он со стыдом признает, что жестоко преследовал членов иерусалимской церкви, чтобы разрушить ее (Гал. 1:13; Фил. 3:6; 1Кор. 15:9).

По дороге в Дамаск произошло нечто, перевернувшее жизнь Павла с ног на голову и шиворот-навыворот. В мгновение ока вся его суть и жизнь как иудея переменялась настолько кардинально, что он пытается объяснить и отстоять это изменение до конца своих дней, отправляя послание за посланием своим приемным детям-христианам. Да, фанатичный иудей, враг первых христиан, становится отцом разновидности христианства, на глубинном уровне нарушающей его иудейское наследие и приверженность традиционной духовности завета его предков. На основе глубокого экстатического опыта Павла и его переоценки своего иудейского наследия выстраивается новая религия, в фокусе которой поклонение YHWH неевреями. И духовность, бьющаяся в ее сердце, гностическая.

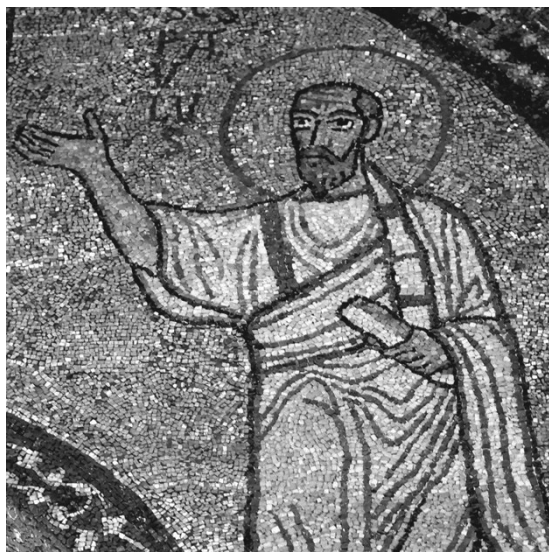

Рис. 4.2. Мозаика VII в., изображающая св. Павла, из базилики св. Пракседы в Риме. Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.

YHWH как Иисус

Существует много версий случившегося на дороге в Дамаск. Лука в книге Деяний апостолов приводит три разных описания, согласно которым Павел видит свет столь яркий, что физически слепнет и падает на землю. Когда Павел восклицает: «Кто ты?» — в ответ он слышит: «Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян. 9:1–5, 22:4–16, 26:9–18).

Встреча Павла здесь представлена как религиозное откровение, во многом сходное с видением Метатрона, выпавшим на долю Вифании

Слоун в фильме «Догма». Но в случае Павла ему является не Метатрон как воплощение YHWH, а Иисус (см. Segal 1992, 34–71). Согласно сказаниям иудейской Библии, когда YHWH являлся пророкам Иезекиилю, Исаие или Даниилу, он принимал облик светящегося человека или великого ангела. Встреча Павла на дороге со светящимся воплощением YHWH особенно примечательна тем, что это воплощение отождествляется не с каким-либо великим ангелом времен предков Павла, вроде Михаила или Гавриила, а с Иисусом Мессией.

По дороге в Дамаск Павел сталкивается лицом к лицу с воплощением Господа YHWH, которое не стыкуется с его иудейским прошлым. Иисус? Как YHWH? Такое поражало, как гром с ясного неба. И напрочь рушило основы мироздания Павла, который сам называл себя фанатичным иудеем.

Сам Павел описывает свой опыт как «откровение Иисуса Христа», во время которого Бог «призвал его благодатью Своею», что переменяло его образ жизни как иудея. Он говорит, что полученное им Евангелие пришло к нему не от человека, но напрямую от Бога, которого он никогда не знал. То, чему он учится через этот опыт, формирует для Павла основу нового понимания Бога и собственной миссии — поведать о нем язычникам (Гал. 1:11–12).

Это мистическое событие было настолько резким, одновременно дезориентирующим и реориентирующим, что Павел видит его как свою смерть, когда он «сораспаялся Христу», чтобы «жить для Бога» (2:19–20). Свою жизнь до этого происшествия он видит как «бывшую» или прежнюю жизнь в иудействе. Он описывает себя прежнего как иудейского фанатика, неумеренного ревнителя религиозных традиций предков, преуспевшего в религиозном образовании более многих сверстников (1:13–14). Он говорит, что был согласно закону обрезан на восьмой день, что по рождению он израильтянин колена Вениаминова и семя Авраамово. Его воспитали фарисеем, чтобы прожить жизнь в соответствии с законом. И он был столь ревностен в этом, что по правде законной непорочен (Фил. 3:5–6; 2Кор. 11:22).

Однако встреча с Мессией Иисусом как славой YHWH настолько приковала к себе внимание Павла, что, как он говорит, превзошла всё, что он когда-либо испытывал или с чем себя отождествлял. Это исключительное гностическое событие, и Павел описывает его, как трансцендентный момент, в который он познал Иисуса-Мессию как Господа своего (Фил. 3:8).

Такое прямое познание Бога оказалось для Павла настолько невероятным, что он стал рассматривать всю свою прежнюю жизнь как «скубалон». Когда в традиционных переводах Фил. 3:8 это слово передают как «сор», истинный посыл замечания Павла стирается. «Ску-

балон» по-гречески означает «дерьмо». Использование этого слова в послании — намеренная агрессивная вульгарность со стороны Павла. Для него сравнить всю свою прежнюю жизнь в иудействе не более чем с дерьмом — это шаг за черту (см. Гал. 2:18).

Павел считал себя новым человеком, и не в какой-то степени, а полностью. Целью и страстью его жизни становится распространение гнозиса (знания) об Иисусе-Мессии как воплощении УНВН. Его прежняя жизнь как фарисея и блюстителя порядка на службе первосвященника рухнула, и вместо этого он отправляется в путь ревностным почитателем Иисуса, трудясь и как проповедник, и как основатель церквей. Павел был убежден, что Бог избрал его еще до рождения, чтобы явить ему откровение об Иисусе-Мессии и отправить благовествовать это знание язычникам (Гал. 1:15–16).

По рассказу Луки в Деяниях святых апостолов об откровении Павла, видение оказалось настолько ослепительным, что остаток пути до Дамаска Павла пришлось вести за руку. Три дня он не мог ни видеть, ни есть, ни пить. В конце концов его нашел скрывавшийся в Дамаске ученик из числа «Путников», Анания, исцелил его слепоту, крестил во имя Иисуса и накормил (Деян. 9:17–19).

В вопросах зарождающегося христианства Павла наставляли с позиции нееврейской фракции, ставившей под сомнение значимость и необходимость соблюдения иудейского закона. Ему также преподают ранний принцип, что «Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребён был, и что воскрес в третий день, по Писанию» (1Кор. 15:3–4).

Вместе с почитателями Иисуса Павел отправляется по синагогам для поклонения, но там принимается говорить с присутствующими об Иисусе-Мессии. Павел прилюдно озвучивал свои убеждения. Его идеи были настолько трансгрессивны, что вскоре разгорелся конфликт между ним и дамасскими иудеями — до того острый, что Павлу пришлось тайком выбираться из города, чтобы избежать ареста и казни: его спустили в корзине через окошко в городской стене (Деян. 9:19–25; 2Кор. 11:32–33).

Последующие годы Павел проводит в странствиях по Аравийскому полуострову, проповедуя (Гал. 1:17). Точно неизвестно, почему он выбрал Аравию, но это пустынная область к югу от земли Израилевой, где находится гора Синай (4:25). Возможно, Павел испытывал потребность посетить гору, где УНВН явил себя в сиянии и славе Моисею и Илие, надеясь и самому обрести подобные видения (Исх. 3:1–6, 34:27–29; 3Цар. 19:1–18). Павел утверждает, что за время путешествий получил множество видений и откровений, в том числе откровение, в котором видел небеса и рай и узнал вещи, какие невозможно пе-

рассказать человеку (2Кор. 12:1–4). В своих посланиях он заявляет, что его благовествование передано ему не людскими властями, но напрямую в откровении об Иисусе-Мессии (Гал. 1:1, 11–12).

Здесь тайна

Весь остаток жизни Павел стремится передать новообращенным опыт взаимодействия с Богом в образе Иисуса Христа. Не находя слов для описания этого всепоглощающего опыта, он прибегает к языку гностиков. Он говорит об откровении, о тайне, скрытой от начала времен (Рим. 16:25–27; 1Кор. 2:7; Ефес. 3:5, 8–10). О чем-то, что невозможно объяснить рационально, и неизвестном архонтам (властям) зона (века) сего (1Кор. 2:6–7). Он говорит о силе и премудрости Божьей, безумной с точки зрения людской логики (1:20–25; 2:1). О гнозисе, прямом понимании Бога в образе Иисуса Христа (1Кор. 1:30; 2Кор. 2:14; Ефес. 1:17–19, 3:18–19; Кол. 1:9–10, 2:2). О постижении любви Христовой, полноты Божьей, превосходящей разумение (Ефес. 3:18–19).

По словам Павла, этот гностический опыт не остался без последствий. Через него непосредственно приходит дарование Пневмы (духа), объединяющее дух человеческий с Христовым и преображающее человеческий разум (Рим. 1:13; 1Кор. 1:5, 6:17, 7:7, 40, 9:11; 2Кор. 13:5). Павел обещает обращенным открыть то, чего «не видел глаз, и не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1Кор. 2:9). Себя он считает домостроителем этих тайн (1Кор. 4:1; 2Кор. 11:5–6; Кол. 1:25–26).

Что же это за сокровенная тайна? Сущность самого Бога. Хотя язычники и признавали силу Бога и божественное в природе, согласно Павлу, поклонялись они совершенно неправильно. Вместо поклонения бессмертному Богу, они создали идолов и поклонялись им. Язычники не осознавали, что таким образом на самом деле поклонялись бесам, демонам, и это сделало их рабами начальных сил вселенной (1Кор. 10:20–22). И потому их умы омрачились, мысли стали глупыми и ничемными. Поскольку они не приняли настоящего Бога, то оказались под властью злобы и непотребства (Рим. 1:19–29).

Следуя логике Павла, иудеи в этом отношении выходят ничуть не лучше: они тоже стали идолопоклонниками, когда сделали в пустыне золотого тельца. Хотя они и были избраны Богом и имели возможность узнать Его за столько лет, и они (за исключением немногих иудеев) не сумели понять Его и не искали Его (Рим. 11:7). Из-за своего невежества они отвернулись от Бога в пустыне и стали идолопоклонниками (1 Кор. 10:5). Поскольку они не познали Бога, то стали греш-

никами в оковах закона, который не смогли соблюсти (Рим. 3:10–12, 19–20, 5:20, 11:1).

В качестве иллюстративного примера Павел приводит историю Моисея, прошедшего через светозарное преображение на горе Синайской и затем накинувшего покрывало, чтобы прикрыть сияние своего лица. Павел говорит, что покрывало остается неснятым, не давая иудеям увидеть истинное, славное воплощение Бога в Мессии Иисусе. Покрывало остается, ослепляя их умы, ожесточая сердца по отношению к истинному Богу (2Кор. 3:7–18).

Тем не менее, Павел был убежден, что Бог никогда не отказывался от них и не отвергал их, несмотря на непослушание и инакомыслие на протяжении всей истории (Рим. 11:1–2). Он надеется, что однажды они обратятся к истине, хоть бы и из ревности, что Бог осеняет Своей милостью язычников (Рим. 11:11–15).

Павел отмечает, что существует множество так называемых богов, представленных идолами. Но они не то же, что Единый Бог. Для Павла и обращенных им есть лишь один Бог, Отец, и его воплощение — Господь Иисус Христос, от которого приходит всё и для которого мы существуем (1Кор. 8:4–6). Павел с уверенностью утверждает, что YHWH и Его воплощение Иисус — Единый Бог как иудеев, так и язычников, пусть даже ни те, ни другие не сумели познать Его и поклоняться Ему (Рим. 3:29–30).

Результатом людской неспособности к поиску и познанию Единого Бога стали непослушание, грехи и смерть, начиная с Адама и далее на протяжении многих веков. Возникли узы, связавшие людей с силами зла, которые питаются и наполняются силой прежде всего от людского непослушания. Такие начальные силы расцветают пышным цветом на человеческом невежестве и непослушании, и за счет этого они захватили власть над вселенной. Само творение покорилось их воле и суете. Люди прикованы к миру тления и смерти (8:20–22).

Вселенский Единый Бог

Павел рассматривает Отца Иисуса не как Бога рода YHWH, но как Единого Бога YHWH, превосходящего род (Рим. 15:7–13). Он — вселенский Бог-Творец, которого иудеи неверно поняли в вопросах рода и завета.

Павел обращается к преданию об общении YHWH с Авраамом, прославленным патриархом иудеев, и делает трансгрессивное заявление, что Бог все это время подразумевал, что Его милость распространяется и на неевреев тоже. Павел указывает на то, что Бог дал Аврааму и его потомкам обещание о праведности задолго до прихода

Моисея и обретения иудейского закона. Божье обещание благословения распространялось на всех, кто будет полон веры, не только на тех, кто соблюдает Моисеев закон и следует его завету (4:2–16). Всякий, принадлежащий Христу, потомок Авраама — полноправный наследник Божьего обетования, кого Бог определил усыновить в славе и благодати Своей (Гал. 3:29; Ефес. 1:3–6, 3:6; Рим. 8:28–30, 33, 11:5–6; ср. 2Кор. 1:12; Кол. 3:12).

Хотя Единый Бог праведен, согласно Павлу, главные Его черты — любовь и милость (Рим. 4:16; 2Кор. 13:11; Ефес. 3:4; Кол. 1:6). Любовь Его поселяется в людях, когда их во время крещения наполняет Дух Святой (Рим. 5:5). Крещение — механизм инициации, соединяющий дух людской с Христовым, чтобы человек мог преобразиться и ходить в обновленной жизни (Рим. 6:1–5, 8:9–11). В этот момент меняется статус посвященного, с этого момента он или она — законное дитя Божье со всеми правами наследования, а не раб начальных сил вселенной и иудейского закона. Посвященный может по-сыновнему обращаться к Богу «Авва» («Отче») (Рим. 8:14–17; Гал. 4:6–7). Новое родство с любящим Единым Богом вселяет в Павла уверенность, что ни одна из правящих вселенной начальных сил не может вмешаться и отлучить посвященного от любви Божьей в Иисусе Христе — ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь (Рим. 8:38–39).

В видении Павла УНВН — не Бог отдельных родов, но вселенский Единый Бог, которого не искали и не знали до пришествия Мессии Иисуса. Бог Павла живет на далеком небе. Он Отец Иисуса, а Тот, в свою очередь, явился на землю вместо Отца Своего, как Его воплощение (Фил. 2:6–11; Кол. 4:15–16). Бог Павла превышает творения и всех сил и начал, покоривших мироздание и поработивших дух людской. Этот Бог не делает различий между евреями и неевреями.

Павел пишет: «один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его». Павел верит, что каждый, призвавший имя Иисуса Христа, будет избавлен от уз, связывающих его с силами зла (Рим. 10:12–14). Это Бог, сказавший в начале книги Бытия: «Да будет свет». Он озарил сердца людей, чтобы просветить нас познанием славы Божьей в лице Иисуса Христа (2 Кор. 4:6). Божья воля в том, чтобы разрушилась преграда, разделяющая иудеев и язычников, пришел конец закону и воздвиглось единое, обобщенное человечество как жилище Божье (Ефес. 2:14–22).

Впрочем, невежество, по мнению Павла, остается большой проблемой. Как могут неверующие призывать Бога, которого не знают? Как могут уверовать в Бога, которого никогда не слышали? Как им услышать о Боге без проповедующего (Рим. 10:12–14)?

Павел полагает, что знание о Боге приходит через откровения и прозрения, подобные его собственным. Его задача — быть апостолом неведомого Бога, возвещать язычникам «бездну богатства и премудрости и ведения Божия», чтобы наполнить новообращенных благостью и гнозисом (Рим. 11:33, 15:14; Ефес. 3:3).

В Новом Завете сохранилось предание об обращении Павла к афинской аудитории (Деян. 17:22–31). Историки церкви обычно пропускают эту речь Павла как плод воображения Луки. Но я бы не выбрасывала с такой поспешностью речь Павла как всего лишь выдумку автора Деяний апостолов. В действительности в ней кратко излагается вся суть идеи Павла о вселенском Едином Боге.

Начинает он речь с высокой оценки набожности афинян. Отмечает, что у них есть храмы и жертвенники всем мыслимым богам, на всякий случай даже алтарь, посвященный «неведомому богу». Павел сообщает, что пришел проповедовать им того неведомого Бога, которому они поклоняются. Рассказывает им, что неведомый Бог — это библейский Бог-Творец YHWH, Господь неба и земли. Он — не какой-то родовой бог или идол, что живет в храме и требует служения рук человеческих. Напротив, Он дает всему дыхание жизни и ни в чем не нуждается.

В обращении к афинянам Павел утверждает, что неведомый Бог произвел все народы от единого предка в надежде, что его потомки по всей земле станут искать и найдут Его. Тем не менее, отмечает Павел, несмотря на то, что мы «Им живем и движемся и существуем», Его потомки не знают о Нем и считают, что Его божественность можно заключить в идолах. «Оставим времена неведения», — говорит Павел. Теперь Бог явлен и повелевает всем народам покаяться и подготовиться к Суду и Воскресению.

Мы, вероятно, никогда не узнаем, подлинная ли это речь Павла или вымысел Луки. Однако она определенно отражает Павлово понимание неведомого Бога и Его отношения к человечеству.

Мистическое крещение

Новообращенным Павел дарует крещение во имя Иисуса. Именно этот обряд, как верил Павел, передает гностический опыт Иисуса-Мессии как проявления и образа Бога. Павел считал, что в крестильных водах посвященный тотчас же напрямую встречается с Христом как воплощением Бога. При этой встрече на человека переносится Пневма и Нус Христа, Его дух и разум. Павел наставляет обращенных: «В вас должны быть те же чувствования, что и во Христе Иисусе» (Фил. 2:5).

Как у них могли быть те же чувствования, тот же разум, что во Христе? Люди древности верили, что божественные видения оставляют физический след на душе, как оттиск печати на горячем воске. Павел полагал так же. Он утверждает, что крестильные видения буквально отпечатываются на них. В результате, говорил Павел, Дух Христов объединяется с человеческим духом обращенных, укрепляя и вооружая их, чтобы могли они лицом к лицу встретить своих бесов и покорить их (2Кор. 10:3–5; Ефес. 3:16–17, 6:10–12). Этот опыт воспламеняет способность обращенного к духовной трансформации и славе. Павел говорит им, что, поскольку их дух соединился с духом Христа, они разделили с Ним смерть. Они умерли для своей прежней жизни. Но так же они разделили с Христом и Его воскресение. Они живы для новой жизни как духовно вовлеченные существа (Рим. 6:3–11; 2Кор. 4:16, 5:17; Фил. 3:18–21; Кол. 3:7–10). Они познали Христа и силу Его воскресения (Фил. 3:10).

По мнению Павла, эта духовная метаморфоза происходит постепенно с течением жизни посвященного, по мере того, как развивается единение его духа с Духом Христовым, вырабатывается синергетическое взаимодействие между духом человеческим и Божьим (Ефес. 3:20, 4:13, 22). Павел верит, что человеческий дух необходимо наполнить Духом Божьим, чтобы человек обрел гнозис, знание о Боге (1Кор. 2:11–12, 3:16).

Процесс приобщения представляет собой постепенное обучение, начинающееся с публичных проповедей об Иисусе, распятом Мессии, крещения и дарования Духа. Завершается он воскресением новосозданного духовного тела посвященного в конце времен (1Кор. 15:37–51; 2Кор. 5:1–5). Поначалу посвященные рассматриваются, как младенцы, которых нужно поить молоком, прежде чем можно будет дать им мяса (1Кор. 3:1). Свой гностический опыт Павел сравнивает со взглядом в мутное зеркало, способное передать гнозис лишь отчасти. Только после завершения процесса обращенный сможет встретить Бога лицом к лицу, полностью познать Бога и быть полностью познанным Им (1Кор. 13:12; ср. 2Кор. 1:13). Такая полнота познания Бога наступит в соответствии с Божьим замыслом, когда при конце времен откроется тайна Божьей воли, собрание всех вещей в Нем (Ефес. 1:9–10).

Всё мне позволительно

Какое место во всем этом занимает иудейский закон, Тора? Две тысячи лет назад Павел признал, что на самом деле закон Божий никогда не соблюдался, потому что соблюсти его невозможно. А то, что

Библия предписывает смертную кару за любое нарушение Божьих законов, по мнению Павла, привело к возникновению безвыходной ситуации, в которой все люди перед Божьим престолом приговорены к смерти.

В фильме «Догма» Кевин Смит высветил эту проблему в мрачно-сатирических тонах, показав, как сегодня могло бы выглядеть реальное применение смертной казни за нарушение библейских законов. Для этого Смит вводит проходящий через весь фильм диалог двух ангелов-отступников: Локи и его друга, ангела-хранителя Бартлби.

Работа Локи как ангела смерти состоит в том, чтобы отмерять кары Божьи, убивать нарушивших Божьи заповеди, как того требует Писание. Именно Локи истребил человечество потопом, в котором спасся лишь праведник Ной с семьей. Именно он обрушил огонь и серу на Содом и Гоморру и порастил египтян десятью казнями. Локи был ангелом мщения, пока Бартлби не убедил его, что убивать людей в наказание за нарушение Божьих законов, возможно, жестоко и странно и что Локи стоит попросту отказаться выполнять свою работу. Когда Локи решает прекратить убийства, Бог изгоняет с небес и его, и Бартлби.

По мере развития сюжета ангелы-отступники додумываются, как можно превратиться в смертных и, воспользовавшись лазейкой в католических догматах, вернуться на небеса, и Локи решает, что стоит снова взяться за старую работу. «Есть ли лучший способ показать свое раскаяние, чем вернуться к должности, от которой отказался?» — говорит он Бартлби.

В качестве демонстрации раскаяния Локи показывает Бартлби статью о компании, которую считает идолопоклоннической: она получает прибыли, используя образ Золотого тельца Муби. Итак, Локи тащит Бартлби с собой в головной офис компании, где обнаруживается весь совет директоров «Муби». Каждого из них он обвиняет в разнообразных грехах — от прелюбодеяния до корысти.

Во время этой тирады все присутствующие в конференц-зале стоят неподвижно, оцепенев в своих грехах и в ужасе перед Локи. Все они вызывают отвращение у ангела смерти. «Что есть залог порядочности? — спрашивает он их. — Страх... Вам уже нечего бояться, господа. Вы возлежите на самой вершине могущества, прикрывшись своим ложным идолом. Смеясь над правосудием, вы скрываете свою жизнь даже друг от друга. Но не от Бога». Обвинения заканчиваются кровавой зачисткой: пули пробивают всех, находящихся в зале.

В чернушном эпизоде фильма Смит показывает нам страшную правду, которую за две тысячи лет до него определил Павел: человеческие существа в глубине души аморальны, они не в состоянии со-

блюсти заповеди, установленные Богом в Библии. Если бы наказания за нарушение Божьих заповедей действительно исполнялись, почти каждый был бы признан виновным и казнен. Перед лицом Божьего гнева каждый окажется лицемером и обманщиком.

Решение Павла для такой неприемлемой ситуации, где все оказываются обречены, начинается с осмысления дамаского опыта. Личная встреча с Богом на дороге в Дамаск, откровение Иисуса-Мессии, по форме и сути потрясла Павла. Иисус Христос — это проявление YHWH! Такого Павел и вообразить себе не мог.

Справившись с первым потрясением, Павел заподозрил, что его предки, должно быть, по-настоящему не знали YHWH. YHWH — не Бог иудеев и законодатель, даровавший заповеди Моисею, но вселенский Единый Бог, сокрытый на далеких небесах и почти не известный ни язычникам, ни иудеям до пришествия Иисуса. Этот Бог, желавший, чтобы Его искали и познавали, вероятно, оказался скрыт от людей, потому что нас обольстили падшие ангелы, обманом заставив поклоняться себе через идолов (Кол. 2:18).

И пока YHWH обитает на небесах вдали от земли, на самой земле и в воздухе господствуют бесовские силы, в том числе смерть. Они — падшие ангелы, захватившие власть над миром и его жителями. А захватить власть им удалось, потому что люди поддались на их уловки и позволили себе подпасть под их злое влияние. Они удерживают людей в рабстве, соблазном склоняя ко злу и греху (Ефес. 2:3).

Помимо слова «архонт», для обозначения этих могущественных демонов Павел использует много других терминов, в том числе «экзозиа» (власть), «динамис» (начальство), «космократор» (мироправитель), «пнеуматика» (дух) и «стоихейя» (стихии, начала) (1Кор. 2:8; Гал. 4:3, 9; Ефес. 6:12; Кол. 2:8, 20). В число этих сил входит сатана, традиционный дьявол, которого Павел несколько раз упоминает в своих посланиях (1Кор. 5:5, 7:5; 2Кор. 2:11; 1Фес. 2:18). Также он называет имя демона Велиара (2Кор. 6:15).

Павел считает, что всеми демонами правит одна власть, но кто эта фигура, неясно. Павел называет эту сущность «властью тьмы» и верит, что она удерживала людей в рабстве в своем царстве (Кол. 1:13). Эта фигура еще раз упоминается в 2Кор., только здесь она именуется «богом зона (века) сего». Этот бог, по словам Павла, «ослепил умы неверующих, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого» (2Кор. 4:3–4).

Наиболее современные толкователи отождествляли эту фигуру с сатаной. Однако это отождествление спорно, особенно если принять во внимание отрывок из Послания к Ефесянам, где Павел ссылается на «князя, господствующего в воздухе». В этом отрывке Павел

отождествляет господствующего в воздухе с духом зла, действующим в сердцах непослушных (Ефес. 2:1–2). Если эта фигура — традиционный сатана, то кто тогда повелитель сатаны, правящий им архонт? Павел так и не говорит нам, что или кого он имеет в виду. Высказывания, содержащиеся в посланиях, не дают полной, детальной картины, однако ясно, что мир демонов в представлении Павла включает множество фигур, помимо сатаны, и, возможно, также отдельного князя мира, властвовавшего над сатаной и другими падшими ангелами.

Такая картина мира становится еще интереснее, если учесть позицию Павла по поводу иудейского закона. В Послании к Галатам Павел совершенно ясно говорит о том, что закон иудеям передали ангелы через посредника, который не являлся представителем Единого Бога. Это вполне очевидно из греческого варианта Гал. 3:19, но в переводах смазано, поскольку буквальный смысл греческого текста не соответствует ортодоксальному прочтению Павла даже с натяжкой. По-гречески написано просто: «Для чего же закон? Он дан из-за грехов». И далее: «Его утвердили ангелы через посредника. Посредник не от Единого. Бог Един» (Гал. 3:19–20; перевод мой).

Павел нигде не называет этого посредника. Имел ли он в виду Моисея, согласно иудейскому Писанию, передавшего завет? Или одного из упомянутых ангелов? Как бы то ни было, Павел не считает закон чем-то добрым, преподанным напрямую от УНВН (Рим. 7:7–13). Напротив, закон заключил грешников в темницу, пока не пришел Христос и не освободил их (Гал. 2:23; Рим. 3:19).

Закон определяет грешное поведение, чтобы можно было отличить и заточить преступников, подобно предкам, поклонявшимся золотому тельцу (Рим. 1:22–25, 10:5–8). Поскольку закон состоит из кодексов праведности, которые людям соблюсти не под силу, в конечном итоге он связывает иудеев под властью злых начал, правящих миром (Гал. 4:3, 8–11; ср. Рим. 8:2–3). Всякий, связанный с законом, обязан его нарушить и, будучи грешником, связан с властью тьмы и подчиняющейся ей ордой демонов (Рим. 3:9–18, 20, 8:2). И потому Павел пишет, что закон не делает иудеев праведными. Скорее закон делает всех их виновными и порабощает силам зла и смерти (Гал. 3:22; Рим. 5:20–21; ср. Рим. 4:15).

По мнению Павла, распутать этот клубок возможно только извне, и это происходит, когда Единый Бог проявляется в Иисусе-Мессии. Павел видит воплощение Бога Его Сыном, посланным на землю покорить демонических правителей и избавить грешников от вечного служения.

Павел отождествляет распятие с битвой, в которой пали архонты и иные силы тьмы (1Кор. 1:17–18, 2:6–8). Как так получилось? Павел

полагает, что Иисус пожертвовал Собой взамен всех грешников и Его смерть избавила их от настоящего лукавого зона (Гал. 1:3–4). Несправедливая смерть Иисуса послужила заменой смертей всех грешников и стерла их правонарушения, за которые им полагался приговор и которые удерживали их в рабстве сил века сего. Все они были устранены, пригвожденные к кресту. Этот поступок обезоружил начальства и силы, лишив их власти над грешниками (Кол. 2:14–15).

Павел также использует метафору искупления или выкупа. Он считает, что смерть Иисуса Христа была необходимой ценой для выкупа грешников из рабства начал мира и усыновления Богом (Гал. 4:1–7; 1Кор. 6:20, 7:23). Павел заверяет обращенных им, что их освободили от власти тьмы и передали в царствие возлюбленного Сына Божьего (Кол. 4:13).

В сухом остатке все идеи Павла сводятся к свержению злых сил и властей, поработивших людей, не ведавших об истинном Едином Боге. В видении Павла воскресение Христа становится свидетельством окончательного поражения этих сил. В этот момент Иисус вознесся над всеми силами и властями, правящими миром, и попрам врагов Своих. Следовательно, Его тело как воплощение Бога теперь наполняет всё (Ефес. 1:20–23; ср. 1Кор. 15:24–28). В свете окончательного торжества Иисуса каждый, кто призывает к Его имени, свободен, избавлен от служения силам тьмы. Какое значение это имело с практической точки зрения? Христос фактически положил конец иудейскому закону. И Павел сказал обращенным: «Всё мне позволительно» (1Кор. 10:23).

Больше не рабы

На протяжении всего фильма «Догма» Кевин Смит высмеивает современный католицизм и то, что персонажи называют «религиозными институтами», выставляя их обманом, призванным уничтожить нашу «внутреннюю сущность». Правильной религии не существует, потому что важнее сам факт веры, чем то, во что мы верим. Руфус, предположительно тринадцатый апостол Христа, формулирует эту мысль в фильме следующим образом: «Люди все перепутали. Хорошая идея стала фундаментом веры». На этом фундаменте основывались войны, фанатизм, а хуже всего — дробление всех религий.

«Религиозные институты, — говорит Локи монахине, которую встречает в аэропорту, — разрушают внутреннюю сущность человека, подавляют нас, разъедают душу, сковывают действия страхом перед бесплотно-патерналистской фигурой, грозящей нам пальцем через тысячелетия: ты, мол, только попробуй, попробуй — и я тебя выпо-

рю». Смит чувствует, что необходимо отбросить эту ментальность служения, потому что она приводит к скорби религии, а не к празднику веры. Религия должна сосредоточиться на вере. Она не должна поработать нас догматами и верованиями, навязанными родителями или правителями.

Смит держит руку на пульсе современной духовности, задыхающейся под гнетом авторитарного библейского Бога, Его законов и завета, но сама по себе проблема отнюдь не нова. В посланиях апостола Павла осязаемо его недовольство духовностью завета предков-иудеев и духовностью служения греков. В условиях религиозного буфера, где традиции предков столкнулись с его собственным мистическим опытом и присоединением к нееврейской части адептов зарождающегося христианства, духовность Павла приобрела отчетливые гностические черты. Его наставления преступают как его собственное иудейское прошлое, так и учения, проповедуемые в Иерусалиме двенадцатью учениками, апостолами первой церкви, все больше и больше требовавшими подчинения закону.

В свете повстанческого движения фанатичных иудеев в Иерусалиме полное пренебрежение Павла законом вызывало у апостолов сильное беспокойство. И они решили, что будет разумно посетить церкви Павла в его отсутствие и уговорить новообращенных подвергнуться обрезанию и приучиться соблюдать закон. Они убеждали прихожан, что Павел вмешивается не в свое дело, действует сам по себе, а не по поручению иерусалимской церкви, и не представляет, о чем говорит, поскольку никогда не знал Иисуса. Апостолы были убедительны, и значительная часть обращенных Павлом согласилась на обрезание и стала вести жизнь в соответствии с иудейским законом.

Когда эти новости дошли до Павла, он пришел в ярость, не усомнившись, что «апостолы» были всего лишь служителями сатаны, принявшими вид ангелов света (2Кор. 11:14–15). Они — «псы» и «злые делатели», проповедующие «иное благовестие» и предлагающие «иного духа», возвращающего обращенных в рабство начальных сил вселенной (Фил. 3:2; 2Кор. 11:4; Гал. 1:6; 2:5; Кол. 2:20–21). Он вопрошает обращенных, для чего, если они со Христом умерли для стихий мира, теперь хотят держаться постановлений по заповедям и закону человеческому (Кол. 2:20–21). Почему, имея свободу во Христе Иисусе, хотят снова быть поработаны (Гал. 2:5)?

Павел напоминает, что они потомки Авраама и наследники Божьего обетования. Да, до пришествия Иисуса они были малыми детьми и рабами вселенских сил. Но в назначенный срок Бог послал Своего Сына, рожденного от женщины и подчиненного закону. Его задачей было освободить всех от власти закона, чтобы каждый верующий

мог получить официальный статус чада Божьего. А поскольку мы стали детьми Божиими, объясняет Павел, Бог наполнил наши сердца духом Сына Своего. «Итак, ты больше не раб, но дитя, а раз дитя, то и наследник — через Бога» (Гал. 4:1–7; перевод мой).

Павел спрашивает галатов, получили ли они Духа Святого, соблюдая закон, или уверовав в принесенное им благовествование. Он хочет знать, напрасно ли они столько вытерпели (3:2–9). Он говорит, что до обращения они не знали Бога, но пребывали в рабстве сущностей, на деле богами не являющихся. Теперь же, познав истинного Бога и будучи познаны Им, как могут они возвращаться к духам и силам стихий? Как могут хотеть снова поработиться им, соблюдая иудейский закон (4:8–12)?

Для наглядности Павел прибегает к преданию о Сарре и Агари, каждая из которых, согласно иудейскому писанию, родила Аврааму сына. Павел читает этот отрывок крайне трансгрессивно и коренным образом его пересматривает. Традиционно иудеи утверждали, что являются потомками Сарры, однако Павел говорит иначе. Он заявляет, что поработенных законам Синайской горы иудеев олицетворяет Агарь. Иудеи, живущие в Иерусалиме, — дети Агари, а не Сарры. Сарра, свободная, это мать последователей Христа, наследников Божьего обетования (4:23). Он наставляет галатов стоять твердо и не подвергаться больше игу рабства (5:1).

Эта антиномийская идея, распространившаяся в общинах обращенных Павлом, имела свои последствия. Обращенные ввели в обиход идеи Павла о гнозисе и избавлении. От Павла они усвоили, что они гностики, что «все мы имеем знание» (1Кор. 8:1–3). Они поверили в идею Павла о том, что это знание освобождает от власти богов-стихий и их законов, поэтому теперь «всё позволительно». Они были убеждены, что избавление от ига мироправителей сделало их самих царями и это оправдывает неподчинение земным властям, которые суть лишь представители архонтов (4:8). Они устраивали с друзьями праздники в храмах, пируя окровавленным идоложертвенным мясом. Вели себя распущенно в сексуальном отношении, предаваясь эротическим удовольствиям. Женщины заявляли о равноправии с мужчинами и отказывались надевать покрывала во время служб. Прогрессировало высокомерие, разгорались разногласия и раздоры, когда некоторых людей стали отмечать как более духовных, чем другие.

Отступление Павла

Павел оказался в трудном положении. У него не оставалось иного выбора, кроме как отказаться от идеи гнозиса, отступить и перегрупп-

пироваться. Он приходит к выводу, что положение о том, что всё позволительно, необходимо смягчить, добавив «но не всё полезно», особенно то, что приводит ко греху, раздорам и неподчинению земным властям (1Кор. 8:5, 7–13, 10:23, 29). Павел обеспокоен тем, что обращенные им больше не боятся земных властей и что из-за этого они пострадают. Поэтому он урезает их свободу от закона, подчеркивая, что духовное и социальное освобождение не суть одно и то же. Он говорит обращенным, что их брань не против людских правителей, но против духов злобы поднебесных (Ефес. 6:10–12). «Всякая душа да будет покорна высшим властям,— отмечает Павел, — ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1).

Далее он переформулирует свою гностическую и антиномийскую идею в соответствии с характеристиками нового служения. Стремясь вернуть контроль над обращенными, Павел заводит речь о добровольном служении Христу и приводит себя в качестве примера. Павел говорит обращенным, что даже будучи «свободен ото всех», он добровольно «поработил себя всем» и считает себя «рабом Христа» (1Кор. 3:9, 9:19; Рим. 1:1, 8:2; Гал. 1:10; Фил. 1:1; Ефес. 3:7; Кол. 1:23, 25–26). Хотя обращенные и избавились от гнета власти начал, Павел призывает их считать себя рабами Иисуса и служить новому закону Христову (2Кор. 4:5; Ефес. 6:6; Гал. 6:2; Рим. 6:6, 22, 7:6).

Павел пытается удержать обращенных в узде, говоря им, что, хотя они и свободны теперь от иных богов и иудейского закона, на них теперь лежит обязательство по закону Христову, завещавшему любовь. Павел утверждает, что закон Христов не похож на иудейский, это природный закон, начертанный на людском сердце живым Богом, что пишет Духом (2Кор. 3:5). «К свободе призваны вы, братия, — пишет Павел, — только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу».

Весь закон заключается в одной заповеди: «люби ближнего твоего, как самого себя» (Гал. 5:13–14).

Далее Павел заявляет, что общину свяжет воедино в совершенстве гармонии не знание, но любовь (Кол. 3:14). Хотя все мы обладаем гнозисом, говорит Павел, знание может породить высокомерие. Созидает нас любовь. Павел предостерегает тех, кто думает, что знает что-нибудь: они ничего еще не знают так, как должно знать. Но кто любит, тому дано знание (1Кор. 8:1–3). По этому поводу Павел пишет знаменитые слова: «Если... знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (13:2).

Павел считает необходимым переформулировать свою миссию подобно миссии Моисея. Он ставит себя посредником по вопросам

нового завета между Богом YHWH и людьми, будь то иудеи или язычники, мужчины или женщины, рабы или свободные. Этот завет записан не на каменных скрижалях, не требует строгого соблюдения закона и не призван осуждать и поработать. Он — любовь, освобождающий закон Христов, записанный на людских сердцах чернилами Духа (2Кор. 3:3–6).

В посланиях к своим церквям Павел сталкивается с печальной правдой, которую пародирует Кевин Смит в «Догме». Традиционные религии зиждятся на запрещающих и ограничивающих законах, потому что мы боимся авторитарного Бога-хозяина. Когда люди утрачивают страх перед Богом, начинается черт знает что. Как говорит Локи, среди нас не остается ни одного порядочного человека. С исчезновением страха уходит и мораль.

Смит решает эту дилемму, смещая фокус религии с законов и догматов на веру, на установление личных взаимоотношений с Богом, полагая, что это способствует развитию морали внутреннего человека. Для Павла эта дилемма разрешается через Дух Христов, поселяющийся в новообращенном христианине в момент крещения и пишущий на его сердце освобождающий завет любви. Этот завет, говорит Павел, останется нашим моральным компасом.

Здесь Павел отступает и возвращается к языку духовности служения и завета, чтобы сгладить негативные последствия общественного восприятия его гностических, антиномийских идей. В сердце идей Павла лежит гностическая духовность, но в его посланиях они доходят до нас уже усмирненными, ограниченными теми самыми религиозными традициями поработничества, от которых Павел так старался уйти. Именно поэтому сочинения Павла привлекают и гностиков, и апостольских католиков: и те, и другие видят в его учении отражение своих взглядов.

Удивительный Бог

В начале «Догмы» Вифания заявляет, что утратила веру и что Бог умер. Причина этого заявления не в атеизме, а в неадекватности современного католицизма и его взглядов на Бога, по крайней мере в глазах Вифании. По мере развития сюжета ее духовный стакан снова наполняется, и Вифания хочет знать, каков Бог на самом деле. Она подозревает, что религиозные институты ее обманывали.

Настоящий Бог открывается Вифании медленно, представая в трансгрессивных образах, делающих знакомого Бога незнакомым. Это гностическое откровение, сравнимое с опытом Павла, когда тот лицом к лицу столкнулся с удивительным Богом, Иисусом, образом,

превзошедшим все его ожидания. Метатрон говорит Вифании, что Бог одинок, но обладает отличным чувством юмора. Бог любит боулинг и время от времени спускается на землю инкогнито, чтобы поиграть. Руфус, свалившийся с неба апостол, настаивает, что Бог — афроамериканец, потому что Иисус, говорит он, был не белым, а черным. Муза-стриптизерша Серендипити клянется, что Бог — женщина, но авторы Библии, мужчины-сексисты, вычеркнули этот факт из Писания. Авторы не только переписали Бога мужчиной, все их сочинения полны гендерных предрассудков.

Серендипити отмечает: «В первородном грехе, падении человека и изгнании из рая виновата женщина. Женщина срезала Самсону прядь силы. И голову Иоанна Крестителя требовала женщина. На досуге перечитай. Женщины — враги хуже египтян вкупе с римлянами». Муза не может понять, почему идея Бога-женщины настолько удивляет Вифанию, учитывая, что «женщины — единственный пол, способный создавать жизнь, ровно как Бог создал вселенную». Вифания соглашается, что в этом есть логика, но все же сомневается. Все это чрезвычайно странно.

Рис. 4.3. Бог (Аланис Морисетт) и Метатрон (Алан Рикман) у входа в церковь в фильме «Догма»

И вот мы как на иголках вместе с компанией из «Догмы» ждем финальной сцены, где открывается дверь церкви и из нее выходит Бог в сопровождении Метатрона. Как Бог будет выглядеть? Наперекор всему Бог выйдет, как Аланис Морисетт, красивая белокожая рок-звезда с длинными темными волосами, и в руках у нее букетик маргариток (рис. 4.3).

Она являет собой противоречивый образ удивительного Бога, выходящего за рамки наших верований. Когда она заговаривает, раздастся вовсе не женский голос. Она издает звук настолько громкий и дисгармоничный, что у Бартлби взрывается голова. Она целует Джея, сексуально озабоченного пророка-сквернословия, и тот теряет

дар речи. Возвращает Вифанию к жизни движением руки, которое можно сравнить только с тем, как господин Мияги учит студентов натирать машину, и Метатрон говорит: «Она владеет техникой». Бог танцует, катается по земле, как безумная. Мы задаемся вопросом: неужели так может быть?

Когда Вифания задает Богу главный вопрос фильма: «Зачем мы здесь?», — та долго смотрит на нее. Затем изображает известную сцену из классического фильма 1967 года «Выпускник»: «Я хочу сказать тебе одно слово. Только одно слово... Пластмасса». Бог улыбается и уходит в сопровождении Метатрона. Затем Метатрон оборачивается к Вифании и говорит напоследок: «Я же говорил, забавная!»

Глава пятая. Иоанн и темный мир

Джон Мёрдок

Джон Мёрдок живет в темном, мрачном мире, где полночь неотличима от полудня. Он не вполне понимает, где находится, как и все прочие жители Темного города — лоскутного одеяла, скроенного из украденных воспоминаний людей о городах, разбросанных во времени и пространстве. В то время как другие занимаются своими делами, не замечая странностей окружающего мира, Мёрдок начинает подозревать, что все не то, чем кажется. Происходит что-то пугающее, и он намерен выяснить правду (рис. 5.1).

Он задается вопросом, когда успела наступить ночь, если и дня-то не было. Когда его ловит и допрашивает инспектор Бамстед, Мёрдок просит подтвердить его сомнения. «Когда вы в последний раз делали что-нибудь днем? — спрашивает он. — Дневной свет. Когда вы его видели в последний раз? Я имею в виду не смутные, полузабытые детские воспоминания. Я имею в виду вчера или на прошлой неделе». Развивая свою мысль, он говорит: «Не думаю, что здесь вообще есть солнце. Потому что я не сплю уже долгие часы, а ночь все не кончается».

В каждой последующей сцене фильма Алекса Пройаса «Темный город» 1998 года Мёрдок прячется по сумрачным комнатам и бежит по темным улицам, спасаясь от полиции и лысых, пепельно-бледных людей в длинных, темных мантиях — Странников. Странники — могущественные существа, пришельцы из иного мира, обладающие

Рис. 5.1. Джон Мёрдок (Руфус Сьюэлл) в фильме «Темный город» (1998) подозревает, что что-то не так.

психокинетическими способностями. Они достигли вершины технологического развития: научились менять физическую реальность одной лишь силой воли при помощи технологии «настройки». Силой мысли они способны перемещать окружающие предметы и создавать новые версии реальности из старых.

Странники преследуют Мёрдока, потому что понимают, что он отличается от прочих обитателей Темного города. Он обладает способностями, которых нет у других людей, и эти способности позволяют ему сопротивляться и противостоять Странникам. Он тоже может силой мысли двигать предметы, изменять пространство, проходить сквозь стены и летать по воздуху. Может усилием воли вызвать те или иные события. Он может настраивать, как и Странники.

И как и Странники, он не спит. Когда наступает полночь и все прочие жители Темного города впадают в бессознательное состояние, Джон продолжает бодрствовать. Встревоженный, но полный решимости, он бежит по улицам и переулкам, пинает машины, трясет людей и кричит: «Проснитесь! Проснитесь!»

Сквозь плотные тени и густой дым проглядывает серый, обветшалый мир кинематографичного Темного города. В тела умерших людей вселяются жуткие пришельцы, обладающие коллективным сознанием, и живут под городом, как пчелы в улье. Город — их лаборатория, где они проводят эксперименты над жителями-людьми в попытке найти и захватить человеческую душу, чтобы сделаться сильнее. Их раса стоит на грани вымирания, и ее лидер, мистер Книга, полагает, что новую жизненную силу ей может дать человеческая душа, если ее удастся обуздать и соединиться с ней.

Но пришельцы не выносят света. Поэтому в их городе все живут в полной темноте, которую рассеивают лишь несколько ламп, жужжащих и мигающих в вышине. Так происходит до тех пор, пока не пробуждается Джон Мёрдок и не осознает, что окружающий мир — масштабная иллюзия, состоящая из ложных воспоминаний и искусственной темноты, развеять которую под силу лишь ему с помощью телекинетических способностей. Он может силой мысли сотворить реальную вещь — даже новый мир, как в финале фильма, где бухту заливают утренний свет, изгоняя последних пришельцев.

Темный город из фильма Пройаса, где инопланетные демоны контролируют мир, заполненный тьмой, в которой заперты люди, и где необычный человек — Джон Мёрдок — при помощи таких же сил, как у инопланетян, покоряет демонов, во многом сходен с темным миром, представленным в Евангелии от Иоанна. В четвертом Евангелии мир описывается как царство тьмы и обмана. Это мир, где люди живут, не замечая идущей за кулисами жуткой битвы за человеческий дух.

В ней сошлись исключительный Иисус и демоны под предводительством своего жуткого владыки, князя мира сего. На протяжении всего Евангелия Иисус и демоны борются друг с другом, и Иисус использует свои сверхчеловеческие силы, своим светом одолевая тьму и в конце концов изгоняя демонического князя мира сего (Ин. 12:31–32, 14:30, 16:11, 33).

Иисус — Свет Нисходящий

В Евангелии от Иоанна Иисус предстает исключительным человеком, потому что обладает могущественным духом из иного царства, из трансцендентной области, лежащей за пределами темного людского мира (Ин. 17:14). «Я от вышних», — заявляет Он (8:23). Прежде чем воплотиться в теле Иисуса, этот могущественный дух обитал в небесном царствии со Своим Отцом. Его Отец есть Бог, о котором никто не знал никогда, пока Иисус не сошел на землю и не явил Его людям (1:18, 3:27, 31–33, 6:38, 41–42, 46). Иисус говорит, что, хоть мир и не знал Отца, Он знал. Он открыл Отца миру, чтобы Его, Иисуса, последователи ощутили любовь Отца (17:26).

В первых стихах Иоанна эта могущественная духовная сущность описывается как Разум Бога, Его Логос, или Слово (1:1). Будучи Логосом, Он — создатель жизни и света (1:3–4). Он творит, перенося в сущий мир мысли Бога. Логос нисходит из духовного царства от Отца, который в четвертом Евангелии описывается как Пневма (дух) (4:24). Слово (Логос) «стало плотью» и обитало среди людей, как один из нас (1:14).

В Евангелии от Иоанна нет истории рождения, то есть автор этого Евангелия не представлял себе воплощение через девственное рождение — или через какое бы то ни было физическое рождение, если на то пошло. Зато история крещения изложена в четвертом Евангелии сходным образом с Евангелием от Марка: Дух сходит с неба и поселяется в назаретянине по имени Иисус. Это и есть момент воплощения, когда божественный Логос появляется в образе человека (1:32–34).

В Евангелии от Иоанна ничего не говорится о том, как контроль над миром достался живущим в нем демонам или как именно люди погрязли в столь плачевной ситуации, что «плоть не пользует нimalo» и они «раб(ы) греха» (6:63, 8:34). Но что мы узнаём, так это то, что Сына послал любящий Отец, чтобы Тот стал светом во тьме мира. Его задача — воплотиться в облике Иисуса и Своим светом пробудить дух людей, чтобы они, наполнившись духом истины, получили власть быть чадами Божьими (1:9–13). Предполагается, что они познают

Отца напрямую через Его воплощение в образе Сына. Однако мир и темные сущности отнюдь не добры к общине, именующей себя «Сынами Света» (Ин. 12:36) и к ее лидеру Иисусу. На протяжении всего сказания их, как Джона Мёрдока с друзьями, преследуют жуткие силы. Поскольку в мире четвертого Евангелия зло активно, мир проникается ненавистью к Иисусу и его последователям (15:19, 24–25, 17:14). Подобно замаскированным пришельцам в «Темном городе», в четвертом Евангелии за кулисами действуют жуткие силы мира, через соперничающих подданных-людей стремясь навредить Иисусу и Его последователям и убить их.

В этом вопросе Евангелие от Иоанна вовсе не добро по отношению к тем, кого автор обозначает как «иудеи». Явно читаемая в нем враждебность к иудеям — болезненное свидетельство выросшего из иудаизма Второго Храма противостояния между христианством и раввинистическим иудаизмом, братьями-соперниками, каждый из которых заявлял, что библейское писание Израиля принадлежит ему. Автор Евангелия от Иоанна считает, что христианство превосходит и вытесняет иудаизм, и поскольку он ставит христианство выше иудаизма, ему кажется необходимым объяснить его отторжение большинством иудеев. Отторжение автор объясняет следующим образом: оно — часть мирового конфликта между силами добра и зла, света и тьмы. В видении автора известные ему иудеи, отторгающие христианство, примкнули к мировым силам зла в борьбе против истины, провозглашенной Иисусом.

В результате в этом Евангелии Иисуса постоянно преследуют «иудеи». Автор Евангелия выводит их антагонистами, описывает людьми, ищущими любой возможности убить Иисуса, что им в конечном итоге удастся (Ин. 5:16, 7:1, 32, 8:59, 10:39, 11:54, 57, 12:36, 18:3, 12–14, 30–31, 19:7, 12, 15). Поскольку в исторической памяти сохранилось, что Иисус и его первые последователи происходят из числа иудеев, автор также признает, что «спасение — от Иудеев» (4:22), однако не считает, что оно остается в среде иудаизма. В Евангелии от Иоанна Иисус предупреждает Своих последователей, что их изгонят из синагог, станут преследовать и убивать «иудеи», не познавшие Иисуса и не имеющие отношения к Отцу Его (9:22, 12:42, 15:20, 16:2–3). Единственное утешение, какое предлагает христианам это Евангелие, — вера в могущественную молитву Иисуса, в которой Он просит Отца защитить их от ненависти мира и князя мира сего (17:14–16).

Иисус обещает Своим последователям, что они познают истину и истина сделает их свободными от греха и сил зла (8:31–32). Для избавления людей от власти поработивших их сил зла Иисус должен

сразиться с силами тьмы и изгнать их предводителя, князя мира сего (12:31–32). В сказании Иоанна эта битва происходит в момент распятия. Смерть Иисуса определяется как момент триумфа, когда обитавший в Нем могущественный дух покидает земное тело и увлекает всех вверх вместе с собой (12:31–32, 19:30). Это и есть момент освобождения, когда Иисус покоряет князя мира сего и спасает дух (16:10–11; ср. 14:30).

Гностические следы

История Иисуса, рассказанная в Евангелии от Иоанна, значительно отличается от рассказов о Нем в других новозаветных Евангелиях. В них Иисус описывается, как пророк или Мессия, избранный Богом, чтобы возглавить царствие Божие. Только у Иоанна Иисус предстает божественным посланником, сошедшим из трансцендентного небесного царства, чтобы явить людям, потерявшимся в темном мире, подвластном жуткому князю, Своего Отца. Только в Евангелии от Иоанна Иисус сходит как духовная сущность, чтобы принести учение о неведомом Боге, покорить демонические силы и спасти верующих.

Это сказание настолько отличается по содержанию от других Евангелий, что исследователи много лет гадали, кому же оно принадлежало изначально. Хотя в этом повествовании нет ничего неприемлемого для ранних апостольских католиков, верно также и то, что это повествование стало основой истории Иисуса для христианских гностиков, представлявших Его божественным суперменом, посланным трансцендентным Богом спасти их от тьмы.

Так кто же написал четвертое Евангелие: раннеапостольский католик или христианский гностик? На этот вопрос трудно ответить, учитывая, что Новый Завет появился не одновременно с возникновением христианства. Это особое собрание христианских книг, утвержденное в IV веке христианами, именовавшими свою церковь католической (вселенской) и апостольской, подразумевая под этим, что они являются последователями учения двенадцати апостолов по всему миру. Апостольское католичество — не то же самое, что сегодняшний католицизм или православие, или любая другая современная форма христианства. Лучше всего апостольское католичество можно охарактеризовать как предшественника или предка того, что впоследствии станет католицизмом и православием, а в конечном итоге и протестантизмом.

Из-за этой славной генеалогии общепринятым стало мнение, что книги Нового Завета были созданы апостольскими католиками и отражают их точку зрения на момент непосредственного написания

книг. Считается, что гностики позднее использовали новозаветные тексты и толковали их под углами, непредусмотренными первоначальными апостольско-католическими авторами. Любые попытки пересмотреть новозаветные тексты как возможные объекты гностической духовности встречались в академических кругах без энтузиазма.

Однако отдельные новозаветные книги — от Матфея до Откровения — на момент написания не предполагались частями апостольско-католического Нового Завета. За исключением нескольких посланий апостола Павла авторство большинства новозаветных книг оспаривалось даже в наиболее ранних из дошедших до нас источников. С учетом неизвестного авторства и разнообразия раннехристианских течений, между которыми было больше различий, чем сходств, остается только догадываться о предыстории отдельных новозаветных текстов. Написавшие их люди могли принадлежать, а могли и не принадлежать к апостольской католической церкви.

Итак, что, если четвертое Евангелие первоначально не являлось апостольско-католическим писанием? Что, если первоначально оно даже не называлось Евангелием от Иоанна? Известно, что по первому времени о его авторстве велись споры. Хотя к концу II века большинство христиан сошло во мнении, что четвертое Евангелие написал апостол Иоанн, оставалось несогласное с этим меньшинство. Они знали и верили старому преданию, что его настоящим автором был христианский гностик Керинф (Евсевий Кесарийский, «Церковная история» 2.25.6, 3.28.1–2; Дионисий бар салиби 101.1.30; ср. Ириней Лионский, «Против ересей» 3.2.9; Епифаний Кипрский, «Панарион» 51).

Известно так же, что толкования четвертого Евангелия горячо оспаривались уже в первом десятилетии II века, всего через несколько лет после его финальной редакции, когда оно приобрело свой нынешний вид. В это время один из пресвитеров апостольской католической церкви написал послание против некоторых членов своей братии, допускавших гностическое толкование четвертого Евангелия. Пресвитер защищает свое апостольско-католическое толкование четвертого Евангелия в противовес их гностической интерпретации (см. Brown 1982). Сегодня этот текст называют Первым Посланием Иоанна Богослова, хотя в самом послании автор сохраняет анонимность.

Очевидно, в самых ранних источниках обнаруживаются гностические следы вокруг четвертого Евангелия. В сущности, один из наиболее известных толкователей Евангелия от Иоанна — Рудольф Бультман (1971) — был убежден, что четвертое Евангелие неразрывно связано с гностическими источниками. Хотя комментарий Бультмана широко известен, он наверняка не первым заметил подобные следы. Сходные предположения высказывались учеными еще в XIX веке.

Но что значит это первичное свидетельство? Если следы появились позже, то речь может идти об апостольско-католическом Евангелии, которое гностики попросту заново истолковали, отклонившись от первоначальной идеи, как полагают большинство историков (см. Hill 2004; Keefer 2006; Rasimus 2010). Но если они появились раньше, то мы имеем гностические убеждения, вплетенные в самую ткань четвертого Евангелия. Если дело обстоит так, то четвертое Евангелие уходит корнями за пределы апостольско-католического течения, в куда более сложный религиозный буфер, чем мы могли себе представить до сих пор.

Не могло ли оно возникнуть в момент столкновения гностической духовности с зарождающейся христианской мифологией и иудейскими писаниями? Если произошло именно это, то ортодоксальность Евангелия пришла позднее, в результате вторичного его толкования апостольскими католиками, прочитавшими его через призму своего видения библейского Бога. В таком случае дело кончилось одомашниванием Евангелия, устранением диких гностических наклонностей и приведением его в соответствие с апостольско-католическим христианством.

Где у дьявола отец?

Возможно ли установить изначальную предрасположенность четвертого Евангелия? Я считаю, что да, хотя для этого с нашей стороны и потребуется некоторый «откат». Первоначальный мир мыслей этого Евангелия мог в значительной степени отличаться от ортодоксального прочтения, избранного апостольскими католиками, включившими это Евангелие в свою Библию и веками учившими, как именно его следует читать.

Подсказку к загадке о предрасположенности этого Евангелия можно найти в Ин. 8:44: оказывается, один-единственный падеж может изменить все на свете. В этом стихе зарыто безобидное с виду различие падежных форм между переводом и греческим оригиналом. В русском синодальном переводе Библии Ин. 8:44 звучит следующим образом:

Ваш отец — диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он — лжец и отец лжи.

Но в греческом тексте сказано не совсем так. На самом деле там говорится:

Вы произошли от отца дьявола и хотите исполнять желания отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он — лжец, как и его отец.

Отец дьявола? Кто же это, дьявол побери?

В первые четыре века существования христианства перевод и толкование этих слов вызывали горячие споры. Апостольские католики, а позднее католики и православные пришли к прочтению, которое закрепилось в традиционных для нас переводах Библии. Однако в разнообразных христианско-гностических сообществах, в древности опиравшихся на четвертое Евангелие, предпочитали читать греческий текст буквально, а там ясно постулируется существование злого Бога, породившего дьявола.

Гностики из таких сообществ приводили аргумент, что вышеприведенные слова Иисуса из Евангелия от Иоанна свидетельствуют о наличии злого властелина мира, и это не кто иной, как YHWH, Бог иудеев и отец дьявола. Они верили, что четвертое Евангелие подкрепляет их картину мира, в рамках которой Бог иудеев — это злой бог-творец низшего порядка, совершенно отличный от всевышнего Бога, о котором проповедовал Иисус.

Апостольские католики горько жаловались на буквальный перевод этого стиха, утверждая, что, хоть дословно в нем, может, так и говорится, но это не может быть правдой, потому что не может христианское Писание содержать подобное богохульство. Так что они читают его вопреки грамматике, перестроив падежи и получив «Ваш отец — диавол». Обсуждая этот стих в собственных литературных трудах, они предпочитают перефразировать его как «Вы — дети дьявола», а не цитировать напрямую греческий текст.

Что же происходит в этом ошеломляющем отрывке из четвертого Евангелия? Из наиболее ранних споров о толковании данного стиха вытекает, что гностическое его прочтение если и не первоначальное, то старейшее, тогда как апостольско-католическое появилось позже — для укрощения и одомашнивания этого Евангелия. Апостольско-католическое понимание меняет саму суть текста Евангелия и отбрасывает фактический смысл этого стиха, потому что, по их мнению, то, что буквально следует из написанных слов, просто не может быть правдой.

Ориген, один из первых апостольско-католических толкователей этого стиха, признает, что при буквальном прочтении в нем говорится «что у дьявола есть отец» и иудеи, по-видимому, произошли от этого отца. Однако далее Ориген объясняет, что лучше читать этот текст

как «от отца-дьявола», хотя бы потому, что без притяжательного предлога в греческом читаться будет яснее (Ориген, «Толкование на Евангелие от Иоанна» 20.172).

На деле некоторым переписчикам казалось так же. По крайней мере в двух рукописях Евангелия от Иоанна (Киприйском Кодексе и Пешитте) этот предлог убран переписчиками, уверенными, что Евангелие не может ссылаться на отца дьявола.

Первенство гностического прочтения подкрепляется и контекстом стиха, проводящим черту между Богом иудеев и Отцом Христа. В отрывке, включающем этот стих, автор Евангелия изображает спор Иисуса с некими иудеями относительно того, кто Он такой. В этой главе Иисус описывается как жизнь и свет мира (Ин. 8:12). Он утверждает, что пришел от вышних, сойдя в сей мир (8:23). Его оппоненты-иудеи пребывают в замешательстве, не понимая, кто Он и кто такой Отец, о котором Он все время говорит. В ответ оппонентам Иисус говорит, что те не знают ни Его, ни Отца Его (8:19). Далее он противопоставляет Отца, о котором говорил, отцу, за которым следуют иудеи (8:38).

В ответ на это оппоненты-иудеи, естественно, недоумевают и разумно предполагают, что Иисус, должно быть, имеет в виду Авраама. Но Иисус говорит, что если бы они были дети Авраама, то не стали бы искать убить Его, ведь Авраам никогда никого не убивал.

Согласно автору Иоанна, Иисус рассуждает о том, что у иудеев должен быть другой отец, сообразный их порочным действиям и гибельным намерениям (8:39–41).

Его оппоненты-иудеи — монотеисты, и им не нравится политеистическое направление, по которому развивается эта мысль, так что в ответ они настаивают, что есть лишь один Отец — сам Бог, и они дети Его. Но автор Иоанна неумолим. В дальнейшем повествовании он развивает мысль о том, что Иисус и Его оппоненты наверняка говорят о разных Богах, потому что если бы оппоненты знали Отца Иисуса, то они бы возлюбили Иисуса, а не возненавидели (8:41–42).

Автор считает, что отец Иудеев — не Отец Иисуса. В кульминационный момент этой истории Иисус говорит: «Вы произошли от отца дьявола». Очевидно, автор полагает иудейских оппонентов Иисуса подобными их брату-дьяволу, человекоубийце и лжецу от начала. Ложь в самой природе дьявола, как и в природе его отца (8:44).

Логика автора, прослеживающаяся в этом отрывке, состоит в том, что оппоненты Иисуса той же природы, что и дьявол, потому что у них один и тот же отец, Бог иудеев, от природы злой. Этот Бог — не Отец Иисуса, остающийся для иудеев непознанным (8:54–55).

Два Бога

Итак, если принять буквальное прочтение Ин. 8:44, то мы тут же столкнемся с двумя богами, в дальнейшем повсеместно фигурирующими в христианско-гностической мифологии: Богом иудеев, по природе злым, и Отцом Иисуса, по природе любящим. Если проследить тему Отца Иисуса на протяжении всего Евангелия, то найдутся и другие следы, подтверждающие дуальность четвертого Евангелия. Иисус называет Отца «единым истинным Богом», как будто автор четвертого Евангелия подчеркивает определенную разницу между этим истинным Богом и каким-то другим богом, которому ошибочно поклоняются как Богу (17:3). Отец Иисуса — «Отче праведный», которого мир не познал, но Иисус познал и явил (17:25). Его Отец описывается, как любящий Бог, желающий спасти мир и для того посылающий в мир Своего Сына для суда и искупления (3:16–19, 7:29, 17:18, 21, 23, 25).

Где пребывает Отец Иисуса? Снова и снова читаем, что, прежде чем сойти в мир, Иисус пребывал вместе с Отцом на небе очень далеко от мира. Это место определяется в Евангелии как «вышнее». Иисус — единственный обладатель знаний об Отце и являет Его миру, никогда прежде не знавшему этого Бога (1:18, 5:37, 6:46). На протяжении повествования Иисус сообщает различным иудеям, что пославший Его Отец есть истинный Бог, которого они не знают (7:28, 8:12–44, 54–55, 14:7–8, 16:2–3).

Также в четвертом Евангелии делается противопоставление между Отцом, пославшим Иисуса, и Богом, говорившим с Моисеем. В тексте о них говорится, как о разных Богах. Некоторые иудеи в этом повествовании называют себя учениками Моисея, знающими Бога, говорившего с ним. Их беспокоят люди, следующие за Иисусом, потому что Он утверждает, что явился от Бога и из мест, о которых они не знают (9:13–34).

Соответственно, и закон Моисея на протяжении всего четвертого Евангелия разграничивается с посланием Иисуса, точно как во всех позднейших христианско-гностических системах. Разграничение начинается в первой же главе Евангелия, где утверждается, что «закон дан через Моисея; благодать же и истина произошли через Иисуса Христа» (1:17). Иисус дает заповеди, отличные от закона Моисея. В Евангелии о законе Иисуса говорится, что он происходит напрямую от Бога, Отца Его, и утверждается новая заповедь о любви (12:49–50, 13:34). Иисус при любой возможности дистанцируется от закона Моисея, вплоть до того, что в разговорах с иудеями называет его «вашим» законом (6:32, 7:19, 10:34). Почему мир ненавидит и отвергает Иисуса?

Объяснение сводится к пророчеству, исполнению написанного «в законе их», где сказано: «возненавидели Меня напрасно» (Ин. 15:18–25; Псалмы 34:19, 68:5).

Помимо закона Моисея, осуждаются и традиционные религиозные практики иудеев, и эту критику в дальнейшем разделяли и христианско-гностические сообщества. Иисус предстает суровым реформатором повсеместно распространенного культа жертвоприношения, бичом изгоняющим из иудейского храма жертвенных животных и продающих их торговцев. Он требует, чтобы дом Отца Его перестал быть домом торговли (Ин. 2:14–16). В то же время Он учит самарянку, что Отец Его есть «дух», Бог, которому нужно поклоняться не в иудейском храме в Иерусалиме и не в самарянском на горе Гризим (4:21–24).

По-видимому, в понимании автора четвертого Евангелия целью Иисуса было очищение храма от поклонения ложному богу, требовавшему жертв, чтобы затем установить должный порядок поклонения Своему Отцу. Если взглянуть с этой точки зрения, то выходит, что Иисус явился, чтобы очистить храм от нечестивцев, приносивших жертвы ложному богу. Поскольку в четвертом Евангелии храм также признается телом Христовым, автор, по-видимому, считает, что христианская Церковь как тело Иисуса заменила иудейский храм и стала истинным местом поклонения Отцу.

В сущности, именно такое понимание этого сказания можно найти в гностических источниках II века, представляющих древнейшие комментарии к Евангелию от Иоанна, такие как толкование Ираклеона, приведенное в трудах знаменитого александрийского учителя Оригена («Толкование на Евангелие от Иоанна» 10.210–28). Нет причин считать, что это понимание Евангелия вторично и привнесено гностиками позднее. Напротив, оно вполне может отражать изначальную идею автора, которую апостольским католикам пришлось обработать. И верно, Ориген соглашался с гностиками в том, что в этом отрывке говорится о превосходстве христианской Церкви, заменившей, будучи телом Христовым, иудейский храм. Что он пытается не принимать во внимание, так это настойчивые утверждения гностиков, что в этом сказании наглядно показывается: Отец Иисуса — не то же самое, что Бог иудеев.

Апостольско-католическое толкование четвертого Евангелия победило, но, судя по всему, оно не было ни изначальным, ни даже древнейшим из известных толкований этого Евангелия. Собранные свидетельства скорее подводят к видению вплетенной в ткань четвертого Евангелия метафизической системы как уникального когнитивного смешения. Такая инновационная картина мира возникла при

сопряжении гностической духовности с иудейской Библией и раннехристианской мифологией.

Говоря теологическим языком, YHWH раздвоился, разделившись на властителя небес, высшего Бога, и законодателя, вселенского Бога. Первый пребывает в небесных высях. Он добрый, праведный Отец, Бог любви и милосердия. Законодатель, капризная половина YHWH, отправлен жить в мир вместе со своим сыном-дьяволом. Это злобный Бог Моисея, князь мира сего. Небесный властитель отождествляется с любящим Отцом Иисуса, неведомым до прихода Христа. Небесный властитель — это Бог, давший миру искупление, послав своего Сына покорить князя мира сего.

Такая теология имеет больше общего с известными гностическими системами, чем с теологией апостольских католиков, однако метафизическая система, предложенная в четвертом Евангелии, не совпадает с герметической или сифианской, изученными в главе 3. Верховный Бог четвертого Евангелия — не трансцендентное божество, обитающее в иной вселенной. Здесь нет столкновения гностической духовности и платонизма с Библией, где YHWH противостоит трансцендентному платоновскому Богу — Благу.

Вместо этого мы наблюдаем раздвоение иудейского Бога, где две половины YHWH, его добрая и злая натуры, рассматриваются, как разные Боги. Эта теология являет собой особое смешение, следствие пересечения гностической духовности, иудейского Писания и зарождающегося христианства в рамках религиозного буфера, уникального для Палестины и, как мы вскоре увидим, в особенности Самарии I века.

Самарянские новообращенные

Если гностическая духовность вплетена в саму ткань четвертого Евангелия, создавая особую религиозную смесь, следует задаться вопросом, как так вышло с исторической и социальной точки зрения. Где, когда и как это произошло? Можно ли определить конкретный религиозный буфер, который бы послужил местом зарождения этой гностической системы и особого христианского сообщества?

В Евангелии от Иоанна есть несколько намеков, на основании которых можно восстановить раннюю историю «Сынов Света». В первых главах Евангелия перечисляются пять первых учеников Христа: двое учеников Иоанна Крестителя, один из них — Андрей; брат Андрея, Симон Петр; Филипп из Вифсаиды Галилейской, друг Андрея и Петра; и друг Филиппа Нафанаил (Ин. 1:40–49). Вероятнее всего, эти пятеро учеников заслужили особое место в общественной памяти,

потому что являлись основателями «Сынов Света». Они составляют маленькую миссию, отправленную из иерусалимской церкви убеждать людей вступать в ряды последователей Иисуса. Они основали миссию, в дальнейшем развившуюся в «Сынов Света».

Возникает вопрос, какую группу людей избранные пятеро обратили первой. Кем были люди, ставшие краеугольным камнем новообразованной христианской церкви? Какие исходные и религиозные чувства принесли с собой? За ответами на эти важные вопросы придется отправиться в Самарию, область Палестины, которой в четвертом Евангелии уделяется особое внимание.

В четвертой главе рассказывается о необычном разговоре Иисуса с самарянкой у колодца Иакова в городке Сихарь. Эта самарянка — первая обращенная Иисусом, откликнувшаяся на призыв избранных пяти. После беседы с Иисусом она убеждается, что Он и есть пророк, предсказанный Моисеем во Втор. 18:15. Но когда она идет и рассказывает о Нем самарянам в своем городе, услышавшие ее слова об Иисусе уверяются, что Он представляет собой нечто большее. Он — «Спаситель мира» (Ин. 4:19, 42).

Иисус учит ее о «живой воде», дающей жизнь вечную (4:7–15). Он объясняет, что Бог-Отец есть «дух», которому не следует поклоняться в храмах, таких, как иудейский в Иерусалиме или самарянский на горе Гризим. Он говорит ей, что она поклонялась Богу, Которого не знала, тогда как Он поклоняется Богу, которого знает. Он убеждает ее последовать за Собой, потому что может дать ей знания о Боге, которых у нее нет (4:22).

На протяжении многих лет ученые высказывали предположения, что на раннем этапе существования Иоаннова сообщества в него был большой приток самарян, однако мало кто прикладывал усилия, чтобы определить, какие именно самаряне это были (см. Odeberg [1929] 1974, 171–89; Bowman 1958, 1975; Meeks 1967, 216–57, 286–319; Buchanan 1968; Freed 1968, 1970; Brownlee 1991; Purvis 1975; Brown 1978; 1979, 37–39, 43–45). Установить это очень важно, поскольку самарян той эпохи разделяло множество расколов. Таким образом, вопрос состоит не в том, входили ли самаряне в ядро Иоанновой общины. Входили наверняка. Вопрос в том, какие именно самаряне это были.

Симон говорит

Из Деяний святых апостолов мы узнаем, что Самария была одной из первых областей, куда направились миссионеры иерусалимской церкви, и особое внимание уделялось симонианам. Согласно Деяниям,

Филипп приходит в самарянский город как посланник иерусалимской церкви (см. Samkuty 2006). Многие жители этого города обратились в новую веру (Деян. 8:4, 6).

Кто же эти самаряне, обращенные Филиппом? Это симониане, поклонявшиеся Симону как великой силе Божией, осененной Духом Святым (8:9–10, 20). Симониане принимают крещение во имя Иисуса Христа, уверившись, что Симон на самом деле не обладал Духом Святым, поскольку не сумел превзойти великого чудотворца Филиппа. После того, как симониане покрестились и стали христианами, с миссией отправили Петра и Иоанна, чтобы они возложили руки свои на новообращенных и на тех сошел Дух Святой (8:14–17).

С учетом представления Иисуса в четвертом Евангелии как сошедшего на землю духовного супермена, рассказ об обращении симониан в Деяниях апостолов выглядит реалистичным с исторической точки зрения. То, что в Евангелии от Иоанна Иисус описывается почти теми же словами, что и Симон в трудах симониан, не совпадение. Возможно ли, что первыми обращенными из числа «Сынов Света» были симониане, перенесшие свою гностическую мифологию с Симона Волхва на Иисуса (см. Fossum 1985, 152–55)?

Нетрудно себе представить, что до прихода в их город иерусалимских миссионеров первые Иоанновы обращенные были рьяными поклонниками Симона, великой силы Божией, могущественного целителя и чудотворца, одержавшего верх над религиозным учителем Досифеем. Как мы видели в главе 3, они верили, что Симон Великая Сила спустился в нижние области мира из горних высей, где некогда обитал вместе с непознанным Отцом. Они отождествляли Симона с Богом как земным воплощением Отца, Сыном, сошедшим и принесшим знание о непознанном Отце, и Святым Духом, посланным земным народам (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.23.1–2, 5). Известно, что он говорил: «Я Слово Божие, я Утешитель, я Всемогуший, я все божественное» (Иероним Стридонский, «Толкование на Евангелие по Матфею» 24.5).

Задачей Симона было спасти Эннойю (Мысль) Отца, сошедшую в мир и как следствие страдавшую от телесного воплощения (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.23.3). Симон учил, что Эннойя — это павший Дух, заточенный и подвластный правящим миром мятежным ангелам (Епифаний Кипрский, «Панарион» 21.2).

Симон претворил эту мифологию в жизнь, выкупив Елену из публичного дома и женившись на ней, тем самым даровав ей искупление. Это реальное событие, по-видимому, считалось отражением событий иномирных: освободив Елену из публичного дома, Симон спас всех людей от власти поработивших их злых князей мира. Низкое положе-

ние Елены олицетворяло положение всего человечества. Избавление Елены означало вселенское избавление Божьего Духа, заточенного во всех людях. Поэтому симониане заявляли, что Симон спас их милостью Отца (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.23.3; Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.14).

Эта идея всеспасения была одной из черт, отличавших симониан от других самарийских сект. Если течение Досифея было направлено только на самарян, то Симон, Елена и их преемник Менандр стремились охватить как можно более широкую аудиторию. Они учили, что, хотя Симон и сошел в Самарию, на самом деле он пришел, чтобы спасти все народы, всех людей вообще от поработивших их падших ангелов, правящих миром (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.23.1, 3, 5).

Симониане с презрением относились к закону Моисея, созданному, согласно их вере, авторитарными ангелами, чтобы вечно удерживать людей в рабстве (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.23.3; Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.14; Епифаний Кипрский, «Панарион» 21.4.5). Пока люди оставались в неведении о существовании Отца и подчинялись законам, вынуждавшим их служить падшим ангелам, освободить дух было невозможно. Дух оставался привязан к телам и миру, в котором падшие ангелы его заточили.

Легко понять, как новообращенные могли применить эту Симону мифологию к Иисусу. Симониане, обращенные иерусалимскими миссионерами, вероятно, переложили значительную часть своих прежних религиозных представлений о Симоне на Иисуса, а остальное перестроили в процессе формирования основополагающей мифологии Иоаннова христианства. Иначе говоря, они, вероятно, пришли к пониманию Иисуса через перестроение блока Симона. Эта реорганизация блока под Иисуса и стала базой новой христианской общины. Понимание Иисуса как пророка и Мессии, которое проповедовали иерусалимские миссионеры, смешалось с гностической симонианской мифологией о всеспасителе, Сыне, посланном на землю далеким непознанным Отцом, чтобы одолеть жуткие силы, поработившие человеческий дух и теперь правящие миром при помощи хитроумных законов.

В четвертом Евангелии показывается, как зародилась особая христианская община. Все началось с самарянского городка, где небольшая группа посланцев иерусалимской церкви основала миссию среди живших там симониан. Согласно Деяниям апостолов, эта миссия основана в самом начале истории христианства, спустя менее десяти лет после смерти Иисуса.

Эти новообращенные начинали не с чистого листа. У них уже имелось ранее сформированное мнение о мире как о враждебном

месте, подконтрольном падшим ангелам, заточившим дух Божий в человеческом теле. Учение иерусалимских миссионеров об Иисусе как пророке и Мессии смешалось с ранее сформировавшимся блоком гностических представлений о супермене, могущественном чудотворце и целителе, Сыне Божьем, посланном, чтобы вызволить человеческий дух, который на самом деле есть дух Божий, запертый в ловушке темного мира. Так и получилось, что в четвертом Евангелии пророк и Мессия Иисус становится Богом во плоти. Во многих отношениях это напоминает детскую игру «Саймон (Симон) говорит».

Крещенные новообращенные

От иерусалимских миссионеров новообращенные симониане узнали также об особой форме крещения, согласовывавшейся с церемонией помазания, через которую у них передавался Святой Дух, как следует из Деяний апостолов. Именно через это крещение инициировали желающих примкнуть к их сообществу. Именно поэтому в четвертом Евангелии делается акцент на идее покаяния и особой форме крещения, подразумевавшей схождение Духа Святого на того, кого крестят (Ин. 1:29, 33, 3:5).

По сути, для «Сынов Света» крещение играет настолько важную роль, что Евангелие от Иоанна — единственное, где говорится о том, что Иисус и Его ученики крестили новообращенных в свое течение (Ин. 3:22, 4:1–2). Фарисейских недоброжелателей Иисуса беспокоило, что они с учениками пользуются таким успехом на реках, что более крестят, нежели Иоанн Креститель.

Это свидетельство указывает на то, что всего лет через десять после смерти Иисуса едва оформившиеся самарийские христиане, «Сыны Света», были процветающими крестителями, соперничая с течением Иоанна Крестителя. «Сыны Света» пытались обращать почитателей Иоанна Крестителя, считавших его Мессией. И «Сыны Света» обещали потенциальным новообращенным, что их крещение будет лучше, чем у Иоанна Крестителя, потому что эта церемония включает также схождение Духа Святого (1:26, 31, 33).

Поскольку эти новообращенные считали Мессией Иоанна, «Сыны Света» в своем Евангелии опровергают эту точку зрения, стараясь убедить их, что Мессия — это Иисус, а не Иоанн (1:20, 29–34, 3:28, 5:33). Обращение почитателей Иоанна было непростой задачей, так что в своем Евангелии «Сыны Света» воздают ему почести, в то же время понижая его статус, ставя его ниже Иисуса (1:6, 15, 30, 10:41).

Евангелие от Иоанна в прочтении апостольско-католического пресвитера

Что же произошло с «Сынами Света», когда их община разрослась и вышла за пределы Самарии и бассейна Иордана, и их Евангелие начали читать другие христиане? Нам повезло: сохранились записи о первом прочтении Евангелия от Иоанна апостольским католиком. Они дошли до нас в виде новозаветного послания, известного как Первое Послание Иоанна Богослова.

Послание написано около 110 г. н.э., примерно через десять лет после того, как четвертое Евангелие обрело свой окончательный вид. Его написал человек, называющий себя пресвитером церкви, члены которой только что пережили значительный раскол. Часть ее участников покинула собрание, недовольные тем, как этот пресвитер читал и толковал четвертое Евангелие. Пресвитер пишет, обращаясь к оставшимся участникам, чтобы убедить их в том, что его толкование верно, а покинувшие церковь пресвитеры и адепты совершенно не понимают, о чем говорят.

Как мы увидим в дальнейшем, у пресвитера точка зрения апостольско-католическая, тогда как у покинувших общину взгляды гностические. По посланию пресвитера видно, где проходили линии фронта, какая борьба шла за понимание смысла Евангелия от Иоанна. Возглавляла список борьба за личность истинного Бога и его отношение к дьяволу. Далее вызывали споры людская природа и понятие греха. Наконец, обсуждалась природа Иисуса и его роль в Спасении.

Основной вихрь разногласий вращался вокруг Ин. 8:44. Пресвитер в отношении этого стиха придерживается апостольско-католического мнения. Он настаивает, что в тексте говорится о дьяволе как отце грешников, подобных Каину-убийце. Он не считывает в тексте указание на Бога, породившего дьявола, каковое, однако, видят его оппоненты (1Ин. 3:11–12).

Пресвитер утверждает, что оставшиеся в его конгрегации знали Христа с самого начала как воплощение жизни вечной (1:4, 3:16, 36, 5:24 и др.). Они познали Сына и Бога истинного от начала (2:12–22, 5:18–20). Истинный Бог праведен и безгрешен. Он есть Отец, справедливый Бог, чьи законы должно исполнять, включая «заповедь о любви» (3:1, 4:7–8, 10–12, 16–17, 5:3). Иисус явился, чтобы принести людям законы Божии, те самые законы, по которым их будут судить. Величайший из этих законов — любовь к брату своему (3:19–24, 4:7–19). Пресвитер настаивает, что заповедь о любви на самом деле не нова, а была частью древних законов Божьих, переданных иудеям (2:7–11).

Очевидно, пресвитер полагает, что Отец Иисуса и есть Бог из иудейских писаний. Он не считает законы Божьи «ущербными» и полагает, что, хотя придет день суда, верующему, неукоснительно следовавшему этим законам, нечего бояться (2:7–11, 4:17–21). Пресвитер видит Иисуса ходатаем верующих, которые предстанут перед судом праведного Отца. Впрочем, верующие могут положиться на любовь Бога, проявившуюся, когда Он послал Сына Своего в мир «в умилоствление за грехи наши» (4:10).

Поскольку Бог праведен и требует от детей своих повиновения, пресвитер убежден, что людская природа изменчива. То есть, люди не являются детьми Бога или дьявола в некоем генетическом смысле, как прямые потомки. Скорее отношение каждого индивида к Богу или к дьяволу определяется его поступками, добрыми или злыми (3:7–12). Тем не менее, поскольку не каждый праведник — сын Божий, дело должно быть в чем-то большем.

Как, по мнению пресвитера, попасть в семью Божью? Нужно родиться от Бога. Это может произойти, только когда на верующего сходит Дух Святой во время особой церемонии помазания (2:20, 27, 3:24, 4:13). Это рождение означает, что отныне в верующем пребывает Бог, помогая противиться греху. Верующим следует всеми силами стремиться не грешить, но если грех все же совершится, они могут утешиться знанием, что их родство с Иисусом очистит их (1:8, 10). По мнению пресвитера, это очищение даровано через жертвенное искупление, акт ритуального воздаяния, совершенный Христом от имени всего человечества в момент распятия (1:7, 9, 2:2, 5, 4:10, 5:6–7).

Из-за роли Иисуса как добровольной жертвы пресвитер полагает особенно важным рассматривать Его как Бога, рожденного человеком. Поэтому он настаивает, что оборот «Слово стало плотию» в первой главе Евангелия от Иоанна относится не к крещению Иисуса, когда на него сошел Дух. Пресвитер воспринимает воплощение как своего рода одушевление, вселение Божьего сознания в материю, когда Логос сошел в плоть в момент рождения Иисуса и стал Его Психе или душой. Таким образом, пресвитер настаивает, что Христос явился не только через крещение водой, но и через кровь рождения (1Ин. 5:6; см. Lieu 2008, 209–14).

Силовой захват

Хотя такова была позиция пресвитера и тех, кто остался в его конгрегации, пресвитеры и другие люди, вышедшие из нее, воспринимали многие вещи совсем иначе. Покинувшие конгрегацию поступили так, потому что были убеждены: четвертое Евангелие учит, что

истинный Бог — не то же самое, что Бог иудеев, давший своему народу законы. Они считали, что иудейский Бог дал «ущербные» законы и требовал их исполнения, потому что сам он по своей природе зол, связан с тьмой и миром (1Ин. 1:5–6, 2:15–17).

Вышедшие из конгрегации верили, что Бога, Которого проповедовал Иисус, следует противопоставлять Богу-законодателю. Отец Иисуса — любящий Бог, давший новую заповедь: любить друг друга. Бог иудеев — злой Бог, давший древние законы Моисея для угнетения народа. Отец Иисуса — это истинный Бог, которого они, по собственному утверждению, «познали» (2:3–6).

Покинувшие конгрегацию верили, что входят в безгрешное колено, генетически связанное с истинным Отцом. Все, принадлежавшие к церкви, входили в чистое, совершенное, безгрешное колено, рожденное от Бога и одаренное семенем Духа. Этому колену противопоставлялись дети дьявола, поскольку они походили на дьявола по природе своей. Основываясь на своем толковании Ин. 8:44, они считали, что к этому злему колену относятся неверующие, порождения Бога иудейского (1Ин. 3:4–10).

Согласно мнению этой стороны, Иисус не был добровольной жертвой. Скорее Он являл собой великую силу, Логос, сошедшую свыше и ставшую плотью в момент крещения Иисуса одной водой (5:8). Дух Божий сошел на Иисуса во время крещения и освободился во время распятия (Ин. 1:32–33, 19:30; ср. Мф. 3:16, 27:50; Лк. 3:22, 23:46).

Такая характеристика Иисуса — одно из наиболее ранних Его видений, выведенное христианами из древней иудейской традиции, согласно которой дух Божий осеняет праведников, например, пророков, и на деле пребывал в пророке в каждом роду (Прем. 7:27). Это древнее учение знает автор Евангелия от Марка и применяет его к Иисусу, утверждая, что Дух Божий сошел на Него именно в момент крещения (Мк. 1:10). Матфею и Луке эта древняя традиция также знакома, однако они пытаются вытеснить ее вторичными сказаниями о девственном рождении.

Очевидно, учения покинувших церковь пресвитера людей совпадали с гностической направленностью четвертого Евангелия, очерченной ранее в этой главе. Взгляд пресвитера по сути отражает более новую позицию из двух.

Так откуда же взялась более поздняя точка зрения пресвитера и его сторонников и как набрала достаточную популярность, чтобы составить конкуренцию и вытеснить более старую позицию? Как «Сыны Света» пришли к столь значительному расколу спустя всего несколько лет после завершения и опубликования их Евангелия?

Здесь нужно представить сценарий, при котором у одной из церквей «Сынов Света» начались активные взаимодействия с апостольско-католическими христианами. Возможно, в их город переехало большое апостольско-католическое семейство и примкнуло к конгрегации «Сынов Света». Или, может быть, с «Сынами Света» из экономических или социальных соображений объединилась местная апостольско-католическая конгрегация, терпящая трудности. Какими бы ни были обстоятельства, из 1-го Послания Иоанна ясно следует, что к их общине присоединилось значительное число апостольско-католических христиан.

Представления апостольских католиков относительно Бога и Иисуса сильно отличались от представлений «Сынов Света» в их первоначальном виде, так что четвертое Евангелие они читали во многом иначе. Апостольские католики не могли вообразить, чтобы в учении Христа говорилось о каком-то другом Боге, помимо библейского YHWH. Не могли вообразить Спасение, основанное на природе, а не на деяниях. Не могли вообразить Иисуса человеком — вместилищем Божьего Духа. И потому ввели новое прочтение четвертого Евангелия. Возможно даже, что именно они ответственны за финальные изменения, внесенные в само четвертое Евангелие, когда к нему была добавлена последняя глава, в которой показывается вера Симона Петра, героя апостольско-католических христиан.

Само собой, к 110 г. н.э. конфликт по поводу должного прочтения четвертого Евангелия привел общину к расколу. Изначальные члены группы воспринимали апостольско-католическое толкование Евангелия как навязанное и отвергающее их уникальное религиозное наследие. В их глазах пресвитер и его сторонники представляли самозванцами, силой захватившими контроль над общиной. И они избрали единственный приемлемый для себя выход: покинули конгрегацию и реорганизовались как реформированная конгрегация «Сынов Света», заявляя, что только они познали истинного Отца Иисуса. И это не YHWH.

Керинф в бане

К 180 году н.э. ситуация вокруг четвертого Евангелия вышла из-под контроля и изрядно утомила Ириней, епископа Лионского. Он был сыт по горло гностическими прочтениями четвертого Евангелия и взялся за перо, чтобы защитить от них апостольско-католическую позицию.

В центр дискуссии Ириней поставил Керинфа, человека, считавшегося современником Иоанна, ученика Иисуса (см. Broek 2005). Судя по

тому, что говорит нам Иринея о катехизисе Керинфа, последний, очевидно, знал четвертое Евангелие досконально. Он разобрал его пункт за пунктом с древней гностической позиции. По сочинениям Иринея видно, что Керинф учил, что Отец Иисуса — не тот же Бог, что библейский Творец YHWH. Керинф полагал, что в четвертом Евангелии говорится о Христе как о духе свыше, сошедшем на Иисуса и в конце концов оставившем его, чтобы вознестись обратно на небеса.

Керинф вовсе не считал, что первые стихи Иоанна описывают сотворение материального мира. Напротив, он считал, что они описывают сотворение сущностей мира духовного в момент, когда Отец первоначально разделил себя как Единственного Рожденного и Сына — Логос. Материальный мир создал не Логос, а сила, обитавшая значительно ниже Отца, в области, отрезанной от незримых и непостижимых сфер (Иринея Лионский, «Против ересей» 3.1.11).

В действительности нам известно даже больше о верованиях Керинфа, поскольку его упоминают несколько апостольско-католических лидеров. Керинф учил, что предначальный верховный Бог — это непознанный Отец, существующий отдельно от создателя и владыки нашего мира (1.26.1). Этот низший бог-творец и владыка был ангелом, представшим в качестве иудейского Бога и давшим закон Моисею (Псевдо-Тертуллиан, «Об отводе возражений еретиков» XLVIII).

Керинф считал, что Иисус родился обычным образом, биологическим сыном Марии и Иосифа. Он вырос исключительно праведным, святым человеком, настолько, что во время крещения «сошел на Него Христос в виде голубя». Керинф отождествлял сущность Христа с Духом, сошедшим с небес, от Отца. После того, как Его осенил Дух-Христос, Иисус возвещал непознанного Отца и совершал чудеса, какие никому другому были не под силу. В момент распятия Дух-Христос покинул Иисуса, таким образом, человек Иисус страдал, тогда как Дух остался «чужд страданиям» (Иринея Лионский, «Против ересей» 1.26.1).

Чтобы положить конец гностическим учениям Керинфа о четвертом Евангелии и утвердить апостольско-католическое толкование как первоначальное, Иринея заявляет, что апостол Иоанн написал четвертое Евангелие для того, чтобы пресечь учение Керинфа. Иринея оформил это заявление, апеллирующее к авторству апостола, чтобы положить конец древнему гностическому пониманию четвертого Евангелия. Если придать Евангелию апостольско-католические качества и антигностический смысл, надеялся, по всей видимости, Иринея, с древним и живучим его толкованием будет покончено раз и навсегда.

Если отступить на шаг и взвесить все свидетельства, становится очевидно, что взгляды Керинфа на четвертое Евангелие согласуются со взглядами «Сынов Света» — оппонентов пресвитера в 1-м Послании Иоанна. Толкование Керинфа совпадает с их трактовкой четвертого Евангелия по всем пунктам. По сути, оно отражает древнейшее прочтение этого Евангелия и идеально созвучно его гностической предрасположенности.

Все это заставляет задуматься, не имеют ли все же под собой некоторую почву раннехристианские указания на то, что авторство четвертого Евангелия принадлежит Керинфу, на сегодняшний день решительно отвергнутые большинством ученых. Не мог ли Керинф быть в какой-то мере причастен к непосредственному сочинению отдельных частей Евангелия?

Древнейшие имеющиеся у нас сведения о Керинфе связывают его с самарянским Симоном Волхвом. Это упоминание встречается в Послании двенадцати апостолов, написанном около 150 года н.э. Оно опубликовано под псевдонимом, однако очень важно утверждение, что его авторами были двенадцать апостолов, поскольку это отражает апостольско-католическую направленность Послания.

Апостольско-католический автор утверждает, что пишет книгу, направленную против «лжеапостолов Симона и Керинфа», которых полагает «врагами Господа нашего Иисуса Христа», поскольку они отвращают верующих от истинного слова и деяний Иисуса Христа (Послание 12-ти апостолов 1, 7). Эта связь между Симоном и Керинфом долгое время вызывала у историков недоумение. Но теперь, когда мы знаем, что обращенные симониане стали ядром «Сынов Света», а теология Керинфа отражает наиболее ранние прочтения их Евангелия, эта связь не кажется случайной. Автор Послания двенадцати апостолов высказывается против старого гностического толкования четвертого Евангелия, разработанного обращенными симонианами, а затем укрепленного Керинфом.

В сущности, при более детальном изучении Послания 12-ти апостолов становится заметно, что спорные вопросы, решение которых пытается найти автор, вращаются вокруг опровержения гностического толкования четвертого Евангелия. В Послании утверждается, что Отец Иисуса — «Господь всего мира, Создатель и Творец его». Иисус, Сын, сидит одесную Отца на небесном престоле и, будучи Словом Отца, сотворяет не только небеса, но и землю, и людей (Послание 12-ти апостолов 1, 3).

Этот Сын не стал плотью через схождение Духа на Иисуса при крещении, но был физически зачат Святым Духом в лоне Девы Марии, а затем рожден младенцем. Автор утверждает, что видел все

это, ссылаясь на Ин. 1:14 (Послание 12-ти апостолов 3). Несколько глав Послания посвящены объяснению того, как великая ангельская сила стала плотью, спустившись сквозь небесные сферы и оказавшись в конце концов в лоне Марии (13–14, 17).

Автор заверяет нас в том, что на Последнем суде Иисус спасет всех, кто крещен и кто следовал заповедям Отца, равно как и новой заповеди Иисуса — любить друг друга. Автор Послания убежден, что Иисус спасет детей света от злых начал, связавших душу и дух узами в темнице зла и дурных поступков (28).

Эта борьба за освобождение четвертого Евангелия от Керинфа и гностического восприятия отразилась также в шуточной истории II века, которую любил рассказывать епископ Поликарп, о том, как однажды ученик Иисуса Иоанн пошел в местную баню в Ефесе, чтобы понежиться в теплой воде. Но омыться ему так и не удалось. Вместо этого он выбежал на улицу, крича: «Бежим! Баня может упасть! Там Керинф, враг истины» (Ириней Лионский, «Против ересей» 3.3.4).

Хотя это забавная, вымышленная история, в ней мы снова сталкиваемся с Керинфом и его связью с четвертым Евангелием. В данном случае он противопоставляется апостолу Иоанну. К тому времени апостольские католики уже успешно утверждали, что четвертое Евангелие написал Иоанн, поэтому шутка в том, что оба они связаны с этим Евангелием. Иоанн убегает, поскольку, будучи настоящим автором четвертого Евангелия, отождествил его толкование Керинфом с таким злом, какое навлечет Божий суд на всякого, связанного с толкователем. На них обрушится крыша бани.

Другие сведения о Керинфе дошли до нас от римлянина по имени Гай и его последователей, живших в конце II века. Гай относил себя к апостольским католикам. Его очень волновало четвертое Евангелие и Откровение Иоанна Богослова, поскольку эти книги успешно использовало апокалиптическое церковное течение под названием монтанизм. Гай ненавидел монтанизм. В его глазах простейшим способом дискредитировать это течение было не признавать четвертое Евангелие и Откровение. Он отказывался использовать в своей церкви обе эти книги, потому что, по его словам, их написал не Иоанн, ученик Христа, а Керинф (Евсевий Стридонский, «Церковная история» 2.25.6, 3.28.1–2; Дионисий бар-салиби 101.1.30; см. Также Ириней Лионский, «Против ересей» 3.2.9).

В IV веке Епифаний, епископ Саламский, пошутил на эту тему, назвав последователей Гая алогами, потому что они отрицали Логос, упоминаемый в первой главе четвертого Евангелия. Для Епифания это действительно звучало забавно, поскольку по-гречески «алоги»

значит также «глупцы» или «болваны» (Епифаний Кипрский, «Пана-рион» 51).

В чем же здесь дело? Чтобы расшатать позиции апокалиптических монтанистов, опиравшихся на Евангелие от Иоанна и Откровение, Гай, по всей видимости, обратился к традиционному мнению, что четвертое Евангелие написал Керинф, а Откровение просто причислил к работам Керинфа. После этого в христианской литературе начинает циркулировать в том числе образ Керинфа как сумасшедшего апокалиптика-милленариста, делая его личность еще запутаннее.

Но Керинф не был сумасшедшим милленаристом. Он был древним христианским гностиком. Его толкование четвертого Евангелия совпадает с самой тканью его повествования, с его гностической предрасположенностью. Совпадает со взглядами оппонентов пресвитера, написавшего 1-е Послание Иоанна, людей, решивших реформировать своё сообщество, отринув апостольско-католическое толкование своего Евангелия. Хотя по имеющимся источникам невозможно определить, приложил ли Керинф на самом деле руку к написанию четвертого Евангелия, можно с уверенностью сказать, что в бане он был.

Что делает нас людьми?

Как ни складывай картину раннехристианской истории, четвертое Евангелие оказывается в центре христианско-гностической бури. И у гностиков, и у христианских католиков действительно имелось собственное прочтение этого Евангелия, подкреплявшее уникальную картину мира соответствующей стороны. Традиционно считалось, что авторскую точку зрения отражает апостольско-католическое толкование, поскольку Евангелие от Иоанна оказалось в христианской Библии. Мы считали, что ΥΝΩΗ — Отец Иисуса, и считывали это в Евангелии, в чем нам помогал неверный перевод Ин. 8:44.

Однако внутритекстовые данные не подкрепляют это мнение. На деле они показывают, что в Евангелии делается различие между Отцом Иисуса и Богом иудеев, породившим дьявола. Такая теология, где ΥΝΩΗ разделяется на лучшую и худшую половины, развилась в рамках религиозного буфера, в котором гностическая духовность слилась с симонианизмом и ранними учениями об Иисусе Христе. Зародилась эта уникальная религиозная смесь, когда миссионеры иерусалимской церкви основали христианскую миссию в Самарии среди гностиков-симониан. Результатом этого слияния стало возникновение христианско-гностической системы, похожей на широко известную мудрость Керинфа, о чьей связи с четвертым Евангелием в раннехристианской литературе упоминали с брезгливостью.

В основе гностической системы, по всей видимости, вырисовался верховный Бог, Отец Иисуса, обитающий на далеких небесах. Этот Отец ниспослал на землю Своего Сына, Логос, духовную сущность, вошедшую в Иисуса при крещении и покинувшую Его при распятии. Именно так Логос стал плотью и наделил Иисуса силой творить чудеса и явить миру Отца, прежде неизвестного Бога.

Отец Иисуса виделся любящим Богом, желающим вызволить людей из тьмы, в которой они терпели страдания. С этой целью Он послал Своего Сына — спасти рожденных от Духа, Сынов Света, от злого князя мира сего — Бога иудеев. Иисус требовал прекратить поклоняться УНВН, чтобы дух людской мог освободиться от уз законов УНВН и греха.

Единственная заповедь, данная Иисусом, — заповедь любить друг друга. Согласно четвертому Евангелию, способность любить делает нас, людей, равными Иисусу и Отцу, превращая их рабов Божьих в друзей Божьих (Ин. 15:9–15). Способность любить делает человеческих существ трансцендентными. Вот и весь сказ.

Что возвращает нас к основной идее «Темного города» и пришельцам, пытающимся найти человеческую душу. В поисках ее Странники при содействии доктора Шребера забрали все воспоминания жителей города и сложили их в большое хранилище. Каждую полночь, когда Странники мановением руки погружают людей в бессознательное состояние, сквозь вполне материальные улицы города прорастают авангардистские здания. В ходе настройки Странников меняется городской пейзаж, а доктор Шребер средневековым шприцем вводит своим подопытным-людям различные воспоминания.

В чем смысл такого жуткого эксперимента? Пришельцы хотят понять, что делает людей людьми, разгадать, что делает нас исключительными существами. Станет ли человек убийцей, если вложить ему воспоминания убийцы? Или мы нечто большее, чем совокупность воспоминаний? Есть ли в нас что-то еще, что делает нас теми, кто мы есть?

В волнующей сцене, где Эмма, жена Мёрдока, находит его в тюрьме, он пытается объяснить ей, что они друг другу никто. Они никогда не были мужем и женой, потому что их воспоминания ложные, вложенные пришельцами. Но Эмму это не убеждает. Она говорит: «Я люблю тебя, Джон. Такое невозможно подделать». Эмма уверена, что наша способность любить превосходит все остальное, в том числе воспоминания.

В одной из последних сцен Мёрдок сталкивается с пришельцем мистером Рукой, с трудом бредущим по улице. Несколько раньше мистер Рука ввел себе воспоминания Мёрдока. Теперь же он говорит

Мёрдоку: «Я умираю, Джон. Твой отпечаток несовместим с моим сознанием. Но я хотел узнать, каково это. Как вы чувствуете».

Мёрдок смотрит на него во все глаза, осознавая в этот момент правоту Эммы. Сосредоточившись на человеческих воспоминаниях, пришельцы искали душу не там. Он говорит мистеру Руке: «Этот человек — не я. И никогда не был. Вы хотели понять, что делает нас людьми. Что ж, здесь вы этого не найдете».

С этими словами Мёрдок небрежно показывает на свою голову.

Глава шестая. Другие гностические ипостаси

Эдди Джессуп

Перед нами высокий металлический бак цилиндрической формы с окошком наверху. Сквозь окошко виднеется вода и лицо спящего в ней мужчины (рис. 6.1). Его голова облеплена электродами. Угол обзора меняется, и мы оказываемся внутри бака, глядя снизу вверх на ступни мужчины. Он полностью погружен в воду, снаружи остается только лицо. Так начинается психоделический фильм Пэдди Чаефски 1980 года «Другие ипостаси».

Мы находимся в лаборатории Эдди Джессупа, профессора Гарвардской медицинской школы, специализирующегося на исследованиях в области медикаментозного лечения шизофрении. Он придерживается нетрадиционных взглядов и пребывает в убеждении, что шизофрения — не болезнь, а измененное состояние сознания. Он работает именно с этой частью населения, поскольку одержим тем, что называет «внутренними переживаниями», в особенности религиозными. Религиозные переживания, говорит он Эмили, своей будущей жене, имеют при шизофрении настолько большое значение, что он решил переключить оборудование с работы с приматами на работу с людьми.

Рис. 6.1. Эдди Джессуп (Уильям Хёрт) плавает в камере сенсорной депривации в фильме «Другие ипостаси» (1980 г.).

ми, чтобы проникнуть в человеческое сознание. Он хочет разработать метод, с помощью которого сумеет разобрать жизнь на составляющие и добраться до ее основ. Эдди считает, что в этом поможет камера сенсорной депривации.

Эдди чудаковат. Он из тех людей, которые как будто не способны ни с кем сойтись, хотя жениться на Эмили соглашается, потому что она его любит. Он понимает, что из него выйдет отвратительный муж, и говорит ей об этом. Дело не в том, что он холоден или невнимателен. Дело в том, что он одержим идеей открыть правду о человеческом существовании. Всё остальное не имеет значения.

Страшная смерть отца и его последние слова — «ужасно, ужасно» — убедили Эдди в том, что целью всех наших страданий являются лишь новые страдания. Бога нет. Есть только мы. Истинная реальность, истина в последней инстанции — это наше «я», индивидуальное сознание. С точки зрения генетики мы состоим из атомов, которым шесть миллиардов лет, и воспоминаний, восходящих к большому взрыву. Эдди уверен, что есть способ вернуться к тому прежнему сознанию, к первоначальному «я». И твердо намерен его найти.

Эдди устраивает сцену со своей эзотерической тарабарщиной на вечеринке в ресторане. «Каждый хочет найти себя, — выпаливает он, — воссоздать себя, понять себя, войти с собой в контакт, принять себя, изучить себя, расширить собственные рамки. Стоит нам научиться обходиться без Бога, нам больше нечем объяснить эту бессмысленную, кошмарную жизнь, кроме как самими собой. Что ж, я думаю, что истинная сущность, первоначальная, первая сущность реальна, измерима и исчислима, ее можно пощупать и воплотить. И я ее, мать ее, найду».

Поиски приводят его в Мексику, в племя Хинчи, где его учат готовить и применять местные галлюциногенные грибы. Хинчи называют это растение первым цветком, потому что оно вызывает первобытные видения и позволяет отправиться к Первой Душе, Нерожденному, Пустоте. Чтобы встретиться с первоначальным «я», Эдди сочетает это древнее индейское средство с погружением в современную камеру сенсорной депривации, в которой он плавает долгими часами в полной тишине и неподвижности.

И вот тогда начинают происходить по-настоящему странные вещи. Из камеры доносятся нечеловеческие крики. Когда Эдди достают оттуда, он вял, а лицо его перемазано кровью. Неужели он прокусил себе язык или претерпел какую-то генетическую трансформацию, превратившись в обезьяноподобного предка? Что-то становится понятно только после следующего погружения, из которого Эдди выходит маленьким приматом и разносит лабораторию, едва не убив двух

охранников. Позднее его находят в местном зоопарке, где он снова превратился в человека, но перед тем сожрал антилопу. Эти другие ипостаси, измененные состояния сознания, выходят из-под контроля. Они затрагивают не только разум. Сознание Эдди трансформирует его физическое тело. Он совершенно буквально проходит в обратном направлении эволюцию человеческого «я». И выглядит это устрашающе.

Сепарационная тревожность

«Другие ипостаси» — это современный манифест о смерти Бога. Когда умирает Бог, начинается борьба за смысл человеческой жизни. Нам показывают две возможности. Эмили считает, что в человеческой жизни нет никаких великих истин. Мы все рождаемся в сомнениях и на протяжении жизни убеждаем себя в том, что действительно живы, любя друг друга. Эдди считает, что суть жизни — это боль, которую мы причиняем друг другу. Он хочет избавиться от всех привязанностей, чтобы страдать от этой боли в одиночестве как единственное «я». Он хочет добраться до краеугольного камня жизни, нагой и пустынной души. В этом отношении Эдди — современный гностик, убежденный, что естественное состояние человеческой души есть страдание. Он считает, что, если сумеет вернуться в первобытное состояние, сможет отыскать правду о душе, о том, что с ней случилось, как она дошла до нынешнего состояния ужаса.

Христианские гностики II века, с которыми мы встретимся в следующих трех главах, полагали, что состояние ужаса души вызвано отделением от первоначального источника, и верили, что ее можно исцелить с помощью обрядов. Инициации гностиков II века и их методы религиозной ритуальной терапии представляют собой древнейшую форму психотерапии. Задолго до рождения Фрейда и Юнга, до появления в современном мире бихевиористов и когнитивных психологов гностики уже разработали методы терапии для борьбы с тревожностью и стабилизации состояния человека, хотя их методы и действовали в рамках религиозных практик, а не применялись в соответствии с научным подходом в кабинете психолога. В фокусе разнообразных мифов христианских гностиков и записей об их деятельности лежит происхождение человеческой психе (души), как она оказалась повреждена и как ее можно исцелить в контексте религиозной инициации.

Как мы видели в главе 2, гностики возводили историю человечества к первобытным временам, к богу — гермафродитному или андрогинному существу, подобно огромному змею возлежащему в мол-

чании и неподвижности в предначальных водах. Так было до возникновения чего бы то ни было. Что происходит с этим одиноким существом? В различных гностических текстах выдвигаются разные предположения, однако у одинокого бога не так уж много вариантов действий. Он может созерцать себя в воде. Может думать о себе. Может встать. И может мастурбировать. В различных мифах он занимается всеми этими вещами.

В результате этих действий он обретает форму и размножается или порождает себя, производит на свет подобных себе божеств, в процессе создает мир божеств, что в конце концов приводит к сотворению нашей вселенной и нас самих. Весь процесс напоминает огромную цепь существований, нисходящую из абсолютной трансцендентности. В конечном счете творение есть проявление трансцендентности. С точки зрения религиозных мыслителей-гностиков это означало, что трансцендентное, Пневма (дух), стало неотъемлемой частью нас. Стало частью нашей сути, смешалось с более плотными формами реальности, опутало наши Психе и физические тела.

Таким образом, гностическая духовность направлена на трансцендентное, вечное священное существо, вышедшее за пределы себя и породившее различные слои реальности, в том числе и наш. Одно становится многими. Но вот в чем подвох: гностики считали, что в этот процесс порождения каким-то образом закралась ошибка и то, что вышло за пределы, в каком-то смысле не совсем то же, что оригинал. Это копия, репродукция, в конечном счете искажившаяся или ослабленная.

Причина этого неизбежного искажения не в грехе и не в ошибке, но в сепарации, возникающей, когда в процессе индивидуализации цельный Бог разделяет себя. Этот процесс сепарации и индивидуализации порождает страдание, тревогу, страх, ужас и чувство вины. Очень напоминает основополагающие идеи современной возрастной психологии. Мы усвоили, что для становления здоровым, дееспособным взрослым ребенок должен сепарироваться, разграничить себя и мать. Но процесс этот непрост. Он сопряжен с чувством тревожности, отчуждения и изоляции. Гностики думали, что такая сепарационная тревожность лежит в основе нашей природы, ведь именно на этом процессе основано наше появление в целом. Это неизбежное следствие дробления единого бога на множество сущностей.

В конечном итоге гностические предания сводятся к человеческому «я», его сути и тому, как оно оказалось повреждено. В понимании гностической психологии есть три измерения человеческой Психе: моральное «я», эмоциональное «я» и рациональное «я». Вместе эти три измерения образуют наши личностные черты и чувство самости,

формируют наше эго. Гностики полагали, что это временное, смертное «я» не следует путать с тем, кто мы есть на самом деле.

То, кто мы есть на самом деле, связано с четвертой способностью — нашей интуицией, видением и воображением. Совокупность этих способностей называют духом. Это способность нашего сознания выйти за рамки обыденного мира в трансцендентное царство, к переживаниям, превосходящим повседневный опыт. Говоря современным языком, его можно проассоциировать со способностью сознания переходить в иные состояния, например, экстаза.

Гностики считали, что человеческую душу ограничивают язык, эмоции и этика, создавая неадекватное, ложное ощущение того, кто мы на самом деле. Психе пребывает в иллюзиях, считая, что этим мир и исчерпывается, что это все, что есть в нас, и нет ничего вне нас. Она невежественна, как и ее создатель-демиург, возглашающий: «Нет Бога, кроме меня!» Пока мы отождествляем себя с преходящим эго и телом, мы не можем воспользоваться способностью отвлечься от мишуры преходящего и вернуться к вечному, абсолютному, которое возможно познать только интуитивно через дух.

Таким образом, в гностическом предании речь идет о происхождении людского духа от предначального Бога-До-Всех-Богов, от трансцендентного источника всего сущего. С появлением этого трансцендентного, предначального Бога начинается разграничение и распыление. Процесс порождения неизбежно приводит к включению одного во многих. Дух, человеческое истинное «я», оказывается отделен от своих корней. Он утрачивает осознанность, запертый в ловушке иллюзий, эмоций и пагубных страстей души и тела. Разрыв, который он не мог контролировать, вызывает чувство отчуждения и приводит к повреждениям. В этом отчуждении кроется причина наиболее глубоких тревог и страхов человека. Самое главное, что эти тревоги и страхи, преследующие всех нас, живут глубоко в нашем подсознательном, где погребен дух, глубинное «я».

Вселенная в теле

Впрочем, положение не безнадежно. Вовсе нет. Как мы увидим далее в данной главе, гностики придавали большое значение терапии, тому, чтобы восстановить нашу психологическую целостность через духовное взросление и слияние. Экзистенциальный страх, ужас, невежество, сожаление и стремление к страданию нужно лечить, считали они. Если исцелить глубинное «я» от этой острой сепарационной тревожности и вновь интегрировать дух в божественное целое, мы станем здоровее во всех отношениях, даже физически. Так что, хо-

тя может показаться, что гностиков интересовало только духовное и психологическое исцеление, из их литературы ясно следует, что по их вере исцеление глубинного «я» влияет и на здоровье физического тела.

В этой связи стоит привести чудесное описание гностиков, принявших участие в семинаре Плотина по греческой философии. Присутствовавшие гностики принадлежали к какой-то разновидности сифиан, поскольку при них были сифианские книги «Зостриан» и «Аллоген» (также, возможно, «Марсан»). Сейчас в нашем распоряжении имеются копии этих книг в составе собрания Наг-Хаммади, так что мы можем прочитать их сами. О чем заявляли эти гностики на семинаре Плотина? «Они говорят, — пишет Плотин, — что могут освободиться от болезней». Гностики верили в это, поскольку чувствовали, что обладают достаточной духовной мощью, чтобы одолеть демонов, сила которых проявляется в различных недугах.

В рамках гностической терапии темных властителей, сотворивших, а потому контролирующих каждую часть человеческого тела, заставляют прекратить терзать наши тела болезнями и страданиями. Чтобы подчинить демонов своим указаниям, гностики, как знал Плотин, использовали молитвы, воззвания и гимны. Также для этого использовались определенные мелодии, определенные звуки, особый вид дыхания, шипение и хлопки (Плотин, «Эннеады» 2.9.14). Из других литературных источников узнаем, что гностики-офиты считали вершиной своей мудрости силу исцелять. Она позволяла им дестабилизировать демонов при помощи громких звуков, тайных имен, извратительных заклинаний и отвращающих формул, а также профилактических средств, таких как особые камни, растения и корни. Они также использовали вычисления, вероятно, астрологические (Ориген, «Против Цельса» 6.38–40).

Как это работало? Как и многие люди древности, проживавшие в Средиземноморском бассейне, гностики верили, что расположение планет и звезд в момент рождения определяет эмоциональные склонности и физическое сложение человека. В гностическом предании эта концепция также подразумевала, что душу и тело сотворили темные владыки, правители планет и звезд. Сотворенные ими души и тела несли на себе их отпечаток, налет того настроения, в котором находился правитель соответствующей планеты в момент рождения человека. Темные владыки запечатывают свои творения и владеют ими. Каждый демон владеет определенной частью человеческого существа и обладает силой заражать или поражать ее.

В основе этой идеи гностиков лежит вера в то, что по мере воплощения в человеческих душе и теле трансцендентный дух погружается

во все более и более плотную материю мироздания. Этот процесс виделся нисхождением духа из трансцендентного царства в мир через различные врата зодиака, управляемые планетами. Погружаясь в мир, дух буквально проходил через созвездия и планеты, получая по пути психические или душевные наклонности, свойственные правителю каждой из планет и звезд.

Эти наклонности придавались душе по мере того, как демон каждой пройденной звезды кусочек за кусочком создавал душу. Из сифианской книги «Апокриф Иоанна» узнаем, что каждый из правителей планет вкладывает в душу ту или иную часть: кости, жилы, плоть, костный мозг, кровь, кожу и волосы души. Каждая из этих частей души соотносится с той или иной психической чертой, такими как благо, провидение, божественность, господство, царствие, ревность и мудрость («Апокриф Иоанна», кодексы Наг-Хаммади (ННС) II.1 11.23–12.25, 15.14–24; ср. «Апокриф Иоанна» в Берлинском кодексе 2 48.11–50.2). Списки этих психических аспектов можно найти в различных древнегреческих и древнеримских литературных источниках («Евангелие от Марии» 16.5–12; «Герметический корпус» 1.24–26; Макробий, «Комментарии на "Сон Сципиона"» 1.12.1–16; ср. Прокл, комментарий к «Тимею» 1.148.1–6, 3.335.12–15; Сервий, комментарий к «Энеиде» 6.127; Епифаний Кипрский, «Панарион» 26.9–10).

С телом, по гностическому преданию, похожая история. Каждую часть, от головы до пят, создает один из 365 звездных демонов, поименованных в «Апокрифе Иоанна». Ничто не осталось без внимания. Есть демоны, создающие уши, нос, губы, коренные зубы, миндалины, мягкое нёбо, ногти, сердце, желудок, селезенку и позвонки — и это лишь малая часть приводимого списка («Апокриф Иоанна», ННС II.1 15.13–19.15). С этим согласен гностический мыслитель Василид. В описанной им системе есть 365 астрологических сил, каждая из которых отвечает за создание той или иной части физического тела. Таким образом, каждую часть человеческого тела контролирует отдельный демон, в понимании гностиков — звездная сущность, обитающая в небесных сферах и соответствующая той или иной части зодиакального круга (Епифаний Кипрский, «Панарион» 24.7.6).

Соотнесение частей тела со звездами и планетами, или мелотезия (буквально «соответствие членов») в античные времена имело широкое распространение. В сущности, мелотезия являлась основой медицинской практики вплоть до конца средневековья. Хотя врачи древности и не пытались подчинять демонов, управляющих пострадавшей частью тела, многие верили, что лечение, например, кровопускание, будет эффективно, только если производить его в правильное время, когда планеты и звезды выстроятся определенным образом, подходя-

щим соответствующей части тела. Такие методы считались действенными, поскольку древние верили в силу соответствий, что человеческое тело соотносится со вселенной и этими соотношениями можно манипулировать себе во благо. Иными словами, человеческое тело — это минивселенная, поэтому каждый его аспект связан со вселенной отношениями параллелизма.

В результате веры в силу этой связи многие врачи перед лечением пациентов сверялись с медицинскими календарями, чтобы убедиться, что нужные звезды расположены правильным образом для лечения соответствующей части тела. Для удобства докторов и пациентов в таких календарях зачастую изображался человек, расчерченный с головы до ног отметками знаков зодиака, связанными с различными частями тела. Также в календарях размещались таблицы и диаграммы для помощи докторам в астрономических расчетах, необходимых для успешного излечения того или иного заболевания (рис. 6.2).

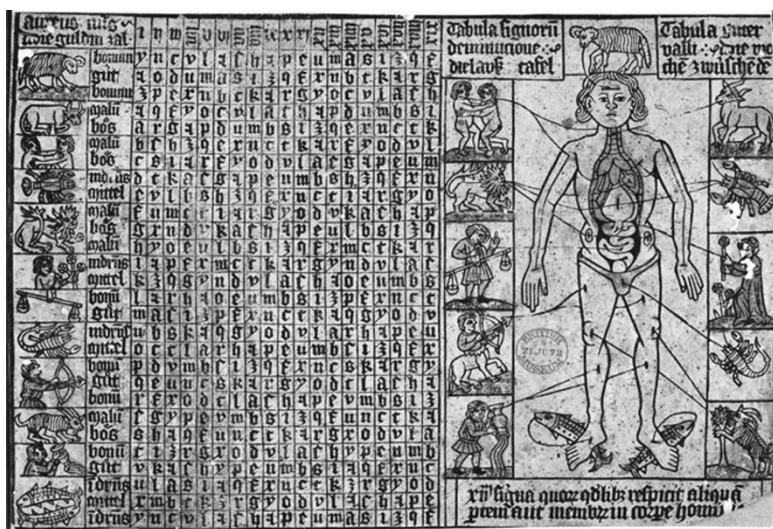

Рис. 6.2. Зодиакальный человек (1475 г.) из Британской библиотеки
Разрешение на перепечатку получено

Гностики же не были древними врачами. Они не занимались кровопусканием для достижения баланса гуморов, когда звезды выстроятся нужным образом для исцеления пораженной части тела. Скорее их ближайшей параллелью можно назвать шаманов. Они считали, что тело излечится от любых недугов, когда дух через экстатический опыт сольется с целостным Богом. Такое слияние исцеляет повреждения, возникшие при изначальном отделении духа от Бога, и наделяет дух силой управлять душой и телом. Слившись с Богом, дух занимает

ведущее положение и на вселенском, и на личном уровне. По его велению низшие демоны не должны более влиять на тело.

Используя богоподобные силы, целители-гностики зывали к имени демона, ответственного за травмированную конечность или больной орган, выставляли камень и знак, ассоциирующийся с этим демоном, и пропевали соответствующую молитву об избавлении. Помогали также лекарственные растения и хлопki.

Гностическое лечение

Итак, главная забота гностиков состоит в том, чтобы через глубинную духовную терапию починить наши поврежденные души и тела. В то же время следует понимать, что древние гностики работали не так, как современные психологи или телеевангелисты-целители вроде Кеннета Коупленда или Бенни Хинна. Терапия гностиков была завязана на религиозные церемонии инициации, поразительно похожие на греко-римские и египетские религиозные мистерии.

В сущности, авторы древности сходятся на том, что больше всего гностические мистерии сравнимы с мистериями Великой Матери Деметры и ее дочери Персефоны, для которых характерны торжественные обеты молчания, откровения особого знания, длительный и дорогостоящий курс приготовлений и телесные страдания посвящаемых (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.4.3, 1.21.3–4; Тертуллиан, «Против Валентиниан» 1; Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 1.пред.2–5, 5.6.34, 39–45). Мистерии Деметры славились своей драматичностью: посвящаемые брали в руки факелы и бродили во тьме, плача, как Деметра в поисках своей похищенной дочери (Климент Александрийский, «Протрептик» 2; Тертуллиан, «К язычникам» 2.7; Лактанций, «Эпитома» 23; Mylonas 1962, 261–72). На каменном барельефе в святилище Деметры в Элевсине изображены посвященные в мантиях, идущие цепочкой с факелами в руках (рис. 6.3). На других находках, таких как урна Лователли, саркофаг из Торре Нова и Ниннионская табличка, посвященные изображены активно вовлеченными во все аспекты элевсинской драмы. Подобным же образом описывает греческие инициации Плутарх: посвящаемых таскали в темноте по глубокой грязи, они бесконечно ходили кругами по проступающим тропинкам, трясясь, дрожа, потя, пугаясь, пока им не являлось священное видение из света (Плутарх, Фрагмент 178).

По описаниям из античной литературы и археологическим данным ясно, что в центре внимания греко-римских и египетских мистерий находились драматические представления по мотивам определенных мифов, связанных с определенным богом (см. Schnusenberg 2010). Са-

мым близким сегодняшним аналогом такого религиозного театра с вовлечением публики можно назвать мистерии о страстях Господних, в которых участвуют и актеры из конгрегации, и публика, изображающая толпу, оплакивающую (и осмеивающую) страдания Христа.

Принимая участие в театрализованных древних мистериях, посвящаемые вверяли себя заботам бога, с которым встречались лицом к лицу во время представления. Они верили, что вовлеченность в такие театрализованные представления включает их в число первоначальных участников мифа, будь то предание о Деметре и Персефоне, о Дионисе и Орфее, об Исиде и Осирисе или о Кибеле и Аттисе. Они надеялись, что обращение к богу в таком контексте гарантирует им поддержку при жизни и в особенности в посмертии.

С появлением гностической духовности религиозная ритуальная драма переориентировалась на человеческий дух и его божественную природу. В фокусе гностических инициаций оказались очищение, восстановление и интеграция павшего духа. Смена фокуса сделала эти инициации инновационными из-за их терапевтической направленности, неизвестной ранее в церемониях инициации других древних мистерий. Такая переориентация мистерияльных инициаций, вероятно, произошла в рамках религиозного буфера, в котором то, что гностики знали о греческом шаманизме и храмовых целительских практиках, смешалось с тем, что они знали об обрядах мистерий.

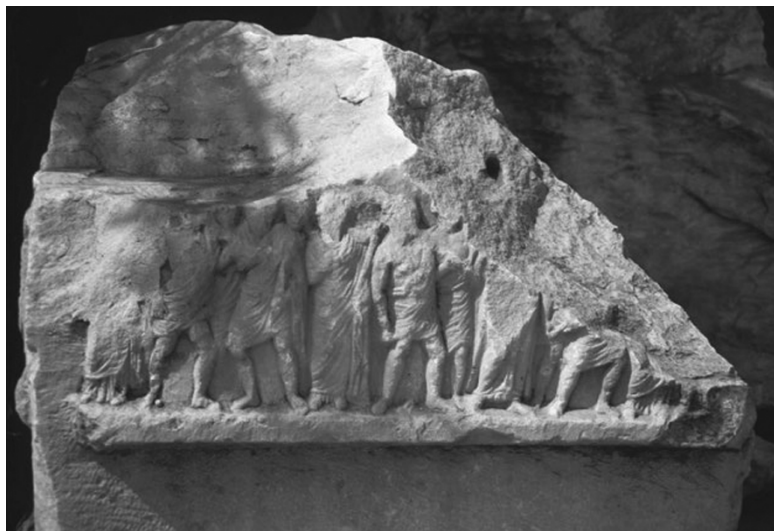

Рис. 6.3. Каменный барельеф из Элевсина, Греция, изображающий посвящаемых с факелами в ходе элевсинской мистерияльной драмы
Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник

Четко структурированные инициации гностиков проводились не в публичных, видимых местах, а скорее в закрытых религиозных общинах. Многие подобные мероприятия, вероятно, проходили в частных домах вроде христианского дома в Дура-Эвропос, где был построен специальный баптистерий для инициаций, или виллы в Помпеях, где на росписях в столовой изображены мистерии в честь Диониса (рис. 6.4). Но есть также свидетельства того, что инициации некоторых групп гностиков проводились в театрах, где устраивались драматические представления под музыку (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.9.7). Также встречаются упоминания о том, что некоторые гностические группы использовали в своих мистериях специальные костюмы, возможно, даже маски; об использовании специальной мебели, например, брачного ложа; и о применении факелов для освещения (см. Ориген, «Против Цельса» 6.39; Пистис София 1.11). Некоторые гностики-валентиниане надевали шлем Аида, чтобы скрыться от глаз судей подземного мира (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.13.6). Высказывалось предположение, что Ориген, упоминая превращения офитов во львов, быков, змеев, орлов, медведей и собак («Против Цельса» 6.33), подразумевал, что они используют в своих церемониях маски. Описание посвященных-митраистов у Порфирия (*De Abstinencia* 4.16) некоторые исследователи читают сходным образом (Chadwick 1980, 349, note 4). До нас дошло более чем достаточно

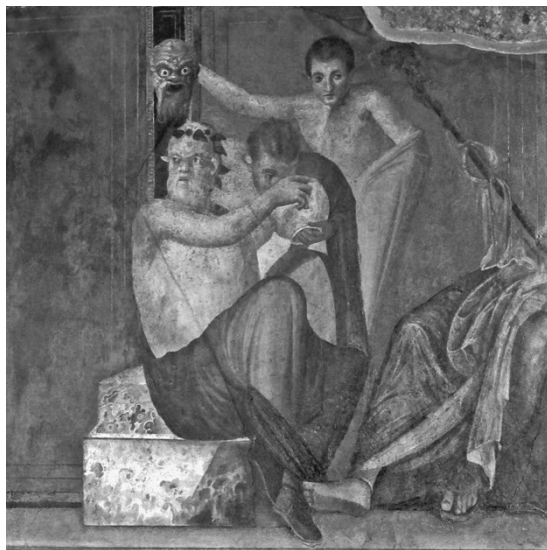

Рис. 6.4. Фреска с изображением спектакля-инициации дионисийских мистерий, I век н. э., Вилла Мистерий, Помпеи. Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.

примеров отрывков для декламации, текстов песен и диалогов из гностической литературы, чтобы предположить, что такие представления в общинах разыгрывались регулярно и стабильно.

Эти спектакли не предназначались для развлечения публики, как вечерние представления в театре. Скорее это были симуляции, погружения в виртуальную реальность, вовлекавшие посвящаемых полностью, физически и эмоционально. С точки зрения психологии представления подкрепляли для посвящаемых то, что они уже узнали о реальности из полученных метафизических наставлений, катехизиса, который они плотно изучали до прохождения обрядов. Для них представления не были притворством. Инициации выступали виртуальной реальностью, созданной для того, чтобы посвящаемые могли прожить полную трансформацию, ощутить себя по-новому — как смертных богов. Инициации включали постановки путешествий в иные миры по секретным тропам посвящения, через подземный мир, небеса и трансцендентные царства. По пути случались столкновения с темными владыками и встречи с трансцендентными божествами.

Структура гностической инициации

Каждая гностическая община гордилась тем, что обладает «настоящей» картой вечного блаженства, по которой заблудший дух сможет найти дорогу обратно на трансцендентную родину, где сольется с Богом в купальне Бытия или в священных эротических объятиях. Лишь тогда он сможет исцелиться от ужасающих последствий изначального разделения. Каждая гностическая группа самоопределялась, предлагая собственную вариацию, собственную интерпретацию этого магического мистериального тура, позволявшего актуализировать божественный потенциал человека и отвести дух домой, в скрытое место, лежащее за пределами мук подземного мира и бесконечного вращения звезд нашей вселенной.

В следующей главе мы рассмотрим пять различных гностических групп II века и их особенные пути инициации, ведущие к бессмертию. Однако, прежде чем переходить к изучению бешеного разнообразия их преданий и региональных программ инициации, важно понять, что на самом деле они разнятся не так сильно, как кажется на первый взгляд. Хотя среди гностических групп встречаются дикие местные вариации в вопросах мифологии, доктрины и церемониала, у них также имеется много структурных сходств, особенно в том, что касается обрядов. В церемониях широкого спектра гностических групп II века ощущается подобие, глубинная структура, стабилизирующая это разнообразие, каркас, скрепляющий различия.

Это подобие основано на глубинных когнитивных структурах, помогающих нам ориентировать свое тело по отношению к окружающему миру, в том числе осознание себя прямоходящим существом, которое может находиться в стоячем, сидячем и лежащем положении (DeConick 2014). Это означает, что для человека верх ассоциируется с хорошими понятиями, такими как Бог, здоровье, легкость, свет и добродетель, тогда как низ — с демонами, смертью, тяжестью, темнотой и пороком. Гностические инициации структурированы таким образом, чтобы отправить дух обратно наверх, в трансцендентное царство Благотворного Отца, откуда он пал вниз. Это означает, что дух нужно ритуально провести через три области, а именно: нижний мир, лежащий под землей, небесную сферу, находящуюся над землей, и трансцендентное царство, находящееся над мирозданием.

К таким универсальным ориентациям тела, как вертикаль, добавим тот факт, что все люди древности строили догадки на тему воплощения души. Большой популярностью пользовалась теория, что душа зарождается в одной из высших космических сфер, как правило, в зодиаке, поясе неподвижных звезд. На пути вниз, в тело, ей приходится проходить через звезды и сферы планет. Это прохождение негативно сказывается на строении души, утяжеляя ее. Чтобы освободить душу, ее необходимо очистить от этих негативных воздействий. Очищение делает душу легче и позволяет ей улететь домой. На этом широко известном цикле и базируются церемонии инициации гностиков II века.

Осознав, что в фокусе гностической духовности находится не освобождение души, но дух, легко обнаружить проникшую в гностический миф и ритуальные представления инновацию. Если боги этого мира ложны, то дух наверняка пришел оттуда, где обитает истинный Бог. Таким образом, мы видим зарождение в гностической мысли идеи трансцендентного царства — жилища истинного Бога и человеческого духа. Именно дух спускается через различные сферы, в процессе облачаясь в душу и тело. Его освобождение означает очищение от негативности души и склонностей тела, чтобы дух стал легче и смог улететь домой.

Гностические обряды в любой своей форме предполагали терапевтическое воздействие на личность, пробуждение, очищение, взросление и слияние отчужденного человеческого духа, настоящего «я», с его трансцендентным корнем. Преследовалась цель исцелить сепарационную тревожность, с которой все и началось. Как правило, божества из трансцендентного мира сходят на землю, чтобы помочь людям, поведать им об их бедах и научить необходимым обрядам для освобождения духа. Если говорить об Иисусе, во многих христиан-

ско-гностических группах полагали, что его задачей было прорубить путь духу домой.

Гностические обряды II века делятся на четыре категории: церемонии пробуждения духа или выведения его из бессознательно-го состояния; церемонии очищения души от преследующих ее демонов; церемонии взросления духа, превращения из несмышленища во взрослое божество; и церемонии слияния зрелого духа, истинного «я», с трансцендентным корнем. Этот процесс приносит исцеление, поскольку устраняет последствия разделения, послужившего перво-причиной тревог и страхов человека, не стирая при этом его индивидуальность.

Итак, гностики не были буддистами. Дух не погружается в пустоту, и его не поглощает первоисточник, так, что он перестает существовать отдельно. Гностические обряды направлены на то, чтобы у духа развилась собственная индивидуальность, которая затем объединится с источником.

Пробуждение

Главная задача гностиков — пробудить в каждом из нас божественный потенциал, привести в сознание наше вечное, глубинное «я». Для этого проводилось ритуальное путешествие через нижний мир, во время которого посвящаемого будили в Аиде — как правило, это делала божественная сущность, пришедшая из иного мира в качестве посланника. Посвящаемых будили ударом жезла Гермеса или Христа. Или их резко пробуждал призыв богини Предвидения.

Как мы увидим в следующей главе, существует много примеров пробуждения в нижнем мире, но один из красивейших по части ритуалов можно найти в сифианском «Апокрифе Иоанна» (ННС II.1 30.33–31.25). Здесь богиня Предвидение спускается во тьму Аида. Следует ритуальный обмен репликами между богиней и посвящаемым. Предполагаю, что слова Предвидения во время проведения обряда произносил глава общины.

В ходе обряда Предвидение взывает к посвящаемому: «Тот, кто слышит, да восстанет он ото сна тяжелого!» Посвящаемый плачет и отвечает: «Кто тот, который называет имя мое? И откуда эта надежда пришла ко мне, когда я в оковах темницы?» Тогда богиня заявляет: «Я Проноя света чистого. Я мысль девственного Духа, который поднял тебя до места почитаемого. Восстань! Вспомни, ибо ты тот, кто услышал! Следуй своему корню, который есть я, милосердие! Укрепи себя перед ангелами бедности и демонами хаоса, и всем, кто опутал тебя! Оберегайся сна тяжелого и заграждения внутри преисподней!»

Затем богиня поднимает посвящаемого. Она пятикратно запечатывает его в святой воде, чтобы смерть больше не имела власти над ним.

Это, должно быть, одна из наиболее ранних церемоний, проводившихся какими-либо гностическими группами, поскольку она описывается также в очень старом сифианском трактате «Троеобразная Протеннойя» («Три формы Первой мысли»). Из этого текста мы узнаем, что первая мистерия заключалась в схождении в нижний мир, где богиня Пронойя взывала к своим детям, в ком обитает дух. Пронойя сотрясает преисподнюю, разрушая цепи, которыми демоны сковали ее детей. Она пробуждает и освобождает их дух от Хаоса («Троеобразная Протеннойя» NHC XIII.1 36.4–26, 40.30–37).

Такого типа церемонии в преисподней проводятся для пробуждения духа, приведения его в сознание, оживления. В некоторых гностических группах в эту церемонию входил не только момент пробуждения или оживления, но еще и путь из преисподней по гнилым тропам, полным летучих мышей, вслед за подобным Гермесу проводником. Нам остается только воображать, какие драматичные декорации могли использоваться, чтобы посвящаемые в полной мере прочувствовали пугающую атмосферу преисподней. По окончании этого переживания посвященные-гностики возвращались туда, откуда начали, но с одним большим отличием: они пробудились как люди, знающие о своем духе, осведомленные о своем истинном божественном «я».

Катарсис

После пробуждения божественного потенциала его необходимо очистить через катарсический процесс эмоционального и психического освобождения. Этот процесс предполагает избавление от иллюзий и страстей, из-за которых дух так долго пребывал без сознания. Очищение проводится через обряд, в ходе которого посвящаемый по очереди побеждает каждого из темных владык, правящих вселенной из небесных сфер. Во время этих обрядов гностики буквально встречались лицом к лицу и одолевали одного за другим своих личных демонов. Они верили, что наши души, как и тела, это отражение наших демонов, несут на себе метку необузданных желаний, эгоизма, дерзости, алчности, гнева и обмана. Каждого управляющего нами демона необходимо изгнать, одержав над ним ритуальную победу. Этот процесс одержания победы над демонами мыслился как постепенное восхождение через принадлежащие демонам небесные территории, где посвящаемый сталкивался лицом к лицу с каждым из демонов и покорял его при помощи сильной молитвы, использования истинного имени врага и демонстрации могущественного предмета.

Придуманые и проводившиеся гностиками обряды предполагали достижение катарсиса, избавление от всего, что обременяло и поработило их истинное «я» в царстве тлена. Такие катарсические церемонии инициации проводились постепенно, так, чтобы посвящаемые медленно, как правило, в определенной ритуальной последовательности проходили через различные небесные и звездные дома, подвластные различным демонам.

Как мы увидим в следующей главе, до нас дошло полное описание обряда очищения от демонов гностиков-офитов, включая путь, отмеченный офитами на карте демонических небесных территорий, молитвы о победе над демонами, тайные имена этих демонов и упоминания предметов, использовавшихся в этом катарсическом процессе. Их церемония называлась Запечатыванием. Это был их обряд воскрешения, в ходе которого душа воскресала из тела (по контрасту с воскресением тела) и улетала через звездные врата, чтобы вернуться в мир трансцендентного.

Офитский обряд проводился в виде путешествия по ночным домам зодиака, в ходе которого посвящаемый встречался с планетарным правителем каждого из домов и побеждал его при помощи физической печати и могущественной молитвы. Каждый правитель ассоциировался с той или иной животной формой, и после победы над ним посвящаемый возвращался на землю в образе «льва», «дракона» и любого другого животного, ипостасью которого обладал покоренный звездный правитель. Под этим подразумеваются поименованные стадии продвижения во время обряда, маркированное прохождение с одного уровня на другой по мере того, как дух очищался от демонов.

Взросление

Следующий шаг на пути гностической самореализации — взросление, вызревание духовного семени в самодостаточное божество. Это процесс индивидуализации, в ходе которого ребенок становится взрослым. Для гностиков вызревание истинного «я» подразумевало получение наставлений, особенно в области этики. Но что еще важнее, оно включало подражание, при котором ребенок ведет себя, как взрослый. Этого эффекта гностики достигали ритуально через церемонии вознесения, в ходе которых вторгались в трансцендентные царства, лежащие за пределами наших небес.

Гностик Иустин сообщает нам, что лично сопровождает посвящаемых сквозь сверкающие звездные врата, расположенные на вершине небес. По другую сторону сидит Благой Бог, а рядом с ним находится резервуар «живой воды», под которым Иустин подразумевает

текущую искрящуюся реку. Чтобы стать живыми существами, посвящаемые должны искупаться в реке света. Таким образом, здесь мы наблюдаем ритуальное омовение, превращающее посвящаемого в самодостаточную сущность, восстановившееся, индивидуализировавшееся божество, которое Бог всегда рад видеть подле себя.

В следующей главе мы увидим, что, пожалуй, самые сложные церемонии этой направленности были у сифиан. Они верили, что трансцендентное царство состоит из областей, расположенных слоями, от нижних к высшим. Каждая область населена божествами, которые от слоя к слою становятся все более и более похожи на живого Отца. Во время этих церемоний созревания посвящаемые видят божеств, обитающих в трансцендентных областях, и преображаются поочередно в существ каждого типа, от низшего ранга до высшего. На каждом уровне проводятся водные обряды, а также выдерживаются моменты созерцания, глубокой отстраненности и молчания.

Слияние

После обретения индивидуальности истинное «я» готово к завершающему шагу на пути гностической самореализации. Оно готово слиться со своим трансцендентным корнем, объединиться с Абсолютом, достичь Гнозиса. Для этого снова проводятся обряды, в ходе которых посвящаемые возносятся на вершину трансцендентных царств и сливаются с Богом-Прежде-Всех-Богов. В гностической литературе находим восклицания в момент слияния, например, произносимые посвященным в «Зостриане»: «Девственный Свет явился мне и принес меня к Первому Явившемуся, великому совершенному мужскому Уму. Я видел всех божеств, существующих в едином. Я примкнул ко всем ним. Я благословил Сокрытого бога, девственную Барбело и Незримого Духа. Я достиг совершенства и обрел силу. Я вписан и запечатан в славе. Там я получил совершенную корону» («Зостриан» ННС VIII.1 129.3–15, перевод мой). В церемонии наассенов это завершающее слияние происходит, когда дух достигает Нерожденного, войдя в дом Божий в качестве Божьего жениха. Будучи нареченным Бога, дух оставляет свои тело и душу и отправляется в трансцендентное царство, куда только дух и может попасть (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.6.3–11.1, 10.9.1–3).

В одних группах посвящаемый в ходе церемоний инициации действительно объединялся с неведомым божеством, тогда как для других этот завершающий элемент являлся эсхатологическим моментом и наступал или со смертью человека, или с наступлением конца времен. В любом случае, целью было воссоединение созревшего, само-

достаточного «я» со своим родителем в объединяющем религиозном переживании. Иногда оно рассматривалось как любовные объятия женатой пары, как в представлениях Валентина, или как присоединение к экстазу интеллекта, как видели это сифиане — весьма похоже на слияние разумов вулканцев.

Гностическая инициация являлась формой древней психотерапии, направленной на привнесение позитивных когнитивных изменений в сознание через религиозный обряд.

Гностики воспринимали инициации как лекарство для поврежденной души, а небесных помощников вроде Иисуса — как врачей. Гностические инициации были направлены на то, чтобы посвященные познали свое истинное «я» как источник и величайших тревог, и величайшей силы. В большинстве своем инициации носили катарсический характер: посвящаемые лицом к лицу сталкивались со своими демонами и покоряли свои самые глубинные тревоги и страхи. Покалеченное, отчужденное «я» исцелялось через процесс самореализации. Гностическая инициация способствовала индивидуализации «я», его усилению, выходу за рамки преходящего эго, а впоследствии к слиянию с трансцендентным, из которого оно и вышло. Так или иначе, этот опыт был экстатическим и эротическим.

Гностическое возвращение

Христиане из числа апостольских католиков, писавшие о гностиках, сообщают, что у различных гностических групп почти повсеместно имелись тайные мистерии, непостижимые или невыразимые учения и практики, которые передавались посвященным «в молчании» и в молчании и должны были оставаться. Под этим католики подразумевали, что гностики брали обещания, зачастую скрепленные клятвами, никогда не разглашать суть гностических мистерий непосвященным. Апостольско-католические авторы утверждают, что гностические инициации начинались только после того, как посвящаемые осознанно подписывались хранить в тайне суть мистерий, которые им предстояло постичь. Справедливо или нет, в своей критике они трактовали эту культуру молчания как подобие того молчания, которого требовали от посвященных в греческие мистерии Деметры или Диониса, или в египетские мистерии Исиды.

Христианин-юрист из Карфагена Тертуллиан резюмирует этот подход, описывая стремление гностиков к познанию «и наложению печати молчания на уста» (Тертуллиан, «Против Валентиниан» 1.4). Он говорит, что гностики-валентиниане уподобляются последователям элевсинских мистерий, помазанных «безмолвием». Их молчание,

шутит он, единственное, что в них есть небесного (1.3). Тертуллиан заходит еще дальше, говоря, что молчание на своих последователей накладывает Бог гностиков (9.1). Апостольские католики, в том числе и Тертуллиан, полагают, что такая приверженность молчанию в большей степени связана с тем, что гностические мистерии — мерзость, о какой не пристало говорить, чем с возможностью существования в них невербальных, основанных на опыте компонентов.

Безусловно, весьма вероятно, что различные гностические группы не хотели разглашать суть своих иницилирующих мистерий непосвященным, но я сомневаюсь, что гностическая культура молчания сводится только к этому. По крайней мере, судя по их собственной литературе, приверженность молчанию имеет мало общего с запретом разглашения информации. Скорее молчание ценится по совершенно другим причинам.

Согласно их собственной литературе, молчание — это и первобытное состояние непостижимого Бога, которого ищут, и практика, через которую погружаются в это первобытное состояние на пути обратно к источнику жизни. Предначальный Бог в гностических мифах пребывает в безмолвии, и цель гностического путешествия состоит в возвращении к этому первоначальному состоянию тишины, покоя и неподвижности. Молчание рассматривается как состояние полной трансцендентности, как самая суть истинной реальности в ее первоизданном состоянии («Трехчастный трактат» ННС I.5 129.20–29; «Апокриф Иоанна» ННС II.1 4.10–14). В валентинианской традиции молчание — это мать Бога, из чьих уст появляется первый звук — Истина. Ее речь — проявление всего непостижимого, немыслимого и неопишемого («Евангелие Истины» ННС I.3 37.7–12, 24.10–20; «Трехчастный трактат» ННС I.5 55.35–40, 56.25–28; «Валентинианское учение» ННС XI.2 22.19–27; «Троеобразная Протеннойя» ННС XIII.1 35.33–36.4; «Послание блаженного Евгноста» ННС III.3 88.4–11; «Гром — совершенный ум» ННС VI.2 14.10). Отец пребывает в состоянии тишины, спит в безмолвии (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.29.5).

В сифианских текстах, таких как «Евангелие от египтян» (ННС III.2 40.12– 41.12, 42.20–23), первобытное трансцендентное состояние провидения описывается как «живое безмолвие». Это состояние молчаливого света. Именно из «молчания безмолвного» рождаются Отец, Мать и Сын, первоначальная триада трансцендентных божеств. В трансцендентном царстве появляются и другие божества, возникшие из «молчания молчания безмолвного», то есть здесь фигурирует тройное величие молчания, совершенные условия для лучшего сна или ночного отдыха («Евангелие от египтян» ННС III.2 44.28, IV.2 56.5–6, 60.22–27; «Премудрость Иисуса Христа» ННС III.4 100.9–16;

«Трехчастный трактат» ННС I.5 70.15–20, 92.5–9). Неудивительно, что гностический искупленный пребывает в состоянии вечного созерцания и покоя («Евангелие от египтян» ННС IV.2 65.21–22, 67.15–17; «Евангелие Истины» ННС I.3 22.1–7, 35.22–33, 38.25–33; «Трактат о Воскресении» ННС I.4 44.1–4; «Трехчастный трактат» ННС I.5 131.20–22; «Подлинное учение» ННС VI.3 34.35–35.16).

Чтобы вернуться к первобытному безмолвию, гностики в своих конгрегациях учились молчанию и неподвижности. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что важной частью их обрядов становятся намеренное молчание и неподвижность. В самом деле, валентиниане настаивают, что им должно действовать так, чтобы в местах их собраний царило священное безмолвие, чтобы божественное единство нашло их подходящими для посещения («Евангелие Истины» ННС I.3 25.2–24). В валентинианской традиции акт крещения во искупление именуется Безмолвием из-за той тишины и спокойствия, которые переживают посвящаемые («Трехчастный трактат» ННС I.5 128.30–32). Как мы увидим в главе 8, это искупающее крещение — второе. Это акт гностической инициации, в ходе которой посвящаемые возносятся в трансцендентный мир для встречи и единения со своим нареченным-ангелом. Согласно валентинианскому тексту «Трехчастный трактат», искупительное крещение — это постепенное вознесение к целостности Бога. Вход в нее ведет «через молчание», в место, где нет надобности ни в голосе, ни в мысли, ни в понимании, ни в просвещении, ибо всё и так свет («Трехчастный трактат» ННС I.5 123.30–124.25).

Подобным же образом в раннесифианском тексте «Премудрость Иисуса Христа» (ННС III.4 117.15–21) посвященный описывается как человек, постигший бессмертный дух света в безмолвии. Он созерцательно размышлял об истине и стал «светом в духе безмолвия». Другие сифианские тексты подкрепляют эту концепцию. В «Трех стелах Сифа» (ННС VII.5 127.10–21), трехчастной литургии для вознесения в трансцендентное царство Сына, Матери, а затем Отца, посвященным предписывается прославлять божеств по отдельности и вместе. После им предписывается молчать. Через молчание они восходят к самым потаенным уровням высочайшего божества.

Практики погружения в себя и молчания постоянно упоминаются в знаменитых сифианских трактатах «Зостриан» и «Аллоген», о которых хорошо знал великий философ-неоплатоник Плотин, а также в книге «Марсан». Вознесение представляется как уход к самому себе, добровольное погружение в безмолвие, приводящее к постижению божества, его восхвалению и благословению («Марсан» ННС X.1 9.10–28). В «Аллогене» (ННС XI.3 53.33–36, 59.10–25) божество

предстает перед посвящаемым в виде безмолвной силы, умиротворяюще похрапывающей во сне: zza zza zza. На протяжении всего текста посвящаемому советуют сначала уйти в себя и хранить молчание, а затем встать неподвижно, подражая божеству, существующему в покое, безмолвии и бездействии. Посвящаемому полагается замереть, имитируя состояние тишины и покоя, смоделированное человеческим духом, неразрывно связанным с душой.

Что же это значило? Сифиане и подобные им гностики верили, что посвящаемому следует буквально перестать думать о Боге, недоступном пониманию, непостижимом для разума и едва-едва познаваемом через откровение. Следуя наставлениям и погружаясь в себя, посвящаемый отмечает, что действительно физически ощущает внутри неподвижность безмолвия. По мере выполнения этих указаний он, по собственным словам, вступает в прямой контакт со своим истинным «я». Таким образом неведомый Бог открывается ему постепенно, на все более и более высоком, более и более глубоком уровне. Дух посвящаемого преобразуется в божество, подобное тому, что он созерцает (59.26–60.19, 61.25–31).

Из этих и других текстов следует, что гностики всех мастей культивировали намеренное пребывание в неподвижности, предписывая подолгу стоять в молитвенной позе. В «Герметическом корпусе» (XIII.16) наставник-герметист говорит посвященному, что гимнам, которые поют в трансцендентном царстве обитающие там силы, невозможно научить, они запечатаны в безмолвии. Как же тогда эти гимны открываются посвященному? Его наставляют стоять недвижимо, а затем склониться в восхищении пред заходящим солнцем. Дальше он должен снова сохранять неподвижность до рассвета, а тогда поклониться во второй раз, обернувшись лицом к восходу. В «Евангелии от египтян» (ННС III.2 67.15–20) находим упоминание безмолвной молитвы, в начале которой руки складываются на груди, затем разводятся в стороны и наконец заводятся за спину.

Стоячие молитвенные позы в античные времена имели в целом широкое распространение. Фрески в катакомбах и литературные источники той эпохи указывают на то, что люди древности повсеместно возносили молитвы, стоя с вытянутыми руками, в позе, которую мы называем орантой. Стоячие молитвенные позы среди иудеев и христиан, по-видимому, являются подражательными, имитирующими ангелов, стоящих подле Бога, которым нет нужды опускаться на колени — они прославляют Бога во веки веков стоя (1 Енох 39.12–13, 40.1, 47.3, 49.2, 68.2; 2 Енох 21.1; «Авраамов завет» 7–8; см. Fossum 1985, 55, 120–25, 139–42; DeConick 1996, 89–93). Это поза покойных праведников, стоящих подле Бога и участвующих в небесных богослужениях

(«Вознесение Исайи» 9.9–10). Христианские монахи и отшельники более поздних времен поступали так же, веря, что уподобляются ангелам, стоящим в упоении у Божьего престола. Сирийский монах Симеон был настолько убежден в действенности молитвенного стояния, что построил ряд колонн, где каждая следующая выше предыдущей, на которых стоял на протяжении всей своей жизни, созерцая Бога.

Такого плана параллели во многом объясняют, почему гностики-сифиане называли себя Неподвижными или Стоящими, что учеными зачастую переводилось как Недвижимый род (Williams 1985).

Мозг в экстазе

Зачем утруждаться столь строгими практиками физической неподвижности? Сводилась ли суть таких практик всего лишь к имитации божеств или же давала новопосвященным гностикам что-то еще? Из письменных источников следует, что подобные практики ассоциировались с измененным состоянием сознания, что гностики стояли и молчали в моменты величайшего экстаза. Их записи напоминают предание о Сократе, о котором говорится, что он по двадцать четыре часа стоял без движения, пребывая в экстазе, будто его душа отходила от тела. Неужели гностики применяли практики неподвижности и молчания для достижения экстаза?

Гностики утверждали, что даруют посвящаемым опыт выхода из тела и восторг единения со вселенским Благом. Подобные вещи связаны с экстазом или, как сказали бы мы сегодня, с измененным состоянием сознания. Экстатическое состояние сознания — повсеместно подтвержденное явление. Если убрать наслоения местных божеств, населяющих пространство экстатического опыта, то под ними обнаружится набор повторяющихся характеристик, в число которых входят осознание собственной бестелесности и освобождения от материальной оболочки, чувство непостижимости и отсутствия времени, измененное понимание своего «я» и его границ, взаимодействие или слияние с существом трансцендентного порядка (Shantz 2009, 71).

Современные исследования в области неврологии показывают, что подобные экстатические состояния сознания имеют под собой биологическую основу (McNamara 2009). О том, что измененное состояние сознания может вызывать прием определенных фармацевтических препаратов, известно уже давно, однако сейчас выясняется, что в экстатическом состоянии структуры мозга действительно проявляют повышенную активность. Такие состояния определяют как замкнутую цепь, связанную с лимбической системой (рис. 6.5). Эта цепь запускается в префронтальной коре, когда внимание отключа-

ется от внешних чувств (1). Это провоцирует снижение активности теменной доли и правой ассоциативной области (2). Стимулируется правый гиппокамп, что приводит к активации центров покоя правого миндалевидного тела и гипоталамуса (3). От этого возбуждается автономная нервная система, что приводит к изменениям в работе среднего мозга и возникновению чувства умиротворения (4). В результате продолжительного стимулирования этой цепи происходит деафферентация ассоциативной зоны ориентации и возникает ощущение выхода за пределы пространства, времени и своего «я» (5). Эта цепь в мозгу регулируется главным образом через нейромедиаторные системы дофамина и серотонина. В экстатическом состоянии уровень серотонина падает, а уровень дофамина повышается.

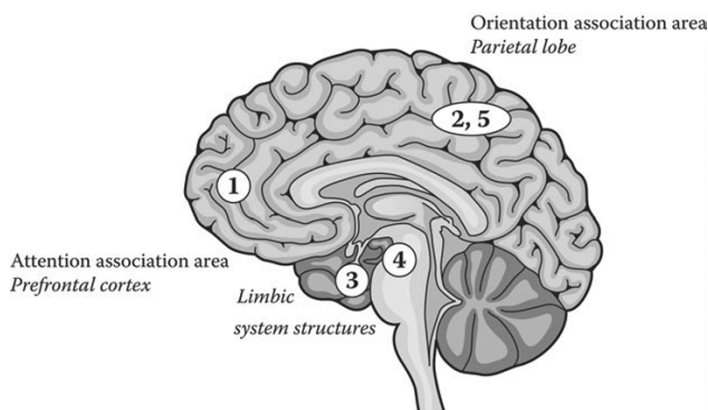

Рис. 6.5. Цепочка процессов в мозгу во время медитации

С точки зрения биологии в основе экстатических состояний лежит гиперстимуляция автономной нервной системы, состоящей из двух отделов: симпатического и парасимпатического. Симпатическая система отвечает за способность тела мгновенно переходить в режим боевой готовности. Она провоцирует реакцию тела «бей или беги» и соответствующие эмоции — тревожность, страх и панику. При активации этой системы тут же учащается сердцебиение и дыхание, происходит выброс в кровь адреналина, расширяются зрачки — тело подготавливается к немедленному действию. Парасимпатическая система отвечает за естественную способность тела к расслаблению через замедление сердцебиения и дыхания, погружение в состояние сна или покоя для переваривания пищи или совокупления. Когда превалирует эта система, наш эмоциональный фон становится более умиротворенным.

Исследования показывают, что переход в экстатическое состояние коррелирует с гиперстимуляцией или симпатической, или парасим-

U-U

E-E

A-A

Ô-Ô²

Сифиане использовали эту комбинацию для призыва и восхваления Бога-Прежде-Всех-Богов. Сходные гласные использовались для взывания к верховному Богу в «Зостриане». Вознесясь к Барбело, посвященный пропевает ей: «Е-Е-Е-Е-А-А-А-А-А-А-А-А». Далее в тексте появляется еще одна аналогичная мантра: стоя среди божеств, посвященный пропевает: «Ê-О-О-О-О-Е-А-Е-О» («Зостриан» NHC VIII.1 118.21, 127.5).

Те же напевы-гласные находим в герметическом гностическом тексте «Рассуждение о восьмерке и девятке» (NHC VI.6 61.10–15). Когда возносящийся посвященный видит себя Богом, которого именует и Разумом, и Духом, он испытывает желание выкрикнуть из глубины себя имя предначального Бога жизни. Его напев звучит следующим образом:

A

Ô

E-E

Ô

Ê-Ê-Ê

Ô-Ô-Ô

I-I-I

Ô-Ô-Ô-Ô

O-O-O-O-O

Ô-Ô-Ô-Ô-Ô

U-U-U-U-U-U

Ô-Ô

Сифианские молитвы пестрят вокальными напевами, при произнесении облекающими посвященного силой предначального творения. Приведенная ниже молитва обращена к созидательной силе Эона Иисуса («Евангелие от египтян» NHC III.2 66.9–23; перевод мой):

Иисус!

Ê-Ô-OU-Ê-Ô-Ô-U-A

Истинно, Истинно!

О Иисус Назаретянин!

² Произносится как звук промежуточный между О и У.

Иисус одесную Бога! О Живая Вода!
 О Сын Сына!
 О Имя Славное!
 Истинно, Истинно!
 О Эон Бытия!
 I-I-I-Ê-Ê-Ê-Ê-E-E-E-E-O-O-O-O-U-U-U-U-Ô-Ô-Ô-Ô-A-A-A-A
 Истинно, Истинно!
 Ê-I-A-A-A-Ô-Ô-Ô-Ô
 О Единственный Сущий, Зрящий Эоны!
 Истинно, Истинно!
 A-E-E-Ê-Ê-Ê-O-O-O-O-I-I-I-I-U-U-U-U-U-Ô-Ô-Ô-Ô-Ô-Ô-Ô-Ô-Ô
 Единственный Вечно Вечный!
 Истинно, Истинно!
 Во Веки Веков!
 Сущий в Сердце, Сущий!
 Вечный Сын, Вечный Сын!
 Ты Таков, Каков Есть!
 Ты Таков, Каков Есть!

Человек, пропевающий эту молитву, включая строчки гласных, утверждает, что она вызывает к жизни видение Иисуса как идеального внутреннего Бога. Он говорит, что внутренне познал Бога как Абсолютное Постоянство и изменился, объединившись с неизменным, стал самым светом.

Посвященный продолжает возносить хвалы, озвучивая только что полученное глубинное знание о Боге («Евангелие от египтян» ННС III.2 67.15–20; перевод мой):

Тебя, Сын, я вижу!
 Во веки веков, во веки веков!
 О Эон, Эон!
 О Бог Безмолвия!
 Тебя чествую во всей полноте! Ты мой покой!
 О Сын! Ты существуешь!
 Ты Бесформенный, пребывающий среди Бесформенных!
 Ты Сущий!

Пропев это прославление, он замирает в позе благоговейного молчания, вытянув ранее сложенные руки вперед, а затем кругом приводя их к груди. Это движение, как он считает, изображает множество круглых божеств света, обитающих в трансцендентном царстве. Здесь на ум приходят гностические изображения предначального бо-

жества в виде уробороса, змеи, проглатывающей собственный хвост (см. Mastrocinque 2005).

В другом сифианском тексте, «Марсане» (ННС X.1 25.18–39.25), есть целый раздел, посвященный небесным звукам различных божеств, в том числе душ. В тексте приводятся разные сочетания гласных, в том числе дифтонгов, полугласных и удвоенных гласных, ассоциирующихся с разными сущностями. Упомянуты также сочетания согласных. Ударение на те или иные слоги, ритм, высота тона — в этом пособии по языку творения освещается все. Приводимые сочетания гласных и согласных — это корень всего творения, от трансцендентного царства до нашего мира. Их вокализация дает воплощение всему живому. Из-за их созидательной мощи их следует изучать внимательно и применять с осторожностью.

Подобные вокализации гласных сифиане взяли не с потолка. Египетские жрецы веками использовали семь гласных для поддержания небесной гармонии. В одном древнем тексте говорится: «Когда жрецы в Египте поют гимны, вознося хвалы своим богам, они произносят семь гласных в должной последовательности» (Псевдо-Деметрий, «О стиле» 71; см. Quispel 2000, 208). В античные времена подобная практика была весьма популярна и встречается во многих магических заклинаниях из египетских и греческих источников. Люди древности верили, что пропевание гласных служит поддержанию порядка во вселенной, способствует исцелению тел и позволяет добиться от могущественных божеств исполнения просьб (Frankfurter 1994; Dieleman 2005, 64–80).

Другой тип напева, встречающийся в сифианских материалах, имитирует храп: Z-A или Z-Ô, или Z-Ê. Эта мантра используется для подражания высшему Богу в пантеоне сифианских божеств — Отцу самой жизни. В «Аллогене» (ННС XI.3 53.33–37) такие звуки издает Незримый Дух, пребывающий в покое и безмолвии. Он постоянно издает звуки сна: zza zza zza. Входя в трансцендентные царства, сифианин тоже принимается похрапывать, подражая божеству. В одной такой мантре обыгрывается звучание слова zoê («жизнь»). Мантра начинается с носового Z, за которым следует звук выдоха, сочетающийся с несколькими вариациями гласных («Зостриан» ННС VIII.1 127.1–3):

Свет [Phôs]! Жизнь [Zoê]! Z-ÊOÊ Z-ÊOÊ
 Z-ÔSI Z-ÔSI
 Z-AÔ
 Z-ÊOOO Z-ÊSEN Z-ÊSEN.

Помимо пропевания гласных и имитирующих храп мантр, в гностических богослужениях часто фигурируют молитвы и гимны с ре-

френом. В сифианском богослужении, известном под названием «Три стелы Сифа», посвященные многократно выкрикивают следующие рефрены в попытке вознестись в три основных царства сифианского трансцендентного мира. По-видимому, эти слова служили мантрами для путешествия в трансцендентный мир («Три стелы Сифа» NHC VII.5 121.15–16, 124.10–13, 17–18, 125.24):

«Ты совершенен! Ты совершенен! Ты совершенен!»

«Ты услышал! Ты услышал!»

«Ты нас спас! Ты нас спас!»

«Благодарим тебя! Прославляем тебя во веки вечные!
Славим тебя!»

«Возрадуемся! Возрадуемся! Возрадуемся!»

«Мы узрели! Мы узрели! Мы узрели!»

«Ты един! Ты един!»

Вознесясь в высшее царство Отца, посвящаемые и вся конгрегация впадают в безмолвие.

Похожие мантроподобные фразы находим в герметических гимнах, где посвященные пропевают рефрен «Мы познали тебя!» В начале каждой строки песни (Asclepius 41 [лат.]). В других песнях рефрен звучит как «Свят Бог» и «Свят еси» («Герметический корпус» 1.31).

Наиболее пространное объяснение гностических напевов известно по описаниям валентинианского гностического лидера Маркуса, использовавшего в своей конгрегации особые напевы, чтобы обуздать силу трансцендентных божеств, принести космическую гармонию и исцеление. Более подробно рассмотрим практики его конгрегации в главе 8.

Общие травмы

Гностическая духовность — это метафизическая направленность, в рамках которой состояние людей признается травмированным, причем не в силу травмирующих событий, которые довелось пережить, а в силу самой нашей природы — оторванности, разлуки с первоисточником бытия. В такой изоляции наша сущность, наше глубинное «я» постоянно испытывает тревожность и страх с самого момента появления на свет.

Мы такие не потому, что что-то совершили. Нет никакого греха, приведшего человечество к падению, растлению, заслуженному страданию. Нет никакой «плохой кармы», созданной нами же в прошлой

жизни, за которую теперь приходится расплачиваться. Эта сепарационная тревожность, эта предначальная травма — неотъемлемая часть нашей сути, проходящая через всех нас, будто красная нить. Преследующие нас повседневные страдания — лишь поверхностное свидетельство куда более глубинной экзистенциальной проблемы, которую необходимо решить, прежде чем удастся зажить более здоровой жизнью.

Для исцеления от этой проблемы гностики разрабатывали терапевтические религиозные церемонии инициации. От группы к группе такие церемонии сильно различаются в деталях и приготовлениях, как мы увидим в следующей главе, рассмотрев пять примеров, однако типы проводившихся гностическими группами церемоний объединяют несколько основополагающих целей.

В частности, есть церемонии, пробуждающие спящий или находящийся без сознания дух. Они часто проводятся в виде своего рода путешествий по подземному миру. Обряды очищения, проводимые в виде восхождения на небеса через территории, принадлежащие демонам, несли катарсическую функцию: в ходе таких обрядов человек избавлялся от страхов, ужасов, страстей и дурных намерений, поочередно сталкиваясь с каждым из них. Поскольку свежепробужденный дух — всего лишь несмышлениш, неопит, ему необходимо индивидуализироваться и повзрослеть, прежде чем он сможет занять причитающееся ему место среди трансцендентных божеств. Поэтому гностики разработали обряды взросления, в ходе которых возносящийся дух постепенно преображался в полноценное божество. Такие церемонии взросления, как правило, проходили в форме экстатических вознесений в трансцендентные царства. Также гностики проводили обряды слияния в полной мере обретшего индивидуальность духа с источником абсолютной реальности, предначальным Богом, чье появление стало началом всего.

В силу фрагментарности дошедшей до нас литературы неясно, во всех ли гностических группах предлагались обряды каждого из перечисленных типов и проводились ли церемонии пошагово, так, чтобы первой посвящаемый прошел церемонию подземного путешествия, а последней — церемонию слияния. Однако, учитывая то, что нам известно о религиях-мистериях, можно предположить, что в большинстве гностических групп имелись свои версии всех четырех церемоний и они проводились последовательно, как проект по исцелению членов группы длиной в жизнь.

Во всех случаях гностики верили, что проводимые ими церемонии погружают посвящаемых в экстаз, выводят из обычного состояния сознания, вызывают ощущения бестелесности, потери души или эго,

единения с трансцендентным. Для того, чтобы вызвать такие измененные состояния сознания, гностики использовали техники внутреннего развития и напевов.

Принимая во внимание последние открытия в области нейробиологии относительно воздействия, которое оказывают на парасимпатическую систему неподвижность и повторяющиеся ритуалы, такие как напевы, можно с определенной долей уверенности считать, что распространенная среди гностиков культура молчания и использования напевов оказывала мощное биологическое воздействие на мозг через изменение уровней серотонина и дофамина. Отнюдь не случайно именно с этими нейромедиаторами связаны практически все серьезные психоневрологические расстройства, в том числе депрессия, шизофрения и биполярное расстройство. Задолго до возникновения современной психологии и психиатрии, до появления таких препаратов, как Прозак и Золофт, гностики искали исцеления через религиозную инициацию от психологической травмы, по их мнению неизбежно образующей основу человеческого существования. Здоровье физического тела, согласно их вере, очень удачно соотносилось с психологической целостностью.

Гностики прослеживают причины этой психологической травмы до момента, когда трансцендентная сущность дифференцировалась и в образе духа распространилась в более плотные области реальности, где отчужденный дух, запертый в глубинах Психе, страдает от первобытной формы сепарационной тревожности. Это состояние довлеет над всеми людьми с рождения, поскольку дух — первооснова человеческого «я». Гностики наставляют проявить внимание к этому глубинному, травмированному духовному «я», очистить его от страхов, взрастить его необъятные способности, полюбить его и осознанно интегрировать в нашу реальность. Интеграция несет с собой глубинные изменения, поскольку пробуждает в нас эмпатию, способность видеть друг друга как существ, напитанных божественным потенциалом и в то же время страдающих от отчуждения, позволяет понять, насколько все мы страдаем и нуждаемся в сострадании и любви.

В фильме «Другие ипостаси» Эдди Джессуп лицом к лицу встречается с этой первоначальной травмой человеческого «я». Хотя Эдди и отказался от идеи Бога, он все равно пришел к пониманию первобытного страха глубинного «я» от соприкосновения с бытием. К последним сценам фильма Чаефски Эдди столько раз погружался в камеру сенсорной депривации, что откатился до самого большого взрыва, к моменту возникновения первой мысли.

В камере Эдди быстро утрачивает физическую форму в прибывающей воде, превращается в расплавленное белое существо, а затем взрывается ослепительным светом и невыносимым звуком. В этот момент Эдди начинает проваливаться в черную пустоту небытия.

Эмили бежит вокруг, с ужасом наблюдая, как ее муж распадается на частицы. И она делает единственное, что приходит ей в голову: тянется к нему сквозь бешеный вихрь времени и пространства, зовя по имени. «Эдди!» — кричит она, вытаскивая его обратно к сознанию и телесной форме. Вцепляется в него, отгоняя ужасы происхождения человека.

Эмили перепугана. Она понимает, что для Эдди ничто человеческое никогда не было реальным, особенно ее любовь к нему. Для Эдди реальность составляло лишь неизменное, стабильное, постоянное, и в эту реальность он погружался в камере сенсорной депривации. В камере он совокуплялся с Богом, падал в объятия Абсолюта, покорялся Истине. И к чему это привело? Едва не уничтожило его.

Придя в сознание, Эдди пугается не меньше Эмили. Он рассказывает, что пережил в камере момент всеобъемлющего ужаса — момент возникновения жизни и причину всех людских несчастий. «Это невыносимо! — вопит он. — Небытие, простое, отвратительное, небытие!» Истина в том, что небытие существует и в начале, и в конце.

Через такой травматичный опыт Эдди в конце концов осознает смысл жизни. Он приходит к пониманию, что, помимо первобытного ужаса нашего «я», реальна лишь любовь, которую мы испытываем друг к другу. Эдди говорит Эмили, что она спасла его, удержала на краю пропасти. Тот миг первобытного страха, первородного ужаса пожрал бы его снова, если бы не Эмили — их общая первобытная травма и их общая человеческая любовь.

В заключительной, кульминационной сцене они обнимаются, буд-то первые люди, Адам и Ева, сплетаясь обнаженными телами. Эдди смотрит на жену и произносит слова, которых, казалось, никогда не смог бы сказать: «Эмили, я люблю тебя».

Глава седьмая

Прогулки в преисподней и звездные пути

Джеймс Т. Кирк

Вулканец-ренегат Сайбок захватил «USS Энтерпрайз». При виде длинных развевающихся волос и мантии Сайбока так и хочется думать, что это гуру с благородными устремлениями. В первой сцене фильма мы знакомимся с Дж'онном, примкнувшим к делу Сайбока. Тот рассказывает ему о скрытой в каждом тайной силе, которая, если ее пробудить, принесет эмоциональное и психологическое исцеление.

Когда с Сайбоком сталкивается Спок, мы узнаём, что Сайбок — его давно потерянный брат, мыслитель-революционер, полагающий, что направленная сила эмоций куда мощнее направленной силы разума. При помощи запрещенного вулканского ритуала Сайбок способен сливать свое сознание с чужими и избавлять их от тайной эмоциональной и психологической боли.

В фильме «Звездный путь 5: Последний рубеж», который называют и культовой классикой, и худшим из всех фильмов «Звездного пути», Сайбок захватывает «Энтерпрайз» и его команду с помощью ментальной магии. Корабль летит меж звезд к границе исследованной галактики, Великому Барьеру, занавесу из текучей энергии, сквозь который никто никогда не проходил. Затаив дыхание, мы ждем, что, едва корабль пронзит барьер, его разорвет на части.

Однако «Энтерпрайз» преодолевает преграду, и начинается путешествие по местам, где никто прежде не бывал. Корабль мчит к сияющей белой планете в центре этого девственного царства, и мы узнаём, что Сайбоку являлось видение, призывающее его отыскать мифическую планету Ша Ка Ри. Сайбок верит, что именно там обитает источник бытия, великий Бог многих имен и лиц. Сайбок заявляет, что ищет абсолютное знание, которое люди тщились найти с начала времен.

Для освобождения души и ее отправки в путешествие по звездам в трансцендентный мир, лежащий за пределами мироздания, Сайбок не прибегает к древним гностическим обрядам. Чтобы совершить гностическое путешествие к абсолютному источнику бытия, он угоняет звездолет Кирка. «Энтерпрайз» пробивает барьер и несется к планете-первоисточнику.

Единственный персонаж фильма, не поддающийся магии Сайбока и считающий его мошенником, — капитан Джеймс Т. Кирк (рис. 7.1). Пока «Энтерпрайз» падает на Ша Ка Ри, мы гадаем, следует ли признать подозрения Кирка свидетельством его упрямства и закоснелости или же это он обладает истинной интуицией и является настоящим гностиком в этой истории.

Пещерные истоки

Гностические обряды инициации — это ранняя форма религиозной психотерапии. Как мы видели в предыдущей главе, гностики создали четыре типа церемоний для пробуждения, очищения, взросления и слияния поврежденного «я», для его перехода в стабильное состояние предначальной, вечной целостности. Эти обряды высвобождали душу, чтобы та отправилась в путешествие через преисподнюю и звездные сферы, чтобы в конце концов дух сумел прорваться через космический барьер и, подобно «Энтерпрайзу» Кирка, попасть в трансцендентное царство абсолютного бытия. Теперь нам предстоит рассмотреть, как именно отдельные гностические группы древности проводили эту психотерапию с точки зрения их катезихисов и обрядов.

Однако прежде, чем взглянуть на разнообразные виды гностической терапии, важно осознать, что то, что делали гностики, уходит корнями куда глубже, чем можно себе представить, что гностики являются частью одной из главнейших историй нашего биологического вида: истории о поисках здоровья и целостности.

День, когда я это осознала, начинался в Хьюстоне совершенно обычно, и тут я направилась в район музеев, чтобы посмотреть передвижную выставку, посвященную пещерам Ласко. Каково будет увидеть древнейшие произведения искусства в мире, сцены, нарисованные на стенах пещеры около 16500 лет назад? Пусть представленная на выставке пещера была лишь репродукцией реальных пещер

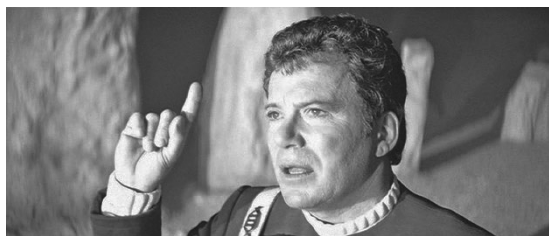

Рис. 7.1. Джеймс Т. Кирк (Уильям Шетнер) задается вопросами в фильме «Звездный путь 5: Последний рубеж» (1989 г.).

Ласко, мне все равно не терпелось взглянуть на то, чем занимались первые художники в истории человечества. Я воображала их охотниками, у которых находилась минутка-другая свободного времени, пока они подкарауливали добычу, ждали, пока у устья пещеры не покажется ничего не подозревающее животное. Представляла, что, подобно граффитистам, они разместили несколько простеньких рисунков с изображениями групп животных на стене ближе ко входу, куда проникало достаточно света для работы.

А потом я вошла в пещеру. Меня пробил дрожь. Я едва могла дышать. В единый миг я поняла, что те древние художники вовсе не были скучающими охотниками, карябавшими что-то на стенах. Группы животных тянулись вереницей над головой, проходя по основным переходам пещеры и образуя узор, напомнивший мне зодиакальные созвездия, как их изображали на небесных картах древние египтяне и греки.

Потом я обернулась и увидела северную стену. Прямо посередине был изображен человек с птичьей головой, птичий посох и стрела. Я столкнулась лицом к лицу с шаманом более древним, чем я могла помыслить. Хотя ни на одной табличке на выставке этого не упоминалось, я знала, что стою в реплике пещеры, которую доисторические люди создали и использовали для инициации шаманов.

Как я выяснила позднее, зарывшись в историю пещер Ласко, моя первая реакция попала в яблочко. Согласно последним исследованиям эту пещеру рассматривают как палеолитический подземный планетарий, показывающий древнейшее видение небес, и определенные животные символизируют звезды и планеты (рис. 7.2). Расположение животных на стенах отражает ночное небо около полуночи в день летнего солнцестояния — не 16500 лет назад, как предполагали историки искусства, а 14500 лет назад, как показали астрономические вычисления (Rappenglück 2004).

Пещера — это микрокосм, целая вселенная в бутылке. Ее создали и использовали шаманы для проведения церемоний инициации, в ходе которых, как они верили, превращались в птицеподобных существ. В пещере проводились также и другие шаманские обряды. Как и церемонии инициации, они проводились в моменты, определяемые по изображенным на стенах небесным явлениям: в дни солнцестояний и равноденствий, или когда созвездия выстраивались определенным образом. В такие моменты, верили доисторические шаманы, открывались звездные тропы, позволяя улететь в небо на стрелах, пронзая все уровни мироздания. Вторгаясь подобным образом в иной мир, они получали доступ к силе обитающих там могущественных духов животных и предков, существ, способных помочь в исцеле-

нии людей и поддержании порядка в хаотичном окружающем мире (Rappenglück 2004).

Пещеры Ласко и их связь с доисторическими шаманскими практиками поражают воображение, особенно принимая во внимание, как долго просуществовали религиозные практики подобного рода. Века и тысячелетия спустя шаманы из ранних греческих сказаний, такие, как Пифагор, преемник монгольского шамана Абариса, тоже обитают в пещерах, хоть в легендах и подчеркивается их искушенность в астрономии.

В древних биографиях Пифагор предстает человеком, одержимым идеей пройти инициацию, чтобы постичь тайны всех богов, не только богов его родной Греции, но также египетских, сирийских и римских. По рассказам он вместе с другим греческим шаманом Эпименидом спускался в священную Идейскую пещеру на Крите, где некогда Зевс скрывался от своего отца-каннибала Крона. Они получили наставления в мистериях почитавшихся там богов (Диоген Лаэртский, «Пифагор» 3). Биограф Пифагора сравнивает его опыт в священной пещере на Крите с его же позднейшими египетскими инициациями. Они происходили в святейших криптах египетских храмов, по которым Пифагор путешествовал, переезжая из одного храмового комплекса в другой и встречаясь с различными семействами богов в Гелиополисе, Мемфисе и Диосполисе (Диоген Лаэртский, «Пифагор» 3; ср. Ямвлих, «Пифагор» 4; Порфирий, «Пифагор» 7). Везде, где Пифагор

Рис. 7.2. Северная стена воспроизведенной пещеры Ласко, где изображен шаман с птичьей головой. Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.

жил по возвращении из заграничных поездок, после которых мог считать себя посвященным в мистерии всех известных богов, он обитал в пещерах (см. Устинова 2009). На своем родном острове Самосе он поселился в пещере у самого города. Там он наставлял учеников и, по дошедшим до нас рассказам, именно там постиг науку о звездах и планетах и описал ее математически (Ямвлих, «Пифагор» 5). Переехав в Италию, Пифагор обустроился в подземной пещере, где подолгу пребывал в одиночестве. Когда однажды он вышел из пещеры, видевшие его говорили, что он походил на скелет. Он ответил, что только что завершил путешествие в подземный мир и повидался с тенями в Аиде (Диоген Лаэртский, «Пифагор» 21).

Почему Пифагор крутился по пещерам и отрисовывал карты звездных троп геометрически? Все это делалось ради души — бессмертной, согласно его учению, постоянно движущейся от рождения к смерти, а затем к новому рождению, летающей туда-сюда между этим и иным миром, спускающейся под землю и взмывающей выше небесного свода, в сферы планет. Пифагор учил, что планеты — это псы Аида, мстительные собаки Персефоны, удерживающие души в адском цикле рождения и смерти в наказание за недостаток благочестия (Порфирий, «Пифагор» 41). Солнце и луна, говорил он, это Острова блаженных, куда стремятся благочестивые души (Ямвлих, «Жизнь Пифагора» 82).

Его учения полны сведений о бессмертии души и о ее эфирном путешествии по Млечному Пути, в котором она спускается в человеческое тело при рождении и поднимается к звездам после смерти. Больше всего Пифагор стремился узнать точную дорогу, которой душа спускалась с небес при рождении и уходила через подземный мир после смерти. Он хотел, чтобы его ученики до смерти выучили пролегающий по подземному миру и звездам маршрут, которым отправится благочестивая душа, вырвавшись из цикла перерождений. По словам греков, именно от Пифагора они узнали о перерождении, о том, как душа запуталась в его круговороте и как она может раз и навсегда выбраться из пещеры, пройдя процесс постепенного очищения.

Освобождение от перерождения

Реинкарнация, особенно платоновское ее видение, — одно из основополагающих понятий, структурирующих многие гностические системы и практики. Хотя идею реинкарнации грекам принес Пифагор, Платон живо описал ее в знаменитом рассказе об опыте человека по имени Эр (Платон, «Государство» 10.614a–621d). Согласно известной Платону легенде, Эр был греческим воином, убитым в бою и несколь-

ко дней пролежавшим под грудой разлагающихся тел. На двенадцатый день, когда Эра возложили на погребальный костер и зажгли огонь, он сел, широко распахнув глаза, живехонький, и поведал душераздирающую историю.

Эр поделился своим пугающим опытом: его душа покинула тело и отправилась в путь к пещере с четырьмя входами. Две расселины уходили глубоко в землю, другие же две открывались в небо, будто порталы. В пещере между земными и небесными порталами сидели судьи мертвых. Эр наблюдал, как судьи отмечают покойных знаками приговора в зависимости от того, были ли сочтены души справедливыми или нет.

Справедливых со знаками приговора на груди уводят в один из небесных порталов. Несправедливым велят спускаться в одну из уводящих в глубь земли расселин, неся свой приговор на спине. Порталы охраняют жестокие привратники, испускающие жуткий рев, хватающие и свежующие любого, кто попытается пробраться в небесный портал, не отслужив положенного срока в недрах преисподней.

Эта пещера — посмертный сортировочный центр, откуда души уходят вверх, на небеса, или вниз, в преисподнюю-Тартар, в зависимости от своих моральных качеств. Но вскоре Эр понимает, что души не остаются навечно в иных царствах. Проведя там положенное время и получив должное наказание в Тартаре или получив очищение на небе, они проделывают обратный путь к месту сортировки, приходя через два других портала. Новоприбывшие из Тартара и с неба собираются вместе и разбивают лагерь на близлежащем лугу, готовясь к перерождению.

По словам Эра, эта часть цикла перерождения начинается с путешествия очищенных душ к лучу света, к подобному радуге столпу, соединяющему небо и землю. Это Млечный Путь, служащий веретеном, вокруг которого вращаются семь небес и область неподвижных звезд. В древности в центр вселенной помещали не Солнце, а Землю, и планеты вращались вокруг нее. В список планет тех времен входили Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий, Венера, Солнце и Луна. Древние верили, что Солнце движется в плоскости эклиптики, проходя свой путь посреди неподвижных звезд. Души восходят по столпу Млечного Пути к эклиптике, где их встречают три Мойры: Лахесис, Клото и Атропос, и их мать Ананка — богини, управляющие рождением, смертью и жизненным жребием. Сидя на своих местах, Мойры раскидывают между душами жребий. Каждая душа выбирает жребий, отражающий моральный стержень ее прежней жизни. Каждой душе выдают духа-стража, который проведет ее через новую жизнь так, чтобы избранная судьба исполнилась. С поворотом зодиака нити судеб пут-

ников свиваются на веретене мироздания и становятся неизменными, вплетаются в ткань душ, тел и жизней. Фиксируется их гороскоп.

Эр рассказывает, что после этого души разбивают лагерь на берегу реки забвения, из которой должны испытать, чтобы утратить воспоминания о прежней жизни. Они погружаются в сон до полуночи, когда их подхватывает и, будто падающие звезды, уносит прочь к новому рождению. Уносит прочь и Эра, но он приходит в себя на погребальном костре.

Мораль истории Эра? Душа бессмертна, а нам следует с упорством стремиться к справедливости и мудрости, чтобы все сложилось для нас хорошо и в этой жизни, и в предстоящем тысячелетнем путешествии — нашем посмертии. Во всяком случае, так говорит Платон.

Эта история завладела воображением многих людей древности, породив в их сознании пейзажи посмертного мира — и ужасающие, и полные блаженства, через которые проходят души в цикле рождения и смерти, повторяющемся снова и снова, как повороты великого космического колеса. Захваченная вращением вселенной душа не могла избежать жизненного жребия, пока не достигнет должного уровня образованности и моральной устойчивости. Как же достичь этих качеств? Нужно примкнуть к пифагорейскому сообществу или клубу платоников и прожить жизнь философа (ср. Nussbaum 1994). Или пройти гностическую инициацию.

Гностики были убеждены, что их обряды превосходят все, что мог предложить любой философский клуб, поскольку не только освобождают душу из ловушки круга перерождений, но также пробуждают заключенный в ней дух и возвращают божественное семя. По мнению большинства гностиков, душа не бессмертна, как считал Платон. Напротив, она смертна, как и физическое тело, и долго не просуществует. Вечная составляющая личности — дух. Именно взросление духа дает ему ноги, так сказать, чтобы пройти подземный мир, и крылья, чтобы улететь за пределы небес и созвездий в иной мир, где обитает истинный Бог, нерожденный Мать-Отец. Там отрезанный, оторванный от первоисточника дух сможет снова срастись со своим предначальным корнем, вернуться к цельности и полноте. Это не посмертное путешествие в Нетландию, но шаманский поход, в который следует отправляться сейчас, при жизни.

Таким образом, посвященный в гностические мистерии возвращался из шаманского похода полноценным духовным существом, более совершенным человеком, наделенным силой исцелять больных, изгонять демонов, повелевать стихиями и пробуждать трансцендентное (Плотин, «Эннеады» 2.9.14). Посвященные по возвращении верили, что прошли по грязи преисподней, пролетели через космические сфе-

ры и по зодиакальному кругу и побывали в трансцендентном царстве. Они одолели все силы и всех богов в преисподней и в космических сферах и потому освободились от их тирании. Они познали потрясающую мощь собственного «я», когда их божественный потенциал пробудился и слился с человеческой сущностью. Они совершенно буквально стали смертными богами, свободными от вечного вращения колеса перерождения.

Гностическая духовность с ее психотерапевтическими инициациями возникает в древности в разнообразных обличьях в зависимости от состава религиозного буфера, в котором формируется то или иное гностическое течение. Возможности для возникновения инновационных, уникальных гностических течений бесконечны — стоит только задуматься над тем, как гностическая метафизическая направленность могла скрещиваться со структурными элементами различных религиозных и философских систем, привносить новые интерпретации писаний и личные откровения харизматичных лидеров. Столь уникальные смещения давали гностическим лидерам шанс представить свою группу на рынке как обладающую эксклюзивным знанием. Каждая группа заявляла, что обладает тайным знанием, способным исцелить психологические травмы через возвращение духа домой (Тертуллиан, «Против Валентиниан» 1.2; Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 1.пред.3–4).

Далее в данной главе рассмотрим терапевтические мистерии пяти не связанных между собой гностических групп, чтобы показать широкий разброс катехизисов и ритуалов, возникших в конкретных религиозных буферах, к которым относились соответствующие группы. Итак, переходим к мистериям ператиков, офитов, Юстиниан, наассенов и сифиан.

Путешествия к Дракону

К числу наиболее ранних христианских гностиков относится группа, именовавшаяся ператиками. По-гречески их название говорящее: оно означает «путешественники». О чем это свидетельствует? Таким названием они говорят нам, что только они знают дорогу, по которой человек приходит в мир, и путь, которым можно из мира уйти. Они утверждают, что обладают эксклюзивным знанием маршрута по подземному миру и космическим сферам. Только они, Путешественники, получили на своем пути наставления, как преодолеть смертность (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.16.1).

С их точки зрения для преодоления смертности требуется пробудить от дремы человеческий дух — то, что они называют «семе-

нем божественного потенциала» — и вырастить из него полноценную божественную сущность, чтобы та могла отправиться обратно на трансцендентную родину. Но задача это непростая, поскольку, чтобы добраться до трансцендентного царства, нужно, во-первых, привести дух в сознание, а затем он должен пересечь враждебные царства преисподней и превзойти темных владык Аида.

Во-вторых, человек должен в полной мере уяснить, что его дух происходит из трансцендентного царства. Через это осознание дух совершенствуется. Ператики видели это как обкатывание или обесцвечивание, в процессе которого запятнанный или испещренный точками дух отбеливается и очищается от несовершенств. Нужно возволить его истинную природу из плена искажения, державшего его в неведении относительно его божественности. По мере совершенствования дух человека должен вознестись к ужасающим небесным сферам и превзойти разрушительных богов, назначивших себя правителями планет и звезд.

Об этих гностиках начала II века мы знаем от Ипполита, писавшего в Риме в начале III века (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.12.1–17.13). Согласно его описанию, ператики представляли себе абсолютную реальность как источник, изрыгающий или излучающий три потока бытия. Один поток — трансцендентное бытие, которое они называли Совершенным Благом, Великим Отцом и Извечным. Второй — божественность, что в их понимании означает Благо, порождающее само себя и проявляющееся в божествах и богах. Третий поток бытия — это все сотворенное, что тоже есть благо.

Каждый поток представляет один из лежащих друг над другом миров или уровней реальности. По вере ператиков, первый уровень реальности, уровень извечного Блага, перетек на второй уровень самозарождающегося Блага. Перетекание продолжилось и на третьем уровне реальности, где находится материальный мир и человечество, и потому люди наполнены духом или, говоря словами ператиков, «семенами божественного потенциала».

Но не все оставалось благостным. Ператики верили, что еще в предначальные времена случился мятеж: часть добрых божеств, контролировавших сотворенную вселенную, взбунтовались и стали злыми. Кто были эти правители? В представлении древних планеты и созвездия — традиционные боги и герои. Зевс, к примеру, это планета Юпитер, а Крон — Сатурн. Созвездия — это легендарные герои, как Геракл и Персей. Подземное царство — территория Аида и Персефоны. Этих традиционных божеств ператики и идентифицировали как восставших темных владык.

Тут мы оказываемся в сложном религиозном буфере, где популярные знания об астрологии смешиваются с элементами легенд о чудовищах-титанах и мифах о падших ангелах, таких как Люцифер и Самаэль. В результате возникло новое гностическое предание об отступничестве традиционных богов, владык, перешедших на темную сторону и захвативших власть над вселенной.

По вере ператиков вследствие этого предначального мятежа человеческий дух, семя божественного потенциала, оказался в заточении у темных владык. Темный владыка, властвующий над всем творением — Крон, жестокий титан, сотрясающий землю и вливающий в океан подземные воды Тартара. Крон, бог-каннибал, пожирающий собственных детей, определяется как мастер-творец, Демиург, создающий человеческую жизнь только для того, чтобы ее разрушить. Это Бог-Отец, который убивает своих детей, проглатывая их, запирая их дух в пределах мироздания.

Подобная ситуация никуда не годится и требует серьезного вмешательства с двух других уровней реальности. Трансцендентное благо и праведные божества обязаны сделать что-то, чтобы изменить это ужасное положение и освободить дух.

Здесь предание ператиков приобретает однозначно христианский привкус. Следуя тексту четвертого Евангелия, ператики проповедовали, что Христос был ниспослан в мир Благом, чтобы спасти творение.

Христос был могущественной сущностью, воплощавшей все три уровня реальности: трансцендентный, божественный и людской. После распятия Он присоединился к прочим небесным правителям в качестве бога, как сказано в четвертом Евангелии, когда Сына Человеческого подняли ввысь, как поднял Моисей змея. Он занял высочайшее и ярчайшее созвездие, утвердившись на вершине небосвода богом-стражем светоносного змеевидного созвездия Дракона.

Таким образом Он стал добрым хранителем звездных врат, через которые проходит поток бытия из трансцендентной сферы в мироздание и обратно. Он открыл портал Дракона, установив втекание и вытекание божественного в мироздание с каждым оборотом небесной сферы. Так они понимали христианский афоризм, приписываемый Иисусу в четвертом Евангелии: «Я — дверь» (Ин. 10:7).

Из Ада к Деве

Как же человеческому духу добраться обратно в трансцендентное царство через звездные врата Дракона? Ператики утверждали, что знают секрет и раскроют его любому, кто пройдет посвящение в их мистерии — тайные церемонии, которые не под силу описать словами,

одновременно грандиозные и пугающие. Они стояли на том, что их мистерии делают посвящаемых лучше, увлекают их вверх, в трансцендентный мир, как совершенный род.

Этот процесс начинался с выверенного путешествия через ад, переходящего в опасный, пугающий путь по небесам. Финальную церемонию ператики именовали Эдемской мистерией. В ходе этой церемонии дух посвящаемых затягивало в мир трансцендентного Отца по звездной реке, вытекающей из пасти Дракона.

О первой мистерии на этом пути, путешествии через ад, узнаём из одной из книг ператиков по астрологии — «Предмесьтя, возводящие к эфиру» (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.14.1–10). В книге содержится длинный гимн, исполнявшийся во время первого мистерияльного обряда инициации, в ходе которого посвящаемые проходили через ад. Он начинается со слов, которые произносит посвящаемый, вдруг осознавший, что находится в недрах ада, лицом к лицу с Кроном, ужасающим титаном, правителем всего творения (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.14.1; перевод мой):

Я глас пробудившегося ото сна в царстве ночи. Теперь же
 начинаю борьбу с силой, вышедшей из хаоса,
 С силой смрадной бездны,
 С силой, поддерживающей на бескрайних просторах глину,
 напитанную водой,
 С неудержимой силой землетрясений...
 Невежественный зовёт эту силу Кроном, закованным в цепи,
 Ибо он крепко связал сплетенное воедино — плотное
 и дымное, мрачный, темный Тартар.

Из содержания этого гимна следует, что в ходе первой мистерии ператики возвращали в посвящаемых намерение пройти через преисподнюю. Хотя трудно с точностью определить, что именно происходило — достигалось ли с помощью практики настройки измененное состояние сознания или нет, — путешествие через ад исполнялось таким образом, что посвящаемый ритуально взаимодействовал с темными владыками. Должным образом настроившихся посвящаемых будят в месте, которое они отождествляют с преисподней, и они воспроизводят литургию, изученную во время катехизиса.

Согласно остальному тексту гимна, ператики верили, что встречаются с Кроном и другими темными правителями преисподней и атмосферы, в том числе с Персефоной, Осирисом, Исидой, Реей и Небро. Посвящаемым приходилось заучивать тайные имена темных владык, поскольку звучание таких имен оказывало на тех мощное магическое воздействие, подчиняя власти посвящаемых. Можно вообразить ри-

туальный обмен репликами с использованием имен и отвращающих молитв при встрече посвящаемых с каждым из владык. Успешные посвящаемые противостояли всем владыкам преисподней и силам, обитающим в воздухе, при помощи их истинных имен.

Посвящаемые верили, что в ходе инициации их ведут к определенным вратам, управляемым Персефоной, к подземному portalу, ведущему наверх, в пояс зодиака. Записи о точном местоположении этих врат в зодиакальном поясе до нас не дошли, однако известно, что на подходе к ним восседала на троне Персефона и пять других темных владык-стражей.

На основании этой информации можно с достаточной уверенностью предположить, что звездными вратами являлось созвездие Девы. В греческих мифах Зевс извоял Персефону на небесах в виде Девы, чтобы Деметра могла видеть свою дочь, даже когда та должна оставаться в преисподней нареченной Аида. Таким образом, результатом первой фазы инициации являлось пробуждение человеческого духа, семени божественного потенциала, и его путешествие из Аида на небеса через звездные врата Девы.

Звездные врата Иисуса

Вторая фаза мистерий ператиков подразумевала путешествие по небу: дух человека должен пройти весь путь от Девы до самой вершины небосвода, к другим звездным вратам — Дракону. Ператики верили, что Дракон выполняет функцию звездного портала между нашей вселенной и трансцендентным миром.

Ператики называли движение духа вверх по созвездию Дракона Эдемской мистерией, поскольку отождествляли полосу звезд, образующих хвост Дракона, с рекой, согласно Библии протекающей через рай. Очевидно, ператики считали, что Эдемский сад, рай, и есть трансцендентный мир. Они отождествили вытекающую из Эдема реку с полосой звезд, нисходящих в небесные сферы с вершины вселенной, из расположенного над ней трансцендентного мира.

Но как посвящаемым попасть к Дракону и в рай? Им предстояло взобраться по небу. На второй стадии инициации посвящаемые верили, что их дух покидает тело. Эту фазу мистерий они сравнивают с исходом евреев из Египта, когда евреи сбежали из Египта, пересекли Красное море и сорок лет блуждали по пустыне, прежде чем перейти Иордан и попасть на свою родину, в Ханаан. Предполагалось, что на этом этапе мистерий дух посвящаемого переходит Красное море, вытекающее из преисподней и окружающее вселен-

ную. Он покидает Египет, и воды хаоса, наполненные разнузданной силой Крона, не причиняют ему вреда.

Является ли это намеком на водный ритуал, в ходе которого посвящаемых загоняли с берега реки в воду, чтобы они перешли ее вброд? Если и так, то этот обряд понимался не как ритуальное очищение крещения, но как побег из царства хаоса и материи.

Оказавшись на другом берегу Красного моря, посвящаемые пускались в путь по пустыне, олицетворявшей для них небо. Им предстоял трудный путь по небесам, представлявшийся им пробиранием по небесной пустыне, населенной огненными змеями, жаждущими жалить и убивать их, ровно как описано в Библии. Эти змеи — правители планет и звезд, темные владыки, преграждающие путь всякой душе, попытавшейся вырваться из-под их власти.

Ператики отмечают, что говорится в Библии о евреях, спасенных от укусов змеев. Они спасались, глядя на медного змея, которого Моисей поднял так, чтобы было видно всем. Точно так же, говорили они, спасение посвящаемых приходит от змея-Христа — Дракона, змеевидных звезд, ярко сияющих на небесном своде. И потому ператики татуировали тела посвящаемых знаком Дракона, чтобы уберечь их от укусов небесных темных владык. Эту татуировку ператики связывали со знамением Каина, согласно Библии? оберегавшим того от убийства (Быт. 4:15). Подобно знамени, защищавшему Каина от убийства другими людьми, утверждали ператики, и татуировка Дракона защитит их от убийства темными владыками небес. Ператики верили, что после нанесения защитных татуировок их отбеленный, достигший совершенства дух притягивает к порталу Дракона, как магнит притягивает железо (и ничто иное). Это и есть Эдемская мистерия, в ходе которой их дух через портал Дракона покидает небесные сферы и вырывается из пасти Дракона в царство трансцендентного. Благополучно возвращается домой.

Зодиакальные мстители

Человек лежит на земле. «Отец» — вероятно, священник или старейшина — помазывает его елеем. В ответ лежащий говорит: «Я был помазан белым маслом древа жизни». Душа его отделяется от тела и, воскреснув, улетает в небесные сферы. Так описывает обряд, называвшийся запечатыванием, побывавший его свидетелем языческий философ Цельс (Ориген, «Против Цельса» 6.24–38).

Звучит похоже на типичное католическое таинство соборования, при котором умирающего помазывают елеем, чтобы подготовить душу к смерти, даровав ей отпущение грехов. Но это не так. Здесь

описывается церемония инициации, проводимая группой гностиков, которых Цельс называет «христианами». Согласно описанию Цельса, это христиане, которых нужно признать теми, кто они есть на самом деле: дураками, верящими, что душа, отделившись от тела, должна вернуться домой особой, тайной, лишь им известной дорогой, пролегающей через планеты.

Цельс пишет свою критику христианства в 178 году н.э. В своей книге он пространно описывает именно эту группу христианских гностиков. Будучи христианами, говорит он, они веруют в Иисуса, распятого сына плотника, принесшего законы, противоречащие законам иудейского Бога. Они называют иудейского Бога «Проклятым», потому что Он проклял эдемского змея за то, что тот привел первых людей к познанию добра и зла. Вместо проклятого Бога-Творца из иудейского писания, эти христиане почитают другого Бога, о котором Иисус проповедовал, что Он есть подлинный Бог-Отец.

Цельс рассказывает, что ему удалось сойтись со старейшинами этой христианской группы настолько хорошо, что ему показали кое-какие их книги, в которых записаны чуждые имена демонов и знание о знамениях. Он присутствовал при обряде очищения, слышал их гимны, слушал звуки, производимые ими при исцелении больных, и узнал, как они применяют особые одеяния или костюмы, числа, камни, растения и корни в качестве лекарств (Ориген, «Против Цельса» 6.40).

Цельс полагает все это скорее вредным, чем полезным, и считает магией для одурачивания местных простаков. Он отмечает, что старейшины много говорят о «древе жизни» и верят, что с его помощью происходит воскрешение из плоти, а не воскрешение плоти. Они инсценируют это верование, запечатывая тело посвящаемого, пока тот лежит на земле, будто мертвый. Они смазывают плоть посвящаемого елеем с древа жизни. Это, говорят они, отделяет душу посвящаемого от тела.

Откуда душа знает, куда ей идти? Цельс пишет, что этой группе христиан в путешествиях души помогала особая диаграмма, карта сфер. Каждую планетарную сферу контролировал тот или иной архонт (правитель), темный владыка небес, и на карте обозначались его территория, имя и форма.

В ходе церемоний инициации неопиты попадали в царства темных владык и одолевали их одного за другим. При каждом возвращении посвящаемым даровалась форма побежденного правителя. Они становились львами, быками, змеями, орлами, медведями и псами. Такое изменение внешности, возможно, изображалось при помощи масок или костюмов.

Поскольку эти мистерии подразумевают пошаговое погружение в астрологические сферы с достижением разных уровней, Цельс находит их весьма похожими на мистерии Митры. Почитатели Митры последовательно встречались лицом к лицу с правителями планет и, вернувшись, получали особые статусы – воронов Меркурия, нимф Венеры, воинов Марса, львов Юпитера, персов Луны, гелиодромов Солнца и отцов Сатурна.

Об этих гностиках и их обрядах небесной инициации нам известно даже больше, поскольку в начале III века о них писал Ориген, раннеапостольско-католический теолог и учитель из Александрии. Он называет их не христианами, но офитами (см. Rasimus 2009). Это имя восходит к греческому слову *orphis* — «змея» и отсылает к их вере в то, что змей в Эдемском саду был мудр и сказал Еве правду.

Ориген и сам нашел копию их карты для инициаций, хотя, по-видимому, она не являлась точной репликой диаграммы, виденной Цельсом. На карте Оригена присутствуют имена темных владык и даже молитвы, которые заучивали посвящаемые, чтобы прочитать при встрече с каждым из правителей в небесных сферах. Ориген дает достаточно информации, чтобы можно было практически реконструировать тайную тропу, по которой, по вере христиан-офитов, проходит душа в путешествии по космосу.

Ночной путь по небу

Тропа офитов представляла собой небесный путь, проходивший через определенные дома зодиака. В каждом доме посвящаемый покорял правящего планетой темного владыку, прочитав выученную наизусть молитву и продемонстрировав тайный знак или печать. Точный маршрут души по домам зодиака соответствует астрологическому учению философа-пифагорейца II века Нумения.

Согласно учению Нумения, душа возносится через звездные врата Козерога (Порфирий, «О пещере нимф» 23). Покинув тело в момент смерти, вознесшаяся душа проходит путь по ночным домам зодиака от Козерога через созвездия Водолея, Рыб, Овна, Тельца и Близнецов и уходит через созвездие Рака. Воплощение же предполагало спуск по другой половине зодиака, по дневным домам: душа входит через звездные врата Рака, проходит через созвездия Льва, Девы, Весов, Скорпиона и Стрельца, проваливается во врата Козерога и вселяется в тело.

Следуя той же астрологической схеме, христиане-офиты считали, что, покинув тело, душа улетает через звездные врата Козерога. Козерогом управляет планета Сатурн, которую офиты отождествляли

с главой темных владык — иудейским богом, его называли тайным именем Ялдабаоф, но также он носил ангельское имя Михаил. Это свирепый бог, подобный льву. Стоя перед ним, посвящаемый говорит: «Приветствую тебя, Одинокый Царь, Узы Слепоты, Безрассудное Забвение, Первая Сила! Меня оберегают дух Пронойи и София. Послан я чистым. Я уже стал частью света Сына и Отца. Да пребудет со мной благодать! Да, Отец, да пребудет она со мною» (Ориген, «Против Цельса» 31; перевод мой).

Следующая остановка зодиакального мстителя — звездные врата Водолея, которыми также правит Ялдабаоф. Мститель произносит вторую молитву, в которой определяет собственный Нус, или ум, как нечто более могущественное, чем Ялдабаоф. Посвящаемый называет себя совершенным произведением Сына и Отца. Он показывает Ялдабаофу тайную печать с символом жизни. Эти действия открывают космические врата Ялдабаофа и позволяют освобожденному посвящаемому пройти мимо него во второй раз.

Посвящаемый продолжает путь и входит в звездные врата Рыб, которыми правит Иао, властитель планеты Юпитер. «Приветствую тебя, правитель, от которого сокрыты тайны Сына и Отца, Иао, Второй Владыка, Сияющий в Ночи, и Первый Владыка Смерти», — говорит посвящаемый (Ориген, «Против Цельса» 31; перевод мой). В молитве отщипления посвящаемый заявляет, что он зрел, но невинен, и преодолел негативные аспекты своего «я», созданные Иао.

Аналогичным образом в звездных вратах Овна посвящаемый одолевает Саваофа, известного так же под именем Рафаил, темного владыку Марса. Следом во вратах Тельца покоряет медведеголового Астафайоса, царя Венеры. Во вратах Близнецов посвящаемый сталкивается с псоглавым Элоайу, правителем планеты Меркурий. Наконец, во вратах Рака он побеждает Ореуса, ослоголового правителя Луны. В каждой вратах посвящаемый ошеломляет правителей именами и молитвами силы, несущими им поражение.

Нам повезло: в трудах Оригена сохранились тексты всех молитв для победы над демонами, равно как указания на различные предметы и знаки, использовавшиеся на пути по зодиаку. Еще более феноменально то, что один из офитских ритуальных предметов пережил разделяющие нас века.

В 1949 году профессор Кэмпбелл Боннер опубликовал статью, в которой установил, что древнее изделие из зеленой яшмы является офитским амулетом (Bonner 1949). На передней поверхности камня вырезан бог с львиной головой, именуемый Ялдабаофом и Ариэлем, Божьим Львом. Благодаря этому камню мы знаем, как выглядел Ялдабаоф в представлении офитов. Это человекоподобный бог с головой

свирепого льва. Он облачен в римские одежды и держит в руке скипетр.

На обратной стороне камня перечислены семь офитских правителей планет: Иа(лдаваоф), Иао, Саваоф, Адонин, Элоайу, Ореус и Астафайос. Этот примечательный камень некогда носил офитский посвящаемый в виде подвески или кольца силы. Он показывал его во вратах зодиака: это действие несло поражение правителям планет и открывало духу мстителя путь наверх (рис. 7.3).

Рис. 7.3. Гипсовая копия офитского амулета, первоначально описанного Боннером (1949), номер по каталогу D188 Местонахождение яшмового оригинала неизвестно. Новые фото гипсовой копии, находящейся в археологическом музее Келси, Мичиганский университет, выполнены Энн Арбор. Публикуется с разрешения автора.

Звездные путники Элохима

Другой гностик по имени Иустин клялся, что всякому, кто следует за ним, он дарует «то, чего не зрит глаз и не внемлет ухо, и чего не постигло сердце» (см. Вроек 2003). Как мистический лидер он проведет их напрямик к Благу, Богу-Отцу. Иустин именовал себя и своих последователей гностиками, потому что, говорил он, они обладали уникальным знанием о том, где пребывает Отец, и в конце экстатического небесного пути встречались с ним лично.

Иустин написал об этом книгу, которая сохранилась в трудах Ипполита Римского («Обличение всех ересей» 5.26.1–27.5). Иустин действовал в рамках религиозного буфера, наполненного греческими и христианскими идеями и мудростью. Хотя в основе учения Иусти-

на лежит греческий мир богов и героев, он смотрит с выраженной христианской позиции, где кульминация всей истории — приход Иисуса Назаретянина. Иустин обращается с преданиями и персонажами библейского писания, как если бы это были греческие боги и герои, сотканные и скроенные из той же материи. Согласно «Книге Варуха» Иустина, извечно существуют три незарожденных, предначальных бога. Первый — Отец, Благо. Поскольку Благой Отец в конечном итоге ответствен за создание всего сущего, его знают и почитают по всему Средиземноморью под видом греческого бога плодородия Приапа (рис. 7.4). Второй — Элохим, отец всего порожденного. Это Бог-Творец YHWH из иудейских писаний, владыка небес. Третья — Эдем, богиня земли, персонификация библейского райского сада.

*Рис. 7.4. Фреска I века, изображающая бога плодородия Приапа, Помпеи. Национальный археологический музей Неаполя, Италия
Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.*

Элохима и Эдем влечет друг к другу, и они женятся. Они счастливы в браке. От их эротической любви рождаются божества, заселяющие небеса и подземный мир. Их любовь также становится причиной сотворения людей — и мужчин, и женщин. Эдем вкладывает в них душу, Элохим — дух. Первая пара людей следует примеру Эдем и Элохима: женятся, становятся любовниками и рожают детей, заселяющих землю.

Проблемы в раю начинаются, когда Элохим осознает, что его природа призывает его вознестись. По сути он есть небо. Однако Эдем

не может последовать за ним, поскольку она есть земля и должна оставаться внизу. Вознесясь и добравшись до вершины небес, Элохим достигает звездных врат, которые сияют ярче всего, созданного им самим. Он взывает, как отражено в Библии: «Отворите врата!» С другой стороны отзывается голос: «Вот врата Господа; праведные войдут в них» (см. Пс. 117:19–20). Звездные врата открываются, и Элохим проходит в них. Оказавшись по другую сторону, он видит Благого Отца. Тот усаживает Элохима на престоле одесную себя и не дает ему снова уйти.

Поняв, что Элохим ее бросил, Эдем пытается выманить его назад своей красотой и эротическими жестами. Когда Элохим не возвращается, она впадает в горе и отчаяние и ведет себя, как рассерженная брошенная супруга. Следуя примеру богов, начинают распадаться браки людей. Желая наказать Элохима, обиженная Эдем объявляет войну духу, дарованному им людям, изыскивает всевозможные способы заставить дух страдать. Потому душа и дух погрязли в вечной борьбе друг с другом.

Вознесение к Благу

На протяжении истории Элохим многократно отправляет в качестве божественного посланника своего ангела Варуха, стремясь избавить дух от страданий. В последний раз Варух является в Назарет к двенадцатилетнему мальчику Иисусу. Он раскрывает Иисусу положение дел во вселенной и просит его взять на себя миссию донести правду до всех людей, показать им, как положить конец страданиям их духа. Иисус должен научить их, как духу вознестись к Благому Отцу и занять свое место одесную Его, как Элохим. Когда Иисуса распяли враги — ангелы Эдем, — Его дух указал путь духам всех людей, возглавив их. Дух Иисуса вознесся к Благому Отцу, оставив природное тело в руках Эдем, ведь оно все равно принадлежит ей.

Иустин предлагает посвящаемым вознестись к Благому Отцу путем Элохима, указанным Иисусом. Что же делал Иустин со своими посвящаемыми? Описывая их мистерии, Ипполит подчеркивает три вещи: молчание, наставление и подражание. Иустин требовал от посвящаемых принести клятву молчания, прежде чем раскрыть им реальное положение дел и повести небесным путем к Благому Отцу. Ипполит говорит, что эта клятва была призвана заставить посвящаемых хранить в тайне их гностический катехизис и опыт. Это утверждение, вероятно, не лишено истины, поскольку было общеизвестно, что посвященным не полагалось делиться тайнами мистерий с непосвященными.

Но это далеко не всё. Далее Ипполит упоминает, что прохождение посвящения у Иустина сравнимо с долгим путешествием с краткими остановками на сон на постоянных дворах. Возможно, дело в том, что Иустин тренировал посвящаемых перед началом экстатического небесного путешествия, в рамках подготовительной практики приучая их прежде всего хранить безмолвие. Когда они осваивали навык подготовительного молчания, он рассказывал им об устройстве реальности, как оно описано в гностической «Книге Варуха».

Затем, подражая Элохиму, Иустин вел посвящаемых по небесному пути к звездным вратам, где они повторяли одну строку из псалма: «Отворите врата!» Когда портал открывался, они входили в него, и им представало видение Благого Отца. Они являлись живым духом, подобно Элохиму, и потому им предлагалось испить из источника бурлящей воды, дарующей жизнь, а затем искупаться в нем. Купание оказывало магический эффект, полагая конец мучениям страдающего в разлуке духа через возвращение навечно в царство Благого Отца.

Гермафродиты в роли небесных врат

Одно из наиболее сложных описаний гностических групп — рассказ Ипполита о наассенах («Обличение всех ересей» 5.6.3–11.1; см. Lancellotti 2000). Наассены называли себя гностиками, потому что, по их словам, лишь они постигли глубины знания. Другое их название — «наассены» — происходит от ивритского слова «нахаш» — «змея».

Наассены верили, что Бог, от которого все берет свое начало, это змей, обитающий во влажной сущности предначальной вселенной. Это верование во многом сходно с египетским мифом об Атуме. В наассенской версии реальности предначальный бог — гермафродит по имени Адамас. Подобно египетскому всевластителю Атуму, его представляли змеем, свившимся кольцами в водах еще до возникновения чего бы то ни было. Сей змей — Первочеловек, Бог-Отец-Мать, источник всей жизни, вытекающей из него подобно реке с тремя течениями: духовным (умственным), психическим (душевым) и земным (материальным). Эта река с тремя течениями стекает из трансцендентного царства Адамаса в царство Хаоса.

Наассены, или змеегностики, были древними перенниалистами — людьми, продвигавшими концепцию о том, что все религии мира отсылают к одному и тому же вселенскому Богу. Они верили, что этот змееподобный Бог-Прежде-Всех-Богов и есть реальность, лежащая в основе поклонения всякому богу в святилищах и храмах мира, в основе всякой религиозной церемонии и всякой мистериальной инициации. Они верили, что их предки признали изначального бога,

именуемого Первочеловеком, но слава Первочеловека потускнела от попыток запечатлеть его-ее в виде статуй, в храмах и мифах.

Согласно наассенскому преданию, у Первочеловека был сын, известный как Совершенный Человек и Сын Человеческий. Это Первочеловек на уровне микрокосма, и в нем содержатся все три течения первоначальной реки — духовное, психическое и земное. В конце концов он воплощается в Иисусе, рожденном Марией, но сначала служит образцом для сотворения Адама, первого человека, вылепленного из земной глины огненным соляным богом Эсалдеем и другими владыками Хаоса.

Получившийся безжизненный голем — Адам — лежал на земле лопушкой для Совершенного Человека, которого владыки Хаоса пожелали захватить. Порождающая природа души, сотворенной для Адама темными владыками, была столь эротична, столь привлекательна для Совершенного Человека, что тот заронил в Адама свое семя (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.6.35–36). Семя Совершенного Человека есть живительный человеческий дух, обреченный страдать, обитая в неестественных для него условиях.

Итак, мы имеем предание о предначальном боге эротической и репродуктивной природы. Для Бога эта природа есть одновременно и небо, и преисподняя, и благо, и зло. С одной стороны, она стремится к порождению, становится причиной самого бытия. С другой стороны, она развращает и ведет к нарциссизму. Совершенный Человек испытывает на себе развращающую силу чувственности и в результате, осеменив голема, попадает в плен человеческих Психе и тела.

Поскольку Совершенный Человек оступился из-за полового влечения, наассены признавали его отражением греческого бога Аттиса, известного тем, что был мужем великой богини-матери Кибелы. Существует множество версий предания о нем, но во всех из них Аттис, красивый до неприличия, имел любовную связь, разбившую сердце Кибелы. Ее гнев поразил соперницу, а Аттис сошел с ума и оскотил себя от горя и чувства вины (Овидий, «Фасты» 4.222).

Как и жрецы Кибелы, наассены придавали большое значение кастрации, хотя Ипполит сообщает, что они не делают из себя евнухов, отрезая мошонку. Они отказываются от размножения, воздерживаясь от гетеросексуальных связей. Таким образом они исправляют ошибку Совершенного Человека и следят за тем, чтобы его дух не передался дальше через семя, от которого будет зачат новый ребенок (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.7.38–41).

Пробуждение ребенка

Дух можно освободить из ловушки лишь постепенно, по мере того, как человек проходит посвящение в наассенские мистерии. Наассены считали, что эти мистерии открыл им Иисус, снизошедший из трансцендентного царства и принеший тайное знание о священном пути, ведущем назад в царство Первочеловека (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.10.1). Посвящаемого они называют телейос («совершенный») — человеком, совершенствующим свой дух (5.7.16–17, 5.8.28–29).

Перед инициацией посвящаемый должен дать клятву воздержания от гетеросексуальных отношений. Это препятствовало дальнейшим воплощениям духа Совершенного Человека, а также разрушало тело, имеющее половую принадлежность. Наассены считали, что практика воздержания делает их гермафродитами, новыми существами, не играющими более раздельные роли мужчин и женщин. Отказавшись от разнополого секса, они становились обоеполыми созданиями, подобными Первочеловеку. Из-за этого учения оппоненты обвиняли их в гомосексуализме (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.7.14–15; ср. Гал. 3:28; 2Кор. 5:17; Ефес. 2:15, 4:24; Кол. 3:9–10).

Инициация как таковая включала три этапа: победу над смертностью, вознесение через сферы и воссоединение с Адамасом в Божьем доме (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.8.4). Едва родившийся гермафродит-посвящаемый отправляется в иницирующее путешествие как пэйдос («ребенок»). Ко второму уровню он становится эфебосом (отроком). Завершаются мистерии третьим уровнем, на котором отрок становится анером (взрослым) (5.8.19).

Уровень ребенка — это уровень пробуждения, на котором младенец-дух осознает себя в бездне Аида. С точки зрения обряда посвящаемые проходят крещение в текущей воде. Это действие призвано имитировать их зарождение в предначальных водах (5.7.19, 5.9.21–22). Ипполит сравнивает этот уровень инициации с греческими Малыми мистериями Персефоны, проводившимися в Элевсине: наассенский посвящаемый отправляется в преисподнюю по разбитой, раскисшей тропе, проходящей через пещеры (5.8.42–43). Возглавляет путешествие на этом уровне наассенской инициации Гермес, олимпийский бог, известный в греческой мифологии как психопомп — проводник, помогающий умершим найти дорогу в подземный мир. Это один из немногих богов, способных путешествовать между царством мертвых и нашим миром.

Гермес держит в руке кадуцей — особый посох, обвитый двумя змеями. В наассенских мистериях этот посох отождествляется с золо-

тым жезлом, упомянутым Гомером в «Одиссее» (24.2–4), «наводящий на бодрых сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных». Это же и жезл железный, упомянутый в Псал. 2:9. Этим посохом Гермес пробуждает и направляет души, чтобы те стали поклонниками Адамаса, нареченными Сына Человеческого (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.7.30–32; ср. Гомер, «Одиссея» 24.1–2). Гермес здесь понимается как Христос, согласно Ефес. 5:14 пробуждающий спящих и дающий им свет (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.7.33). В наассенской мифологии Гермес есть Христос, разоряющий ад.

Выбор языковых средств подсказывает, что, как и прочие гностические группы, устраивавшие постановочные прогулки в преисподней, наассены использовали в качестве части путешествия подготовительные практики. В понимании наассенов посвящаемые первого уровня принадлежат к числу спящих душ в царстве мертвых. В роли Гермеса, вероятно, выступал священник или старейшина; он взмахивает посохом, избирая для инициации конкретные души и пробуждая их легким ударом. Пробужденные души вскрикивают и сбиваются в кучу вокруг Гермеса. Продолжая кричать, души следуют за Гермесом по пятам на трудном пути, ведущем наружу из кишачей крысами пещеры мертвых (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.7.34; ср. Гомер, «Одиссея» 24.5–8). Задача Гермеса — провести посвящаемых гнилыми тропами преисподней в вечные царства, где нет зла.

Для победы над темными владыками, встреченными на этом пути, посвященные используют тайные печати, явленные им Иисусом, и секретный пароль «сауласау» (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.10.1, 5.8.4). Этот пароль — фраза на иврите, почерпнутая наассенами из Ис. 28:13, где написано, что «стало у них слово Господа: заповедь на заповедь [сау ла сау)». В данном случае наассены считали, что темных владык преисподней отпугнет слово Господа — сауласау. Это волшебное слово, сила которого поможет человеку выбраться из царства мертвых.

На этом моменте посвящаемый воскресает и восстает из могилы. Через этот опыт дух-младенец посвящаемого становится пэйдосом (ребенком) семи лет от роду (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.7.20). Возможно, новый статус посвящаемого демонстрировался всей общине при помощи церемонии облачения, в ходе которой ему дарили семь одежд Исиды, как делалось в мистериях Исиды. В трактовке наассенов это семь эфирных одеяний планет (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.6.22–24). Для наассенов они являлись символом воскресения души, высвободившейся из тела.

Ввысь к Венере и дому Божьему

Вторая фаза инициации, сравнимая, по мнению наассенов, с первой из Великих элевсинских мистерий, наступает, когда ребенок становится эфебосом (отроком), достигает четырнадцати лет. Эта инициация проходит в первую или последнюю четверть Луны.

Вначале проводился питейный ритуал, в ходе которого пили воду, превращенную в вино, из чаши Анакреонта — знаменитого древнегреческого поэта, известного своими песнями во славу питья. Однако эта фаза инициации характеризуется исполнением гимнов безмолвию и отсутствием речей, что снова подразумевает использование подготовительных практик для приведения тела к неподвижности и провоцирования экстатического состояния сознания. У Ипполита записаны слова, произносимые над чашей, из чего можно предположить, что введение в измененное состояние сознания связано также и с употреблением определенных химических соединений (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.8.6–7):

Принеси воды, мальчик, принеси вина,
Напои меня допьяна, усыпи; ибо чаша моя говорит мне,
Каким человеком мне должно стать,
говоря без слов в безмолвии.

Эта стадия включала путешествие по небу вдоль мировой оси, Млечного Пути — звездной реки, протекающей через небеса. Эта река стекает от Первочеловека в Хаос, в порождающий океан, откуда появились люди. Ее восходящее течение обращает процесс вспять, превращая людей в богов. Вступление в восходящий поток означает, что посвящаемые оставили позади Египет, символизировавший для них гетеросексуальные сношения. Новорожденными гермафродитами посвящаемые переходят Красное море и вступают в реку Иордан, чтобы вернуться на родину — в небесный Иерусалим — коленом, не знающим царя (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.7.37–41).

Куда они направляются? Ввысь к звездным вратам, именуемым Вратами Небесными, portalу, через который они смогут выйти за пределы мироздания. Наассены полагали их «третьими вратами», отождествляя со звездными вратами, которые, как они верили, видел во сне Иаков, когда ему явилась лестница, стоящая на земле и верхом касающаяся неба (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.7.20; ср. Быт. 28:17). Это же и истинные врата — дверь, о которой говорит Иисус в Ин. 10:9: «Я есмь дверь» (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.7.20). Если посвящаемые не пройдут через эти врата, их дух так и останется в пределах царства бренности и страдания.

О каких именно звездных вратах речь? У людей древности имелись условные именованья планет, основанные на их удаленности от Земли, и третьей в этом списке была Венера. Наассены приписывали планете Венера силу контролировать рождение душ. Итак, вероятно, вратами для душ, возносящихся из преисподней, являлся ночной дом Тельца — звездные врата, управляемые Венерой.

Во вратах Венеры посвящаемые пропевают молитву о победе над демонами, выученную по Пс. 23:7–9: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!» Кто сей Царь славы? —Посвященный, сильный в брани, успешно сразившийся с гетеросексуальным телом и ставший юным гермафродитом.

Посвященный выкрикивает тайный пароль «зеесар» — отсылка к ивритской фразе «зеер шам», как и «сауласау», взятой наассенами из Ис. 28:13 (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.8.4). Эти слова силы открывают врата перед ним. В качестве демонстрации достижения нового статуса эфебоса (отрока) перед всей общиной тела посвящаемых помазывают особенным елеем рога Давида (5.9.21–22).

На третьем уровне дух посвящаемого становится взрослым, равным Совершенному Человеку. На предшествующих этапах душа сбросила тело, а дух сбросил душу. Теперь же обнаженный дух, как нареченный, входит в звездные врата Венеры и встает на краю вселенной. Он желает войти в трансцендентное царство, в дом Божий (5.8.4). Теперь он выкрикивает третий пароль, также почерпнутый из Ис. 28:13: «каулакау» (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.8.4).

Услышав его, Сын Человеческий, оберегающий дом Божий, приветствует посвящаемых как своих. В качестве демонстрации для общины нового статуса нареченных Адамаса, вернувшихся в царство Нерожденного, им подносят молоко и мед. Их вкус несет преображение (5.8.30). Посвященный сам становится Богом-гермафродитом. Он восстал из мертвых, вознесся сквозь сферы и через врата небес вошел в дом Божий (5.7.24).

Стоячие сифиане

Сифиане, библейские гностики, с которыми мы встречались в главе 3, называли себя многими именами, в том числе Родом, Не Имеющим Царя, Детьми Сифа и Неподвижными или Стоячими (см. Williams 1985). Они первыми смешали гностическую духовность с Библией в дохристианском контексте. Таким образом, они могут похвастаться весьма долгой историей, восходящей по меньшей мере к началу I века н. э., когда в Александрии жил и работал иудейский

философ Филон, собственными толкованиями борющийся с гностической интерпретацией Библии.

Однако сифиане не всегда оставались иудейскими гностиками, по-своему трактуя Библию. Их трансгрессивный шаг к отождествлению YHWH с такими демоническими фигурами, как Самаэль, Небруэль и Сакля, сделали их уязвимыми и нежеланными в традиционно иудейских кругах. Возможно, именно поэтому это течение быстро впитало христианский дух, так что теперь почти все доступные нам сифианские тексты полны христианского повествования и отсылок.

Некоторые сифианские общины, как та, в которой было написано пресловутое Евангелие от Иуды, и вовсе считали себя христианами — причем единственными истинными христианами. Всех прочих христиан они воспринимали иудеями, живущими под лживым правлением YHWH, которого сифиане именовали Ялдабаофом. Они считали трагедией тот факт, что лжехристиане ставят центром своего поклонения действия демона Иуды, ответственного за то, что Иисуса принесли в жертву YHWH, как записано в новозаветных евангелиях. Как показано в моей предыдущей работе, посвященной Евангелию от Иуды (2009), они полагали, что злодеяние Иуды стало фокусом нового культа жертвоприношений, усиливавшего Ялдабаофа. Поскольку в центре этого культа лежало поклонение YHWH-Ялдабаофу, сифиане считали его ложнохристианским, на самом деле иудейским. Как увидим в главе 10, сифиане утверждали, что лжехристиане идут за Иудой как главой их нового царства — нового, тринадцатого колена Израилева.

Такое понимание христианства читается между строк сифианской книги «Апокалипсис Адама», в которой содержится древний гимн о сошествии ангела-искупителя в тринадцать царств (NHC V.5 77.27–82.20). Согласно иудейской традиции, ангел Мудрости нисходит на землю и ищет среди народов место, где поселиться. Аналогичным образом в этом тексте нисходит трансцендентное божество в тринадцать царств — двенадцать колен Израилевых плюс христиане, тринадцатое царство или Новый Израиль, — чтобы избрать одно из них своим. Но все они оказываются неподходящими. Могущественное божество рождается в каждом из царств и приносит им воду крещения для искупления, но ни в одном царстве не находит отклика.

Из-за их неотзывчивости божество избирает своим другой народ: колено, не знающее царя. Это сыны Сифа, и они принимают крещение от великих сифианских ангелов Михеу, Михара и Мнесинуса во имя искупителя, Иисуса Назорея, известного также как Иисус Одесную Сидящий. Написавшие этот апокалипсис сифиане явно верили,

что являются единственными истинными последователями Иисуса, во многом превосходящими и старые двенадцать колен Израилевых, и новое тринадцатое колено лжехристиан.

Сифианская идентичность выковывалась и в других направлениях. Есть целая куча свидетельств III века, указывающих на то, что некоторые сифиане стали формировать более философскую идентичность, как лучшее платоновское сообщество всех времен. Они написали знаменитую трилогию: «Аллоген», «Марсан» и «Зостриан», — фрагменты которой сохранились среди текстов из Наг-Хаммади. Философу III века Плотину, возглавлявшему платоновскую академию в Риме, были известны по крайней мере «Аллоген» и «Зостриан» (а, возможно, и «Марсан»). Некоторые сифиане, которых Плотин называет гностиками и «друзьями», посещали его семинары и доводили беднягу до трясучки своей убежденностью в том, что Бог, сотворивший наш мир, зол и не желает нам ничего хорошего.

Пять Печатей

Принимая во внимание такое разнообразие сифианских идентичностей — как гностиков-иудеев, как единственных истинных христиан, как лучших философов-платоников всех времен, — что можно сказать об их практиках инициации? Здесь обнаруживается примечательное постоянство в вопросах водных обрядов и практики неподвижности тела. Во всем многообразии сифианских материалов прослеживается единое мнение, что «Пять Печатей» — сифианский водный обряд (Pearson 2011; Turner 2013). Сифиане сочетали крещение, помазание и облачение по мере того, как посвящаемые преодолевали подземный мир, небесное и трансцендентное царства. Эти обряды использовались для обозначения трансформации духа или «я» по мере продвижения от низшего царства к высшему.

Как и другие гностические мистерии, сифианская инициация начинается с пробуждения духа в подземном мире, где посвящаемый проходит церемонию Пяти Печатей, водный ритуал подземного мира, описанный в самых ранних из дошедших до нас сифианских источников. В предыдущей главе мы взглянули на литургию в том виде, в каком она сохранилась в последней части длинной версии «Апокрифа Иоанна» (ННС II.1 30.33–31.25), где божество Пронной спускается во плоти в Аид и пробуждает посвящаемого ото сна глубокого. После литургического обмена репликами она запечатывает его пять раз в особой светоносной воде, чтобы избавить от смерти. Эти пять печатей ритуально побеждают пять владык преисподней, упомянутых ранее в том же тексте (11.6–7).

Такого же типа литургия сохранилась в другом древнем сифианском документе — «Троевидной Протенойе». В этой интерпретации ритуала Пяти Печатей Пронной спускается в преисподнюю, чтобы пробудить посвящаемых. Она утверждает, что дух ее жизни обитает даже в душах, заточенных в Тартаре, глубочайшей бездне ада. Ее задача — пробудить эти души и даровать им Гнозис. Она есть голос, вызывающий к каждому в Аиде, пробуждающий их к знанию о духовном семени, обитающем в них.

Затем внутренний дух проходит крещение в водах жизни («Троевидная Протенойе» ННС XIII.1 35.1–37.3; ср. 40.30–41.25). Это крещение от руки ангелов-крестителей Михеу, Михара и Мнесинуса счищает с духа физическую и психическую мишуру. Ангелы, дающие одежду — Яммон, Элассо и Аминей, — облачают обнаженный дух в новые одежды Света (48.6–20).

Согласно «Троевидной Протенойе» (40.30–41.30, 49.20–38) «Пять Печатей» связаны с дарованием Пронной Гнозиса. В ходе этого обряда с духа снимают тело и душу и облачают его в одеяния Света. Пробуждение и трансформация напитывают дух такой силой, что темным владыкам преисподней, демонам хаоса, уже не помешать его вознесению в трансцендентный вышний мир. Пять печатей преодолевают их тиранию и открывают духу доступ в трансцендентные царства, лежащие за пределами мироздания.

В «Троевидной Протенойе» (45.12–34) божество Пронной, чей дух обитает в людской душе, приглашает верных в свое трансцендентное царство света. В этом царстве дух посвящаемого постепенно преобразуется из одного типа божества в другой, каждый уровень отмечается новыми обрядами крещения и облачениями, каждое пышнее и светоноснее предыдущего. Упоминаются также возведение на престол и прославления в трансцендентных царствах, когда дух достигает настолько высокого божественного статуса, что сам становится объектом ангельского восхваления (48.21–35).

Платоническая трансцендентность

В сифианских текстах более платоновского характера — «Марсане», «Аллогене» и «Зостриане» — описывается экстатическое вознесение в трансцендентный мир (Turner 2001; Burns 2014). В «Зостриане» показано, что крестильные обряды проводились для обозначения вознесения посвящаемого, также практиковалась намеренная неподвижность в стоячей молитвенной позе. В начале сочинения Зостриан, идеальный посвящаемый, обнаруживает свой внутренний дух и осознает, что он существует отдельно от его материального тела

и Психе. Он старательно возвращает дух и пытается найти для него место отдохновения.

Хотя Зостриан изучает гностический катехизис, его попытки освободить дух из земного плена терпят неудачу. В момент отчаяния, доводящего его до мысли о самоубийстве, к нему на помощь является великий ангел («Зостриан» NHC VIII.1 1.10–4.20). Этот момент обозначает начало его инициации, экстатического путешествия к Богу. В тексте путешествие описывается поэтапно. Должно быть, оно проводилось в виде последовательных церемоний, в ходе которых сифианское сообщество инициировало своих участников по примеру Зостриана.

На первом этапе дух посвящаемого отделяется от тела и вырывается за пределы мироздания, спасаясь из всех тринадцати царств с их правителями. В их число входят пять подземных царств и семь небесных сфер. В царстве тьмы, вероятно, Аиде, посвящаемого крестят, и он превращается в существо Света. Это дает ему способность вознестись через семь небесных сфер, где его снова крестят — по разу в каждом царстве. Посвящаемый попадает в царство временного пребывания душ, место, где души обитают между перерождениями. Посвящаемого крестят и там. Далее он отправляется в царство кающихся душ, где его крестят еще четырежды (4.24–5.29).

На этом моменте посвящаемый входит на нижний уровень трансцендентного мира, где его крестят и запечатывают великие ангелы-крестители. Он преображается в ангела этого первого уровня и стоит там, как один из Неподвижного Рода, прославляя обитающих там божеств. Та же процедура повторяется на последующих этапах, пока посвящаемый не пройдет царства, составляющие уровни сифианской трансцендентной троицы: царства Самозарожденного Сына, Матери Барбело и Предначального Отца.

Чем дальше посвящаемый продвигается по пути, тем глубже погружается в безмолвие. В общей сложности он проходит обряд крещения двадцать два раза. Вознесясь к вершине, он проходит обряд помазания и коронации, став богом, достойным восхваления, и встречается с предначальным Богом, которого искал все это время («Зостриан» NHC VIII.1 63.20–22, 129.2–6; ср. 57.4–59.7; «Аллоген» NHC XI.3 52.13–33).

В «Трех стелах Сифа», также более позднем сифианском сочинении, тоже представлены полеты в трансцендентность, однако не в форме повествования-отчета. «Три стелы Сифа» — это трехчастная литургия, в которой содержатся общие гимны и тексты для декламации, использовавшиеся для вознесения через три царства трансцендентного мира, где обитают Отец, Мать и Сын. Эти литургии пока-

зывают, что сифианские инициации проходили в присутствии всей общины и имели своей целью достижение экстаза. В них сочетаются повторяющиеся напевы, такие как «Благословляем Тебя! Благославляем Тебя! Благославляем Тебя!», «Ты совершенен! Ты совершенен! Ты совершенен!», «Ты внял нам! Ты внял нам! Ты внял нам!» и «Мы узрели Тебя! Мы узрели Тебя! Мы узрели Тебя!», с усиливающими молитвами и длительными периодами восторженного молчания.

Если бы Бог был архонтом

Шатл несет Кирка, Спока, Маккоя и Сайбока к поверхности мифической планеты Ша Ка Ри, где, как верит Сайбок, обитает трансцендентный Бог, предначальный источник бытия. Высадившись и отправившись в путь по пыльной пустоши, они в какой-то момент задаются вопросом, есть ли там вообще что-то еще. Сайбок откровенно разочарован. Мы думаем, что, возможно, идея фильма в том, чтобы показать, что Бога не существует.

Но тут из-под поверхности планеты вырастают каменные башни и образуют храм, напоминающий Стоунхендж. Столь же неожиданно из-под земли вырывается мощный луч света, бьющий вверх, в небо. Это красота и сила в чистом виде, и они ошеломляют наших героев. Луч пульсирует энергией жизни, и из света раздается глас: «Приветствую, храбрецы!»

Маккой и Сайбок хотят знать, Бог ли говорит с ними. В ответ луч принимает форму множества лиц, и в них мы узнаем образы, в которых изображали Бога на протяжении веков. Божество-полиморф останавливается на образе YHWH, бородатого Древнего, описанного в Библии, поскольку он более всего знаком команде «Энтерпрайза» — и, замечу, зрителям фильма. Мы тотчас опознаем в нем библейского Бога из книги Даниила.

Сайбок спрашивает образ Бога: «Ты Бог?» Образ отвечает: «Я есть бог». Это тоже игра на библейском имени Бога: «Аз есмь». Личность божества не вызывает сомнений. «Энтерпрайз» пронес их меж звезд к планете, где обитает Бог-полиморф, представляющийся как YHWH.

Сайбок сообщает, что они проделали долгий путь на корабле, чтобы добраться до этой планеты, даже преодолели галактический барьер. Бог впечатлен и интересуется, понесет ли корабль обратно через барьер Его мудрость. Сайбок утверждает, что корабль станет Божьей колесницей.

Сайбок общается с Богом по-дружески, но у Кирка возникает вопрос. «Зачем Богу космический корабль?» — спрашивает он. Когда Бог

спрашивает, кто он такой, Кирк язвительно отвечает: «Кто я такой? Разве ты не знаешь? Ты же Бог!»

Кирк требует от Бога доказательств, что все это не обман. Может, это божество — не абсолютный источник бытия. Может, это божество, представляющее всех богов традиционных религий, не тот предначальный Бог, которого искал Сайбок. За сомнения и высокомерие божество, подобно карающему библейскому YHWH, обрушивает на Кирка луч огня, от чего тот едва не гибнет.

После этого начинается светопредставление. Герои понимают, что их обмануло божество по природе злое, полиморф, стоящий за всеми богами традиционных религий. Это не Первобог Сайбока. Божество желает захватить их корабль, видя в нем единственный способ сбежать со звезды, где оно изолировано, заточено на веки вечные. Раз корабль преодолел Великий Барьер на пути к этой планете, он наверняка сможет преодолеть его и на обратном пути. Бог угрожает, что убьет ничтожных друзей Сайбока, если тот не передаст ему корабль.

Сайбок видит, какую боль испытывает божество, и тут же стремится ему помочь. Воспользовавшись запрещенным вулканским ритуалом, он сливает эмоции Бога со своими, забирает себе его боль. Ее слишком много, чтобы можно было вынести. Эмоциональная и психологическая боль Бога поглощают Сайбока, и он умирает на месте.

Весьма внезапно остальные трое улавливают величайшее прозрение и самый страшный кошмар гностиков: Бог, стоящий за всеми мировыми религиями, — это злой архонт, стремящийся их уничтожить. Они убегают сломя голову. Сулу и клингон Клаа телепортируют их в безопасное место и посылают торпеды в храм. Они улетают, и Кирк заявляет, что Бога, которого они искали, нет нигде во вселенной. Скорее, говорит он, «Бог прямо здесь... в наших сердцах».

Глава восьмая. Духовные аватары

Джейк Салли

Джейк Салли живет в мертвом мире — на Земле через сто лет. «Мертвый» в данном случае не гностическая гипербола, а реальность. Население планеты многократно увеличилось. Человечество утопает в собственных ядовитых отходах. Повсюду царят нищета и голод. Природные ресурсы исчерпаны. Единственной целью больших корпораций стала разработка перспективных ископаемых на других планетах, и наука кое-как держится на плаву за их счет.

Когда мы впервые видим Джейка (рис. 8.1), героя киношедевра Джеймса Кэмерона «Аватар», он пробуждается в криогенной капсуле. Он провел шесть лет в гибернации на корабле, летящем на Пандору — новый мир, который люди колонизируют, чтобы добывать крайне ценный природный ресурс — сверхпроводящий минерал, иронично названный «анобтаниумом» («недостаниумом»). Этот минерал спасет Землю от энергетического кризиса.

Рис. 8.1. Джейк Салли (Сэм Уортингтон) в фильме «Аватар» (2009) впервые смотрит на своего двойника-аватара.

Сразу становится понятно, что фильм призывает заботиться об окружающей среде, спасать Землю, относиться к природным ресурсам более ответственно, не допустить вымирания всего живого. Также возникает предположение, что идея будет раскрыта через троп «стань своим», словно в научно-фантастическом переложении эпического фильма 1990 года «Танцующий с волками». И идея, и троп очевидны и традиционны. Но это лишь то, что лежит на поверхности. Под поверхностью же бьется гностический подтекст с идеей непреодо-

лимо влекущего путешествия духа в поисках целостности, слияния с существом, превосходящим всех нас.

Для Джейка это путешествие начинается за несколько часов до пробуждения от криогенного сна, когда ему приходят видения о полетах над лесными просторами Пандоры. Мы слышим его шепот: «Я свободен». Смысл его слов становится понятнее позднее, когда мы узнаём, что Джейк — бывший морской пехотинец, ныне прикованный к инвалидной коляске, потому что ему не по карману операция, необходимая для лечения травмированного позвоночника.

Открыв глаза, он отмечает: «В криокапсуле сны не снятся». Таким образом с самого начала фильма мы знаем, что Джейк особенный. Даже из криогенного сна его дух связался с живым лесом, покрывающим этот странный спутник. Пандора вторглась в его подсознание, пробудила и освободила спавшую часть его личности. Во сне более глубоко, чем криогенная заморозка, Джейк связался с обширным разумом Богини-Матери, великого духа Эйвы.

Оказавшись на чужой планете, Джейк работает на добывающую компанию, которая пытается убедить местных жителей переселиться, чтобы можно было без кровопролития получить доступ к богатым залежам анобтаниума под их деревней. Они действуют необычными методами: намереваются внедрить в ряды пандорских аборигенов дистанционно управляемые тела, созданные при помощи генной инженерии похожими на гигантских на'ви — местных обитателей. Эти огромные голубые тела подсоединены к нервной системе людей-операторов, управляющих ими на расстоянии. Сознание человека может подключаться к телу на'ви, поскольку для создания этих тел ДНК на'ви смешали с человеческой, и стоило это безумных денег. Это значит, что каждое тело на'ви специфично и связано с конкретным оператором.

Джейк прибыл на Пандору, чтобы стать оператором одного из таких тел. Он выступает генетической заменой своего брата-близнеца Томми, убитого прежде, чем его успели подключить к телу на'ви.

Впервые увидев на'вийское тело Томми, Джейк лишается дара речи. Гуманоидное тело огромно, около трех метров в длину. Оно похоже на величественного ангела, мифическое существо, спящее в глубине предначальных вод. Оно плавает в наполненном ярко-голубой жидкостью аминобаке, от живота вверх тянется пуповина. Оно готово родиться.

Лицо спящего завораживает Джейка. Он с удивлением замечает: «Он похож на Томми». Другой оператор, Норм, поправляет Джейка: «Нет, он похож на тебя. Теперь это твой аватар, Джейк». Джейк оказывается лицом к лицу со своим колоссальным двойником.

Так начинается путь Джейка к психологическому и духовному слиянию с его Аватаром, который в фильме станет его истинной сущностью, его «Голубым ангелом». Эта история о слиянии человеческой сущности с ангельским двойником отсылает нас к гностику II века по имени Валентин, сделавшему слияние с божественным двойником отличительной чертой предания о непреодолимом влечении к божественной целостности.

Почти-Папа Валентин

В начале II века Валентину, родившемуся в дельте Нила и жившему в Александрии, явилось видение, переменившее всю его жизнь (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.42.2). Ему привиделся новорожденный мальчик. «Кто ты?» — спросил Валентин видение. Чудесным образом младенец раскрыл уста и сообщил, как Гермес в герметических книгах: «Я есмь Разум».

Согласно Валентину, их беседа продолжилась. Опять же подобно супергерою Гермесу в герметических откровениях, младенец обрисовал Валентину метафизику человеческого существования. Но в основе этого рассказа лежала трагическая история любви первородной, предначальной божественной пары — непознаваемого Отца и безмолвной Матери, от чьей любви родились божества, населившие трансцендентное царство.

Все шло хорошо до рождения одного из божеств — Софии. Поскольку София — богиня мудрости, она сделала то, что было для нее естественно: попыталась познать Отца. Но это невозможно, ведь природа Отца непознаваема, и Он пребывает в объятиях безмолвной Матери.

Итак, София оказалась в трудном положении. Познать Отца она не могла, но, будучи Мудростью, не могла и прекратить попытки. Поэтому она ужасно страдала, постоянно стремясь к недостижимому. Ее охватила тревожность. Она заливалась слезами ужаса и сожаления. Ее любовь к Отцу разлилась.

В валентинианском понимании этого предания бедственное положение Софии сравнимо с положением женщины с кровотечением из евангельского предания. Женщина в данном случае олицетворяет кровопотерю божественного духа. Выплеснувшиеся эмоции Софии — страсть, желание, страх, тревога, угрызения совести — стали кирпичиками, из которых сложились психическое и материальное измерения вселенной. Ее любовь к Богу стала людским духом, заключенным в плену Психе и тела.

Трагедия этой истории заключается не в падении духа и его смешении с психическим и материальным измерениями действительности, как можно было бы ожидать. Трагедия состоит в неизбежности этого разлада, когда непознаваемость природы Бога приводит к нескончаемому экзистенциальному вреду. Мы такие ломаные не потому, что совершили нечто ужасное, а потому что Бог такой же — ломаный.

В момент прозрения Валентин осознал всю трудность бытия, к которой традиционная философия и религия не знала, как подступить. Если боль и ломанность лежат в основе нашей сути и сути мира, в котором мы обитаем, то что тут вообще можно исцелить? Как преодолеть тревожность и страх, определяющие структуру самых основ нашего бытия и мира?

Мы не знаем, сколько времени Валентин обдумывал это трудное положение, но в какой-то момент он повстречался с Февдой, христианским проповедником, утверждавшим, что был учеником апостола Павла. Именно изучая сочинения Павла, Валентин нашел ответ на свой неразрешимый вопрос бытия. Он первым выразил то, что века спустя станет общим криком христиан-протестантов: если боль и ломанность лежат в основе нашей сути, то одними лишь нашими стараниями быть набожными, праведными, лишенными страстей или какими угодно еще ничего не исцелить. Для искупления требуется милость Божья и только она («Трехчастный трактат» ННС I.5 51.4–5; «Объяснение знания» ННС XI.1 12.25–30, 15.24–16.26). Бог должен посетить людское сердце (Валентин, фраг. 2 (Климент Александрийский, «Строматы» 2.114.3–6)).

Валентин — возможный автор «Евангелия Истины», сохранившегося в собрании Наг-Хаммади (Ириней Лионский, «Против ересей» 3.11.9; Псевдо-Тертуллиан, «Об отводе возражений еретиков» 4.6). Оно начинается следующими словами: «Евангелие Истины — это радость для тех, кто получил милость от Отца Истины, — узнать Его» («Евангелие истины» ННС I.3 16.31–34). С точки зрения Валентина это звучит невероятно иронично: когда Бог, по природе своей благой и милостивый, по доброте и милости своей стремится спасти нас, Он в конечном итоге спасает самого себя («Евангелие Истины» ННС I.3 35.15–24).

Валентин быстро получил признание как блестящий богослов и привлек в свою школу выдающихся учеников — сначала в Александрии, а десятилетие спустя и в Риме, куда он перебрался около 140 г. (Thomassen 2006; Dunderberg 2008). В Риме он включился в дела Церкви и приобрел славу талантливого интеллектуала, умелого в толковании писания. Он достиг больших успехов в богословии и ожидал,

что его изберут следующим епископом Рима. Однако другого человека, Пия, избрали Папой, и Валентин воспринял поражение как намек на несогласие с его представлениями о христианстве, основанном на милости и благодати Божьей. Поэтому Валентин с учениками отделились от зарождающейся апостольско-католической церкви и реорганизовались как христианское протестантское движение на базе гностической духовности.

Двойственная церковь

Почти-Папа Валентин стал патриархом гностического христианства и способствовал его расширению, обучая несравненных богословов, основывавших конгрегации, одновременно подражавшие католическим церквям и подрывавшие их своим превосходством. Так выходило, потому что валентиниане брали католические писания, молитвы и ритуалы, но толковали и изменяли их так, чтобы они отвечали их гностической духовной повестке (ср. Иринеи Лионский, «Против ересей» 3.15.2; Тертуллиан, «Против валентиниан» 1). Не всегда было очевидно, что та или иная церковь на самом деле валентинианская, по крайней мере на первый взгляд. Церковная служба включала регулярно проводимые католические ритуалы, молитвы и исповеди. За счет этого они привлекали апостольских католиков из местных церквей.

Такие прихожане могли не понимать, что церковь гностическая, пока не проявляли интереса к более высоким духовным материям, к познанию тайн царствия Божьего, раскрыть которые обещал глава церкви. Только тогда они собирались малым кругом для посвящения в неизреченное таинство Бога, сперва изучая катехизис о трансцендентном Боге и трансцендентном царстве, именуемом Полнотой, а затем проходя второе крещение, именуемое Искуплением (Иринеи Лионский, «Против ересей» 3.15.2; Ориген, «Толкование на Ин. 6:26»; см. Thomassen 2011).

Хотя существовало столько же вариаций этого ритуала, сколько валентинианских лидеров, это в любом случае был экстатический опыт, включавший обряды с использованием воды и елея. В отличие от крещения, проводимого психическими (душевыми) христианами для очищения души при первичном обращении в христианство, такое второе крещение являлось продвинутым обрядом, приносившим полное и немедленное искупление духу, делавшим посвященных пневматическими (духовными) христианами. Первое крещение отождествляется с тем, что производил Иоанн Креститель в водах Иордана; второе же отождествляется с огненным крещением Иисуса. Крещение Христово, считали валентиниане, возносит посвящаемых на небеса,

где они сядут по правую и по левую руку от Бога, как того желали сыновья Заведеевы, хотя и не смогли получить желаемого (Лк. 12:50 и Мк. 10:38, цит. У Иринея Лионского, «Против ересей» 1.21.2; см. тж. «Валентинианское учение» ННС XI.2 41.10–11, 21–23).

Одна из частей обряда – вознесение духа посвящаемого через сферы в трансцендентное царство. Это шаманское путешествие, в ходе которого дух взрослеет, вырастает из семени в ангела («Валентинианское учение» ННС XI.2 42.28–30). Кульминацией вознесения становится священный союз с Богом, представленный как обручение духа с ангельским партнером. В этом путешествии дух возрождается, войдя в трансцендентную силу, что превыше всего (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.21.2, 3.15.2; «Евангелие от Филиппа» ННС II.3 69.7–8, 70.2–10).

Восхищение Павла, описанное в его 2-м послании к коринфянам (12:2–4), служило для этих обрядов и вдохновением, и опорой, как показывает валентинианский «Апокалипсис Павла» (ННС V.2 18.3–24.7). Согласно этому тексту, Павел возносится постепенно, проходя через различные уровни небес и встречаясь с правителями каждого из царств. На четвертом небе он видит душу, которую волочет темный владыка-судья, за совершенные грехи приговаривающий ее к побиванию кнутом. После этого душу низвергают в уготованное ей тело. На пятом небе Павел видит вооруженных ангелов с железными палками и кнутами в руках, гонящих души на суд. Он достигает шестого неба и встает перед его темным хранителем. Павел требует, чтобы открыли врата, ведущие на следующий уровень, и его требование исполняется.

На седьмом небе Павел встречается с традиционным Богом иудеев и христиан, Ветхим днями, как Он изображен в книге пророка Даниила, восседающим на престоле, сияющем ярче солнца (Дан. 7:9). После ритуального обмена репликами и демонстрации могущественного знака библейский Господь обращает взор свой вниз, на свое творение и подчиненных, от которых Павел ускользнул. Поскольку и он не может удержать Павла, открываются врата в Огдоадическую область, божественный мир, и Павел присоединяется к обитающим там духам. Здесь некоторым образом ставится вопрос о состоятельности апостольского католицизма, если двенадцать апостолов остаются с библейским Господом в его царстве, тогда как Павел ускользает к верховному Богу.

Как именно проводилась эта искупительная церемония инициации? Судя по разрозненным упоминаниям обряда, начинался он с подготовки, в рамках которой посвящаемые укладывались на особое ложе, именуемое «брачным чертогом» (Ириней Лионский, «Против ере-

сей» 1.21.3). Сколько времени они лежали там в молчании, неизвестно. Но пока человек готовился, глава конгрегации произносил слова единения: «Во имя неведомого Отца вселенной, в Истине, Матери всего, в сошедшем на Иисуса, (да пребудет с тобой) союз, искупление и единение с Силами» (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.21.3; перевод мой).

Посвящаемых помазывали смесью воды и елея, «помазанием благодати» («Евангелие Истины» ННС I.3 36.14–20), в то время как глава читал вторую молитву на иврите. Хотя у Ириней слова сильно искажены, можно разобрать, что молитва призывала Незримый Дух, прося о защите от YHWH, Бога-судьи, и его воинства. Молящийся вызывает к тайному имени Иисуса (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.21.3). После этого посвящаемые отправляются в экстатическое путешествие через небесные царства, пролетая мимо судейского престола YHWH. Благодаря шлему-невидимке Аида дух посвящаемых невидим для YHWH и его воинов (1.13.6). Посвящаемых подхватывает София и проводит в трансцендентное царство, где они соединяются с Богом и достигают полноты.

В одном из валентинианских текстов обряд искупления описывается, как постепенное, пошаговое вознесение к божественной Полноте, погружение в безмолвие, где нет нужды ни в голове, ни в знании, ни в мысли, ни в просвещении, поскольку всё и так уже Свет («Трехчастный трактат» ННС I.5 124.14–25). В некоторых валентинианских группах искупление проводилось повторно в момент смерти вместо таинства соборования. На конец жизни приберегали слова, несущие окончательное поражение YHWH, и шептали их на ухо умирающему, чья душа предстала перед судом.

В валентинианское сообщество новопосвященные, вероятно, входили в ранге духовных христиан или пневматиков, оставляя за спиной прежний статус католиков — психиков или душевных христиан. Пневматики считали себя настоящими христианами, а психиков — еще евреями, по-прежнему цепляющимися за иудейского Бога. Психики рассматривались как потенциальные обращенные, еще не получившие искупления («Евангелие от Филиппа» ННС II.3 51.29–31, 52.21–25).

Читая в церкви молитву «Во имя Отца и Сына», посвященные пневматики понимали, что обращают ее к трансцендентным Отцу и Сыну, а не к YHWH и его сыну, как считали из собратья — душевные христиане, произнося ту же молитву. Для пневматиков тайное духовное значение заменяло общепризнанное душевное (53.24–54.5).

Такая двойственность идеи освещается в «Евангелии от Филиппа» (53.24–35), где говорится, что имена обманчивы, поскольку могут

скрывать истину о предмете. Слыша слово «Бог», психики обманываются, думая, что оно отсылает к библейскому Богу, тогда как на деле оно отсылает к Богу трансцендентному. То же касается слов «Отец», «Сын», «Святой Дух», «жизнь», «воскресение» и «церковь». Воспринять истинное значение этих слов прихожане могут, лишь познав, что есть истинно.

На протяжении нескольких десятилетий валентинианские церкви действовали на описанных двух уровнях. В них предлагали религиозное наставничество и душевным христианам, перешедшим к ним из апостольско-католических церквей, и духовным, которых посвящали в свои тайны и мистерии. Целью было обратить как можно больше психиков из числа участников конгрегаций в пневматиков, чтобы как можно больше духов получили искупление.

Валентиниане полагали свою систему более продвинутой в сравнении с католической, стремившейся спасти только лишь душу. Кроме того, у посвящения в более высокий ранг имелись и вполне конкретные преимущества — например, секс, запретный для психиков в отличие от пневматиков.

Тропа любви

Валентин был дамским угодником. В этом отношении он уникален среди христиан своей эпохи, по большей части живших в целомудренном браке или соблюдавших целибат. Ранние христиане с подозрением относились ко всему эротическому и сексуальному, поскольку оно легко приводит к греху. Если не держать себя в узде, считали они, желание и похоть могут взять верх и довести их до прелюбодеяния и иной катастрофы. К этим подозрениям добавлялась совершенно реальная вероятность, что со дня на день наступит конец света. Такая апокалиптическая лихорадка негативно сказывалась на брачной жизни, которая непременно оборвется в один миг. Продолжение рода, а с ним и брак, многим христианам виделись необязательными в престарелом мире.

Валентин не купился на эту христианскую риторику: он считал брак основой, тем, что делает нас целыми. Брак предначален и вечен, поскольку это не только установленный людьми институт, но сакральное таинство, экзистенциальные взаимоотношения, в которых Бог существует бок о бок с нами. Валентинианский Бог — это сизигос (вечная пара), божественные муж и жена, диада, являющаяся монадой. Их связывают эротические, продуктивные отношения, благодаря которым появились и существуют и трансцендентное царство, и мироздание.

Первоначальное предание начинается с Отца-Глубины, вступающего в связь с Матерью-Безмолвием. От их брака рождаются божественные близнецы Разум и Истина, еще одна супружеская пара. Божественные пары продолжают плодиться, пока не рождается в общей сложности тридцать божеств или эонов. С точки зрения валентиниан священный брак, включая его эротическую и репродуктивную составляющую, является источником существования всего на земле и на небе. Нет таинства более великого, чем брак.

Однако причиной раскола также становится священный брак. Когда священный брак разрушается, когда София оказывается неспособна поддерживать супружеские взаимоотношения из-за своей одержимости Отцом, всё выходит из-под контроля. Из-за разрыва супругов Бог раскалывается, и Его мощный эмоциональный отклик отпечатывается на наших сердцах. Травмированную Софию низвергают из рая, и ее необузданные эмоции — желание, тревога, страх, неведение, раскаяние — отделяются от трансцендентного мира. Они становятся материалом, из которого строится физический мир, в том числе человеческая Психе.

Наш дух родился из любви Софии к Богу, какой бы бестолковой та ни была. От этой же любви родился сонм ангелов-хранителей, близнецов наших духов. Поскольку любовь Софии не супружеская, наш дух существует в одиночестве, в разлуке со своим аватаром, нареченным ангелом-хранителем. В таком расколотом состоянии дух страдает от насилия, зараженный демонами, искажающими душу и погружающими нас в сон.

Все это показано в предании об Адаме и Еве. Мы чувствуем себя нагими и напуганными, потому что разлучены с ангельскими двойниками, со своими женихами. Подобно Еве нас вырезали из бока Адама. Мы двое, жаждущие быть одним.

Ответ на эту ужасающую дилемму предполагает исправление брака на всех уровнях бытия, от человеческого до трансцендентного. После травмы Софии божества в трансцендентном царстве возобновляют супружеские сношения друг с другом. В ознаменование возобновления своих клятв они совместно порождают новое божество, отражающее все лучшее, что есть в Боге. Это новое мужское божество Иисус.

Задача Иисуса — спуститься в низшие царства и отыскать падшую Софию. Она должна стать его нареченной. В конце времен ему предстоит сопроводить ее обратно в трансцендентное царство в качестве своей невесты. Аналогичным образом каждый искупленный дух соединится со своим ангельским женихом, божественным аватаром, ждущим его в трансцендентном мире.

Валентинианский проповедник Феодот описал свое видение этого великого заключительного события, завершающегося свадебным пиром. После пира жених и невеста раздеваются и обнаженными воссоединяются на брачном ложе. Они становятся единым сизигосом, навечно соединяясь в миг консумации (Климент Александрийский, «Извлечения из Феодота» 63.1–65.2).

Людской брак — отражение этого священного предания о разладе и примирении. По мнению валентиниан, брак, в котором секс низводится до гедонизма, заканчивается отдалением и искажением. Гедонистический секс ведет лишь к проблемам, особенно потому, что зачатие ребенка всегда возможно. У людей древности не было никаких надежных способов контроля рождаемости, помимо воздержания и аборта. Поэтому секс означал зачатие. А зачатие, как они верили, тесно связано с мыслями и чувствами родителей в момент полового акта. Поскольку мысли и чувства родителей непосредственно влияют на формирование тела и души плода, люди того времени считали, что похотливые желания могут нанести серьезный вред ребенку.

Для решения этой проблемы валентиниане предлагали христианам-пневматикам вступать в «священный» или «чистый» брак. Существовали определенные параметры такого типа брака. Для начала он был гетеросексуальным и моногамным. Внебрачные связи строго запрещались. Священный брак означал, что секс происходил между супругами намеренно, как акт любви. Половой акт был священным моментом, в который пара возносится мыслями в молитве к трансцендентному Богу.

Такая намеренная сакрализация делала этот момент трансцендентным. Валентиниане верили, что в этот момент ангельские аватары любовников притягиваются из трансцендентного царства, чтобы слиться в эротических объятиях. Человеческое соединяется с человеческим, тогда как свет смешивается с духом. Дети, зачатые в подобных священных объятиях духа и ангелов, наверняка родятся с сильным духом, готовым принять гностическое послание («Евангелие от Филиппа» ННС II.3 78.12–79.14).

Поскольку христиане-психики не были посвящены в истину о браке, валентиниане считали, что им лучше вообще воздерживаться от секса, соблюдая абсолютный целибат хоть в браке, хоть оставаясь одинокими. Некоторым душевным христианам, как Иринею Лионскому, такой подход казался двойным стандартом и не слишком нравился.

Христиане-пневматики, однако, настаивали, чтобы эти стандарты соблюдались независимо от того, двойные они или нет, поскольку последствия секса слишком масштабны. Секс — явление экзистенциальное, его творящая сила подчеркивает все бытие. Когда секс вы-

ходит за очерченные границы, намерения направлены неверно или возникает неуместное желание, брак разрушается, а акт творения идет неправильно.

Относиться к браку, как к таинству, а к сексу — как к священной творящей деятельности, задача христиан-пневматиков. Только их эротическое совокупление может исправить поврежденное бытие через зачатие и рождение детей с сильным духом. Именно рождение таких детей вводило в игру дух. Скрытый в глубине детской Психе дух можно пробудить и искупить, ритуально преобразить из крошечного семени в полноценное божество.

В конце времен таких полностью оперившихся духов, как и Софию, ангельские женихи сопровождают в трансцендентное царство, мир Полноты, который распахнется перед новобрачными, как огромный брачный чертог. Таким образом, спасение достигается через восстановление Бога посредством брака, через путешествие (или лучше сказать «восхождение») по тропе любви.

Птолемей пишет Флоре

После смерти Валентина около 162 г. н. э. в Риме приобрел влияние его блестящий ученик Птолемей (см. Rasimus 2010, 145–72). Хотя о Птолемеи как человеке нам известно мало, мы тем не менее знаем, что он возглавлял валентинианскую конгрегацию, стремившуюся посвятить христиан-психиков в духовные тайны Бога. Известно об этом потому, что в IV веке епископ Епифаний Кипрский приводит в своем труде письмо, написанное Птолемеи состоятельной христианке Флоре. В этом письме Птолемей рассматривает возникшие у нее вопросы относительно библейского Бога и побуждает ее пройти посвящение в ранг пневматика, что, как он говорит, позволит посадить ее духовное семя в плодородную почву (Епифаний Кипрский, «Панарион» 33.3.1–7.10).

Вопрос, в наибольшей степени разделявший душевных и духовных христиан, касался личности и природы библейского Бога-творца. Христиане-психики в валентинианских церквях, как и их апостольско-католические братья и сестры, отождествляли верховного Бога с библейским Богом YHWH, Творцом и владыкой вселенной. Они верили, что Он дал людям определенные заповеди, чтобы привить праведность, и ожидал их соблюдения. Эти законы записаны в пятикнижии Моисея, Торе. Поклонение YHWH и соблюдение Его заповедей сохраняло связь христианства с иудаизмом. Этой связи придавалось большое значение, поскольку христиане много десятков лет доказывали, что в иудейских писаниях был предсказан приход Иисуса. Эта

связь придавала их религии хотя бы видимость естественной истории, а заодно традицию, имевшую кое-какой авторитет.

Однако христианские гностики вроде Птолемея находили вопрос куда более сложным, чем апостольские католики. Будучи заядлыми читателями четвертого Евангелия, валентиниане задавались вопросом, может ли Отец, явленный Иисусом в христианских писаниях, Бог милосердия и добра, быть жестоким, надменным Богом, описанным в иудейском писании. Они стали различать УНВН и Отца Иисуса. В этом они видели духовную истину, побивающую все остальные.

Итак, в начале пневматического катехизиса раскрывалось, что верховный Бог превосходит УНВН. Этот верховный Бог — единственный благой Бог (Мф. 19:17), которого Иисус называет Своим Отцом, и это не библейский Бог-творец (Епифаний Кипрский, «Панарион» 33.7.5). Это нерожденный Отец, чье бытие и форму невозможно постичь. Его не описать словом, не узреть глазом, не ощутить телом, ибо величие Его неисповедимо, глубина непостижима, высота неизмерима, а воля безгранична. Он превосходит всякую мудрость, ум, славу, красоту, сладость и величие. Он просто непознаваем ни для кого, кроме себя самого («Трехчастный трактат» ННС I.5 54.13–26). Хотя о Нем говорят в мужском роде, Он превосходит род. На самом деле это не «Он», а «Он-Она», Бог-Отец-Мать.

Шокирующая истина

Для новообращенного подобное учение первоначально становилось шоком, поскольку противоречило всему, что он полагал истиной до того. То, как Птолемей отвечает на вопросы Флоры, указывает на ее внутренний конфликт по поводу этого учения. Новый взгляд на реальность выбивает ее из колеи.

Если это правда, то что насчет Библии и заповедей, которым ее, как христианку, учили следовать? Она чувствует, что Писание умножило смысл в ее жизни, в особенности десять заповедей, которые христиане, подобные ей, вычленили как моральную основу Торы, отбросив все прочие законы. В свете новой направленности она с трудом понимает, откуда на самом деле взялась Тора и в чем ее истинная цель.

Птолемей отвечает осторожно, со множеством нюансов. Он не хочет отпугнуть Флору от инициации и потому не хочет сразу представлять УНВН дьяволом, как делают многие другие проповедники-гностики. Вместо того, чтобы подчеркивать высокомерие и жестокость УНВН, его иррациональность и капризность, он сосредотачивается на праведности УНВН. Он сглаживает острые углы, говоря Флоре,

что YHWH — это Бог, действующий через внедрение законов, которые он установил для управления своим творением. Пусть он и Бог низшего порядка, он все же справедливый владыка. Это Бог справедливости, чья природа лежит где-то между добротой трансцендентного Отца и злом дьявола (Епифаний Кипрский, «Панарион» 33.7.2–5). С этой позиции Птолемей может вдумчиво разобрать все, что беспокоит Флору относительно Торы, прекрасно понимая, что десять заповедей из иудейского писания стали фундаментом ее веры. Он просит Флору оставить библейский буквализм и взвесить возможные источники, ведь одни законы имеют более моральное значение, чем другие. Хотя десять заповедей — хорошие законы, остальные не так хороши, особенно когда требуют воздаяния, прямо противоречащего десяти заповедям. К примеру, если в Исх. 20:13 заповедано не убивать, не следует карать за убийство преданием виновного смерти, как предписывает Лев. 24:17. По мнению Птолемея, ничто не оправдывает смертную казнь.

Подобная нестыковка в законах из пятикнижия Моисеева, говорит Птолемей, наводит на мысль, что десять заповедей были внесены в книгу другим законодателем. Поскольку YHWH — Бог справедливый, ему принадлежит лучшая часть законов. Но все остальное, то есть большую часть законов, написали люди.

Здесь Птолемей указывает пальцем на Моисея и иудейских старейшин, чьи законы, по его мнению, часто идут вразрез с лучшими намерениями YHWH. В подтверждение своих слов он ссылается на знаменитый спор Иисуса о разводе (Мф. 19:6–8). Иисус говорит, что законом разрешил развод Моисей, тогда как YHWH никогда не имел подобного в виду (Епифаний Кипрский, «Панарион» 33.4.1–10).

Птолемей понимает, что Флоре от всех этих новостей не по себе, ведь вся ее метафизическая направленность только что перевернулась с ног на голову. Не этого ожидала душевная христианка Флора, когда решила открыть духовные тайны Бога с Птолемеем.

Птолемей просит Флору успокоиться и постараться обдумать все это. Когда она сможет принять, что YHWH — низший Бог по отношению к совершенному Отцу, он обещает открыть ей следующее учение катехизиса, касающееся распределения Отца в духовном, душевном и материальном измерениях бытия. Но он заверяет, что это откровение подождет, пока она не будет готова.

Великая цепь бытия

Валентиниане совершенно ясно говорили о том, что мир наш состоит из трех измерений и каждое из них возникло в результате

эмоционального разрыва, произошедшего, когда Отец развернулся в великую цепь бытия. Все те негативные эмоции, что испытала София, отделившись от Отца, стали материалом, из которого сложился физический мир и наши тела. Это вещество называют «земным». Это материя. Душевное вещество происходит от угрызений совести Софии, раскаяния по поводу собственного дурного поведения. Из него состоит человеческая Психе, из него же родились УНВН и подобные ему сущности. Любовь Софии к Богу и радость, которую она испытывает, впервые увидев Иисуса, своего нареченного, образуют вещество духа, третье измерение.

Эти три измерения отражают бытие на всех мыслимых уровнях. С точки зрения мироздания, существует материальное царство — земля. Царство душ — небо или небесные сферы. Трансцендентное царство принадлежит духу. Однако три измерения взаимопроникают друг в друга: дух прорвался в небесное и земное царства; психическое вещество воплотилось в материи.

На личном уровне человеческое существо становится естественным вместилищем всех трех измерений. Дух — это глубинная, интуитивная сущность, неосознанная и несведущая до пробуждения. Душа — пребывающее в заблуждении эго, несущее в себе рациональный, моральный и эмоциональный аспекты. Наконец, есть материя физического тела, которое, собственно говоря, материально.

Религиозный отклик человека также определяется этими тремя измерениями. Тут мы оказываемся на социальном уровне. Гностический отклик делает человека пневматическим (духовным) христианином. Апостольско-католический отклик делает человека психическим (душевым) христианином. Отрицание же христианства низводит человека в гилическую (материальную) категорию.

Каждую из этих социальных категорий валентиниане соотносили с одним из упомянутых в книге Бытия сыновей Адама. Сиф, безгрешное дитя, символизировал пневматиков. Авель, праведный сын, представлял психиков. Каин, безнравственный сын, обозначал гиликов (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.7.5).

С учетом этой типологии нетрудно догадаться, что валентиниане задумались, не предначертана ли природа отдельных индивидов, не скроены ли те или иные люди с самого начала так, что их социальная категория предопределена. Валентиниане исходили из предположения, что от природы все люди вмещают все три аспекта, однако социальную классификацию человека определяет состояние его души. Если человек морально тверд и обратился к апостольско-католическому христианству, ему подходит психическая категория. Если стал гностиком или продвинутым христианином, подойдет пневматическая

категория. Если же человек безнравственен и отвергает христианские идеи, ему подходит гилическая категория.

Ираклеон и самарянка у колодца

Итак, вопрос заключался не в том, что у одних людей есть дух, а у других только душа. Подобное показалось бы валентинианам абсурдом. Вопрос заключался в том, может ли душа родиться настолько испорченной, что ей не останется ничего, кроме безнравственности, черствости и отрицания Христа. И, соответственно, может ли душа родиться настолько чистой, что ей не останется ничего, кроме нравственности, отзывчивости и принятия Христа.

Больше всех обсуждением этой темы занимался Ираклеон, еще один блестящий ученик Валентина (см. Thomassen 2010). Как и Птолемей, Ираклеон проповедовал в Риме сразу после смерти Валентина. История сохранила для нас фрагменты одного из его сочинений, а может быть, и двух.

Первый источник — отрывки из его знаменитого толкования четвертого Евангелия, обильно цитируемого апостольско-католическим церковным лидером Оригеном Александрийским. Вторым является длинное неозаглавленное анонимное сочинение, обнаруженное в числе книг из Наг-Хаммади. Его называли «Трехчастным трактатом», поскольку оно разделено на три основные части или акта. Содержание этого сочинения имеет достаточно выраженных сходств с толкованием Ираклеона к Иоанну, чтобы счесть его авторство «Трехчастного трактата» вероятным.

В своем толковании к четвертому Евангелию Ираклеон трактует эпизод с самарянкой у колодца (Ин. 4:5–42) как образец прямого обращения в валентинианскую веру. Эта история из числа евангельских весьма известна. В ней самарянка беседует с Иисусом у колодца. В разговоре Иисус рассказывает ей о живой воде, которая есть дар Божий тем, кто попросит о нем. Она тотчас принимает предложенное, желая положить конец своей вечной жажде.

Далее они обсуждают ее многочисленные замужества, ее неверное понимание Бога и неправильное Ему поклонение. Все это меняется для нее, стоит лишь принять от Иисуса дар благодати, воды жизни вечной. В Ин. 4:21–24 самарянка тотчас же понимает, что истинный Отец — Бог, которому не нужно поклоняться в образе каменного или деревянного идола и который не тождественен Богу иудеев и его Храму (Ориген, «Толкование к Евангелию от Иоанна» 13.97, 102, 104, 117–118). Истинный Бог, достойный поклонения, чист и незрим. Это-

му Богу следует поклоняться духом, а не при помощи материальных предметов или в конкретных местах (13.147–148).

Ираклеону очевидно, что у колодца самарянка стала пневматиком, духовным человеком. Здесь он имеет в виду социальную категорию пневматиков, которую определяет и в «Толковании», и в «Трехчастном трактате» как тип человека, сразу же, без колебаний становящегося продвинутым христианским гностиком, едва услышав голос Иисуса. Самарянка не становится сначала апостольской католичкой (Ориген, «Толкование к Евангелию от Иоанна» 13.57–66; «Трехчастный трактат» ННС I.5 118.29–35). Обращение самарянки означает, что она оставляет воду старого колодца, символизирующего старый мир преходящего и бренного. Она покидает источник, питающий скот Иакова. Когда она принимает воду жизни и славы, дар благодати, отмеренный в ее ведро Иисусом-Спасителем, она отбрасывает свою прежнюю жизнь, полную разврата и страстей (Ориген, «Толкование к Евангелию от Иоанна» 13.57–60, 149, 187–191).

Согласно Ираклеону, когда женщина принимает эту истину, Иисус говорит ей пойти позвать мужа своего, имея в виду не человеческого мужа, которого у нее нет, но ангельского жениха, обитающего в мире трансцендентной полноты. Тем самым Иисус приводит ее к союзу с божественным аватаром и искуплению (13.67–72). Теперь ее задача — выступить представителем пневматиков и обратить как можно больше людей в продвинутую гностическую веру.

Католики посередине

Обращение в апостольско-католическое христианство, по мнению Ираклеона, представлено в предании о царедворце, чьего умирающего сына Иисус исцелил на расстоянии, как записано в Ин. 4:46–54 (Ориген, «Толкование к Евангелию от Иоанна» 13.416–426). В понимании Ираклеона упомянутый в этой истории царедворец, базиликос («царек»), олицетворяет YHWH, творца и царя мира и Отца людских душ. «Больной сын» YHWH представляет собой душу необращенного человека. Душа тяжело больна, поскольку глубоко погрязла в «Капернауме», что в понимании Ираклеона есть материя, неведение и грех. Иисус пришел в мир, чтобы исцелить сына царедворца и даровать ему жизнь. Согласно представлению Ираклеона это означает, что мальчик обратился в апостольско-католическое христианство.

Ираклеон не считает, что душа новообращенного становится бессмертной в силу самого факта обращения в христианство. Напротив, по мнению Ираклеона душа смертна и в конце времен останется во тьме за пределами божественной полноты. При обращении такого

типа Иисус исцеляет душу от грехов и дарует ей прощение. Это означает, что при обращении в апостольско-католическое христианство душа очищается. Душа не делается бессмертной, но после ее очищения появляется шанс на пробуждение бессмертного духа, что однажды позволит человеку пройти второе крещение в валентинианской церемонии искупления. Именно тогда смерть поглощает смертную душу и наступает время бессмертия. Ираклеон отмечает, что процесс обращения, включающий сначала апостольско-католическое, а затем пневматическое обращение, длителен и требует знамений, чудес и долгих убеждений.

Языческие дьяволы

Последний тип реакции, отмеченный у Ираклеона, — полное отрицание Христа. Здесь речь идет о нехристианах, язычниках и иудеях, не желающих обращаться. Таких людей Ираклеон называет земными или материальными. Упоминание о них он находит в буквальном прочтении Ин. 8:44, стиха, подробно рассмотренного в главе 5, где обсуждалась гностическая предрасположенность Евангелия от Иоанна (Ориген, «Толкование к Евангелию от Иоанна» 20.168–170, 211–219).

В первоначальном греческом варианте Ин. 8:44 автор Евангелия обращается к неверующим-иудеям: «Вы от отца дьявола». Согласно Ираклеону, упоминание отца дьявола относится к YHWH, Творцу и владыке мира. Ираклеон считает, что некоторые люди были сотворены из той же материи, из того же вещества, что YHWH использовал при создании дьявола. Это делает их буквальными биологическими родичами дьявола.

Через подобное прочтение стиха Ираклеон пытается примириться с существованием людей, которых христиане называли апостатами (изменниками). Это люди, не просто отказавшиеся от обращения, но поднявшие мятеж, сначала вступившие в ряды христиан, а после покинувшие их.

Что же насчет людей, которые не были апостатами, но все же не хотели принимать христианство, желая и дальше придерживаться своих языческих или иудейских воззрений? Ираклеон указывает на вторую половину того же стиха: «вы хотите исполнять похоти отца вашего». Ираклеон считает, что эта часть стиха относится к тем, кто отказывается от обращения, кто предпочел подчинить свои намерения и действия злу. Они позволили своим душам по сути уподобиться дьяволу — лжецу, как и его отец. Они рассматриваются как приемные дети дьявола, поскольку их души целенаправленно погрязают

в распутстве и невоздержанности, что делает их будущее обращение сомнительным.

Валентиниане не были непоколебимыми детерминистами, как считали некоторые христиане из числа апостольских католиков, например, епископ Иринеи Лионский. Как видим, в валентинианской схеме большая часть населения разделяется на три социальные категории, отражающие их отклик на идеи Иисуса. Гностический отклик делал их пневматиками. Обращение в апостольское католичество делало их психиками. Отказ от обращения определял гиликов. Исключениями из этого правила являлись люди с «крайним» статусом — что учителя-пророки, как Иисус, что мятежники-изменники, как Иуда. Их сотворение было исключительным, будь то из божественной материи или из демонической, что по сути делало их идентичными Богу или дьяволу и его отцу.

Видения и звуки истины

Одна из наиболее ярких личностей раннего христианства — валентинианин Марк (Иринеи Лионский, «Против ересей» 1.13–20; см. Förster 1999). Его расцвет пришелся на годы сразу после смерти Валентина, главным образом в Малой Азии, на побережье современной Турции. К 180 году Марк обосновался неподалеку от епископа Иринея — в долине Роны, чуть севернее Италии, вероятно, потому, что Галлия стала новым благодатным центром для обращения в христианство.

Свою церковь Марк построил на базе психологического принципа, который лишь недавно заново открыли лидеры современных мегацерквей: когда дело касается церкви, забудь о вероисповеданиях. Люди хотят драмы и эмоций. Хотят признания их ломаности. Хотят исцеления. Хотят, чтобы их подхватили на руки, обещая лучшее будущее. И Марк давал им все это и даже больше.

Как и в случае Валентина, миссия Марка началась с его собственного видения, с мистического момента, когда Безмолвие — богиня-первоматерь — обрела форму и низошла к нему (Иринеи Лионский, «Против ересей» 1.13–20). Поскольку мужская форма Безмолвия невыносима, она предстала перед Марком в образе прекрасной женщины-ангела. Двойственность ее пола указывает на тот факт, что Марк воспринимает первобожество как серию божеств-гермафродитов, способных менять пол по желанию.

Безмолвие открывает Марку, как появилась на свет, когда Первобог впервые произнес тридцать отдельных букв. Эти тридцать букв становятся тридцатью божествами, по вере валентиниан насе-

ляющими трансцендентное царство Полноты, по-гречески именуемое Плеромой. Эти тридцать божеств знают лишь звук собственных букв и могут произнести только собственный звук. Им не произнести полного звука, и это значит, что им никогда не понять по-настоящему Первобога, который есть звук полноты.

К Марку Безмолвие низошла с миссией открыть ему истину о трансцендентном Боге. Истина оказывается Истиной, вторым ангелом, также прекрасной женщиной. В отличие от тридцати божеств Истина представляет не отдельную часть Первобога, но воплощает Его целиком в одном человекоподобном божестве по имени Антропос (Человек).

Что же изрекает это удивительное божество, Человек? По словам ангела Истины, это изречение содержит имя Бога: I-Ê-S-O-U-S, или «Иисус». Ангел Истина объясняет, что имя Иисус заменяет тайное имя Бога, двадцатичетырехбуквенный греческий алфавит, структурирующий тело Человека.

Получив такое видение, Марк уверился, что ему были явлены могущественные звуки творения. Задолго до возникновения учения средневековых иудейских каббалистов о том, что мир был сотворен, когда Бог произнес свое непостижимое имя, YHWH, Марк проповедовал, что мир был сотворен, когда из уст Безмолвия, первоначальной Богини-Прежде-Всех-Богов, прозвучало истинное имя — Иисус.

Интонирование Бога

Далее Марк разработал сложную систему мистических практик, основанную на нумерологии божественной тридцатки и произнесении двадцати четырех букв алфавита. Эти практики были направлены на то, чтобы подчинить себе силу тридцати трансцендентных божеств.

Например, считалось, что произнесение девяти немых согласных (пи, каппа, тау, бета, гамма, дельта, фи, хи, тета: P-K-T-B-G-D-PH-CH-TH) подчиняет силу Отца и Истины, тогда как произнесение восьми полугласных (лямбда, мю, ню, ро, сигма, дзета, кси, пси: L-M-N-R-S-DZ-KS-PS) направляет силу Слова и Жизни. Семь гласных (альфа, эпсилон, эта, иота, омикрон, упсилон, омега: A-E-Ê-I-O-U-Ô) предположительно высвобождали силы Человека и Церкви (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.14.5).

Прихожане верили, что, последовательно произнося семь гласных (AAA-EEE-ÊÊÊ-III-OOO-UUU-ÔÔÔ), они тем самым гармонизируют семь хаотичных небес, управляемых YHWH и его военачальниками. Поскольку первое изречение каждой из гласных в предначальные

времена породило семь небес, теперь их ритуальное произнесение управляет сферами в настоящем.

Но это не всё. Считалось, что ритуальное произнесение семи гласных возносится в трансцендентный мир, как хвала, прославляя божества Антропос и Церковь, первоначально обретших форму, когда Бог изрек эти гласные.

Как показано в главе 6, подобные вокализации гласных Марк взял не из воздуха. Египетские жрецы веками использовали произнесение гласных для гармонизации небес. Такие практики пользовались удивительной популярностью в древности: они встречаются как в магических формулах из египетских и древнегреческих источников, так и в литургиях герметистов и других античных сообществ, с помощью пропевания гласных поддерживавших порядок во вселенной, исцелявших собственные тела и добивавшихся от могущественных божеств исполнения своих просьб (Frankfurter 1994; Dieleman 2005, 64–80). Марк всего лишь адаптировал практику в соответствии с известным гностикам трансцендентным миром.

Члены конгрегаций Марка были убеждены, что, имитируя звуки творения, черпают из предначальной силы божественного мира и подчиняют ее для исцеления своего мира и самих себя. Собственно говоря, Марк прославился своими терапевтическими церемониями. Он учил, что произнесение в унисон молитвы «аминь» несет восстановление, поскольку подчиняет могущественные силы тридцати божеств, как если бы они были одним целым.

Чтобы избавить прихожан от личных трудностей и стрессов, Марк предписывал им произносить долгую гласную Ō. Верили, что Ō — вселенская буква исцеления, потому что именно эту гласную выкрикивают младенцы, когда им плохо или что-то нужно. По мнению Марка, когда смятенная душа выкрикивает эту гласную, ее слышит ангел-аватар и ниспосылает из трансцендентного мира облегчение (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.14.7–8).

Есть что-то в вине

Среди апостольских католиков Марка называли «Магом», не только из-за использования слов силы для исцеления, но и потому, что для своей церкви он создавал театрализованные ритуалы. Обычная апостольско-католическая месса не приносила того эмоционального воодушевления, которого он хотел для своих прихожан. Марк полагал, что в его конгрегации присутствие Бога должны ощущать, а не только слышать о нем от священнослужителя во время евхаристической трапезы. И он заменил обычное причастие экстатическим,

напоминающим питейные церемонии, призванные ввести в экстаз посвящаемых в греческие мистерии (Förster 2014).

Для проведения церемонии использовалось множество чаш, наполненных светлым винным напитком. В начале церемонии Марк читает молитву для привлечения Божьей Благодати: «Прежде всего сущая, неведомая и непостижимая Благодать да наполнит вашу внутреннюю сущность. Да преумножит она в вас знание свое, посеяв горчичное зерно в благую почву» (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.13.2; перевод мой). Затем он приглашает каждого из прихожан подойти и взять чашу. Когда чаши разбирают, в одной из них вино становится кроваво-красным, как будто в нее из трансцендентного мира излилась кровь божества Благодати. Держащий такую чашу избран Благодатью в этот день. Избранник, будь то мужчина или женщина, берет на себя роль главы конгрегации, освящает кроваво-красное вино и делится им со всеми, чтобы Божья благодать разлилась среди них.

После того, как каждый присутствующий отпил из чаши, Марк поднимает большую пустую евхаристическую чашу. Он просит сегодняшнего главу перелить в чашу остатки кровавого вина, пока сам он молится специально за избранника (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.13.3; перевод мой):

«Желаю я, чтобы ты причастился Благодати моей. Отец всего сущего неотрывно смотрит на ангела твоего, стоящего пред Ним. Но место могучего (ангела) в нас. Да сольемся мы воедино. Прими Благодать от меня и через меня. Приготовься, как невеста, ожидающая жениха, чтобы стал ты тем же, что и я, а я стал тем же, что и ты. Освяти семя света в брачном чертоге. От меня прими жениха (твоего). Обними его, и да обнимет он тебя. Узри благодать, сошедшую на тебя. Отверзни уста и пророчествуй».

В этот момент чаша вспенивается и переполняется. Марк быстро передает ее избраннице. Та рада вкусить божественного напитка, соединиться со своим божественным аватаром, а также стать пророком общины на этот день. До нас дошли упоминания о том, что в считанные секунды после осушения чаши сердцебиение выпившего учащалось, а на лбу выступала испарина (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.39–41). Человека охватывало видимое воодушевление. Когда душа избранника достигала вершины экстаза, он или она пророчествовал уверенно и дерзко перед лицом всей конгрегации.

Что же происходило во время причастия Марка? Было ли что-то в вине? Ипполит Римский убежден, что экстаз Маркова причастия связан с применением наркотических веществ. Учитывая свидетель-

ства о физическом изменении цвета вина, о его вспенивании в чаше и о физиологических и ментальных изменениях, происходивших с избранником, он, вероятно, прав.

Должно быть, в содержимое одной из евхаристических чаш подмешивался особый растительный состав, причем именно в одну. Химическая реакция приводила к изменению цвета вина на кровавый, когда чаша оказывалась в руках полного надежд прихожанина. Можно только вообразить, в какой восторг приходил человек, когда вино меняло цвет прямо у него или нее на глазах и Благодать избирала его или ее главой и пророком конгрегации на этот день.

Аналогичным образом вино в большой чаше вспенивалось, вероятно, благодаря действию какого-то состава, нанесенного на нее изнутри, чтобы при смешении с «кровавым» вином произошла реакция с выделением пузырей. Что бы ни входило в этот состав, при употреблении внутрь он стимулировал тело пророка почти мгновенно. Под его воздействием автономная нервная система пророка немедленно переходила в форсированный режим, вводя человека в психоделический экстаз. Хотя и на празднествах в честь Диониса важную роль играло священное винопитие для достижения религиозного воодушевления, и в мистериях Деметры использовали особый ячменный напиток под названием кикеон, Марк подмешивал в вино наркотик. С помощью такого видоизмененного причастия Марк гарантировал, что каждый из членов конгрегации покинет церковную службу в состоянии эмоционального, а то и психоделического подъема.

Духовная гностическая церковь

Марк взял традиционную апостольско-католическую службу и поставил ее с ног на голову. Его причастие по-прежнему предполагало приобщение к Богу, но на таком уровне воодушевления, какой не снился ни апостольско-католическим, ни даже другим валентинианским церквям. Хотя он и его конгрегация по-прежнему молились Богу-Отцу, в их молитвах также содержались терапевтические напевы во славу Матери-Безмолвия. Молитвы в его церкви по-прежнему завершались традиционным «аминь», но делалось это ради подчинения силы всего божественного мира. Таким образом, в отличие от других валентинианских лидеров Марк не организовывал двухуровневую церковь с ритуалами и проповедями, угождавшими апостольским католикам. Люди, приходившие в его церковь, делали это, чтобы присоединиться к посвященным гностикам. Они с самого начала искали гностического искупления.

Марк первым построил пневматическую (духовную) гностическую церковь. Вступавшие в его церковь делали это не через психическое крещение, но через гностическую инициацию, в ходе которой возносились в трансцендентный мир и, достигнув совершенства, соединялись со своими ангелами-аватарами.

Как нетрудно догадаться, Марк пользовался огромной популярностью у женщин, поскольку случайный характер избрания проводящего службу в его церкви уравнивал шансы мужчин и женщин оказаться ведущим-пророком. Совсем иначе дело обстояло в апостольско-католических церквях, где главенство принадлежало исключительно мужчинам, причем в рамках очень ограниченной иерархической структуры. Так что не вызывают удивления сетования епископа Ириния на то, что немало влиятельных женщин покинули апостольско-католическую церковь и примкнули к конгрегации Марка.

Последней каплей для Ириния, по-видимому, стала одна конкретная ситуация. Один из дьяконов Ириния пригласил Марка на обед. Вскоре после этого жена дьякона покинула апостольско-католическую церковь и перешла в церковь Марка. Со временем она настолько вовлеклась в деятельность церкви Марка, что стала ездить стала сопровождать его в поездках. Ситуация накалилась до того, что к женщине отправилась делегация пресвитеров церкви Ириния, и они «с великим трудом» убедили ее вернуться в лоно католической церкви и публично исповедаться в том, что Марк растлил, а после принуждал ее. Почему бы еще доброй апостольской католичке вступать в церковь Марка и странствовать с ним (Иринием Лионский, «Против ересей» 1.13.4–5)?

Именно досада на харизму и успешность Марка как церковного лидера подтолкнула Ириния к составлению книги «Против ересей», где он пишет о христианских гностиках и проклинает их. Иронично, что стремление Ириния уничтожить Марка и его собратьев привело к сохранению информации о них, обеспечив выживание гностической духовности века спустя, даже когда книги самих гностиков запрещали и жгли.

Гностические надгробия

Группа валентиниан собралась в юго-восточных предместьях Рима II века. Они оставили физические следы своего присутствия в виде двух примечательных надгробий, ставших первым археологическим свидетельством существования гностиков, не говоря уж о христианах. Подобные камни зачастую рассказывают истории, не подвергшиеся

цензуре. Конкретно эти камни рассказывают о смерти и искуплении двух валентиниан.

Одна из плит частично разрушилась, поэтому мы не знаем имени покойного. Она называется NCE 156 и хранится в Капитолийских музеях в Риме (см. Synder 2011). Крещение усопшего описывается, как свадебный пир в брачном чертоге, на котором присутствуют братья и друзья жениха. Человек переносится в брачный чертог, где возносятся хвалы Отцу и Сыну, где разливаются Безмолвие и Истина. Без сомнений, здесь описывается валентинианский искупительный обряд и второе крещение (реконструкция и перевод мои):

Для моей бани братья брачного чертога несут факелы.
В залах наших они жаждут пиров.
Они восхваляют Отца и прославляют Сына.
В этом месте (прилив) одиноких (Безмолвия) и Истины.

Второго человека мы знаем по имени. Ее звали Флавия Софе, и ее муж, также валентинианин, увековечил ее веру в камне (см. McKechnie 2001; Synder 2014). Это надгробие (CIG 4:9595a) хранится в Национальном музее в Риме, неподалеку от Терм Диоклетиана (рис. 8.2). На передней стороне надгробия (эпиграф 1) написано (перевод мой):

Софе, дорогая сестра и супруга, ты стремишься к свету Отца.
Тебя помазали бессмертным священным елеем в купальнях
Христа.
Ты так жаждала взглянуть на лица Эонов,
на великого ангела великого совета, истинного Сына.
Ты ушла в брачный чертог и вознеслась в дом Отца.

Муж считает Софе своей сестрой и супругой во Христе. Они спутники в вере и в священном браке. Валентинианская инициация, в ходе которой она искала Эонов, Сына и свет Отца, подготовила ее к смертному шествию души. Поскольку она прошла второе крещение во искупление, во время которого ее тело было помазано священным елеем, ее дух теперь способен проделать путь до дома Отца и войти в Божью полноту, которую валентиниане описывали как брачный чертог.

Надгробная надпись на этой стороне по смыслу совпадает с часто остающимся без внимания замечанием, сделанным христианским богословом Тертуллианом Карфагенским в сочинении «Противоядие от угрызения скорпионов» (10.1). В конце II века Тертуллиан отмечает, что сам Валентин проповедует об ангельских женихах, ожидающих дух усопших. После полного ужасов вознесения по семи небесам ми-

мо темных владык, которых отгоняют заклинания и тайные слова, дух усопшего лицом к лицу встречается со своим «истинным человеком». Это божество, обитающее среди Неподвижных — ангелов, стоящих пред ликом Бога. Это аватар, которым нельзя управлять при помощи магических заклятий. Это возлюбленный ангел-жених духа.

На обратной стороне надгробия Софе (эпиграф 2) имеется вторая надпись (перевод мой):

Жизнь этой женщины не окончилась обычным образом.

Она умерла, но продолжает жить и видит воистину бессмертный свет.

На самом деле она жива среди живых и мертва для мертвых.

Земные, почему вас так поражает это мертвое тело?

Неужели вы страшитесь?

Здесь искупление Софе подчеркивается как нечто необычное для того времени. Она была не смертной, обратившейся в прах в земле, но бессмертной, взошедшей к свету трансцендентных сфер. Она — божество, живущее среди божеств, а не труп, застрявший среди мертвецов. Подобная смерть должна страшить космические силы, не имеющие власти ни удержать ее в мире теней, ни загнать в новое тело.

Рис. 8.2. Надгробие Флавии Софе, II в. н. э., найденное в катакомбах на Виа Латина. Национальный музей в Риме, Термы Диоклетиана
Фото любезно предоставлены Эйприл Д. ДеКоник.

Ужас дерзкой речи

Почему же космические силы так боятся Софе? Ответ содержится в письме, написанном Валентином (Валентин, фраг. 1 (Климент Александрийский, «Строматы» 2.36.2–4)). В этом письме Валентин описывает сотворение Адама, как владыки-творцы стоят вокруг, благоговей перед его красотой. Они сотворили Адама по образу трансцендентного Человека, и потому он куда прекрасней их. И было в нем нечто отличное, нечто могущественное, являвшееся частью его, но не частью их.

Втайне от них Адаму было даровано семя божественного духа. Поскольку дух — это буквально истина, это семя наделяет Адама способностью изрекать истину, то, что древние греки называли словом «паррезия» (дерзкая речь) (см. Валентин, фраг. 2 (Климент Александрийский, «Строматы» 2.114.3–6); Dunderberg 2008, 46–59). Истинные речи вселяют ужас в создателей, осознавших, что Адам раскрыл их ложь. И они делают все, до чего только смогли додуматься, чтобы не дать ему распространить истину.

Паррезия считалась основополагающей обязанностью граждан в афинской демократии. Там понимали, что для успешного функционирования демократии необходимы свобода слова и честная критика. Долг гражданина — поддерживать благополучие города-государства, высказывая правду, даже когда большинство населения с ней не согласен. В эллинистический период, когда правили не граждане, а цари, паррезия стала уделом советников, чьей задачей было помогать царю принимать взвешенные решения и не допускать злоупотребления властью.

Такое высказывание истины пугает власть имущих, чье положение и планы часто оказываются под угрозой. Риск здесь вполне реальный, как выяснил Сократ, когда его казнили за дерзкие идеи. То же можно сказать об Иоанне Крестителе, критиковавшем Ирода. Критиковать отношения Ирода с женой брата оказалось делом рискованным, и для Иоанна оно закончилось плохо — его головой на блюде.

Чем особенно примечателен Валентин, так это своей упорной убежденностью в том, что высказывать истину — долг, самой природой положенный гностикам, а подобное всегда трансгрессивно, всегда ставит под сомнение status quo. Таким образом трансгрессивность оказывается в самой основе бытия гностиком. Поскольку дух гностика пробужден, он обязан говорить другим то, что их ужасает.

Представьте, как обращенные Валентином ходят и повсюду рассказывают, что настоящий Бог — не YHWH, но трансцендентное существо, явленное Иисусом. Представьте, как реагируют слушатели,

узнав, что люди с зари времен поработены лжебогами, которые обманом вынуждают их жить во лжи. Столь трансгрессивные речи повергнут в ужас всякого их услышавшего, в том числе и богов, которые больше всего захотят положить таким речам конец, чтобы ничто не разрушало их ложь.

Могильная плита Софе указывает на ужас, вызываемый гностической истиной, согласно которой мы живем в двух мирах, но знаем лишь об одном, причём о ложном. Софе получила искупление, потому что больше не могла купиться на ложь бога-творца. Она поверила в то, что является чем-то большим, чем совокупность плотского тела и смертной Психе. Поняла, что реальность шире совокупности физического и ментального царств. Настоящая Софе, дух от духа, превосходит это мироздание и его богов. Она возвращается в трансцендентный мир прославленной бессмертной. Она спешит в объятия своего возлюбленного, ангела, ждавшего ее с начала времен. Соединившись со своим духовным аватаром, она вырывается из плена лжи.

Источник Душ

В «Аватаре» Кэмерона Эйва, Богиня-Мать, представлена как божественный разум, обладающий физической нейронной сетью. Эта сеть является своего рода биологическим природным Интернетом, обеспечивающим подключение всех видов к сознанию Эйвы через разветвленную подземную корневую систему древних, похожих на ивы, деревьев, произрастающих на планете.

Узнав о лесах на'ви от своей возлюбленной аборигенки Нейтири, Джейк понимает ту глубинную связь, которая существует между местными жителями и лесом. Их объединяет сеть, по которой через все живые существа течет энергия. В различных священных местах Пандоры на'ви могут подключаться к сети напрямую: для этого им достаточно воткнуть свой «хвост» — нейронную косу на конце волос — в отросток-дендрит на особом дереве.

Подобно древним валентинианам, с помощью разнообразных ритуалов соединявшимся с ангелами-аватарами и подключавшимся к великой цепи бытия, Джейк подключается к своему на'вийскому телу: ложится в похожую на гроб кровать и погружается в сон. Здесь намеренно использована образная система подготовки и смерти. Кровать-гроб и проведенная подготовка позволяют сознанию Джейка подключиться к мозгу на'ви, а его сущности — переместиться в на'вийское тело. После этого на'вийское тело оживает.

Связь только временна, однако Джейк подключается так часто и подолгу, что начинает путаться, что реально, а что нет. В какой-то

момент он записывает в свой видеодневник: «Я с трудом припоминаю прошлое. Я уже не знаю, кто я». Опыт подключения к индивидуальному сознанию на'ви и к нейронной сети Эйвы подводит его к границе человечности.

Человеческое командование Джейка действует все более чудовищными методами, уничтожая древо-дом Нейтири и ее племени, и Джейк осознает, что люди стали его врагами. Через подключение к Эйве Джейку удастся призвать на свою сторону всех лесных и летучих животных. Звери-воины оказываются в состоянии дать отпор человеческому вторжению и спасти Пандору.

В финальной сцене Джейк решает рискнуть всем. Его человеческое тело не способно существовать дальше как есть, разрываемое между его человеческой и на'вийской сущностями. Он должен или снова стать морпехом Джейком Салли и вернуться домой, или навсегда слиться с на'вийским телом и жить среди местных. Он решает отдаться на волю Эйвы, чтобы она определила, переместить ли человеческое сознание Джейка навсегда в на'вийское тело или позволить ему умереть.

Перенос должен произойти в Источнике Душ, величайшей священной роще. Землю сплошь покрывают бугры из корней. На корнях вокруг большого дерева расселся весь клан Нейтири, подключившись к сети. Они читают нараспев молитву к Матери Эйве. Слова непонятны, но мы уже видели подобную церемонию: тогда перенос не удался, и человек Грейс умерла. «Прими этот дух, — пели они тогда, — и вдохни, верни ее к нам. Позволь ей ходить среди нас одной из Народа».

Теперь же Джейк-человек лежит голова к голове с Джейком-на'ви. Их тела накрывают отростки корней, протянувшиеся от дерева. Нейтири снимает с лица Джейка-человека дыхательную маску. Когда Джейк-человек умирает, она ласково закрывает ему глаза, наклоняется и целует его. Теперь всё в воле Эйвы.

Камера приближает лицо Джейка-на'ви, и внезапно глаза на нем открываются. В момент смерти Джейка Эйва выбрала навсегда слить его сознание с аватаром. Он рожден заново голубым ангелом.

Глава девятая. Пи от политики

Максимилиан «Макс» Козн

Даррен Аронофски, знаменитый продюсер таких неординарных фильмов, как «Реквием по мечте» и «Черный лебедь», начал свою карьеру в 1998 году с занятного фильма «Пи» о занятом еврее-гно-стике. В малобюджетном, зернистом черно-белом фильме мы видим Максимилиана «Макса» Козна (рис. 9.1), математика, недавно получившего докторскую степень. Он живет один в квартире, которую превратил в огромный компьютер, который назвал в честь древнегреческого отца геометрии Евклида. Макс буквально живет внутри «Евклида»: экраны, материнские платы, клавиатуры и пучки проводов привинчены к стенам и закреплены на всех поверхностях его жилища. Макс верит, что математика есть язык природы и что существует некая закономерность, некое число, способное объяснить всё о нас и нашем мире. И он твердо намерен его найти.

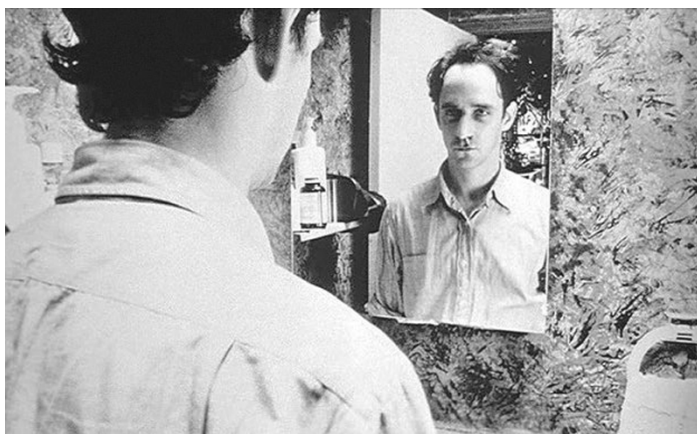

Рис. 9.1. Макс Козн (Шон Гуллетт) в фильме «Пи» (1998)

Первый кадр состоит из одного лишь чистого, ослепительного белого света. В этой сцене Макс делится своим пугающим опытом: рассказывает, как в шесть лет он посмотрел прямо на солнце. Сначала, говорит он, свет был таким ярким, что казался невыносимым. Потом зрачки сузились до размера кончика иглы. Именно тогда ему явилось откровение. Он ясно видел. Все понимал. Впоследствии врачи не могли сказать, сможет ли Макс когда-нибудь снова видеть. Его лицо закрыли бинтами.

На наших глазах взрослый Макс приходит в себя после приступа кластерной мигрени. Из-за кадра он рассказывает, что полученное в детстве откровение что-то в нем изменило. В день, когда он очнулся и снял повязки, у него впервые заболела голова. Теперь, во взрослом возрасте, он ужасно страдает, почти постоянно испытывая сильную головную боль.

В перерывах между мигренями Макс одержим поисками абсолютной истины, числа, которое, как выясняется позднее, является также и забытым именем Бога. Учитель Сол, чье имя отсылает к древнеримскому богу солнца Солу, говорит Макс, что его поиски обречены на неудачу. Макс уподобляется Икару, взлетевшему слишком высоко. Лучи солнца сожгут его. Сол говорит Макс, что его одержимость поисками 216-значного числа, выражающего абсолютную истину, — безумие и религиозная чепуха, неподобающая ученому. Макс настаивает, что это гениальность, и продолжает изыскания.

Когда в конце концов Макс осознаёт, что 216-значное число существует и что оно поселилось у него в голове с тех пор, как в шестилетнем возрасте он впервые посмотрел на солнце, анатомия его мозга заметно изменяется. Мигрени и видения учащаются и выходят из-под контроля, и Макс хватается ножницы и лихорадочно состригает волосы с той части головы, где боль сильнее всего. Он вглядывается в отражение в зеркале, стряхивая волосы, и мы начинаем всерьез сомневаться в его душевном здравии. Неужели он собирается содрать с себя скальп в попытке побороть неотступную боль? Или у него устойчивые галлюцинации?

Когда Макс убирает волосы, мы видим, что под кожей проступает нечто новое: артерия в форме наконечника стрелы. Похоже, артериальные пути его мозга перестраиваются, проступая над ухом в такой заостренной форме.

Тут мы задаемся вопросом, не наткнулся ли Макс в самом деле на секрет вселенной, который теперь перекраивает его мозг в нечто новое.

В фильме Аронофски все предположения такого рода о Максе верны. Видение солнца действительно преобразило мальчика, и его разум не в силах справиться с полученным абсолютным знанием. На протяжении всей жизни он мучается от изнурительных приступов мигрени и видений, а мозг пытается удержать информацию и сохранить ее в подсознании. Но когда Макс осознанно вспоминает магическое 216-значное число, структуры его мозга заметно изменяются, и все катится к чертям. Макс становится стереотипным сумасшедшим гностиком, опасным еретиком, желающим единолично владеть силой абсолютной истины.

Верное безумие

Епископа Иринея Лионского раздражает Марк и все прочие гностики. Его все это утомило. Безумие. Ложь. Богохульство. Нужно что-то делать, чтобы положить конец непослушанию, взять дело в свои руки. Ситуация вышла из-под контроля. Церковь Марка привлекательна, этого не отнять. Его театрализованные представления и эмоциональные ужимки изобретательны, с их помощью он с пугающей скоростью заманивает ничего не подозревающих христиан в ряды своей паствы. Но какое горе! Этот человек не в своем уме. Людей вводят в заблуждение, увлекают в глубины его безумия, заставляя переступить черту здравомыслия и истины.

Иринея берется за перо. Он чувствует, что нужно провести границы, объяснить другим христианам, как «так называемые» гностики преступили черту, согрешили против истинной христианской веры.

Какие же границы определяют веру, очерчивают истину? По мнению Иринея, истину очерчивает один-единственный факт: Бог, которого почитают христиане, это YHWH, библейский Творец. Гностическое учение о том, что библейский Творец — злое, погрязшее в неведении божество, есть не что иное, как богохульство. Нет никакого Благого Бога, Отца Иисуса, помимо YHWH. Подобное мнение не христианское, но антихристианское. Эти богохульники-гностики своим надругательством над верой увлекают людей в пучину безумия. Их нужно остановить любой ценой (Иринея Лионский, «Против ересей» 1. пред.1).

Представление о гностиках как раскольниках, колдунах и еретиках стало в западном обществе каноническим. Поскольку молодая апостольско-католическая церковь видела угрозу в отличиях учений и практик гностиков от верований и поведения, принятых у католиков, на гностиков всех мастей навешивали уничижительные ярлыки, клеймившие позором не хуже алой буквы «А», какой метили прелюбодеев. Это служило их подавлению и укреплению апостольско-католической позиции как правильной (DeConick 2013b).

Расхождение во мнениях с точки зрения апостольских католиков является признаком безумия, сумасшествия, результатом одержания демонами и происков сатаны (Иринея Лионский, «Против ересей» 1.13.1, 3, 1.15.6, 1.16.3, 1.25.3–4, 5.26.2). Гностики — не более чем апостаты, подобные мятежному ангелу-сатане, отказавшемуся склониться перед властью YHWH (1.10.1, 2.28.7). Чтобы оправдать применение насилия против гностиков, их низводят до уровня диких тварей, уподобляя гиенам, которых должно разить и свежевать (1.31.4), или волков в овечьих шкурах, которых должно вывести на чистую воду

(1.пред.2, 3.16.8). Хуже того: они подобны гидре, мифическому чудовищу, которое необходимо уничтожить (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.11.1).

Как же поступить? Принять ли эту глубоко антагонистическую позицию как отражение правды о гностиках? Принять ли, что древние гностики были отступниками, извращавшими нечто хорошее — церковь, которую спасли Ириней и его собратья — апостольские католики? Это крепкая позиция, которой множество людей придерживается на протяжении веков и до сих пор.

Или же стоит взглянуть на проблему более критически, как в последних исследованиях гностицизма: допустить, что изображение гностиков как отступников является не отражением реальности, но пропагандой, состряпанной католиками в борьбе за веру в древних СМИ? В таком свете гностики предстают не девиантами, но альтернативными христианами, чье мнение ничем не хуже мнения католиков (Pagels 1979). Такой подход может привести к мысли, что гностики и гностицизм устарели и утратили значимость, поскольку категориально отражают эту древнюю пропаганду (King 2003; Williams 1996).

Как видно из данной книги, ни та, ни другая позиция не объясняет исторические свидетельства в полной мере. В античные времена действительно существовали древние гностики, и создаваемые ими сообщества и религии возникали на основе новой метафизической карты, зарождающейся гностической духовности, возникшей в начале I века н. э. В античные времена не было единой гностической религии, но были гностики — религиозные люди, принявшие гностическую метафизическую карту, изменившую их подход к «занятию» религией.

В рамках этой новой карты человеческое существо виделось чем-то большим, чем смертное создание, слепленное Богом ради исполнения Его желаний. В таком представлении у человека имеется прочная связь с божественным источником, превосходящим творение. Из-за этой связи человек видится как существо большее и более могущественное, чем традиционные боги, надзирающие за творением. Знание об этом божественном источнике, Гнозис, строится на прямой связи с трансцендентным Богом, а также творческом прочтении религиозных писаний и множественных поисках истины, основанных на многообразии религиозных традиций, философской мудрости и научных воззрений.

Таким образом, в самом сердце этой новой направленности кроется трансгрессия. Это контркультурный взгляд на мир, переворачивающий традиционную картину с ног на голову. Истинный человек не смертен, но бессмертен. Истинного Бога нет среди Богов, которым мы поклоняемся в синагогах, церквях и храмах. Истинного Бога нельзя

понять разумом или мыслью, только познать напрямую. В Писаниях содержится смысл, выходящий за рамки традиционного и даже прямо ему противоречащий.

Эту трансгрессию — сердце гностической духовности — не объяснить, просто объявив извращением или выдумкой. Трансгрессия куда сложнее любого из этих вариантов. Трансгрессия предполагает пересечение границ и смещение территорий, постоянное раздвижение пределов. Мы вообще узнаём о трансгрессии только по реакции окружающих. Трансгрессия становится трансгрессией, когда устанавливаются понятия «ортодоксальности» и «ереси», «правильного» и «неправильного», когда определенные ценности связываются с определенными различиями, а там и с алой «А».

Нарушение норм

Помнится, в свое время меня впечатлил простой эксперимент, упомянутый моим преподавателем социологии в колледже. Социологи называют его «экспериментом по нарушению», поскольку его целью является изучение реакции людей на нарушение или отступление от поведения, считающегося обычным или нормальным, вещей, которые мы делаем каждый день, особенно не задумываясь. Идея эксперимента состоит в попытке перевернуть наши установки, чтобы выявить, как они влияют на формирование общества.

Преподаватель объяснил парадокс эксперимента: чтобы изучить нормы, которые все мы принимаем как нечто само собой разумеющееся, нужно сначала эти нормы нарушить. Нарушение позволяет увидеть, о каких нормах идет речь, и определить их границы.

В качестве иллюстративного примера преподаватель привел правила поведения в лифте. Войдите в лифт, но не разворачивайтесь лицом к двери. Оставайтесь лицом к другим пассажирам. Вы тут же заметите, насколько им сделается некомфортно. Почему? Потому что вы нарушили правила этикета в лифте, предписывающие, чтобы все пассажиры стояли лицом к дверям. Нарушая нормы, можно их увидеть.

Но это не всё, пояснил преподаватель. Если развить эксперимент и, скажем, начать громко разговаривать с самим собой, стоя в лифте задом наперед, уровень дискомфорта прочих пассажиров возрастет. Они подумают, что вы психически нездоровы. Вас сочтут подозрительным, не заслуживающим доверия человеком. От вас отодвинутся и постараются поскорее выйти из лифта. Иными словами, несоблюдение и нарушение негласных правил часто воспринимается окружающими как знак неблагонадежности и психической нестабильности.

Почему так? Все сводится к вопросу трансгрессии: как мы ее определяем, распознаем и на нее реагируем. Социологи, изучающие трансгрессию, описывают ее как нарушение нормы, отступление от общепринятой практики. Такие нарушения или отступления часто вызывают неодобрение и негативную реакцию большей части общества, поскольку трансгрессия воспринимается как социальная угроза. В зависимости от степени угрозы доминирующая группа вынуждает нарушителей соблюдать нормы, вытесняет их из общества или объявляет сумасшедшими (Clinard and Meier 2008, 4–6, 79–80). Человек или группа лиц становится девиантом в силу социального процесса, определяющего то или иное поведение как отклонение от нормы. Отклонение определяется по реакции окружающих на то или иное поведение. Раздражающим, беспокоящим или даже несущим угрозу поведение считает не сам девиант, но окружающие люди (Franzese 2009, 7). Поскольку трансгрессия базируется на том, воспринимается ли и маркируется ли определенное действие как девиантное, вопрос преднамеренности самого девианта остается открытым (Cresswell 1996, 23; Jenks 2003, 8). Нарушитель может и не считать свои воззрения или действия девиантными.

Если взглянуть на гностиков с точки зрения трансгрессии, то что же мы увидим? Что определили как нарушение общепринятых практик и норм, принимаемых как данность, и кто это сделал? В нашем распоряжении крайне мало примеров критики, обрушиваемой гностическими группами на апостольских католиков, зато имеется ворох материалов, написанных апостольскими католиками и приписывающих гностикам преступления в области богословия, человеческой природы, толкования Писаний и практикуемых обрядов.

Преступления против Бога

Апостольско-католические авторы весьма последовательны в утверждениях, что христианские гностики нарушали правила богословия двумя способами. С их точки зрения наиболее вопиющий аспект учения гностиков — их уверения в том, что Бог, достойный почитания, не есть УНВН, творец и владыка вселенной (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.пред.1). Учение о том, что библейский Бог не является и не может быть верховным Богом, позволяет им обратиться против библейского Творца и говорить о Нем, как о враге (Ириней Лионский, «Против ересей» 2.9.2, 2.13.3, 2.26.1, 4.пред.4; Тертуллиан, «Против валентиниан» 3.1–2). Также это позволяет им зайти еще дальше и говорить, что Творец был создан ущербным или стал таковым, подняв мятеж. Тем самым библейский Бог делается неполноценным обман-

щиком и мятежником (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.16.3). Апостольско-католические лидеры называют подобное учение богохульством, что делает гностиков куда хуже язычников (2.9.2, 2.26.1, 2.28.7, 4.пред.3–4) и даже дает Ипполиту Римскому повод назвать их безбожниками (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 1.пред.1).

Второе нарушение гностиками правил богословия заключается в извращенном взгляде на YHWH, в учении о том, что они знают Бога, помимо Творца, и знают Его, потому что напрямую соприкасались с Ним. Этот Бог превосходит своим величием и совершенством все сущее (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.пред.1, 1.16.3). Гностики утверждают, что подобное продвинутое знание происходит из посвящения, во время которого они лицом к лицу встречаются с верховным Богом (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.4.3, 1.21.3–4; Тертуллиан, «Против валентиниан» 1.1–4; Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.1.4, 5.23.2–3). Существование такого верховного Бога подтверждается и Писанием, если читать его правильно (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.пред.1, 1.19.1–2). Кто же этот высший Бог? Это ранее скрытый, неведомый Бог, провозглашенный Иисусом в Евангелиях от Матфея и Иоанна как истинный Бог-Отец (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.20.3, 2.26.1, 4.1.2, 4.20.5; Тертуллиан, «Против валентиниан» 3.1–2).

У лидеров апостольско-католической церкви это учение вызывает сильное беспокойство. В понимании епископа Лионского Ириней это учение настолько трансгрессивно, что меняет саму суть христианской веры (Ириней Линский, «Против ересей» 1.10.3). Поиски Бога, отличного от YHWH, «Того, Который есть», он называет величайшим нечестием (2.28.2).

Какая же богословская установка апостольско-католического сообщества так резко попала в фокус, едва ее нарушило сообщество гностическое? Какой аспект Бога к моменту написания Иринеем его опровержений гностиков множество апостольско-католических христиан воспринимало как данность? Христиане апостольско-католических конгрегаций исходили из того, что существует лишь один Бог, Творец YHWH (1.20.3, 2.пред.1). Иначе говоря, они приняли как данность, что библейский Бог является верховным Богом (2.13.3).

Гностики заявляют иное, и апостольские католики сплачиваются вокруг этой установки как первой и важнейшей истины христианского вероучения (2.1.1). С их точки зрения выдумывание несуществующего, по их мнению, Бога и даже попытки понять, существует ли Бог превыше Бога, — богохульство (2.9.2, 4.26.2). Отказываться от очевидного библейского Бога, поклоняться какому-то скрытому Богу

значит оскорблять их веру от самых ее основ (Тертуллиан, «Против валентиниан» 3.3).

Титаническая гордыня

Апостольские католики отмечают, что подобное видение Бога привело гностиков к необычному взгляду на человеческую природу. Гностики полагают, что самой своей сущностью связаны с верховным Богом. Поскольку их истинные «я» — это рассеянные частицы Бога, человек по самой своей природе не богоподобен, но божественен. Они утверждают, что являются духовными людьми, поскольку думают, что в их душах сокрыта частица Отца (Ириней Лионский, «Против ересей» 2.19.3). До помещения в человеческую душу это духовное семя бесформенно, безвидно и несовершенно. Когда же душа нисходит в тело, эта трансцендентная частица обретает форму, возрастает и готовится к принятию совершенства (2.19.2–4).

Этот духовный аспект есть истинный человек, интеллектуальный орган восприятия, единственная составляющая, которой суждено вознестись к совершенному Отцу (5.19.2). Это разум, способный с помощью прозрения, интуиции и воображения вычленив истину, единственный аспект человеческого существа, который в силах воспринять то, что превосходит нас. Благодаря ему мы способны осознать то, что выходит за рамки нашей повседневной личности, воспринять универсальное, вселенское в нашем бытии, понять, что такое Бог. В силу своей трансцендентной природы разум соединяет людей с верховным Богом. Согласно апостольским католикам, дух — единственный врожденный аспект человека, настраивающий нас на откровения и религиозный опыт (Тертуллиан, «Против валентиниан» 4.4).

Именно врожденная духовная связь с трансцендентным Богом, по мнению христианских гностиков, ставила их выше УНВН. Они верили, что после посвящения в мистерии обретают превосходство над библейским Богом (Ириней Лионский, «Против ересей» 2.26.3; Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 1.пред.2–3). Более того, Ириней отмечает, что они воспринимают афоризм Христа «Ищите и обрящите» как призыв к пониманию собственного превосходства над библейским Богом-Творцом. Они считают себя лучше и выше УНВН, называя себя «духовными», а Творца «душевым». Они полагают, что, будучи духовными, они взлетают выше душевного УНВН — в божественный мир (Ириней Лионский, «Против ересей» 2.30.2). Они думают, что превзошли УНВН и заняли место выше Его (4.19.1). Духовная связь с верховным Богом, говорят они, наделяет их бескрай-

ним знанием, превосходящим знания других, в особенности христиан, продолжающих служить YHWH (1.13.6).

Столь радикальный взгляд на человеческое существо породил колоссальный резонанс. Гностики считают себя обладателями эксклюзивного знания. Только они владеют великим знанием о непостижимой силе, которого достигают через инициации, включающие вознесение на вершину бытия. Благодаря сущностному превосходству над YHWH гностикам нечего Его бояться. Его рабские законы — ерунда, а миродержавной мощи не тягаться с силой и природным превосходством людского духа. Всё это приводит их к выводу, что люди не обязаны подчиняться законам YHWH. Люди — не его рабы, они вольны действовать, не боясь воздаяния YHWH (1.6.3, 1.13.6, 1.25.4–5).

По словам Ириней, вера в собственное «благородное» происхождение позволяет гностикам предаваться запретным делам (2.14.5). Каким же именно? Они едят идоложертвенное мясо, воображая, что ничем не могут оскверниться (1.6.3, 1.28.2). Они первыми собираются на языческие праздники в честь идолов. Посещают гладиаторские бои (1.6.3). Впадают в крайности в сексуальных практиках: или предаются плотским наслаждениям, считая их священными, или воздерживаются от секса и брака, считая их отвратительными (1.6.3, 1.13.3, 5, 1.28.1–2). Ириней приводит в ужас то, что гностики ведут себя подобным образом потому, что не боятся YHWH, как он сам и другие апостольско-католические христиане (1.6.3).

Из-за подобных учений апостольские католики полагают гностиков высокомерными, безумными богохульниками (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.31.3, 2.30.1; Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 1.пред.2–3). Ириней («Против ересей» 2.26.3) буквально шокирует тот факт, что гностики ни в коей мере не считают себя ниже Бога. Такая концепция человеческого существа столь чудовищна, что непременно навлечет Божье воздаяние. Гностики подобны титанам, пораженным громом за тщеславие и гордыню (2.30.1). Ириней объявляет такую позицию неестественной, поскольку против «закона человеческого рода... не полагать никакого различия между Богом несозданным и человеком» — существом сотворенным, как напоминает нам Ириней (4.38.4).

Очевидно, пока гностики не завели речь о божественности человека, апостольские католики полагали, что люди ниже Бога, а не выше (2.26.3). Они принимали как данность, что люди не могут превзойти YHWH, поскольку Он — бессмертный, несозданный Бог — во всем отличен от человека — смертного создания (2.25.4).

Ириней борется с подобным предположением, вопрошая: «Как же будет Богом, кто еще не сделался человеком? Как будет совершенным

только что произведенный? Как бессмертным, кто в смертной природе своей не послушался Творца? Ибо надлежит тебе прежде соблюсти чин человека, а потом участвовать в славе Божией. Не ты творишь Бога, но тебя творит Бог» (4.39.2; ср. 4.38.4).

Соответственно, апостольские католики принимали как данность, что являются рабами YHWH и должны подчиняться Его законам, установленным в виде десяти заповедей. Они исходили из того, что в основе спасения лежит благочестие и праведность в качестве слуг YHWH (2.29.1).

Царь превращается в собаку

Апостольско-католические лидеры считают гностическое прочтение Писания преступным. Что же преступного в их толкованиях? Прежде всего, гностики воспринимали некоторые отрывки из Библии как указания на существование верховного Бога. Христианских гностиков обвиняют в ложном понимании содержащихся в Писании двусмысленностей, разделении и расслоении, через которое они доказывают наличие в подтексте указаний на существование верховного Бога.

Ириней говорит, что отдельные приводимые ими свидетельства выглядят весьма убедительно для людей, прежде толком не знавших, как следует читать Писание. Потому гностикам нетрудно с помощью Писаний увлечь легковверных и отвратить их от истины о том, что библейский Бог есть единственный всемогущий Отец и Творец (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.3.6, 1.6.1, 1.19.1–2, 1.20.2, 3.6.5, 3.7.1–2).

Во-вторых, гностики применяют и приспособливают из библейских текстов всё, что может послужить доказательством в их сложных системах (1.1.3, 1.3.6, 1.20.2). Это касается как Евангелий и посланий апостола Павла, так и законов, и Пророков (1.3.6, 1.8.1; см. Pagels 1975). Читатели-гностики преподносят выпестованные аллегорические толкования притч Иисуса, совпадающие с их своеобразной мифологией и религиозными преданиями, объясняя тем самым, что в Писаниях содержатся указания на чудесные, неизреченные тайны гностиков (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.1.3). Также они склонны не соблюдать последовательность в текстах, переставлять стихи так, чтобы они подтверждали их версию истины. Подобные методы толкования Ириней сравнивает с действиями человека, который берет портрет царя и разбивает его на кусочки. Из кусочков он собирает изображение собаки и говорит, что таков и был изначальный

замысел художника. Таким образом вводятся в заблуждение многие люди, не видевшие ранее портрета царя (1.6.1).

Ириней настаивает, что гностики читают Писания не так, как задумано авторами, и больше всего его это беспокоит в связи с Евангелием от Иоанна, по-видимому, находящимся в особой опасности (Ириней Лионский, «Против ересей» 3.11.1; 4.41.1–3). Ириней утверждает, что первоначальный автор заявляет о существовании лишь одного Бога, Вседержителя, и одного Иисуса Христа, Единого Нерожденного, который и сотворил все сущее. Гностики вроде Керинфа и валентиниан искажают текст, якобы читая в нем о существовании Отца, отличного от УНВН, и нескольких Богов-Сыновей (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.9.1).

Поскольку гностики с большим уважением относятся к являющимся откровениям, апостольские католики сообщают, что их лидеры пишут для своих сообществ собственные трансгрессивные тексты. В таких сочинениях содержатся басни о Христе. Они в корне отличаются от Писаний, по вере апостольских католиков дарованных им апостолами. У валентиниан есть даже текст под названием «Евангелие Истины», как будто им и в самом деле ведома истина (1.20.1, 3.11.9).

Апостольско-католические авторы критикуют гностиков за плюрализм, отмечая, что ради подкрепления своих систем они прибегают к любым авторитетам. В качестве таковых они используют даже тексты Гомера (1.9.4). Также они опираются на мнения героев греческой философии, астрологов, изучающих звезды, и врачей, вскрывающих тела и вещающих о человеческой физиологии (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.52.1–2). Гностики с большим удовлетворением приспособляют медицинские познания о мозге для понимания человеческой природы и разума, как будто анатомия мозга доказывает правдивость их утверждений о духе (4.51.10–14, 5.9.14–20).

В использовании гностиками библейских Писаний и иных авторитетных источников апостольские католики видят порок, злой умысел и богохульство (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.3.6, 1.9.4). Ириней называет их толкования обманом, потому что они извращают и меняют Писание, превращая его из естественного в нечто порочное и неестественное. Даже использование Гомера многое говорит об их трансгрессивном стиле, считает он. Первоначальный смысл Гомера извращают и перекраивают в угоду гностическим интересам. С помощью такого ложного толкования гностики убеждают людей, незнакомых с творчеством Гомера, что их толкование и есть то, что Гомер имел в виду (1.9.4).

Апостольско-католические лидеры считали гностическое толкование Писания трансгрессивным, поскольку думали, что оно извращает смысл слов, имеющих совершенно ясное значение. Хотя гностики и признают слова, они разбирают текст на части через превратное толкование, нарушающее границы прежних толкований. Гностики выворачивают наизнанку культурные правила и намеки, и в тексте возникает дисгармония. Подобное трансгрессивное прочтение преступает границы авторитета, до сих пор делавшего текст направляющим, в чем, по уверениям апостольских католиков, и заключалось изначальное намерение автора. В сердце гностического толкования лежит трансгрессия, внесение смысла, делающего невозможное возможным, признаки которого они видят в содержащихся в тексте двусмысленностях. В результате полученная из текста истина становится нелепостью, связывая мир смысла с миром бессмыслия. Как отмечает Ириней, царя переделывают в собаку.

Апостольско-католическое сообщество исходило из того, что их прочтение Писания естественно. Они принимали как данность, что их толкование Писания отражает прямой, буквальный смысл и совпадает с намерением автора (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.9.4). Исходя из таких установок, соответственно, они полагали, что именно этот смысл является авторитетным (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.52.1–2).

Непотребства за закрытыми дверями

Апостольско-католические лидеры тратят неимоверное количество времени на описание гностических ритуалов во всем их многообразии, называя их бессмысленными и безумными. Для апостольских католиков трансгрессия гностиков по части обрядов выражается в двух преступлениях. Во-первых, их ритуальные практики проводятся втайне, а не публично. Апостольские католики отмечают, что фасадом гностические течения крайне сходны с апостольско-католической церковью. Однако за закрытыми дверями происходит что-то другое, нечто непотребное, когда гностические лидеры раскрывают своим последователям в узком кругу секреты в ходе тайных церемоний посвящения (Ириней Лионский, «Против ересей» 3.15.2).

Их деятельность сравнивают с Элевсинскими мистериями и описывают как инициации, проводимые учителем в узком кругу за деньги посвящаемых (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.4.3, 1.21.3–4; Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 1.пред.2–5). Ириней отмечает, что инициации валентиниан стоят так дорого, что желающий к ним приобщиться «потратит все свое имущество, чтоб узнать о сле-

зах Софии» (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.4.3). Вступлению в полноправные члены группы предшествует длительный процесс посвящения. Перед раскрытием первых тайн люди проходят проверку. По свидетельству Ипполита, перед началом церемоний гностические лидеры связывают человека клятвой неразглашения, обетом никогда не раскрывать тайн и не говорить о них ни с кем, кроме других посвященных (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 1.пред.3–4). В ходе инициации посвящаемый одновременно подвергается мучениям и узнает все новые и новые тайны, что делает процесс эмоционально захватывающим. Тертуллиан отмечает, что становлению «совершенным» валентинианином предшествуют пять лет обучения, и лишь тогда полностью прошедшему посвящение наконец является божество. Предвкушение финального откровения делает посвящение по-настоящему привлекательным. Тертуллиан говорит, что люди его жаждут (Тертуллиан, «Против валентиниан» 1.2). Ипполит подмечает привлекательность откладывания окончательного раскрытия тайного знания на будущее, вплоть до самого смертного часа, когда наивысшую тайну шепчут на ухо умирающему в ходе обряда соборования. Подобная таинственность поддерживает приверженность людей движению (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 6.41.2–5).

Второе нарушение ритуальной части состоит в том, что христианские гностики представляют свои ритуалы как продвинутые церемонии для продвинутых христиан. Порой такие ритуалы подразумевают своеобразные действия, как церемония Запечатывания христиан-офитов (Ориген, «Против Цельса» 6.27) или популярное соборование маркосиан (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.21.5). Но что по-настоящему беспокоит католических лидеров, так это то, насколько часто гностические ритуалы являются специализированными вариантами ритуалов, которые проводят апостольские католики, отчего становится трудно отличить одни от других.

К примеру, Ириней бесконечно раздражают валентиниане, подобно апостольским католикам открыто исповедующие принцип «Есть только один Бог, Отец, от которого все исходит, и один Господь Иисус Христос». Однако в сердце своем, понимает Ириней, они преступили литургию, вплетя в ее смысл собственные тайные коды. В их извращенных умах «один Бог-Отец» — не Творец YHWH, но их сокрытый верховный Бог, а «один Иисус» — не единая сущность, но множество сущностей, в валентинианской мифологии слившихся воедино в Иисусе (4.33.3).

Хотя апостольско-католические лидеры не могут вычленить единой практики среди гностиков — в сущности, они отмечают, что каждый гностический лидер обращается к собственной разновидности

ритуалов, — они все же считают, что обряды гностиков отличаются от проводимых в апостольско-католической церкви. Для защиты собственных ритуалов и литургии они отмечают, что апостольско-католические обряды осеняют благодатью, поскольку были переданы апостолами своим преемникам, ныне главам и защитникам апостольско-католической церкви (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 1.пред.6).

Апостольские католики исходили из того, что христианские ритуалы публичны, открыты и доступны всем. Они ни в коей мере не предполагали, что обряд крещения или причастия нуждается в улучшении или что для получения благ Спасения требуется какое-то обучение. Пройдя крещение и перестроив свою жизнь как послушные рабы УНВН, люди становились частью церковного сообщества, спасенного тела Христова.

Как оцениваются различия

Трансгрессия выявляет наши различия. Когда дело касается трансгрессии, действует общее правило, подтвержденное практикой: чем больше в обществе различий, тем больше в нем трансгрессии. Чем более неоднородно общество, тем больше трансгрессии в нем возникает (Meier 1989).

Трансгрессия возникает только в обществе, где существуют различия, потому что мы придаем им значение. Некоторым различиям придается больше значения, чем другим. Если в обществе ценится образование, недостаточный его уровень оценивается низко. Если в обществе ценятся престижные занятия, непрестижные и малопрестижные оцениваются низко.

Когда люди поступают трансгрессивно, мы вынуждены оценить различия между нами и выработать стандарты в их отношении (Durkheim [1895] 1982; Jenks 2003, 16–32). Таким образом, различия способствуют созданию и сохранению норм и привязке моральных качеств «хорошо» и «плохо» к моделям поведения, которых следует придерживаться или избегать. Именно так на определение трансгрессии в обществе начинают влиять суждения о «лучшем» и «худшем», классифицируя ее как нечто негативное. Тем не менее, подобные суждения в обществе не выбиваются в камне: они относительно, поскольку зависят от изменчивых стандартов. По мере изменения стандартов или группы меняется и понятие, что является трансгрессивным, и уровень неодобрения, вызываемого трансгрессией (Clinard and Meier 2008, 11).

Такие наблюдения привели социологов к выводу, что ничто не является отклонением по своей сути. Напротив, трансгрессия требует суждения, которое относится к той или иной норме (16). Трансгрессия является трансгрессией, только если окружающие назовут ее таковой. То, что в одной группе назовут трансгрессивным, в другой могут и не считать таковым. Таким образом это понятие оказывается относительным, зависящим от распределения стандартов в группе (8).

Кто владеет информацией?

Подробно разбирая ранние апостольско-католические свидетельства, мы обнаруживаем, что ценили апостольские католики, жившие в римском обществе. В этом четко структурированном, распавшемся на слои обществе одни различия ценились больше других. Такие маркеры ценности помогли обозначить верования и поведение христианских гностиков как менее ценные и нежелательные. Именно такая оценка стала основой негативной классификации, по которой выстроили структуру трансгрессивного в том обществе, а затем причиной, по которой гностиков поместили прямо в центр этой структуры.

Конфликт между христианскими гностиками и апостольскими католиками — это борьба за знание: какое и чье знание ценнее. Гностики утверждают, что обладают высшим знанием, одновременно мистическим и несущим божественное откровение. Они считают, что истину невозможно по-настоящему передать через написанный текст или даже через устоявшуюся религиозную традицию (Ириней Лионский, «Против ересей» 3.2.2). На деле сущность истины передает «глас живой» (3.2.1). Поэтому они задавались вопросами, которые не занимали других, и верили, что способны найти ответы, даже если другим людям это не под силу (2.26.3).

Наиболее ценное знание гностиков — непосредственное взаимодействие с Богом при помощи шаманской инициации (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.6.1; Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.1–4, 5.23.2–3). С их точки зрения это своего рода всеведение, совершенное знание обо всем (Ириней Лионский, «Против ересей» 2.9.2). Это наиболее ценное знание, и оно увлекает людей прочь от Творца УНВН (1.пред.1). Поскольку они так высоко ценят свой экстремальный религиозный опыт взаимодействия с трансцендентным Богом, они считают, что сами открыли больше апостолов. Более того, с учетом своих знаний о Боге они убеждены, что апостолы проповедовали Евангелие, все еще пребывая под влиянием иудейских воззрений (4.26.2).

Такого рода мистическое знание постигается не столько через изучение книг, сколько через экстатический религиозный опыт. Его получение воспринимается гностиками как достижение совершенства, буквальное вознесение над всеми остальными (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.8.1; Тертуллиан, «Против валентиниан» 2.1). Они убеждены, что обретенное ими знание означает обретение чистейшей истины, делающей их мудрее пресвитеров апостольско-католической церкви и даже самих апостолов (Ириней Лионский, «Против ересей» 3.1.1, 3.2.2, 3.12.7). Такое расслоение разделило их мир на два уровня: на одном они сами — держатели знания, духовные люди, а на другом все остальные — невежественные и душевные. Апостольских католиков классифицировали как людей веры и трудов, нежели людей знания (2.26.3).

Ириней же низко оценивает знание, полученное через откровение, отдавая предпочтение знанию общедоступному, изучаемому по старым, надежным источникам: Писаниям, наставлениям официально допущенных учителей и устоявшимся религиозным традициям. Мистическое путешествие в поисках Бога он считает величайшим нечестием (2.28.2). Людей, высоко ценящих знание, полученное через откровение, он считает безумцами и глупцами, которых поразит гром за их высокомерие (2.26.3).

Мистическое знание — иллюзия, причем опасная. Поскольку ничто не контролирует его извне и не ограничивает, дьявол волен вмешиваться, что он и делает. Согласно суждению Ириней, мистическое знание наподобие приписываемого гностикам, — дурное знание, идущее от дьявола, что делает гностиков апостатами, хулящими YHWH (4.пред.4).

Апостольско-католические лидеры ценят знание, которое полагают старым или традиционным, в том числе Писания — Законы, книги пророков, Евангелия, послания апостола Павла — и доктрины, десятилетиями проповедуемые епископами в церквях. Вдохновенные сочинения гностиков они считают подделкой, мешаниной из нечестивых сведений (2.14.2). Новоявленные сочинения гностиков не являются настоящими писаниями, и в них не содержится настоящего знания. Истинное знание в их понимании в проверенной временем доктрине апостолов и вселенской церкви, ведомое епископам, представляющим тело Христово (4.33.8).

Общедоступно или в узком кругу?

Второе суждение связано с тем, какая религия лучше: общедоступная (экзотерическая) или для узкого круга (эзотерическая)? Христиан-

ские гностики высоко ценят закрытую, эзотерическую религию, что уподобляет их adeptам греко-римских и египетских мистерий. Они считают, что истина состоит из секретов и тайн, которые постепенно раскрываются членам группы по мере продвижения каждого из них на пути экстатических инициаций и достижения личностной зрелости через терапию. Обучение и обряды проводятся в узком кругу и могут дорого стоить, однако таинственность, эксклюзивность и дороговизна только добавляют ценности членству в группе.

Апостольско-католические лидеры придерживаются диаметрально противоположной точки зрения, крайне высоко оценивая публичную, общедоступную религию, похожую на общенародную религию, практикуемую в римских кругах или в иудейских синагогах. Закрытую религию они воспринимают крайне негативно, называют подпольной, сопряженной с распутством и оргиями. Таинственность, характерная для гностических течений, влечет за собой обвинения в колдовстве и фокусничестве (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 1.пред., 6.41.2–5), а также в элитарности, превосходстве и снобизме.

Чье прочтение вернее?

Полемика стало толкование Писаний, ведь гностики высоко ценили альтернативное их прочтение, в фокусе которого оказывались прячущиеся в тексте трещины и диссонансы. Они выискивают разрыв, колебания смысла. Наслаждаются обратными смыслами, будто разгадывая тайны, скрытые истины, никем прежде не замеченные. Кроме того, они выискивают в текстах аналогии и аллегории, чтобы вскрыть его духовный уровень. Такое эзотерическое, обратное толкование они ценят много выше простого прочтения слов.

Апостольско-католические лидеры ценят иной подход к истолкованию. Отбросьте смутные интерпретации, говорят они (Ириней Лионский, «Против ересей» 2.27.2). Надлежащее истолкование отражает то, что они называют прямым или естественным прочтением Писания. Христианам, полагает Ириней, следует в Писании читать «то, что подлежит нашему зрению» и «посредством ежегодного упражнения» воспринимать то, что «ясно и не обоюдно точными словами выражено». Прочтение «верно», когда многие люди читают текст и соглашаются в том, что в нем говорится (2.27.1).

Здесь он отсылается не к популярности и не к принципу большинства. Скорее он имеет в виду, что если один и тот же текст раздать многим людям, а затем спросить каждого, в чем его смысл, большинство даст сходный ответ, который и отражает буквальное прочтение слов. Такое прочтение в понимании апостольских католиков является

естественным, отражающим первоначальное намерение автора, и оно куда ценнее толкований позднейших читателей — вторичных и замешанных на сторонних интересах.

Правильное прочтение еще и гармонично, оно позволяет воспринять Писание как единое целое. В основе такого подхода лежит предположение, что пророческие книги и Евангелия согласуются между собой и в них содержатся общие идеи, доступные пониманию каждого. Они провозвещают одного Бога, творившего Словом, одно существо, создавшее мир и управляющее им.

В конечном итоге, согласно Иринею, правильное прочтение согласуется с апостольско-католическими доктринами и вероучением (Иринеи Лионский, «Против ересей» 2.27.1–2, 5.18.2).

Иудеи или христиане?

Вызывают много споров взаимоотношения гностицизма с иудаизмом. Большинство дискуссий среди ученых касаются вопросов зависимости: зародился ли гностицизм из иудаизма, указывают ли отсылки к иудейским писаниям на иудейские истоки (см. Smith 2004; Lahe 2012). Я бы предпочла сместить фокус дискуссии с этого неразрешимого вопроса на более комплексный, а именно: какого рода религиозные движения и позиции развиваются в отношении иудаизма, когда гностическая духовность принимается использовать во многих контекстах иудейские писания?

В противостоянии христиан — апостольских католиков и христиан-гностиков, несомненно, связь христианства с иудаизмом приобретает большую значимость. Христианские гностики ценят эту связь не так высоко, однако одни гностики обесценивают ее больше других, и в гностических кругах даже совершаются шаги с целью такого обесценивания и преступления иудаизма, какое сегодня назвали бы анти-иудейским. И то сказать, YHWH воспринимается как ущербный, мятежный, невежественный, высокомерный Бог, противостоящий трансцендентному верховному Богу. В ряде случаев YHWH причисляется к демонам. Иринеи отмечает, что гностики отвергают законы Моисея и все остальное из иудейских Писаний, поскольку посчитали, что они расходятся с Евангелиями и противоречат им. Пророков вдохновлял YHWH или его начальники, а не верховный Бог. Господь Иисус явился от другого Отца и проповедовал идеи, отличные от содержащихся в иудейских Писаниях (Иринеи Лионский, «Против ересей» 4.34.5, 4.35.1).

При этом даже в христианских Писаниях, по мнению христианских гностиков, не отражена истина в полной мере, поскольку, как

они считали, как минимум часть проповедовавших Евангелие апостолов все еще находились под влиянием иудаизма. Гностики, которым одним было явлено подлинное знание, полагают себя чище и умнее апостолов, по-прежнему подверженных влиянию иудаизма (3.12.12).

Как же в гностических кругах описывают связь христианства с иудаизмом? Там считают католиков лицемерными христианами, так и не отказавшимися от иудаизма, а потому по-прежнему причисляют их к евреям («Евангелие от Филиппа» ННС II.3 51.29–32). Католики, думали они, поддерживают сомнительную связь с иудаизмом, в том числе верят, что иудейский Бог ҮНҰН является верховным Богом. Они продолжают поклоняться ҮНҰН как рабы, раз за разом принося Ему в жертву Иисуса при каждом причастии, проводимом в их церквях, хотя Благой Бог никогда не стал бы требовать кровавых жертв.

Апостольские католики видели ситуацию под иным углом. Апостольско-католические лидеры признавали иудаизм нижестоящим по отношению к христианству, высказываясь в столь же антииудейском, с современной точки зрения, духе, однако высоко ценили поддержание связи с иудейскими Писаниями и иудейским Богом. Поддержание связи выражалось в обесценивании иудаизма как рабской религии, которую необходимо заменить чем-то лучшим. Иудеев они представляют непослушными последователями ҮНҰН. Ириней предполагает, что иудейские законы были внедрены для установления дисциплины. ҮНҰН установил законы Моисея, чтобы иудеи научились бояться Бога и правильно служить Ему (Ириней Лионский, «Против ересей» 4.14.3).

Однако, по мнению Ириней, иудеи так до конца их и не восприняли (4.15.1). К примеру, они так и не разобрались, как правильно приносить жертвы. Он считает кровавые жертвоприношения животных «рабских» иудеев ненадлежащей пищей, тогда как евхаристические жертвы освобожденной церкви чисты. Хотя Ириней утверждает, что ҮНҰН, которому служат и иудеи, и христиане, один и тот же Бог, он по-разному оценивает подношения Ему того и другого сообщества. Иудейские жертвы видятся рабскими, христианские же — избавительными (4.18.4).

Ириней утверждает, что церковь приносит свои дары как чистую жертву Богу, как благодарение Творцу. Подношение приносят нелицемерно, с чистыми помыслами, в вере, в надежде, в горячей любви (4.18.4). Хотя христианам действительно передалось по наследству рабство у ҮНҰН от прародителей Адама и Евы, от чьих действий люди стали смертными, Новый Человек, Иисус, смысл «нечистоту Сиона» и сделал людей чистыми (4.22.1).

Таким образом Ириней придает значимость связи своей церкви с иудаизмом и их общим Богом YHWH, в то же время уничтожая иудейский культ. По мнению апостольских католиков, Бог заместил иудаизм апостольским католицизмом. Себя они видели единственными послушными последователями YHWH. Это мнение привело к тому, что апостольские католики стали вытеснять иудаизм, в то же время используя его для привязки апостольского католицизма к религиозному прошлому предков, восходящему к временам древнего Израиля.

Подчинение или неподчинение?

В центре настоящего вихря различий в споре между гностиками и католиками находится природа человечества, поскольку этот спор зиждется на трансгрессии в чистейшем виде: вопросе подчиняться или не подчиняться. Христианские гностики ценят превосходство и врожденную божественность людей. Потребности человека они ставят выше потребностей традиционных богов и их мирских представителей. Причину человеческих трудностей видят в вынужденном рабстве у сил, правящих этим миром — как обитателей космических сфер, так и людских властей.

Для разрешения людских бед, по мнению гностиков, нужно в том числе сопротивляться властям и правителям, перестраивая космический порядок и одолевая демонов в личном противостоянии. Они верят, что свободный человек в силах преобразить наш мир и всех нас. Они отказываются оставаться в рабстве у религий, требующих умиловления, послушания и боязливого подчинения правящим божествам и их царям. Однако, хотя вопрос неподчинения космическим и людским властям обсуждался, политические перевороты не одобрялись. Борьба велась на личном и космическом уровнях для подчинения космических правителей личной доблестью, что покоряет демонов и наделяет гностиков силой, делая их новыми богами, стоящими выше старого порядка.

Совсем иначе дело обстоит с апостольскими католиками: они ценят в людях подчинение и проживание в сообществе с законами и порядками, установленными для контроля непослушной человеческой природы. Тем не менее, Ириней пытается убедить нас, что христиане не рабы библейского Бога, как иудеи, но на самом деле свободны. Он говорит, что библейский Бог установил законы для блага своего народа. YHWH ограничил народ, чтобы тот через послушание десяти заповедям смог достичь дара спасения. Дарованные ограничения и законы не должны теперь подталкивать нас к мятежу против Него, как апостатов. Несмотря на то, что YHWH ограничил людей законами,

чтобы на их основе вершить справедливый суд и награждать послушных бессмертием, он никогда не отбирал свободу и возможность самоуправления (Ириней Лионский, «Против ересей» 4.16.5).

Наивысшей награды достоин образ жизни, который Ириней именует «славой человека»: это непрерывное, покорное служение YHWH. Он рассуждает так: Бог сотворил человека, и сам этот факт делает нас его рабами. И хотя верно, что Бог ввел определенные законы, в том числе требующие приносить Ему жертвы, это не означает, что Ему нужны какие-либо подношения или что бы то ни было от нас (4.14.1). Напротив, Он сделал это ради блага людей, которым нужно было прозреть и увидеть, что такое истинная жертва. Это нам необходимо было делать подношения Богу, чтобы через послушание получить от YHWH жизнь (4.17.1–4).

Христиане делают то же, участвуя в таинстве причастия, проводимом в апостольско-католических церквях. Оно действует, как подношение первых плодов в знак благодарности, освящая творение (4.18.6). Бог не нуждается в подношениях, но хочет научить людей благодарности за творение (4.17.5). Господь Иисус дал наставления, как именно должно приносить Богу жертву. Это чистое жертвоприношение, единственно приемлемое для YHWH. Как приносим мы дары царям в знак почитания и восхищения, так же приносим дары и подношения и YHWH. Проявляя послушание и выражая благодарность, мы получаем от Него уважение и спасение (4.18.1).

Культура и контркультура в Риме

Чтобы в полной мере оценить контркультурную программу гностиков, полезно разобраться, чему придавали значение римляне. В первую очередь они ценили устоявшиеся традиции, «заветы предков». Считалось правильным поступать так же, как прежние поколения. Предки же учили, что основой римской цивилизации являются добродетель, верность и почтительность (рис. 9.2). Эти ценности поддерживали функционирование четко структурированного римского общества с жесткой иерархией, построенной на патрон-клиентских отношениях и статусах. Римляне, воплощавшие традиционные ценности, заслуживали более высокий статус в обществе (Martin 2012, 22).

Римляне высоко ценили общенародную религию и считали своим гражданским долгом приносить жертвы, возносить молитвы и проводить обряды, официально одобренные государством для городских храмов. Больше всего ценилась религия предков — из опасения, что изменение привычных почестей, воздаваемых богам, может оскорбить и прогневать последних. Почитание богов при помощи традици-

онных даров и благодарственных молитв поддерживало устоявшиеся отношения между богами и людьми. Подобное одобряемое религиозное поведение давало гарантию, что боги и дальше будут защищать город и заботиться о его жителях.

В этих отношениях люди выступали нижестоящими клиентами, чьими патронами и защитниками являлись вышестоящие боги. Воздавание почестей богам как вышестоящим, проявление уважения к власти и предкам, выполнение моральных обязательств по отношению друг к другу — все эти ценности были крайне важны, позволяли регулировать семейную и общественную жизнь и не допускать катастроф (Martin 2012, 34–40).

Для римлян «новое» означало «подозрительное» и «опасное». В сущности, новые явления означали революцию, поскольку римляне боялись, что новое потенциально разрушительно и может привести к нарушению социального порядка (22). Поэтому, когда дело касалось поклонения завезенным, «иноземным» богам, это вызывало беспокойство, даже ксенофобию. Римляне четко различали подлинную общенародную религию и «суеверия», к каковым относилось всё, что отступало от традиционного культа, заповеданного предками. Особенно сильные подозрения вызывали экстатические практики: пророчества, прямые контакты с богами и прочие действия без посредников

Рис. 9.2. Фреска начала IV века с изображением Ромы (персонификации Рима), стоящей на пьедестале из добродетели, чести и правления и держащей в руке Победу. Национальный музей Рима. Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.

и правил (Turcan 1996, 10–12). Подобные практики ощущались контр-культурными, расстраивающими налаженные традиционные взаимоотношения между богами и римлянами, что неминуемо ведет к катастрофе.

Из-за вышеперечисленных ценностей римляне с подозрением относились к ранним христианам в целом, считая их девиантами, и критиковали христианскую религию как «новую» и «основанную на суеверии». Такое представление дорого обошлось всем христианским группам, что зарождающиеся католики осознали и решили исправить. К началу II века апостольско-католические лидеры стали прицельно работать над лучшим взаимодействием их религии с традиционными римскими ценностями. Хотя католики и отвергали многие аспекты римского общества как нездоровые и языческие, они все же начали подстраивать и приспосабливать свою новую религию к Риму, продвигать ее как «общенародную», заявляя о связи древних обычаев предков с иудаизмом. Католики принялись писать трактаты, заверяя в них римских правителей в том, что являются добрыми, «нравственными» гражданами.

Подобной адаптации не происходило в большинстве христианско-гностических групп, где ценилось новое, явленное через откровение, непосредственный опыт взаимодействия с Богом, превосходящим богов гражданского долга и патрон-клиентских отношений. Христианские гностики мало ссылались на прошлое и предков, предпочитая разорвать связь с иудаизмом и выйти на рынок, продвигая нового, прежде неведомого Бога, который знать ничего не желает о традиционных жертвоприношениях и прочих общепринятых церемониях. Для гностиков религия – не гражданский долг и не моральное обязательство, но вопрос личной терапии и триумфа. Человек и его потребности выше старых богов, ведь он свергает их и их земных представителей. Такая транстеистическая точка зрения не только шла вразрез с иудаизмом, но и римский культ втаптывала в грязь.

Гностические группы возникали на окраинах религии, в рамках социально-политической обстановки, не слишком благоприятной для людей, вступавших в подобные сообщества (см. Rudolph 1983, 282–92; Grant 1966, 33–37, 118; Dahl 1981, 689–712; Smith 2004; Segal 1977, 262–65; Yamauchi 1978; Wilson 1995, 206; Pearson 1997, 120; Green 1985). В реалиях древнего мира римская колонизация втаптывала в грязь местное население и его религии, создавая социальную, политическую и религиозную обстановку, неблагоприятную для большинства. Такая обстановка служила плодородной почвой для возникновения контркультурных гностических течений.

Американский историк Теодор Роззак, популяризовавший термин «контркультура», считал, что контркультура возникает тогда, когда люди больше не могут соотносить свой моральный компас и видение идеала с общественными и общественные институты их отторгают (Roszak 1968, 95–96). Роззак определяет сущность контркультуры, выражаясь психологическими терминами, как насилие над реальностью эго. Контркультура же «выходит за рамки сознания доминирующей культуры и рискует показаться бесстыдным упражнением в извращенной чуши» (5). Ее можно сравнить с вторжением кентавров, которых должен увести Аполлон (хотя порой Аполлон проигрывает). Она черпает идеи и силы с морального и образного уровня личности, лежащего глубже, чем эго или разумное сознание. Хотя Роззак именуется этот глубинный аспект человеческой личности не иначе как «неразумное сознание», он считает, что именно он подбрасывает нам ведущую идею и в конечном итоге определяет, что мы считаем нормальным.

Роззак утверждает, что контркультура находит отражение в любом лице или движении, ставящем неразумное знание и личное видение выше культурных построений в области знания. Таким образом Роззак смог взять вопрос контркультуры, применявшийся к поколению хиппи, исследованиями которого он занимался, и феноменологически приложить его к тому, что для него было важно на глобальном уровне: духу человечества, который лежит в основе социальных систем и идеологий и должен служить предельной точкой в определении нравственности (62). Василид, Валентин и их собратья-гностики воскликнули бы: «Аминь!»

Социологические исследования контркультурных движений показывают, что для некоторых людей трансгрессия может стать флагом, способом мобилизоваться и в корне изменить обстановку, в которой они оказались беспомощными. Деятельность такого рода движений нередко приводит к политическим переворотам и насилию (Franzese 2009, 30–31; Wolfreys 2008, 4; Cresswell 1996, 163–76). Однако с гностиками такого не произошло: должно быть, они понимали, что поднимать оружие против Рима бесполезно. Вместо этого они перенаправили свою трансгрессию в иное русло и устроили небесный переворот, стремясь свергнуть орду демонов, управляющих нашим миром и сажающих на престол царей и князей. Им казалось, что если взять под контроль страх и его корни, обезоружив владык небесных, то и земные их представители — цари — неминуемо падут.

Еще более контркультурной была вера гностиков в то, что люди замещают богов. Человек перешагнул границу, столь долго отделявшую богов от людей. И теперь человек оказался не на месте: божественное

создание, более не боящееся ни богов, ни предков, ни обязательств, накладываемых традиционным статусом. Гностики оказались свободны от социальных и политических ограничений, установленных богами и предками столетия назад.

Римляне не ошиблись. Такие идеи действительно несли опасность и радикальные перемены.

Гностические стратегии

При взгляде на обстановку в мире древних религий становится ясно, что на этом рынке царила жесткая конкуренция (Sanders 2000; Lieu 2002, 69–79; Brakke 2006). Свидетельства апостольско-католических лидеров указывают на ожесточенное соперничество христианско-гностических сообществ с католическими церквями. На самом базовом уровне борьба велась за прихожан: кто сможет их привлечь, кто удержать и кто переманить. Гностиков всех мастей обвиняли в том, что они с успехом убедили немало апостольских католиков примкнуть к их сообществам (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.16.3, 3.15.2). Особенно успешными называют выдающихся харизматиков вроде Марка, переманивавшего членов других церквей в Галлии (1.13.1).

Какими стратегиями руководствовались гностики для привлечения и удержания новых прихожан? Хотя одним из первоочередных факторов при обращении служили социальные связи — семейные, дружеские, вассальные — с людьми, уже входившими в группу (Eshleman 2011), различные группы апеллировали к эмоциям и жажде познания разных людей, использовали разнообразные маркетинговые стратегии для набора и удержания членов. В некоторых гностических группах, к примеру, более либерально относились к роли женщин в общине, давая им возможность занимать руководящие позиции, закрытые для женщин в апостольско-католических конгрегациях. По этой части особенным успехом пользовался Марк, завоевывая состоятельных женщин, оказывавшихся в его гностической церкви на позиции власти в качестве пророчиц (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.13.3).

Также в гностических сообществах придерживались более экстремальных взглядов на брак. Некоторые, как валентиниане, считали брак сакральным, а эротические сношения с супругом — искупительными. Это привлекало некоторых христиан, оказавшихся среди католиков, проповедовавших целомудренный секс исключительно как нечто необходимое для продолжения рода. В других гностических сообществах, судя по всему, придерживались философии жизни без

страстей, что привлекало христиан, вообще не желавших возиться с браком и заводить семью (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.25.3).

Чтобы убедить людей присоединиться к их сообществам, гностики также прибегали к красноречию и превосходному знанию философии. Ириней отмечает, что люди склонялись к обращению, наслушавшись великолепных речей гностических лидеров (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.25.3). Толкования гностиков опирались на древнюю философию, и потому их лидеры производили на окружающих впечатление больших интеллектуалов. Они представляли свои идеи как новинки тем, кто не понимал, в чем состоит разница, или кого это не волновало (Ипполит Римский, «Обличение всех ересей» 5.6.1–2).

Тертуллиан («Против валентиниан» 4.1–4) отмечает, что Валентин был столь красноречив, столь гениален даже, что ожидал собственного назначения следующим епископом Рима. Когда этого не произошло, Валентин покинул апостольско-католическую церковь и, как было показано в главе 8, открыл собственные двери, забрав с собой в качестве учеников немало столь же талантливых людей. Они продвигали собственную марку знания как интеллектуально превосходящую другие, пренебрежительно отзываясь об апостольских католиках как о невеждах (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.6.4).

Кроме того, гностики прекрасно отдавали себе отчет в том, что уникальные и тайные практики весьма притягательны. Вступавшие в их сообщества люди чаще всего оставались, чувствуя, что обладают чем-то очень ценным, чего нет у других. В гностических группах, где за посвящение взималась плата, участников мотивировали в том числе деньги. В большинстве, а то и во всех гностических группах участникам обещали все более и более совершенное знание с каждым годом, проведенным в их рядах. В нескольких наиболее хитроумных группах подобное обещание тянулось до смертного одра, когда на уху умирающему шептали последние слова сокровенной мудрости.

Ириней больше всего беспокоила еще одна стратегия: некоторые гностические группы охотно принимали облик апостольских католиков, используя те же литургии, обряды и катехизис. Новообращенные недоумевали: почему апостольские католики сторонятся других групп, говорящих вроде бы то же самое (Ириней Лионский, «Против ересей» 3.15.2)? Римский философ Цельс непосредственно взаимодействовал с офитами, и те сказали ему, что являются христианами. Цельс принимает это за чистую монету, и Оригену, апостольско-католическому учителю из Александрии, приходится выворачиваться наизнанку, чтобы убедить нас в обратном.

Суровая конкуренция

Итак, почему же, с учетом всех упомянутых успешных маркетинговых приемов, конкуренцию выиграли апостольские католики? Тут мы подбираемся к самой сути проблемы. Понять трансгрессию означает понять, чьи нормы нарушаются и какое поведение «пострадавшая» группа определяет как трансгрессивное. Трансгрессия всегда подразумевает неравенство сил. В силу своего влияния одни люди в обществе имеют больше власти, чем другие. Люди, имеющие доступ к управлению политикой, экономикой и такими социальными ресурсами, как СМИ, более успешны в выдвижении определений нормального и ненормального, чем люди, менее влиятельные в этих сферах. И чаще всего власть имущие находят менее влиятельных ненормальными и требуют суровых санкций против их трансгрессивных действий (Clinard and Meier 2008, 11–12, 76–83; Franzese 2009, 88–101). Системы социального контроля, подавляющие и наказывающие за трансгрессию, как правило, указывают на то, что трансгрессией считаются действия, противоречащие интересам людей у власти. Трансгрессия становится трансгрессией, потому что нарушает стандарты поведения власть имущих, способных ввести санкции, чтобы отбить желание поступать подобным образом в будущем.

Когда становится очевидной связь между трансгрессией и санкциями и наказаниями, стоящим у власти необходимо убедить народ в законности установленных ими стандартов и санкций (Clinard and Meier 2008, 16–17, 28–29). Для этого стандарты ассоциируют с моралью, этикой или другими преимуществами, например, экономическими. Подобного типа убеждение наиболее действенно при наличии публикаций и агитации (19). Следовательно, у людей, контролирующих средства массовой информации и имеющих к ним доступ, значительно выше шансы обеспечить законность и более широкое распространение в обществе своих стандартов.

Ересиологи описывают гностиков как множество разбросанных по Римской империи местных организаций, возглавляемых разнообразными харизматичными учителями. Свои книги разные учителя издавали для своих же общин. Их эзотерические публикации существовали обособленно, не получая широкого распространения. Им придавали большое значение внутри гностических групп, но за их пределами знали редко. Таинственность гностиков, одна из наиболее привлекательных их черт, оказалась в то же время и величайшей их слабостью.

Во II веке между гностическими лидерами не существовало соглашений, формальных связей и сношений, не было официальных

методов передачи главенства из поколения в поколение (Ириней Лионский, «Против ересей» 5.20.1). Тертуллиан говорит, что каждый учитель выдвигал собственное мнение или толкование Писаний без всякого согласия с другими. Одни учителя скажут: «Это не так», другие отметят: «Я вижу это иначе» или «Я такого не признаю» (Тертуллиан, «Против валентиниан» 4.4). Результатом такой противоречивости и отсутствия преемственности лидеров стала децентрализованность управляющих структур, их неспособность поддерживать общины и обеспечить связь между поколениями.

Как мы увидим в следующей главе, осознал и попытался решить эту проблему только гностик Мани в III веке. Он первым создал централизованную гностическую церковь, которая оказалась настолько привлекательной и сильной, что развилась в первую мировую религию, стала единственной гностической церковью, сумевшей составить достойную конкуренцию католическим церквям и сохранить мощь и силу на протяжении столетий.

Однако апостольские католики осознали важность преемственности задолго до возникновения церкви Мани. В этом вопросе он был не новатором, а подражателем. К середине II века апостольские католики принялись выстраивать сеть церквей по всему Средиземноморью, связывая конгрегации между собой на уровне руководства, доктрины и обрядовой системы (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.10.2–3). Они даже начали централизовать власть вокруг римского престола, история которого восходит к временам святых Петра и Павла (3.3.1–3). Это было буквально гениальное решение.

В восприятии католиков у их веры и порядков имелась история, традиция, напрямую связывавшая их с Иисусом и апостолами. В выпускаемых книгах они начали продвигать свою традицию как «апостольскую» и «библейскую», и книги эти раздавались свободно — как собратьям-христианам, так и римским политикам. В своих широко распространяемых изданиях они подчеркивали собственную связь с иудейским прошлым, полным благочестия и почитания Писания, тем самым придавая своей молодой религии флер древности и весомости, подспудно встраивая определенные установки о УНВН и человеческом существе. Как мы уже видели в этой главе, такой подход помогал ослабить подозрительность римлян, убедить их, что христианство — не просто новое экзотическое суеверие.

В своем кругу апостольские католики разработали и стали распространять через сеть церквей краткий список догматов веры, который прихожане заучивали наизусть и многократно повторяли. Этот список упоминается как «правила веры» или «твердая истина» и позиционируется как «апостольский» (Ириней Лионский, «Против ересей»

1.9.5, 1.10.1, 2.9.1, 3.3.1). В версии Ириней (1.10.1) говорится следующее:

Церковь, хотя рассеяна по всей вселенной даже до концов земли, но приняла от апостолов и от учеников их веру в единого Бога Отца, Вседержителя, сотворившего небо и землю, и море, и все, что в них, и во единого Христа Иисуса, Сына Божия, воплотившегося для нашего спасения, и в Духа Святого, чрез пророков возвестившего все домостроительство Божие и пришествие и рождение от Девы, и страдание и воскресение из мертвых и вознесение во плоти на небо возлюбленного Христа Иисуса Господа нашего, а также явление Его с небес во славе Отчей, чтобы возглавить все и воскресить всякую плоть всего человечества, да пред Христом Иисусом, Господом нашим и Богом, Спасом и Царем, по благоволению Отца невидимого, преклонится всякое колено небесных и земных и преисподних, и всякий язык исповедает Ему, и да сотворит Он праведный суд о всех.

Такой догмат предлагал простой ментальный блок верований группы, который легко усвоить и признать законным. Это способствовало сплочению ментальности сообщества и формированию его идентичности как единой и позиционной, нормальной и естественной. По всей огромной сети возникли нормы поведения и веры, которые и лидеры, и прихожане принимали как данность, считая базовыми маркерами христианской идентичности по всему миру. Соответственно, и себя они начали воспринимать как мировую церковь и именоваться католической (вселенской) церковью (Ириней Лионский, «Против ересей» 1.10.2–3, 4.33.8).

Наконец, не стоит забывать о позоре и наказании — сдерживающих факторах, которые католики использовали, чтобы предотвратить отток участников из конгрегаций. Бывших прихожан, отступивших и примкнувших к гностическим общинам, отказавшихся от прежней веры в УНВН, Ириней обвиняет в трансгрессии. Их объявляют худшими из грешников (4.27.3). Вернувшиеся в лоно апостольско-католической церкви должны публично исповедаться, унижаясь перед лицом всей конгрегации. Ириней видит подобное перетекание прихожан туда-сюда как повсеместную проблему. Он утверждает, что в апостольско-католическую церковь часто возвращались. Перед принятием обратно от заново обращенных христиан требовали публично исповедаться в том, что в посещаемой ими гностической церкви их унижали и развращали (см. Eshleman 2011, 193, 211–12).

Успешное применение апостольскими католиками силы для введения санкций против девиантных, с их точки зрения, верований и действий укрепило видение их позиции как нормальной и правильной. Чем больше повторялись их догматы, тем четче очерчивались границы трансгрессии. Чем больше людей переживало позор и унижение на публичных исповедях, тем меньше возникало новых попыток трансгрессии. Все упиралось в социальную власть. И в конечном итоге именно это определило границы правильного и неправильного, ортодоксии и ереси.

Ортодоксальные предписания

Трансгрессия — это намеренное нарушение нормы, которую доминирующая группа признает предписанием, законом или обычаем. Это шаг за черту, пересечение границ, выход за пределы традиций, отступление от стези добродетели, слом рамок. Трансгрессия подразумевает некий переход и посягательство, передвигающее человека с одного места на другое. Этот переход не нейтрален. Он отражает движение от стандартного и разрешенного к запрещенному и незаконному (Wolfreys 2008, 3).

Для появления трансгрессии для начала требуется какой-то стандарт или обычай, по которому доминирующая в обществе группа устанавливает, определяет и оценивает идентичность и границы (Wolfreys 2008, 4). Навешивание ярлыка трансгрессии свидетельствует о наличии предположительной «нормы», хотя это еще необязательно ортодоксия или предписанный «верный путь». Напротив, ортодоксию — предписание верного пути — создает факт нарушения нормы. Трансгрессивные действия дают власти предержащим повод внести ясность в общепонятные прежде категории и установить официальные категории с официальными границами и официальными санкциями (Cresswell 1996, 20).

Как это работает? Реакция на трансгрессивные действия выявляет то, что прежде считалось естественным или принималось как данность. Зачастую люди даже не подозревают о существовании подобной географии норм. Акт трансгрессии пробуждает осознание и резко направляет людей к нормативному ландшафту. Именно в этот момент проводится черта: то, что принималось как данность, становится правильным, ортодоксальным, а трансгрессия становится «ошибочным» — еретическим. Когда сталкиваются различные ценности разных групп, норму определяют те, у кого есть такая власть. Длительный процесс реакции на трансгрессию и выработки новых опре-

делений создает в обществе ортодоксию, суждение о правильности и неправильности определенных типов поведения (Cresswell 1996, 10).

Важно помнить, что официальная ортодоксия, ее обозначение и поддержание, не создается просто по желанию доминирующей группы. Другие члены общества должны быть уверены, что идеи доминирующей группы благотворны. Таким образом, к доминирующему положению обычно приводит апелляция к тому, что принимается как данность, считается естественным или разумным, к здравому смыслу (Bourdieu 1977, 164; 1984, 468). Доминирующая группа должна взять что-то, что прежде не вызывало вопросов, и защищать его, как порядок вещей, от тех, кто говорит иное (Cresswell 1996, 21). Для достижения успеха в таком деле группа должна представить свое самоуправство как нечто естественное (Bourdieu 1977, 164). Именно поэтому трансгрессия кажется чем-то противоестественным, нарушающим паттерны, которые мы ассоциируем с нормальностью, и рушащим незримые мифы о консенсусе в любом отдельно взятом обществе (Cresswell 1996, 26).

Хотя трансгрессивные действия могут смущать и дезориентировать, они также выявляют существующее положение вещей. Трансгрессия нужна нам, чтобы увидеть центр или даже в принципе осознать, что существует некая граница. Изучая маргиналов, мы узнаём, где находится центр, как выстроена сердцевина того, что общество считает правильным и приличным (Cresswell 1996, 9–27).

Католическое построение

В случае с христианством II века гностическая трансгрессия выявила базовые установки более централизованных апостольских католиков. Как мы видели, положение этой общности христиан больше подходило для использования социальной власти в своих интересах, чем положение менее централизованных, эзотерических гностических групп. Теперь апостольским католикам нужно было убедить окружающих — и христиан, и нехристиан — в том, что их установки и нормы естественны, разумны и здравы. Нужно было отстоять свой порядок вещей, защитить его от гностиков, говоривших иное. Поскольку ценности апостольских католиков лучше согласовывались с нормами римского общества по сравнению с контркультурными ценностями гностиков, задача по убеждению народа в правильности и естественности апостольско-католической позиции значительно упрощалась.

Вооружившись пространными рассуждениями с постоянными отсылками к отрывкам из Писания и их «естественному» толкованию,

апостольские католики принялись доказывать правильность своих установок и ошибочность гностических верований и действий, широко распространяя свое мнение. Фундамент этого предприятия зиждется на постоянном обращении к исторической связи между иудаизмом и христианством. За счет поддержания этой связи христиане вроде Ириней обосновывали утверждение, что христианские Писания гармонично сочетаются с иудейскими, что одно должно поддерживать другое, а не противопоставляться ему. Поэтому само собой очевидно, что в христианских и иудейских Писаниях речь должна идти об одном и том же Боге, создателе мира, а не о двух противопоставляемых божествах (Ириней Лионский, «Против ересей» 3.1.1–2).

Уважение к связи с иудаизмом и замене его христианством также позволило апостольским католикам утвердить некоторые традиционные иудейские установки как «существующее положение вещей». Началось с организационного оформления поклонения YHWH, Богу иудеев. Связь с иудаизмом позволила католикам ввести как данность веру в то, что Творец YHWH и есть верховный Бог, почитаемый христианами, что он не является ни ущербным существом, ни апостатом (2.пред.1, 2.2.5).

Подобным же образом удалось сделать естественной для христиан традиционную иудейскую установку о том, что, будучи созданы YHWH, люди стоят ниже Него по статусу и должны служить Ему (2.22–28, 2.26.1, 2.30.2, 4.38.1, 3). Аналогично самоочевидной для христиан нормой стала иудейская установка о том, что спасение зависит от соблюдения введенных YHWH правил, от праведности и благочестия, хотя список правил сократили до десяти заповедей. Воскрешение плоти, по-видимому, также является иудейской установкой, утвержденной для христиан как естественное верование (2.29.2, 4.пред.4).

Однако утверждение иудейских установок для католиков было делом рискованным, ведь требовалось также выстраивать естественную базу для собственных Писаний, верований и практик, вытесняющих иудаизм, не заменяя при этом полностью законы и пророчества. С этой целью они стали характеризовать христианские Писания и традиции, на которые опирались церкви, «апостольскими» (3.1.1). Это помогало убедить окружающих, что их церкви используют не «сфабрикованные» писания и новопридуманные традиции, но опираются на Писания и традиции, по праву отражающие откровение YHWH, явленное через Сына, Иисуса, и первых апостолов (4.33.8).

В конечном итоге христианская ортодоксия выстроилась на основе натурализованных установок апостольско-католического правила веры благодаря задействованию мощных социологических сил римско-

го общества. Существовавшие параллели между ценностями римлян и апостольских католиков помогли утвердить и принять как естественные так называемые положения предков последних, поставив их выше и противопоставив идеям новаторов-гностиков. Ортодоксия стала означать послушание учению пресвитеров апостольско-католических церквей, лидерам, признанным преемниками апостолов. Именно они обладали «дарованием истины», которое передавали своим преемникам в апостольско-католических церквях. Им следовало подчиняться.

Христиан предупреждали, что следует относиться с подозрением к любым группам, не принадлежащим к этой цепочке епископов, и к конгрегациям, собирающимся в местах, не одобренных епископами. Подобные отступники и вольнодумцы могут быть только революционерами, считали они. Они могут быть лишь опасными раскольниками и будут сожжены огнем Божиим (Ириней Лионский, «Против ересей» 4.26.2).

Безумие гностика

В фильме Аронофски полученная трансгрессивная гностическая истина толкает гностика к краю безумия. Знать Божьи тайны значит играть с огнем. Как говорит Сол Макссу в фильме «Пи»: «Это знание — смерть». Отчасти в этом и заключается идея культовой классики Аронофски.

Отчасти же она связана с людской природой. Макс так похож на многих из нас. Он любопытен и тщеславен. Он хочет постичь знание о Боге, и его не заботит, чего ему это будет стоить. «Я пойму, что это!» — кричит он Солу.

Позже, беседа с хасидским раввином, Макс вдруг понимает, что явление 216-значного числа означает, что он видел Бога. Раввин повторяет предостережение Сола, говоря Макссу, что божественное знание его убивает. Человеческий мозг не в состоянии хранить абсолютную истину без вреда для себя, особенно когда его обладатель к для этого не подготовлен.

Однако Макс наслаждается мыслью, что знание обо всем на свете было дано ему и ему одному. Он был избран. Он осознает, что теперь Бог находится внутри него и Его присутствие меняет его. И гордится этим.

Но в конце концов изменение становится слишком сильным, и Макссу с ним уже не справиться. Мигрени, вызванные физическим перестроением мозга под воздействием доставшегося ему божественного знания, делают его совершенно недееспособным. Его страдания

на экране буквально осязаемы. В конце фильма мы снова видим Макса перед зеркалом в ванной. Но на этот раз он подносит к голове не ножницы. Теперь в его руке электродрель, и конец ее направлен на выпирающую артерию над ухом Макса. Больше не сомневаясь в безумии Макса, мы с ужасом смотрим, как он вгоняет вращающееся сверло себе в череп, уничтожая образовавшийся там божественный центр (рис. 9.3).

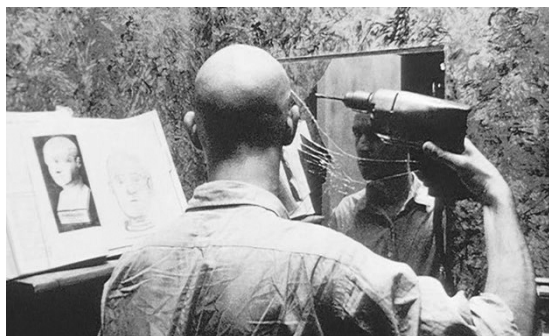

Рис. 9.3. Макс Козн (Шон Гуллетт) в фильме «Пи» делает себе лоботомию.

Наступает финальная сцена, в которой мы впервые с начала фильма видим Макса в состоянии покоя. Он тихо сидит на скамеечке в парке. Высверлив из своей головы опасное знание о Боге, он стал кроток и умиротворен.

Хотя работу Аронофски представляли как авангардный оккультный фильм, после его просмотра мы получаем нечто вполне традиционное. Фильм подкрепляет ортодоксальный стереотип тщеславного, опасного гностика, живущего на грани безумия и шизофрении. Уничтожение Гнозиса — единственный путь к миру с собой.

Глава десятая. Плезантвильские религии

Бетти Паркер

Бетти Паркер живет в черно-белом мире: классическая мама из пригорода, исполняющая главную роль в перезапуске сериала 1950-х «Плезантвиль» (рис. 10.1). Она ходит по комнатам своего черно-белого дома, неизменно улыбается, зовет детей за стол, обещая горячий завтрак — блинчики с черникой, «ваши любимые». Ее заурядный муж Джордж каждый вечер возвращается с работы со словами: «Милая, я дома. Где мой ужин?» И они очаровательно садятся за стол вместе.

Дэвид — подросток, живущий в 1996 году — полностью поглощен «Плезантвилем». В его собственной жизни царит хаос, мать и сестра уделяют все свое внимание новым приятелям, а он остается в одиночестве и изоляции. В попытке справиться с хаосом и изоляцией Дэвид замкнулся в себе и с головой ушел в мир телесериала о Плезантвиле. Съежившись на диване, он ест кукурузные чипсы и снова и снова пересматривает сериал.

Вскоре после начала фильма Гэри Росса «Плезантвиль» в доме Дэвида появляется телевизионный мастер, которого никто не ждал, и дает Дэвиду и его сестре Дженнифер необычный пульт дистанционного управления. При активации пульта обоих подростков засасывает в телевизор — в мир Плезантвиля.

Рис. 10.1. Бетти Паркер (Джоан Аллен) с помощью серой косметики скрывает свой «цвет» в фильме «Плезантвиль» (1998).

На первый взгляд, в «Плезантвиле» раскрывается классический сюжет о взрослении и принятии ответственности; Дэвид и Дженнифер учатся выживать во взрослом мире и находить свое место в нем. Но под поверхностью развивается и другой сюжет: о про-

буждении гностика к реальности и обретении его сущностью силы варьировать, трансформировать и радикально менять окружающий мир. В рамках этого гностического подтекста Дэвид и Дженнифер предстают посланниками из «реального» мира, явившимися в Плезантвиль с революционными идеями, благодаря которым персонажи сериала пробуждаются и из черно-белых становятся цветными.

Их пробуждение отмечено традиционными штрихами вроде поедания плода с древа познания. Только этот поступок описывается как нечто не греховное, но восхитительное. Это гностическое пробуждение, выводящее персонажей из смерти в жизнь, из черно-белого в цвет. На протяжении фильма персонажи один за другим становятся цветными, когда осознают, что их жизнь была фальшивкой, подчиненной законам жанра. В их жизни не было настоящего выбора. Однако стоит им начать мыслить самостоятельно, как каждый осознает свои личные желания и возможности. Они начинают делать вещи, нарушающие уклад их традиционного общества — райского мирка, созданного для успокоения людей, мечтающих всегда ужинать вовремя.

Пробуждение от обмана сериальной мамы Бетти начинается с того, что Дженнифер, ставшая ее плезантвильской дочерью, заговаривает с ней о сексе. Бетти становится цветной, когда начинает мыслить самостоятельно и осознает, что жила в обмане, подавлявшем ее истинную природу, истинную сущность.

Мистер Джонсон, владелец местного кафе, задумывается о фальшивости своей жизни, состоящей из протирания стойки и переворачивания бургеров. Настоящую радость ему приносит рисование праздничных картинок на витринах своего кафе. Он хочет быть художником. И он становится цветным, когда берет в руки кисти и принимается рисовать на витринах гипертрофированные изображения обнаженной Бетти в кубистском стиле.

В Бетти и мистере Джонсоне находит отклик революционная гностическая идея: «мыслите самостоятельно, действуйте по собственной воле». Они становятся богами. И вместе с этим Плезантвиль охватывает хаос. Цветные и черно-белые бунтуют, борясь за свой город и свое будущее, и на улицах вспыхивает насилие.

Религия мертвеца

Благодаря большей централизованности, приспособлению к иудейским и римским нормам и успешному использованию доступных СМИ к концу II — началу III веков апостольско-католическая церковь заняла доминирующее положение в христианском мире. Менее склонные приспособляться, не обладающие долгой историей гностиче-

ские общины же сталкивались с возрастающим уровнем враждебности, обличениями и отторжением.

Подобно тому, как вспыхивает насилие в Плезантвиле, когда персонажи-гностики бросают вызов традициям, в некоторых древних гностических текстах содержатся намеки на то, что их сообщества не только отвергались, то и подвергались гонениям и физическому насилию за их веру и практики (см. «Подлинное учение» ННС VI.3 26.20–26; «Первый Апокалипсис Иакова», Кодекс Чакос [ТС] 1 25.9–14; «Второй трактат великого Сифа» ННС VII.2 59.22–29). Подобные атаки не сводились лишь к насилию от рук римлян, преследовавших христиан; имело место и насилие от рук апостольских католиков. «Нас возненавидели и подвергли преследованиям, — отмечает один древний гностик, — не только незнающие, но также и те, которые полагают себя богатыми именем Христа, осуетившиеся в неведении, так как они не знают, кто они, как бессловесные животные» («Второй трактат великого Сифа» ННС VII.2 59.22–62.26).

Далее этот автор-гностик объясняет, что знакомые ему апостольские католики нелепы до абсурда, поскольку их религия основана на глупой доктрине о мертвеце, чье тело пожертвовано в уплату за грехи. Их церковь — несуразное подражание истинному христианству, которое проповедует гностик. Якобы предлагая христианам свободу через смерть Христа, на самом деле апостольско-католическая церковь ввергает их в рабство. Подобные смехотворные доктрины, говорит он, всего лишь трагические шутки, распространяющие страх. Эти доктрины делают ничего не знающих христиан рабами правящих миром архонтов. Апостольские католики ненавидят и преследуют тех, кто в полной мере знает Христа — гностиков, сами будучи ущербными. Они служат УНВН, отвергая почитание истинного Бога, превосходящего все сущее.

Играя на слове «вселенский» или «универсальный», автор-гностик отмечает, что апостольские католики — вовсе не универсалисты, как предполагает их самоназвание — «католики». Их доктрины лишь разделяют людей и порождают открытую вражду, говорит он. Это гностики знают вселенского Бога и проповедуют совершенную любовь, дружбу и гармонию. Это гностики по-настоящему знают, что такое свобода («Второй трактат великого Сифа» ННС VII.2 59.30–62.26).

Автор «Гностического апокалипсиса Петра» (ННС VII.3 74.1–75.7) выражает сходную точку зрения. Он считает, что апостольские католики стали рабами правителей мира, поскольку цепляются за имя мертвеца, веря в сердцах своих, что принесение в жертву его тела очистит их. Это злое, богохульное учение. Из него не выйдет ничего хорошего.

Он предупреждает, что апостольские католики находятся в опасности, пока не поймут, что душа смертна, что истинно бессмертная сущность есть дух. Они восстают против истины и продолжают проповедовать заблуждение. Устанавливают законы, противоречащие желаниям Иисуса (75.7–77.22). Их религия — негодный остаток, слабое подражание во имя мертвеца.

Нас поносят, говорит автор-гностик, беспрестанно твердят, что спасение придет лишь через смерть Иисуса. Не ведают они, что являются пленниками, которых однажды низвергнут в запредельную тьму. Их предводители, называющие себя «епископами» и «диаконами», ведут себя так, будто получили власть от Бога, и апостольско-католические прихожане глупо склоняются перед их суждением. В действительности же их главы лишь «каналы безводные» (78.1–79.31). Они слепы и глухи (76.21–23).

Открываем «Евангелие Иуды»

Со взглядом гностиков на апостольских католиков как наивных, легковверных людей, смешных в своем поклонении не тому Богу и вере в связь спасения со смертью Иисуса я столкнулась в 2006 году, когда была обнаружена и впервые с античных времен издана гностическая книга под названием «Евангелие Иуды» (рис. 10.2). Это древняя книга, которую упоминает в своих сочинениях, направленных против гностиков, епископ Иринеи. Он говорит, что в этом Евангелии предатель Иуда представлен как ученик, знавший истину об устройстве мироздания и потому совершивший «тайну предания» (Иринеи Лионский, «Против ересей» 1.31.1). В этом параграфе Иринеи также подразумевает, что Иуда в Евангелии предстает гностическим героем и что гностики признавали страшных грешников своими святыми.

Однако теперь, когда у нас есть возможность самим прочитать «Евангелие Иуды», становится ясно, что свидетельство Иринеи создавало ложное представление. Хотя вначале многие ученые восприняли текст неверно и предположили, что Иуда в нем предстает героем, как и заявлял Иринеи, мой собственный перевод данного Евангелия и посвященная ему работа опровергли это мнение (DeConick 2009). «Евангелие Иуды» преподнесло сюрприз, поскольку Иуда в нем не герой, но демон — еще хуже, чем дьявол, вселившийся в душу предателя, как описано в Евангелиях от Луки (22:3) и от Иоанна (6:70–71, 13:2, 14:27, 30–31). Это Евангелие — буквально апофазия (в значении «обвинение», от греч. *apophainō*) Иисуса против Иуды за дьявольские действия последнего («Евангелие Иуды» ТС 33.1–33.6).

В «Евангелии Иуды» Иисус называет Иуду «тринадцатым демоном». В других сифианских текстах так именуют темного владыку Ялдабаофа, известного как «Бог Тринадцати Царств (Эонов)» («Евангелие египтян» NHC III.2 63.19). Согласно сифианской космологии, мир делится на пять бездн и семь небес, которыми правят демоны-архонты. Выше их всех лежит тринадцатое царство — царство неподвижных звезд, и им правит Ялдабаоф, величайший из демонов («Евангелие Иуды» ТС 51.12–15). В этом Евангелии Иуда ассоциируется с тринадцатым царством и его звездой, что указывает на то, что он в союзе с темным владыкой, правящим мирозданием из сферы неподвижных звезд (55.10–11; ср. 46.19–24). С такой демонической ассоциацией Иуде говорится, что он однажды и сам может стать темным владыкой тринадцатого царства и властвовать над другими двенадцатью (46.5–7).

Учитывая, что Ялдабаоф — гностическое имя для иудейского библейского Бога YHWH, тут мы имеем дело с чем-то по-настоящему интересным. С YHWH отождествляется не Иисус, но Иуда. Принимая во внимание сифианские верования, ассоциация не такая уж невероятная. Если YHWH — демон, а не благой Бог-Отец, то Иисус не может быть YHWH, как верили апостольские католики. А вот Иуда очень даже может!

Рис. 10.2. Автор со страницей «Евангелия Иуды» в фонде Мартина Богмера в Женеве, 2014 год. Фото любезно предоставлено Эйприл Д. ДеКоник.

Ты — драгоценность

Примечательно то, что об ассоциировании Иуды с Ялдабаофом в античные времена знали, в том числе за рамками «Евангелия Иуды». Этот факт попал в поле моего зрения в 2008 году, когда мой тогдашний студент Грант Адамсон принес мне фотографию одного амулета. Когда он показал мне снимок, я чуть не упала со стула. Передо мной был гностический секрет, три сотни лет пролежавший в музейном ящике.

Рис. 10.3. Амулет из зеленой яшмы, I или II в. н. э., Национальная библиотека Франции, Париж, инвентарный номер 2169. Разрешение на использование фото получено.

Грант корпел над каталогами камней для собственного исследования, и в каталоге камней, хранящихся в Национальной библиотеке в Париже, ему попался амулет из зеленой яшмы, впервые описанный Молине (Molinet 1692, 127), а позднее Делаттом и Дершеном (Delatte and Derchain 1964, 225–26) (рис. 10.3). Тщательное изучение художественного стиля и качества исполнения позволило предположить, что камень был создан в I или II веке н. э. в греко-египетской мастерской. Судя по оформлению букв на передней и задней поверхности, резьбу на обе стороны нанес один и тот же мастер в один и тот же период.

На передней поверхности изображен уже знакомый нам львиноголовый бог, какого мы видели на офитском камне: свирепый, облаченный в римские одежды. На этом камне он держит в руках меч и отсеченную голову Медузы. Из этого следует, что камень использовался для отвращения зла и отпугивания демонов.

Также на передней стороне начертан палиндром — магическое заклинание, которое можно читать с любого конца. В заклинании содержатся имена Михаил и Элиэли — оба взяты из Библии. Михаил — знаменитый архангел, которого многие гностики отождествляли с Ялдабаофом. На этом камне его имя присутствует в виде анаграммы, требующей расшифровки, что указывает на то, что владелец украшения хотел спрятать имя на виду.

Элиэли восходит к выражению на иврите из пс. 21:2: «Эли, Эли», — что значит «Боже мой! Боже мой!» Вместо имени YHWH — непроизносимого имени Бога — молящиеся зывали: «Эли, Эли!» Таким образом, это имя является заменой имени YHWH. Это божество встречается в магической литературе как ангел, которому ведомы людские судьбы. Епископ Епифаний Кипрский рассказывает о том, что некоторые гностики называли Ялдабаофа Элилай, а это греческое прочтение еврейского Элиэли. На этом камне имя Элиэли вычленяется при чтении задом наперед, что снова указывает на желание владельца спрятать имя бога.

Считалось, вероятно, что этот камень наделяет носителя могуществом, поскольку на нем, как и на офитском камне, записаны ангельские имена темного владыки, правящего мирозданием: Михаил и Элиэли. Знание ангельских имен давало человеку власть над темным владыкой, силу отогнать, отвратить его и защищало от него.

Однако самое поразительное в этом камне кроется на его обратной стороне. Задняя поверхность камня представляла собой особенно потайное место, поскольку камень вставлялся в кольцо или кулон, то есть обратная сторона прилегала к коже. Только владелец знал, что там написано.

В данном случае самым тайным и могущественным именем темного владыки оказалось не что иное, как Ioudas — Иуда!

На этом камне мы видим совершенно особое пересечение имен: Михаил, Элиэли и Иуда. В среде гностиков все эти имена ассоциируются с Ялдабаофом. Львиноголовый римский легионер совпадает с изображением Ялдабаофа на знаменитом офитском камне. На основании всех этих фактов я делаю однозначный вывод: камень Иуды, хранящийся в Париже, — гностический амулет, стоящий в одном ряду с камнем, описанным Боннером (Bonner 1949).

В самом деле, «Евангелие Иуды» и камень Иуды подкрепляют друг друга. Камень — материальное, а «Евангелие» — литературное свидетельство того, что во II веке были гностики, отождествлявшие Иуду с темным владыкой Ялдабаофом, и эти два свидетельства дополняют друг друга. Это была величайшая тайна гностиков, секрет колоссаль-

ной силы. Зная об истинной сущности темного владыки, гностик мог одолеть и отогнать правящего миром демона.

Двенадцать неверных

Что насчет других двенадцати царств? Кто правит ими? Автор «Евангелия Иуды» говорит, что Иуду должен заменить другой апостол, вероятно, Матфей, чтобы у каждого из двенадцати царств, подчиненных Ялдабаофу, был свой правитель. Это и есть двенадцать апостолов, перечисленных в Писании — основа авторитета апостольско-католической церкви, кичившейся тем, что лишь в ней проповедуется учение двенадцати апостолов. Эту связь апостольские католики создали намеренно для усиления образа своей христианской церкви как владеющей учением, полученным непосредственно от учеников Христа. В то время как гностические сообщества опирались на тайные учения отдельных учеников Христа, таких как Петр и Иоанн, родственников, таких как брат Божий Иаков, и друзей, таких как Мария Магдалина, апостольско-католическая церковь опиралась на двенадцать апостолов как единую группу.

И автор «Евангелия Иуды» вполне с ними согласен, только у него апостолы предстают невежественными, слепыми последователями Ялдабаофа. Он сравнивает их с иудейскими священниками в храме, всецело сосредоточенными на жертвоприношении для умиловления YHWH, владыки вселенной и «раба заблуждения». В апостольско-католических общинах не ведают, что служат YHWH во время каждой благодарственной евхаристической трапезы, когда тело и кровь Христовы подносят в дар YHWH («Евангелие Иуды» ТС 33.22–34.10). Там не понимают, что существует что-то святое превыше YHWH, и потому вводят христиан в заблуждение. В день последнего суда двенадцать будут признаны виновными в поклонении ложному богу YHWH и во введении в заблуждение бесчисленных поколений людей, которым еще только предстоит родиться (ТС 37.20–39.5). Истинное христианство, утверждает автор, не имеет ничего общего с иудаизмом.

Такой негативный портрет двенадцати, в сущности, берет свои корни из Писания. Автор-гностик «Евангелия Иуды» отталкивается от изображения учеников в Евангелии от Марка. Здесь Иисус называет их «родом неверным» (Мк. 9:19). Ученики так и не получают искупления до самого конца Маркова Евангелия, где они неспособны поверить видевшим воскресшего Иисуса из-за своего «неверия и жестокосердия» (16:14). Петра, этот славный столп апостольско-католической церкви, Иисус корит и называет сатаной (8:33). В Евангелии

от Марка о сущности Иисуса и планах YHWH знают духи нечистые, но не ученики (1:34, 3:11, 5:6–7).

Потому в «Евангелии Иуды» Иисус смеется над двенадцатью учениками, в том числе и над Иудой, говоря, что им никогда не стать частью святого поколения, превосходящего этот мир («Евангелие Иуды» ТС 36.11–37.20). Двенадцать апостолов в «Евангелии Иуды» выглядят жалкими, еще более невежественными, чем худший из демонов — Иуда Искарот.

Что может быть более бунтарским, чем гностический текст, где говорится, что Иуда, исполненный зла, проклятый ученик, в своем понимании Иисуса и устройства мироздания превосходит любого из двенадцати (ТС 34.11–35.20)! Такой текст наносит сокрушительный удар по авторитету и учению апостольско-католической церкви. Если апостолы были невежественными и неверными и работали на темных владык, то любая переданная ими информация, легшая в основу апостольско-католической церкви, — фальшивка. Следование их учению, в фокусе которого остается Бог иудеев, ведет христиан к заблуждению и закреплению ритуалов, дающих силу не тому Богу.

Жертва темному владыке

Худшей частью апостольского католицизма, по мнению данной группы гностиков, является доктрина о мертвеце: что смерть Иисуса — это жертва YHWH во спасение грешников. «Евангелие Иуды» было написано, чтобы указать, насколько очевидна демоническая природа этой доктрины, что трансцендентный Бог ничего подобного бы не пожелал.

Почему очевидна? Потому что Иуда имеет демоническую природу и играет решающую роль в жертвоприношении Иисуса, из чего следует единственный логичный вывод, что жертвенной смерти Иисуса желали демоны и она произошла по приказу YHWH. Гностикам казалось совершенно нелогичным, что апостольские католики проклинают Иуду ровно за то, на чем строится их религия. Тот факт, что апостольские католики не могли разглядеть демонский обман, стоящий за их центральной доктриной, гностиков попросту шокировал.

По мнению гностиков, все доказательства указывали на то, что Иисуса убили Иуда и темные владыки — демоны, полагавшие, что со смертью Иисуса придет конец и Его речам о трансцендентном верховном Боге превыше их самих. Однако темные владыки обманулись, поскольку не знали, что дух Иисуса чист, осознан и зрел — в отличие от духа других людей, усыпленного пребыванием в телесной оболочке и плотскими удовольствиями. Что еще важнее, осознанный дух

Иисуса знал обратную дорогу к верховному Богу, поскольку Иисус — сошедшая свыше сверхсила. В момент распятия дух Иисуса смог сбросить тело и душу и первопроходцем отправиться домой, обратно к трансцендентному Богу. Темные владыки не ведали, что Иисус являлся сверхсилой, замаскированной под человека.

Подобное недоразумение в христианстве сохраняться не могло. Одно дело различия, но когда эти различия доходят до диаметрально противоположных, ситуация становится взрывоопасной. По мере формирования христианства требовалось решить, какой же Бог станет объектом поклонения: трансцендентный Бог или YHWH. Двенадцать учеников — мудрые основатели христианства или невежественные люди, так и не отказавшиеся от иудейской религии предков? И тем, и другим они быть не могли.

Жертвенная смерть Иисуса — акт во спасение грешников в соответствии с желанием Бога или нечто, чего трансцендентный Бог не одобрил, но чем воспользовался, чтобы обмануть демонов? Или одно, или другое.

Главный ритуал — благодарственная евхаристическая трапеза, во время которой христиане поглощают тело и кровь Христовы, или мистерия-инициация, в ходе которой начинается вознесение духа в трансцендентный мир? Такие различия несовместимы.

С учетом подобных противоречий на уровне основ враждебность между апостольскими католиками и христианскими гностиками едва ли удивляет. Эти два сообщества никак не могли одновременно претендовать на звание христиан. Кто-то должен был уйти.

Наиболее ранние христианско-гностические общины, вероятно, существовали как эзотерические христианские ложи и реформаторские движения, однако очевидно, что к III веку большинство христианских гностиков стали сепаратистами, как сифиане, написавшие «Евангелие Иуды». Они придерживались той точки зрения, что апостольский католицизм испорчен настолько, что не подлежит восстановлению. Гностики чувствовали, что им нужно прятаться от апостольских католиков или покинуть их церковь во избежание вспышки насилия. И часть их сохранила на задворках христианства то, что они считали истинной христианской верой, собираясь в менее централизованных церквях и тайных соборах. Именно так поступили гностики, написавшие «Евангелие Иуды».

Другим доступным путем был выход за рамки христианства и создание новых конкурентоспособных религий. В III веке произошло именно это.

Мани и его Аватар

Первая мировая религия была гностической. Основанная в III веке, эта религия распространилась подобно лесному пожару на юг, в Египет, на запад, в Рим, и по шелковому пути на восток, в Центральную Азию и Китай. Ее основал молодой человек по имени Мани, родившийся 14 апреля 216 года н.э. — примерно в то время, когда в Риме трудился Ипполит, а в Александрии — Ориген.

Религия Мани строится одновременно на откровении и намерении; Мани создал ее с нуля в ответ на серию видений, явленных ему в юности (см. Klimkeit 1993; Gardner and Lieu 1985, 1994, 1998, 2004; BeDuhn 2000, 2015; Tardieu 2008; Coyle 2009; Baker-Brian 2011; Colditz 2015). В возрасте двадцати четырех лет Мани задался целью создать религию, которая соперничала бы с христианской церковью и всеми прочими религиями в мире, все из которых, по его мнению, ложны. Его религия станет Святой Церковью. Это будет нечто посерьезнее, потому что в отличие от лжерелигий его церковь сосредоточится на поклонении трансцендентному Богу, выходящему за рамки мироздания. С этим Богом Мани познакомился напрямую в двенадцать лет, когда ему начал являться в видениях ангел, посланный Богом, обитающим за пределами нашего мира. В этом Боге Мани признал Отца, живущего в царстве Света.

Мани рос христианином-крестителем в южной части Вавилонии, на территории современного Ирака. Несмотря на сходство названия, крестители времен Мани не имеют ничего общего с ныне существующими американскими или южными баптистами. Они являлись последователями Элкасая, хорошо известного в античные времена христианского сектанта. Его имя, по-видимому, являлось титулом, которым он щеголял. На иврите и его диалектах оно означает «скрытая сила» и отсылает к непостижимому Богу. Имя представляет собой смесь двух слов: *hyl* — «сила» или «власть» и *khsy* — «скрытый». В сирийском переводе древнехристианских «Псевдоклементин» *haylâ kasyâ* относится непосредственно к Богу непостижимому. Таким образом, Элкасай при помощи своего титула делал громкое заявление, подобно Симону Волхву, именовавшему себя Великой Силой.

Около 100 года н.э. Элкасай составил книгу в Парфии — древней области Средиземноморья, примерно соответствующей современной северо-восточной части Ирана. Его последователи утверждают, что книга упала с небес. Элкасай говорит, что получил ее от исполинского ангела, Сына Божьего, и его столь же огромной сестры — Святого Духа.

Хотя мы почти ничего не знаем о содержании книги, о верованиях и образе жизни элкасайтов кое-что нам все же известно. Они верили, что Иисус родился от обычного полового сношения между его родителями — Марией и Иосифом. Он получил Дух Христа, как получали пророки до него и как получают другие в будущем. Он учил правильно следовать иудейским законам.

Элкасайты были христианами, сохранившими с иудаизмом еще более прочную связь, чем апостольские католики. Они проповедовали, что христиане должны делать обрезание и соблюдать законы Моисея в том виде, в каком их проповедовал Иисус. Так что неудивительно, что они не принимали апостольство Павла и его послания: им не нравился универсальный характер его идей и критика иудейских законов.

Крещение для них выполняло функцию инициации, однако они также проводили одно повторное, заключительное крещение для членов общины, совершивших такие тяжкие грехи, как инцест или прелюбодеяние. Чтобы обуздать овладевшие ими страсти, они каждый день принимали, как сказали бы сегодня, холодный душ: ежедневно погружались в холодную текущую воду ближайшей реки. Другие виды крещения использовались для исцеления страждущих; иногда больного погружали в холодную воду сорок раз за семь дней. Еду ритуально омывали перед продажей или приготовлением.

Мани в эту секту крестителей привел отец после религиозного опыта, полученного в местном храме. Однажды во время посещения храма с отцом Мани заговорил один из идолов. Он выкрикнул: «Патик, не ешь мяса, не пей вина, не занимайся любовью». Этот опыт настолько впечатлил Патика, что тот решил присоединиться к местным крестителям и привести с собой своего сына Мани.

Но религия отца не приносит Мани удовлетворения. Первое видение, явившееся ему в возрасте двенадцати лет, указывает на его недовольство религиозной жизнью среди крестителей. В автобиографическом отрывке он сообщает, что его посетил ангел, бывший его сизигосом, ангелом-аватаром. Со временем Мани начинает воспринимать этого ангела как Параклета — такое греческое имя дается в Евангелии от Иоанна Духу Святому, которого Иисус обещает направить к ученикам после распятия (Ин. 14:16). Потому Мани считал себя заключительным воплощением Божьего Духа, последним в череде воплощений, включавшей Сифа, Адамова сына, Еноса, Еноха, Сима, Будду, Заратустру и Иисуса.

Ангел-аватар говорит Мани, что ему не место среди крестителей, что он не один из них. Но также ангел говорит Мани, что он не сможет покинуть секту, пока не научится по-настоящему воздерживаться

от своих желаний и страстей. Наставляет его оставаться с крестителями, пока не достигнет должного возраста и уровня благочестия, чтобы уйти.

Мани и кровоточащие финики

Во время свиданий с ангелом-аватаром Мани постепенно раскрывается «тайна в величии и полной ясности». Один из кусочков этой тайны связан с сознанием вселенной. В одном из первых откровений Мани видит финиковую пальму и срывает с нее плоды, намереваясь их съесть. Ветви кровоточат. Он жнет хлеб в поле. Срезанные стебли истекают кровью.

После этого видения Мани начинает практиковать безмолвие, уход в себя и покой, называя это «отдыхом» и «непричинением страданий». Он отказывался работать в садах крестителей, предпочитая выпрашивать еду подаванием, потому что не хотел доставлять растениям страдания, отсекая их от корней. Он стал верить, что все живое обладает сознанием, содержит в себе свет или вещество души. В отличие от других гностиков, рассмотренных в данной книге, Мани не видит особенного различия между душой и духом человека, однако, по всей видимости, считает, что душу наполняет божественный свет, делая ее живой сущностью.

Второе откровение связано с нашим отделением от Отца, обитающего в царстве Света. Мани говорит, что ангел показывает ему «кто я такой, и что такое мое тело, и как я пришел, и как случился мой приход». Мани понял, что его истинная сущность была отделена в вышине от Отца и послана в тело, «в эту отвратительную плоть», где его опьянили желания.

Третья часть тайны касается воссоединения с Богом, когда сольются душа с ангелом-аватаром. Это «неспящий сизигос» Мани, его «неотделимый сизигос», нисходящий к нему, чтобы они с ангелом могли воссоединиться, и тогда Мани достигнет «неизмеримых высот» и «недосягаемых глубин» Бога. В ознаменование этой потрясающей тайны Мани сочинил удивительное стихотворение (Кёльнский кодекс Мани 24; перевод В. Золотарева с незначительными изменениями):

И я принял его с благоговением,
Я принял его как своего.
Я поверил ему,
Что он принадлежит мне
И что он — добрый и ценный советник.
Я узнал его
И понял, что я — это он,

От него я отделился.
Я родился свидетельствовать о том,
Что я и есть он
И что (мы) — одно и то же.

Когда Мани исполнилось двадцать четыре, он получил от ангела-аватара наставление покинуть крестителей. С собой он увел своего отца и еще нескольких обращенных. Он путешествовал по Персии — современному Ирану. В те времена в Персии сосуществовало множество религиозных общин, в том числе зороастрийцы, иудеи и несколько разновидностей христиан. Мани добрался до самой Индии. Здесь, на восточных рубежах, он повстречался с буддистами.

Ни в одном из этих религиозных сообществ он не находит истинной религии, или «догмы», как он ее называет. Ничто даже близко не походит на религию, которую он так ясно узрел в своих видениях. Мани утверждает в вере, что его религия окажется лучше всех религий древности, потому что не будет ограничена ни географически — пределами одной страны, ни лингвистически — привязкой к одному языку. Он намеренно создает свою религию универсальной, способной прижиться в любой стране, даже в самых отдаленных уголках мира, и звучать на любом языке.

Также Мани считает свою религию превосходящей все другие, потому что сам составляет Писание и устанавливает структуру руководства, что не удавалось основателям всех прочих религий. По мнению Мани, именно это и приводило к искажению учений основателей. Чтобы не попасться в эту же ловушку, Мани буквально расписывает свою религию, делая ее книжной, точнее, основанной на его книгах. Следуя указанию своего ангела «напиши все эти тайны на бронзовых табличках», Мани берется за составление собственного Писания, основанного на откровении (Кёльнский кодекс Мани 54).

Писание состояло из семи томов, от многих из которых до наших дней дошли лишь разрозненные отрывки. В состав писания входит переписка Мани с его церквями — прагматичные письма, объединенные под одной обложкой в подражание новозаветному собранию посланий апостола Павла. Также Мани написал «Живое Евангелие», состоявшее из двадцати двух разделов, каждому из которых соответствовала буква сирийского алфавита. Начинается Евангелие с заявления Мани о том, что он и есть Параклет, предсказанный Иисусом, печать в череде пророков (Аль-Бируни, «Памятники минувших поколений» 207). Мани составил книгу гимнов и молитв, раскрывающую его понимание тайн души, и тексты, в которых сохранились его учения о мироздании и его формировании. Возможно, он также переработал

раннюю версию «Книги гигантов» — иудейский текст о хранителях, непослушных ангелах, спускавшихся на землю ради соития с привлекательными женщинами. Их дети стали гигантами, ходившими по земле в первобытные времена.

Мани обосновался в Персидской империи, где в его религию успешно вплелись элементы зороастризма — традиционной религии персов. Он обратил сасанидскую царскую семью и завоевал благосклонность царей Ардашира I, Шапура I и Ормизда I. Покровительство царей позволило Мани отстроить и широко распространить свою религию.

Во многом этот успех был связан с ослаблением местной религии во времена Мани. В Персии встретили хороший спрос немало христианских сект, и традиционный зороастризм оказался в угнетенном положении.

Зороастрийские священники боролись с иноземными религиями, однако другие, в том числе Мани, видели, что империю может укрепить единая, более универсалистская вера. Мани оказался способен убедить остальных, что именно он является кульминацией всех древних откровений и пророчеств. Царская семья сумела хотя бы на некоторое время воспользоваться этой идеей как силой для объединения общества (Pettipiece 2012, 485).

Но надолго этого не хватило. Когда в 273 году н. э. трон перешел к царю Бахраму I, Мани с его откровением впал в немилость. Бахраму казалось, что религия Мани разрушает общество и традиции, поскольку ее последователи отказывались заводить детей, охотиться за дичью, собирать урожай в полях и становиться воинами. Бахрам был убежден, что Мани необходимо остановить, пока его заразная контркультурная религия не распространилась и не уничтожила весь мир.

Мани привели к царю, заковали в цепи, заточили в темницу, и спустя двадцать шесть дней он умер. Последователи Мани истолковали его страдания и смерть подобно страстям Христовым. Каждый год в память о них проводилась торжественная церемония под названием Бема (Суд), в фокусе которой находилось покаяние в грехах. Остроту проблемы и решимость сообщества можно прочувствовать через гимн, исполнявшийся во время этой священной церемонии (Книга псалмов из библиотеки Мединет-Маади 222 8.22–25, пер. Золотарев 2016):

Прости грехи тех, кто знают твои тайны,
Прости тех, кому открыто знание твоих секретов,
Через высшую мудрость, в которой нет заблуждений,
Через святую церковь Параклета, нашего отца.

Августин, епископ Гиппонский, а в прошлом последователь Мани, сообщает, что Бема проводилась в то же время, что и христианская Страстная неделя в память о страданиях и смерти Христа. Для него, обращенного христианина и ревностного защитника католицизма, это лишь доказывало, что религия Мани — всего лишь подделка в подражание христианству (Блаженный Августин, «Против послания манихея, именуемого основным» 8).

Пробуждение к настоящей религии

Чем же именно являлась религия Мани? По этому поводу велось множество споров как в древних сочинениях, так и в современных научных исследованиях о нем (см. BeDuhn 2015). Был ли он христианином-реформатором, считавшим свою религию истинным христианством? Был ли еретиком-гностиком, проповедовавшим разновидность поддельного христианства, опасное подобие католицизма? Был ли противником христианства, жаждущим положить ему конец, потому что считал эту религию ложной? Или же реформировал зороастризм под влиянием христианства?

Можно привести аргументы в поддержку каждого из перечисленных вариантов, однако более конструктивным подходом будет рассмотреть сложный религиозный буфер, окружавший Мани, и понять, что определенные аспекты этого буфера он задействовал намеренно. Он использовал гностические, элкасаитские и католические элементы наравне с элементами зороастризма и буддизма — и подгонял все это под свое видение истины. С таким религиозным буфером в качестве отправной точки Мани мог представить свою религию как новую и окончательную, кульминацию всех прежних религий.

Личная встреча Мани с ангелом пробудила его к «настоящей» религии, и он нес свое евангелие всякому, кто соглашался слушать. Уже скоро Мани стал «Живым Мани», последним и абсолютным пророком, возглавлявшим новомодное религиозное течение. Он добился успеха как основатель нового религиозного течения, потому что был убедительным мыслителем, представлявшим себя как последнее воплощение Святого Духа, первого и последнего слова. Его авторитет распространялся на всё. Конец.

Говоря о даре знания Мани и его абсолютном авторитете во всем, его последователи были искренни, на что указывает их литература и принципы поклонения. Их 223-й псалом, в котором перечисляются тайны мироздания, заканчивается зарокотом всего собрания (Библиотека Мединет-Мади, 223 11.26–31, перевод мой):

Вот знание Мани.

Поклонимся же ему и восславим его.

Благословен он и всякий, верящий в него...

Слава и победа Господу нашему Мани,

Духу Истины, идущей от Отца,

открывшего нам начало, середину и конец...

Гностическая религия Мани является результатом откровения, явившегося в рамках крайне специфического религиозного буфера. Она принесла великое духовное пробуждение, сравнимое с зарождением мормонства на основе религиозных откровений Джозефа Смита, жившего в выжженном округе Нью-Йорка. В великом пробуждении Смита также фигурировали ангельский наставник, новое Писание, уникальные по своей структуре институты, и все это приправлено ранее неизвестным сказанием об Иисусе и библейской историей. Главное, что и Мани, и Смит были не альтернативными христианами и не реформаторами христианства, но основоположниками новых религиозных движений, созданных, чтобы раскрыть настоящую религию, вынесенную ими из откровения.

Корабли Света

Мани много читал и путешествовал — настоящий человек Возрождения своего времени. Он самостоятельно изучил астрологию и пристально наблюдал за ночным небом. Он был блестящим толкователем религиозных текстов и досконально знал как христианские, так и иудейские апокалиптические писания, повествующие о небесных путешествиях таких героев, как Адам и Енох. Он также был знаком с гностической литературой валентиниан и сифиан. Он также был творческой личностью, талантливым поэтом и одаренным художником.

Стремление к саморазвитию, врожденные способности, основная мысль, вынесенная из мистических видений, — все это способствовало развитию у Мани гностического понимания тайн Бога и мира, того, как люди сюда попадают и как отсюда уходят. Метафизика Мани — это гностическая духовность на стероидах.

В сущности, Мани видел мироздание как гигантский механизм для отсева душ и защиты их от зла. Откуда берутся наши души? Мани не верил, что в какие бы то ни было времена не существовало ничего. Он считал, что всегда существовали противоположности: свет и тьма, добро и зло, истина и ложь. Они были разделены, как и положено противоположностям. Такое разделение — первоначальное, исходное состояние бытия. Трудности возникают, когда противоположности

смешиваются между собой: свет проникает во тьму, добро братается со злом, истина мешается с ложью. В версии происхождения вселенной Мани случилось именно это. Произошло смешение.

Смешение началось тогда, когда князья Тьмы, обитающие в пяти царствах (дыма, огня, ветра, воды и тьмы), впервые заметили царство Света и решили его завоевать. Осознав намерения соседей, отец Света, обитающий в пяти царствах (разума, знания, ума, мысли и размышлений), занервничал. Поскольку отец Света по определению благ, у него нет оружия для самозащиты. Его единственное средство обороны кроется в самопожертвовании, в том, чтобы позволить тьме поглотить свет. И потому отец и мать Света отправляют своего сына, Первочеловека, во тьму, где его пожирают князья Тьмы. Этот шаг — своего рода обман, потому что свет действует, как вирус: заражает тьму и погружает ее в ступор. Наступление князей Тьмы останавливается, но в то же время свет оказывается опутан сетями тьмы и страдает от этого.

Зараженная светом тьма обретает форму и материализуется в виде кирпичиков для построения вселенной. Это значит, что все элементы мироздания — от планет и солнца, рек и деревьев до животных и людей — состоят из тьмы, зараженной светом. Именно заключенный в сетях свет становится веществом, из которого образуются людские души. Но Божьи искры погребены под материей так же и в окружающем мире. Именно плененный свет наделяет всё во вселенной сознанием.

Бог-творец, благое божество, именуемое живым Духом, создал мир подобно алхимическому перегонному кубу — как отлаженный прибор для дистилляции света, вещества души, из темной материи. Согласно Мани, планеты и неподвижные звезды представляют собой гигантскую вращающуюся сферу, к которой подвешены двенадцать сосудов — домов зодиака. С каждым поворотом сферы души умерших верных притягиваются в сосуды и переправляются на луну.

Дистилляцию света в лунный свет можно наблюдать каждый месяц по мере того, как лик луны становится ярче и полнее. Когда наступает конец месячного цикла и луна пустеет, дистиллированный лунный свет на небесной барже переправляется на солнце и Млечный Путь. Дистиллированный лунный свет — это вещество душ, возвращающееся в царство Света.

Тело крайностей

Человеческое тело — тоже алхимический куб, но только после трансформации через суровую аскезу и глубокое моральное посвяще-

ние. Выведенное Мани алхимическое тело должно воздерживаться от сексуальной активности, земледельческих работ, употребления мяса и алкоголя. Оно должно запечатать собственные уста, руки и грудь. Такое тело строго блюдет покой и не совершает насилия, усердно трудится, чтобы не причинять больше вреда живой вселенной.

Доведенное до таких крайностей тело, считал Мани, способно дистиллировать свет из съеденной пищи. При помощи детально регламентированной трапезы, проводимой один раз в день, такое тело выделяет из мякоти поданных плодов свет осознанности, живую сущность. Далее выделенный свет может или храниться в животе до смерти человека и слиться с космическим дистиллятом вместе с душой, или высвободиться через рот человека сразу после трапезы и отправиться в небесное путешествие. Августин, епископ Гиппонский и бывший манихей, сообщает, что высвобождение живой сущности через рот происходило в момент отрыжки. Другие тексты указывают, что высвобождение через рот происходило во время исполнения послетрапезных гимнов, включавших такие строки, как «О, светлая душа, великая светлая сущность» и «Господи Мани, освободи мою душу» (Согдийский текст М 114).

Разработанная Мани система освобождения души, как и другие рассмотренные нами гностические системы, была сильно ритуализирована. Однако вознесение души происходило не в ходе инициации или мистерий. Этот процесс был прагматичным и конкретным и являлся следствием доведения тела до крайностей и ежедневного употребления ритуальной пищи (BeDuhn 2000). Такие тела являлись сосудами для живой сущности, выпускающими вещество души обратно в вышние сферы, чтобы оно возвращалось в трансцендентное царство Света.

Высвобождение происходило через рот в момент выдыхания воздуха или духа. Весь оставшийся в человеке свет, благополучно накопленный в животе, высвобождался в момент смерти. Тогда душа отлетала в сопровождении великих ангелов-хранителей, чья защита гарантировала, что свет благополучно проделает обратный путь по космической дороге, описанной Мани.

Однако ни одно сообщество не может долго существовать, если его члены отказываются от сбора урожая и деторождения. Так как же эта концепция работала на практике в созданной Мани церкви? «Телам крайностей» предоставляли поддержку другие, более умеренные. «Тела крайностей» Мани называл «избранниками». Это были люди, давшие монашеские обеты и жившие в религиозной общине. После смерти избранники не перерождались, поскольку их благочестие и экстремальный образ жизни совершенствовали их. Тела, не

настолько приверженные крайностям, именовались «слушателями». Это светские люди, составлявшие конгрегации Мани.

Основной задачей слушателей была раздача подаяния, что означало сбор вегетарианской пищи и ее подношение избранникам на ежедневной ритуальной трапезе. Для слушателей это была значительная жертва, поскольку установленный размер подаяния составлял десятую часть их собственности. Им было позволено вступать в брак при условии соблюдения моногамии. Они участвовали в регулярно проводившихся постах и молитвенных бдениях и обязывались вести достойную и нравственную жизнь, в которой не было места лжи, алчности, воровству и убийству.

Большинство слушателей могли рассчитывать на перерождение после смерти и вселение их «прощенной» души в тело избранника. Но время от времени особо выдающийся слушатель мог обрести такое же посмертие, как и избранники, избежав болезненного переселения в новое тело. Такова судьба истинно ревностного слушателя, относящегося к жизни максимально отстраненно, ведущего себя дома, как чужой, не заботящегося об имуществе и беззаветно служащего избранникам (Кефалайон 91, 228.22–229.20).

Такая стандартизированная двухуровневая система была гениальной. В сочетании с агрессивной миссионерской политикой она фактически гарантировала церкви Мани долговечность. И действительно, даже несмотря на повсеместную жестокость и суровые гонения со стороны персов, римлян и христиан, религия Мани просуществовала на Западе до VI века как гностическая религия, соперничавшая с христианством. В Центральной Азии она продержалась дольше, став в 762 году н. э. государственной религией Уйгурской империи. В Китае, где Мани почитался как Будда Света, а церемония Бемы проводилась в ознаменование его вступления в нирвану, религия существовала по меньшей мере до XIII века. По мнению одной австралийской исследовательской группы, культ Мани в Китае сохраняется по сей день. По собранным ими сведениям, в святилище в городе Цюаньчжоу, провинция Фуцзянь, есть изображение Мани (рис. 10.4), и местные жители до сих пор почитают его как Будду Света (Lieu et al. 2012).

Тайны Иеу

Из гностических церковных руководств дольше всего известны два египетских манускрипта на коптском языке, обнаруженные в середине XVIII века: Книги Иеу и «Пистис София». Оба текста датируются III – IV веками, и в обоих описывается сходная мифология, теология и набор ритуалов.

В двух книгах Иеу содержатся стандартизированные гимны, молитвы и напевы, а также нарисованные от руки карты и печати небесных царств и тайные имена их обитателей. Перечисляются растительные компоненты и ритуальные предметы, которые необходимо использовать в ходе водных церемоний. Литургия сосредоточена на очищении души, дающем ей возможность вознестись в небесные царства и войти в дом истинного Бога.

«Пистис София» представляет собой собрание пространных диалогов между Иисусом и учениками, в число которых входит Мария Магдалина. Этот текст выступал в качестве катехизиса или базового пособия для посвящаемых.

Существование этих книг указывает на существование на рубеже III–IV веков некой гностической церкви, поклонявшейся Богу Иеу и Отцу Иеу. Иисус предстает носителем истины, раскрывающим гностические тайны. Иисус не то же самое, что Иеу. Иисус — небесный посланник, отправленный на землю Отцом. Его называют «Живым Иисусом» и «Словом Жизни». Он приходит от Отца, из царства Света, чтобы распространить скрытое знание Иеу-Сына. Лишь Иеу-Сыну ведом истинный, недостижимый Бог-Отец, божественная вечность и путь к бессмертию. Это знание называют «тайнами Иеу».

Рис. 10.4. Изображение Мани в храме Цаоань вблизи города Цюаньчжоу, провинция Фуцзянь, Китай. Надпись золоченым китайским шрифтом гласит: «Мони гуанфо» (Мани, Будда Света). Фото Гуннера Миккельсена. Разрешение на копирование получено.

Первая публикация этих книг произвела немало шума как в академических кругах, так и среди светского населения. Прежде никто не видел ничего подобного. Их содержание никоим образом не соответствовало тому, что говорили лидеры апостольско-католической церкви вроде Иринея, Тертуллиана и Ипполита. Тем не менее, ученые того времени предполагали, что по крайней мере частично эти книги, должно быть, составил Валентин, что они основаны на учении гностиков-офитов или что к их созданию причастны сифиане. Когда же против этих предположений были выдвинуты серьезные возражения — аргументы в пользу того, что эти книги не являются ни валентинианскими, ни офитскими, ни сифианскими, — исследования заглохли. Ученые не понимали, куда приткнуть эти книги, к какому историческому периоду отнести и как трактовать с точки зрения богословия, поскольку им не находилось места в системе. Они не соответствовали ни одной из известных в то время религиозных категорий.

С обнаружением в середине 1940-х годов собрания Наг-Хаммади работа над книгами Иеу и «Пистис Софией» застопорилась окончательно. Эти книги оказались самыми обделенными вниманием и неверно истолкованными гностическими текстами с античных времен.

Но надежда есть. Совсем недавно вышла монография доктора Эрин Эванс (Evans 2015), посвященная толкованию этих текстов. В основе анализа Эванс лежит гипотеза о том, что этот сборник написан не одним автором в одно время, а представляет собой собрание обобщенных картин верований и практик общины на протяжении двух столетий. Это означает, что идеи и практики с течением времени видоизменялись по мере взаимодействия общины с другими религиозными группами или явления новых откровений.

Согласно реконструкции Эванс, серию сочинений открывает Первая книга Иеу, за ней следует Вторая книга Иеу. Четыре раздела «Пистис Софии» написаны позднее. Первыми написаны главы 136–143, затем главы 144–148, 102–135 и 1–101. Из-за уникальных идей и практик поклонения Иеу Эванс называет этих гностиков иеуитами. Ее блестящий анализ лег в основу моего собственного прочтения и понимания этих церковных руководств, которое я излагаю ниже.

В наиболее раннем тексте сборника, Первой книге Иеу, представлены воззрения группы египтян, смешавших свое прочтение Евангелия от Иоанна с практиками египетского культа поклонения солнцу. Это новое религиозное течение, вероятно, возникло в середине II века, тогда же, когда появились сходные группы, такие как ператики и офиты.

В данной книге Иисус выступает носителем откровения, Живым Иисусом, пришедшим от истинного Бога — Отца. Он сообщает, что Отец обитает в самых дальних уголках вселенной, в царстве Света. Отец произносит Слово и порождает сына, Иеу, являющегося Его точной копией. Слово, произнесенное Отцом, по сути есть тайное имя Иеу: Ioeiaôthðouichôlmiô. Это имя силы Иеу, и конгрегация запоминает и оберегает его.

После своего создания Иеу и сам становится Творцом и формирует шестьдесят «сокровищниц» света. Сокровищницы олицетворяют все небесные царства, населенные звездами. В своей книге иеуиты перечисляют имена всех звездных божеств, обитающих в небесных царствах или сокровищницах. В каждой сокровищнице есть три стража врат, двенадцать сил и один правитель — порождение и образ Иеу.

Имена правителей разнятся, но следуют стандартной схеме. Их личные имена оканчиваются суффиксом, происходящим от имени Иеу — Ieou. Так, правителя первого царства зовут Ieouaieaôieou-Ieou, второго правителя — Ôêeaêôiot-Ieou. В книге названы шестьдесят правителей, и все имена построены по той же схеме.

Возможно, эта схема поможет объяснить происхождение имени Ieou, вопрос о котором наука пока не решила. По-видимому, это трафаретное слово, используемое в сочетании с именами богов. В магических книгах заклинаний того же исторического периода и из той же географической области находим такие формулы, как Êi-Ieou-Mareith и Êi-Ieou-Sathimðoueêou (Греческие магические папирусы XII.337–350). В данном случае «Ieou» происходит от египетского слова iw (читается «ау»), означающего «хвала», таким образом, заклинание накладывается через прославление божеств: «О, хвала Марет!» И «О, хвала Сатимоуэу!» (Ritner по Betz 1992, 165, прим. 86).

Что касается иеуитов, они, по-видимому, прославляли свое величайшее божество кратким «Иеу!» или «Хвала!» Они призывают к прочим божествам, добавляя к их именам восхваление. То есть: «Ieouaieaôieou! Хвала!» и «Ôêeaêôiot! Хвала!»

Так кто же такой Иеу, многократно прославляемый правитель мира? Подсказка кроется в одной из литургий, где говорится, что шестьдесят сокровищниц разделены пополам пятью рядами «в середине». Это отсылка на техническом языке астрологии к пути солнца, эклипике, как «середине», через которую проходят пять планет. Именно там, как верят иеуиты, обитает их Бог Иеу (1 Иеу 33, 83.16–19). Таким образом, Иеу — это бог солнца Ра, движущийся по эклипике. Его отцом, порождающим его с первым словом из своих уст («Хвала!»), должно быть, является Атум, предначальный бог, превосходящий все мироздание.

Это религиозное повествование возвращает нас к древнеегипетскому сказанию из Гелиополя, рассмотренному в главе 2. Различие состоит в том, что здесь картину дополняет Иисус в роли божественного посланника, отправленного Отцом, чтобы явить верным тайны Иеу. Проще говоря, самая ранняя версия иеуитской веры представляла собой христианско-гностическую адаптацию культа Ра.

Иеуитская вера возникает в Египте как новое религиозное течение на базе религиозного буфера, в котором гностическая духовность сталкивается с предустановками египетского солярного культа и со знанием Евангелия от Иоанна. В результате такого смешения возникает уникальная сама по себе гностическая религия. Она не поддается систематизации. Заявленное в ней откровение представлено не как видения одного человека, как в случае с Мани. Среди иеуитов нет привилегированного основателя и первого пророка. Здесь заявление об откровении — это заявление, что лишь иеуиты в полной мере понимают, какое откровение принес Иисус — не при жизни, как записано в Евангелиях, а после воскресения.

Литургии мертвых для живых

Первая и Вторая книги Иеу дополняют друг друга как гностические литургические справочники. В обеих содержатся указания к обрядам для высвобождения души из тела и помощи ей в вознесении через звездные врата. Последней остановкой является наивысшая, центральная сокровищница света — дом Иеу.

Путь во многом схож с представлениями о египетском посмертии, где усопшего ждет путешествие по Дуату — египетскому подземному миру. В «Книге мертвых» содержатся литургические заклинания, направляющие мертвых через врата в подземное царство и ведущие к Осирису, обитающему за последними вратами. Однако на пути к Осирису усопший сталкивается у ворот с ужасными стражами с бегемотьими мордами и змеиными телами, которых необходимо умиловить правильными заклинаниями.

Заклинания включают произнесение имен стражей и демонстрацию их символов. Неудача ведет к немедленному уничтожению усопшего: его проглатывают жуткие звероподобные боги. Усопший надеялся благополучно миновать все врата и оказаться под защитой Осириса, попав к его двору в качестве ревностного почитателя. Лишь цари-фараоны могли рассчитывать в посмертии путешествовать среди звезд на лодке Ра.

Однако в эллинистический период звездное посмертие перестало быть исключительной прерогативой царской семьи. Греки полагали,

что у их душ тоже есть шанс заскочить на борт Ра. Эта тенденция отражается в литургиях, изложенных в книгах Иеу. Пользовавшиеся этими литургиями люди пытались сделать так, чтобы их души после смерти не застряли навечно в чистилищах загробного мира, но были готовы успешно преодолеть все звездные врата и обрести покой вместе с Иеу, богом солнца.

Литургии систематичны и содержат наставления, целью которых является провести посвящаемых через шестьдесят сокровищниц, такие как: «Когда достигнете царства Х, правители этого царства выйдут и встанут перед вами. Запечатайте себя этой Печатью. Вот ее имя: У. Назовите его лишь однажды, держа в руках сей шифр. Сотворив печать и лишь однажды назвав ее имя, произнесите также слова защиты: "Изыдите! Ибо мы вызываем к Z"».

Наставительный характер литургий наводит на мысль о репетициях и представлениях в рамках общины, в ходе которых глава помогает посвящаемым с заучиванием и повторением вслух имен стражей и демонстрацией нарисованных от руки знаков правителям. Кроме того, посвящаемым необходимо сжимать в руках амулеты — небольшие камни с вырезанным цифровым шифром, соответствующим определенной сокровищнице. Учитывая количество сокровищниц и объем необходимой информации, инициация, вероятно, имела несколько ступеней и проводилась на протяжении всей жизни.

Прежде чем душа сможет высвободиться из тела и совершить полет-инициацию, посвящаемым необходимо было пройти длительную стадию подготовки (согласно тексту она занимала двенадцать лет), включавшую сепарацию от традиционной семьи и интеграцию в церковь. Кроме того, требовалось доказать моральную пригодность. Далее проводилась серия из трех крещений: вначале через погружение в воду, затем через возжигание благовоний и, наконец, через наложение на лоб посвящаемому печати духом Божьим.

Каждое крещение представляло собой сложный обряд, направленный на очищение от прежних грехов и создание постоянной защиты от демонов. В ходе этих обрядов использовались особые молитвы, растительные компоненты и подношения, нарисованные печати или символы, числовые шифры и имена божеств. Крещения обеспечивали посвящаемым защиту и подготавливали их к постепенному прохождению инициации в шестьдесят сокровищниц — по одной сокровищнице за раз.

В финале шестидесяти небесных инициаций, когда посвящаемый достигал шестидесятой сокровищницы, вся группа собиралась вокруг главы. Вместе они стоят и поют речитативом хвалебный гимн Отцу, недостижимому Богу (1Иеу 41.92–98):

Глава: Пою я хвалу Тебе, Боже, Отец мой,
ибо именно Ты позволил Малой Мысли сей светить внутрь
себя, не так ли, Недостижимый Бог?

Конгрегация: Аминь, Аминь, Аминь.

Глава: Пою Тебе хвалу, Недостижимый Бог,
ибо по собственной воле своей Ты светил лишь в себя самого,
да будет воля Твоя, чтобы и она светила, не так ли, Недости-
жимый Бог?

Конгрегация: Аминь, Аминь, Аминь.

Подобным образом гимн продолжается несколько страниц. В нем в форме хвалебной песни повторяется вся космологическая история об эманировании Иеу Отцом, о сотворении шестидесяти царств света и о явлении тайн Иеу. В завершение конгрегация в поисках наставления и нового откровения вопрошает Отца, Недостижимого Бога, чего он желает от них дальше.

Эти литургии были направлены на то, чтобы дать живым душевный покой через предоставление точного знания о пути к бессмертию и загробной жизни среди звезд. Это сообщество преобразовало хорошо известные аспекты египетских погребальных обрядов в новый контекст общинной инициации, тем самым превратив их в гностические литургии мертвых для живых.

Перестановка звезд

В более поздних частях иеуитского собрания, начиная со Второй книги Иеу и заканчивая всеми четырьмя книгами «Пистис Софии», наблюдается постепенное смещение в восприятии Бога и мироздания. Отец, Иеу и небесные сокровищницы отодвигаются все выше и дальше, пока сокровищницы света не становятся трансцендентными областями, лежащими за пределами сотворенной вселенной. Небесные царства населяют все более пугающие темные владыки, превращая их в чистилища. Сами тексты превращаются в каталог грехов и участи грешников с подробными описаниями того, куда могут рассчитывать попасть после смерти те или иные нечестивцы, каким мучениям подвергнутся и как произойдет их очищение и освобождение из заточения.

Задача этих книг — раскрыть верным способы ускользнуть от рук правителей царств-чистилищ и в момент смерти сразу же вознестись к солнцу, а затем и в трансцендентные сокровищницы света. Сокровищницы — это апартаменты Недостижимого Бога, непостижимого Отца всех Отцов.

Единственный способ благополучно добраться до «пентхауса» — изучить тайны Иеу через длительный процесс ритуальной инициации, а затем в момент смерти с помощью полученных знаний отогнать прочь вселенских правителей. Новые книги сообщества создавались, чтобы детально описать все космические царства, через которые должна пройти душа на пути в теперь уже трансцендентное царство света.

Космология иеуитов, изложенная в этих новых книгах, крайне сложна и многослойна. На краю вселенной находится внешняя тьма, царство полного разрушения для худших грешников. По описанию это темный дракон-уроборос, охватывающий мир кольцом, в животе у которого располагаются камеры пыток.

В подземном мире не одно, но два царства: Аменти, египетское царство мертвых, и Хаос, обиталище греческой богини Персефоны и гностического темного владыки Ялдабаофа, вероятно, заменившего собой греческого Аида или Крона. Обе области несут функцию чистилища.

Еще одно царство-чистилище зажато между подземным миром и небесными сферами и называется Мете, что означает «середина» на коптском языке. Оно включает пять подлунных бездн для заточения и наказания душ под надзором темных владык Параплекс, Ариуф, Гекаты, Паредрона Тифона и Яхтабанаса. Врата бездн регулярно открываются в соответствии с календарем, основанным на определенных астрологических циклах солнца, луны и Юпитера, выпуская очищенные души. Правители пяти планет, солнца и луны используют свои силы как во благо, так и во зло, помогая как высвобождению замученных душ, так и их заточению в посмертные темницы на означенный срок.

Зодиакальный пояс — владения Саваофа Злого, именуемого также Адамасом-Тираном, и орды его демонов. Они определяют судьбу душ, переселяющихся в новые тела, устанавливая, когда, где и как наступит смерть каждого человека. Прямо перед вселением в новое тело темные владыки связывают душу с поддельным духом, который будет принуждать ее к греху, нежели помогать вести праведную жизнь. Затем владыки судьбы заставляют души испить из чаши забвения. Память стирается, и души утрачивают знание о тайнах Иеу. Так, в неведении и грехе, души продолжают существование, завязнув в материальном мире и постоянных перерождениях.

Мезос, что значит «середина» на греческом языке, — это область, где души судят перед помещением в новые тела. Это своего рода сортировка перед перерождением, и проводят ее Саваоф Добрый и Дева Света — вероятно, имеются в виду луна и солнце соответственно. Так-

же в Мезосе обитает Мелхиседек — великая сила, хватающая души и приводящая их на суд к Деве Света. Поскольку Мезос — место обитания Девы Света, правительницы солнца, вероятнее всего, это эклиптика — путь, которым проходит солнце через пояс неподвижных звезд.

Своего рода подушкой между мирозданием и непостижимыми сокровищницами служит область, именуемая тринадцатым царством, где правит высший бог сифианской святой троицы — незримый Дух-Отец. В более поздних иеуитских книгах правитель этого царства носит имя Автадес, что значит «своевольный», «упрямый». Это правитель-тиран, породивший Ялдабаофа и поставивший его владыкой Хаоса. Согласно большинству иеуитских текстов, там же обитают сифианская богиня-Мать Барбело и ее Сын.

Такое разжалование трансцендентных сифианских богов до владык низлежащего царства, приписывание им неблагоприятных характеристик и склонности к злоупотреблению властью наводит на мысль, что главными конкурентами иеуитов на религиозном рынке являлись гностики-сифиане. Иеуиты продвигали своих богов, Иеу и недостижимого Отца, как истинно трансцендентных, в своей непостижимости превосходящих даже популярную сифианскую троицу.

В иеуитской схеме тринадцатое царство представляет собой промежуточный мир, не являющийся ни сокровищницей света, ни местом, подвластным вселенскому хаосу. В нем обитают двадцать четыре сущности, в том числе Пистис София — вселенская душа. В иеуитской версии сказания она выступает травмированной жертвой, которую Автадес обманом вынудил покинуть свое царство. Когда она вступила в собственно вселенную, ее схватил и изнасиловал Ялдабаоф, связав космической тьмой.

Она взывает о помощи к существам света. После длительного процесса ритуального покаяния ее освобождает от уз и выводит наверх, прочь от ужасов мироздания Иисус. Тринадцать покаяний Пистис Софии служат основой ритуального покаяния и самоотверженной нравственной жизни, записанной в литургических текстах в главах 32 и 57 «Пистис Софии».

Иисус — не Иеу

Где же во всем этом Иеу? Больше не являясь вселенским солярным божеством, Иеу вместе со своим Отцом перемещается в царства непостижимого. Он по-прежнему остается создателем сокровищниц света, но те уже являются трансцендентными царствами, а не частью мироздания. Тем не менее, задача по сотворению вселенной по-

прежнему лежит на Иеу. Он отвечает за организацию мироздания и помещение планет в царства их орбит. Он устанавливает контроль над Хаосом, создавая царства суда и очищения. Он устанавливает контроль над злом, заточая злокозненных темных владык — Саваофа со присными — в сфере зодиака, и вознаграждает раскаявшихся бывших темных владык, таких как Иабраоф, перемещая их в вышние небесные сферы. Все действия Иеу, созидрующие и структурирующие, преследуют одну цель: выстроить на уровне мироздания систему, которая способствовала бы очищению, освобождению и перемещению душ в сокровищницы света.

А что насчет Иисуса? У иеуитов имеется собственная интерпретация Иисуса: в их понимании, основанном на знакомстве с Евангелием от Иоанна, это божественный посланник, направленный Отцом, чтобы явить тайны Иеу. В конце концов в сочинениях иеуитов появляется несколько отсылок к Евангелиям от Матфея и Луки и одна отсылка к посланиям апостола Павла, однако христианские писания в целом они, судя по всему, не знают и не используют систематически. Иеуитов совершенно не интересуют события, связанные с жизнью и смертью Иисуса, и его проповеди до распятия.

Для них имеют значение лишь несколько отдельных фактов. Они стремятся к точности в том, что касается первоначального прибытия Иисуса-Света на землю. В данном случае они считают Иисуса, как и Иеу, существом Света родом из непостижимых царств, силой, эманированной Отцом. По приказу Отца Иисус-Свет нисшел в нижние царства, где образуются новые его воплощения. Дух его создает Барбело, а душу — Саваоф Добрый. Эти двое причастны к формированию младенца Иисуса во чреве Марии. К мальчику Иисусу является Иисус-Свет. Они обнимаются, целуются и становятся единым существом, во всяком случае на время. Воссоединение повторяется в момент крещения Иисуса. Эти предварительные нисхождения Иисуса-Света на Иисуса-человека служат главным образом для развлечения и удивления.

По-настоящему история начинается со схождения Иисуса-Света на воскрешенного Иисуса на утро после распятия. Иисус облачается в одеяние Света, с внутренней стороны которого начертаны тайны. Облачившись в него, он становится существом Света и улетает ввысь, через врата небосвода и небесные сферы. Его путь пролегает через все врата, пока он не достигает места, где пребывает в заточении Пистис София — страдающая вселенская душа.

При помощи своих сил он перенаправляет вращение небесных сфер, тем самым смущает и побеждает темных владык. При этом также упрощается процесс очищения и перемещения душ в сокро-

вищницы, первоначально созданные Иеу. Иисус напитывает своим светом Пистис Софию, и она вырывается из владений Хаоса очищенным существом Света, готовая вознестись в сокровищницы. Ее покаяние и спасение становится образцом для верных иеуитов.

Но Иисус не задерживается в тех вышних местах. Он возвращается на землю, по дороге разъединяясь с Иисусом-Светом. Вновь оказавшись на земле, подобно бодхисатве, он в течение одиннадцати лет обучает своих последователей — как мужчин, так и женщин.

За эти годы он преподает им лишь одну тайну, раскрывая секрет двадцати четырех уровней мироздания, через которые нужно пройти, чтобы достичь тринадцатого царства. Это малые тайны, описывающие путь души к вратам сокровищниц света. Еще один момент, связанный с Иисусом и имевший значение для иеуитов, — его вознесение. Это событие закреплено в их календаре в конкретный день и час, что указывает на то, что иеуиты отмечали вознесение Иисуса как религиозный праздник с безмолвным всенощным бдением 24 января, по их календарю — в пятнадцатый день месяца Тобе («Пистис София» 1.2–3). Начиналось бдение при полной луне и солнце в зените. Иеуиты считали, что вознесение Иисуса произошло после последнего схождения Иисуса-Света, облачившего Иисуса-человека в силу и сияние. Бдение заканчивалось на следующий день в девятом часу, когда, по их вере, завершалось вознесение Иисуса в Царство Света. Они считали, что Иисус, соединившись с Иисусом-Светом, вознесся к наивысшим сокровищницам. Затем он вернулся на землю, чтобы явить своим последователям великие тайны непостижимых царств.

Иеуиты возникли во II веке н. э. как новое гностическое течение — египетский солярный культ, тайны которого явил Иисус из Четвертого Евангелия, но только после своего воскресения. Главной задачей этого течения было донести до посвящаемых информацию, обряды и опыт, необходимые для безопасного вознесения через звездные врата в центральное царство, где обитал Иеу — их солярный бог.

Через сто лет после основания религии отмечается изменение в иеуитской космологии и теологии, возможно, вызванное соперничеством с сифианами, заявлявшими, что их религия с непостижимой троицей богов, обитающих в трансцендентном царстве, лучше. Чтобы выдержать конкуренцию, иеуиты переместили солярные мистерии в трансцендентное царство и разработали тайны низшего уровня, чтобы помочь душам умерших избежать ужасных областей-чистилищ на пути к сокровищницам света, ставших непостижимым миром Иеу и его Отца. Сифианские же божества стали сущностями, чуть превосходящими демонов, в пограничной области между миром и Светом.

Память мандеев

В III веке зародилось немало гностических течений, превратившихся в популярные религии. Однако сепаратистское сифианство, манихейство и трансформированный солярный культ Иеу как религии не дожили до наших дней. Соперничество с христианством, зороастризмом, а затем и исламом оказалось слишком жестким, особенно с учетом той политической власти, которую лидеры этих религий могли использовать для подавления и преследования конкурентов.

При этом ислам долгое время действовал с позиции терпимости по отношению к «людям Писания», то есть к носителям таких религий, как иудаизм и христианство, опирающимся на древнее Священное Писание и учение пророков — Моисея и Иисуса. Вероятно, именно в этом состоит главная причина того, что мандеи — гностическая группа, обосновавшаяся в южных областях междуречья Тигра и Евфрата, на территории современных Ирана и Ирака, — просуществовали с древних времен до наших дней (см. Drower 1937, 1960; Deutsch 1995, 1999; Lupieri 2002; Buckley 2002, 2006).

Когда ислам занял господствующее положение в регионе, мандейский лидер явился к мусульманским властям с делегацией мандеев — во всяком случае, так повествует их предание. Они показали властям свою древнюю священную книгу, Гинзу, и объявили, что их пророк — Иоанн Креститель, которого мусульмане признают. Это убедило мусульманские власти, и те даровали мандеям статус людей Писания и признали их религию законной. Мусульмане называли их «субба» (крестители).

Кем же были эти люди? Откуда они взялись? В понимании мандеев история человечества начинается с Адама и Евы; однако, хотя все пошло от этой первой пары, настоящим героем и предком мандейского сообщества является библейский Сим, сын Ноя. Мандеи возводят свой род к Симу, которого считают единственным законным сыном Ноя и его жены. Другие трое сыновей Ноя, по их мнению незаконнорожденные, являются предками всех прочих людей на земле.

Такая трактовка ставит с ног на голову традиционное понимание библейской истории, что характерно и для других гностиков, рассмотренных нами ранее. К примеру, по мандейским преданиям первым лжепророком был Авраам, служивший иудейскому Богу — солярному божеству. Вторым был Моисей. В преданиях об исходе из Египта мандеи отождествляются с египтянами. Их народная память говорит, что египетский фараон был мандейским лидером того периода, врагом Моисея и еврейского народа. Однако фараон оказывается несчастной жертвой евреев и их ложного Бога, когда многие из его подданных

гибнут в волнах Красного моря. Третьим лжепророком стал Иисус, явившийся во времена Понтия Пилата.

Чем бы ни был мандеизм, эта религия определяет иудаизм и христианство как нечто Иное. Лишь мандеям ведом истинный Бог. Собственно говоря, их название происходит от арамейского слова «манда» («знание»). Они самоопределяются как знающие или гностики. Трижды в день мандеи поднимают лицо к северной части неба, где, как они верят, находится вход в мир света, и возносят молитву: «Во имя Бога всемогущего, восславим Бога в чистых сердцах. Жизнь существует. Бог существует. Знание о Боге существует» (Fourouzandeh and Brunet 2001, 13).

Эти ничем не подтвержденные предания составляют «официальную» версию прошлого мандеев, однако совершенно не помогают установить, когда, где и почему возник мандеизм как историческая религия. Известно лишь, что к III веку мандеизм уже существовал как сформировавшаяся гностическая религия со своим Священным Писанием, копированием и сохранением которого занимался особый класс священства.

В манускриптах с Писанием постоянно отмечается хронология переписчиков. Насколько удалось установить, самый ранний экземпляр Левой Гинзы записала женщина по имени Шляма. Хотя в наше время женщины не могут быть мандейскими священнослужительницами, здесь мы имеем неоспоримое свидетельство того, что жившая в начале III века Шляма была мандейской священницей (Buckley 2002, 4). Известно также о работе писца Зазая в конце III века. Судя по всему, он стремился сохранить все мандейские писания, какие только мог, в период убийства Мани и начала преследования незороастрийских религий в местах, где жил сам. Зазай понимал, что письменные документы часто переживают составивший их народ.

Подобное сохранение текстов путем копирования продолжается по сей день, и это значит, что крайне трудно установить даты первоначального составления любого из мандейских писаний, как и выяснить, насколько они подвергались редактированию и изменению с течением лет ради приведения в соответствие с актуальными верованиями и практиками. Кроме того, хотя в мандейских писаниях прослеживается знание иудейских и христианских текстов, они рассматриваются с почтительного расстояния. Авторы писаний, по-видимому, редко обращались к библейским текстам напрямую, в основном полагаясь на слухи и пересказы библейских преданий, и потому приводят их в нетрадиционном виде. Таким образом, информация, поданная мандеями, местами выглядит искаженной и противоречивой и вызывает недоумение у тех, кто привык обращаться к библейским

текстам напрямую и воспринимать их через призму традиционного прочтения.

Мириай и величайший Свет

Итак, откуда же начать поиски истоков мандеизма? Я начинаю с молитвы, возносимой мандеями по воскресеньям, в их священный день. В наше время она читается с точки зрения произносящего ее мандейского священника, но первоначально этот гимн носил характер откровения.

В этом гимне запечатлено видение нисхождения великого мандейского Спасителя, Манды д'Хайе (Знания Жизни). Манда д'Хайе — великое существо Света (у'тра), подобно ангелу сходящее из мира Света чужаком в наш мир. Видящий наблюдает его нисхождение, и его наполняет знание об Отце (Гимн 163, Drower 1959, 141, с небольшими изменениями):

В воскресенье, в главный из дней,
Кто видел то, что видел я?
Кто видел Чужака, что пришел
И остался в доме друзей своих?
Глаза мои наполнились его светом,
Светом наполнились мои глаза,
И знание (манда) поселилось в моем сердце,
В сердце моем поселилось знание,
И уста мои наполнились хвалой Ему,
Хвала Ему наполнила мои уста.
И я поднялся и восхвалил Отца.
Я поднялся и вознес хвалы Отцу.
С рассвета до заката
Восхвалял я величайшее сияние,
Восхвалял Его дивный свет.

Кому явилось это видение? В предыдущем гимне говорится, что его видит иудейка-отступница по имени Мириай, которой народ ее предков не верит, когда она рассказывает о видении сходящего ангела света. Иудеи описываются, как злые люди, неспособные узреть великого ангела, свидетельницей явления которого она стала. Она говорит в гимне (гимн 162, Drower 1959, 140–41):

Его шаги, его поступь
Тревожила мир земной.
Мертвые слышали его и восставали живыми.
Больные слышали его и выздоравливали,

Прокаженные слышали его и исцелялись,
Они вставали, поднимались, исцеленные силой Манды д'Хайе,
В доброте своей одарившего их,
И жизнь восторжествовала.

История Мириай развивается в других мандейских текстах. В этих преданиях Мириай ненавидит все, что связано с ее предками, от синагог до законов. Она проклинает их, призывая прах на их уста и навоз на головы. Она любит лишь Манду д'Хайе, своего Господа, помощника, явившегося из мира Света («Книга Иоанна» 34).

В другой молитве, произносимой мандейскими священниками по пятницам, великий ангел света описывается, как человек, назирута (назорей), которого любит Мириай. Назореи — другое самоназвание мандеев, означающее «хранители» или «обладатели» тайного знания. Сегодня оно относится к священнослужителям или высокообразованным светским мандеям. Что особенно интересно, так же называли себя некоторые первые христиане — хранителями иудейского закона в том виде, в каком призывал следовать ему Иисус (Fossum and Munoa 2004, 156–57).

Мириай подвергается в Иерусалиме гонениям со стороны своих иудейских родственников и соседей, которым не нравится тот факт, что она не только отреклась от религии предков, но еще и стала священнослужительницей новой крестильной назорейской религии. Священнослужительницей ее ставит Ануш (Человек), утра, как и Манда д'Хайе, сошедший из царства Света и оказавшийся чужим на земле.

Ануш — небесный посланник, отправленный на землю во времена Римской империи. Он обретает телесную форму и является в Иерусалим. Согласно мандейским писаниям, он исцеляет больных, дает прозрение слепым, очищает прокаженных, ставит на ноги расслабленных и возвращает речь глухонемым. Также он воскрешает из мертвых, используя силу, дарованную ему Царем Света. Он проповедует, что есть жизнь и смерть, свет и тьма, истина и заблуждение. Его учение признается истинной религией. В преданиях о нем подчеркивается, что он исцелил Мириай с головы до ног, не взяв никакой платы (Правая Гинза 1.29, 2.53, 14.328, 14.331).

В роли священнослужительницы Мириай видится лозой или великим древом, дающим приют птицам, желающим свить гнездо. Ее плоды дают птицам пищу. Ануш прилетает в образе белого орла и, сидя на ее ветвях, проповедует птицам, призывая их присоединиться к Мириай и оставаться с ней, что бы ни случилось. Он говорит, что он — великий утра, пришедший из Царства Света, чтобы исцелить Мириай и обращенных ею через крещение водой, что пробудит их

души. Он — глас жизни, пробуждающий их ото сна. Он крестит Мириай в текущих водах Иордана и через ее крещение дает образец религиозных практик омовения.

Считается, что за время своего пребывания в Иерусалиме Ануш обратил триста шестьдесят пять человек. Обращенные проповедуют о Господе Славы, а затем их убивают не поверившие им иудеи. За то, что иудеи насмеваются над Мириай и преследуют ее людей, орел Ануш приносит кару, пролетая над городом. В наказание Ануш разрушает Храм, обрушивает огонь на Иерусалим и уничтожает его население. Закончив с этим, Ануш возносится в Царство Света. Народ Мириай покидает город и отправляется на восток, в персидские земли. Там она изображается сидящей на троне в устье Евфрата, рядом с ней реет белое священническое знамя, на коленях у нее лежит священный свиток, вокруг талии обернут священнический пояс, а в руке она держит посох, повелевающий живыми водами. Люди склоняются перед ней, и она проповедует им о Боге, которого познала, о Боге, не являющемся YHWH («Книга Иоанна» 35).

Какие выводы следуют из этого предания, особенно при учете того, что в позднейших версиях мандейской истории Ануш не отождествляется с Иисусом, а выступает его соперником? И что Мириай понимается мандеями как Мария, мать Иисуса, а не провидица и священнослужительница новой религии? И что Иисус считается бывшим мандеем и лжепророком, в отличие от его учителя Иоанна Крестителя? Все это указывает на изменения. Сегодняшний мандеизм отличается от той же религии в период ее возникновения. Как и любая религия с долгой историей, мандеизм менялся, подстраиваясь под потребности, опыт и желания исповедующих его людей.

Гностики-назорей

Итак, как же выглядел мандеизм в самом начале, до отступничества Иисуса и превращения Мириай в его мать Марию, а Иоанна Крестителя — в главного мандейского пророка в стремлении убедить мусульманские власти в законности своей веры? Ученые высказывали множество предположений. На раннем этапе обсуждения этой религии в научных кругах Марк Лидзбарский (Lidzbarski 1925, vi–xvii) и Рудольф Бультманн (Bultmann 1925) придерживались версии о дохристианском палестинском происхождении мандеизма. Датский ученый В. Шу-Педерсен (Schou Pedersen 1940) не соглашался с ними, доказывая, что на раннем этапе развития мандеизма наверняка была христианская стадия. После Второй мировой войны снова стала набирать популярность точка зрения об иудейском происхождении

мандеизма, особенно потому, что в мандейском тексте «Харан Гавайта» содержатся записи о переселении из Палестины в Месопотамию (Macuch 1957, 1965; Rudolph 1969, 228). Эдвин Ямаучи (Yamauchi 1973, 140–42), однако, считает, что истоки мандеизма следует искать в Вавилонии: они прослеживаются до неиудейской секты, сходной с элкасаитами, которая принесла в Месопотамию собственную форму гностицизма и в конце II века н.э. смешалась с месопотамским магическим культом.

С учетом явно выраженных параллелей с христианством и изображения Иисуса как отступника, что видится обратной стороной христианского предания, мое собственное исследование привело меня к выводу, что первые мандеи представляли собой группу христианских гностиков-назореев, возглавляемых провидицей и священнослужительницей по имени Мириам. Истоки мандеизма указывают на самый конец I века, когда Мириам основала в южных низменностях Евфрата общину христианских гностиков-крестителей. Свежезародившаяся община состояла преимущественно из христиан-назореев из диаспоры, чьи семьи бежали из Палестины приблизительно во время разрушения Иерусалима римлянами в 70 году н.э. Вероятно, у них имелись какие-то связи с сообществом христианских гностиков-крестителей, о которых мы говорили ранее в связи с четвертым Евангелием.

Если бы группа Мириам не придерживалась гностической духовности, она была бы очень схожа с элкасаитами, существовавшими в том же регионе. Как и у Элкасая, крещения Мириам носили терапевтический характер, даровали исцеление тела и души. Как и у Элкасая, в группе Мириам подчеркивалась важность чистоты, как физической, так и этической, и предписывалась особая диета на основе правильным образом омытой и приготовленной пищи. Любые контакты с нечистыми телесными жидкостями, такими как кровь или семя, должны были производиться в воде. Как и у элкасаитов, в общине Мириам ежедневно проводились молитвы и омовения в реке для поддержания физического и духовного здоровья членов.

Авторитет Мириам как священнослужительницы и знание истинного Бога проистекают из явленного ей видения о ниссхождении величественного ангела Света, которого она, вероятно, первоначально отождествила с Иисусом. Хотя нет прямых свидетельств того, что Мириам считала себя Великой Силой, как Элкасай, или Параклетом, как Мани, она, тем не менее, явно взяла на себя роль Иисуса как «лозы» из четвертого Евангелия (Ин. 15), с текстом которого, по-видимому, была знакома. Мириам верила, что величественный ангел Света назначил ее духовной матерью и основательницей новой об-

щины. Свою общину она задумывала как Царствие Божие, описанное Иисусом в притче о горчичном зерне (Мф. 13:31–32; Мк. 4:30–32; Лк. 13:18–19), ставшем деревом, чьи ветви дают приют, пищу и утешение прилетающим птицам.

Во II веке общину Мириам начали сурово преследовать другие христианские группы. Враждебность между гностиками-назореями и другими христианами оказалась настолько сильной, что между сообществами возник непреодолимый разрыв. Чем больше гностики-назорее сталкивались с другими христианами и их громкими заявлениями об Иисусе, тем больше они дистанцировались от христианского Иисуса. Вместо того, чтобы доказывать правильность своего понимания Иисуса как Знания Жизни или Манды д'Хайе и ошибочность точки зрения апостольских католиков, гностики-назорее вообще отделились от Иисуса, остро ощущая его лживость в христианской интерпретации. В этом контексте возникло предание об Ануше, сопернике христианского Иисуса, а сам Иисус стал мандеем-отступником.

В этом вихре переоценки общинных ценностей Мириам проассоциировали с матерью Иисуса, но не так, как записано в христианском предании. Мандеи помнят Мириам как обращенную мандейку, отказавшуюся от иудаизма, как мать, не сумевшую удержать своего заблудшего сына Иисуса от основания ложной религии — христианства. В конечном итоге гностики-назорее отвернулись и от иудаизма, и от христианства, и в этом контексте отчуждения возник мандеизм — новая гностическая религия с собственной гностической идентичностью и собственным гностическим переосмыслением истории.

Вместилища душ

Во II веке мандеи создали концепцию Бога, очень сходную с той, что столетие спустя предложит Мани. В мандейской схеме мир Света расположен над небесной сферой. Это родина и место зарождения человеческой души. Врата в мир Света находятся в северной части небосвода. Мир Света венчает неведомый или недостижимый Бог, первоисточник самой жизни. У этого трансцендентного Бога множество имен, но самое простое — Хайе (Жизнь). В числе прочего он именуется также Первой Жизнью, Великой Жизнью, Владыкой Величия и Царем Света. Его представляют восседающим на престоле в покое. От него происходит линия существ света, каждое из которых слабее предыдущего, известных как Юшамин — Вторая Жизнь, Абатур — Третья Жизнь и Птахиль — Четвертая Жизнь. В мире Света существует бесчисленное число царств и обитающих в них утр (существ Света). Существа Света могут быть как мужского, так и женского

пола, и считаются мужьями и женами. Мир Света пронизывает сеть световых рек, служащих утрам для омовения. Утры прославляют Бога, регулярно погружаясь в трансцендентные потоки Иордана. Иногда утры спускаются в нижние царства, чтобы нести падшим утрам и людям проповедь об истинном Боге и мире Света. Из утр-посланников наибольшее значение имеют три: Хибиль, Шитиль и Ануш. Это гностические сверхсилы во вселенной мандеев.

В противовес миру Света существует мир Тьмы, расположенный под землей. Это подземный мир, поднявшийся из темных вод предначального хаоса. В этом месте заточена Руха — дух святости, падшая из мира Света и сама ставшая темной владычицей. Нигде не объясняется, что именно произошло, но падение подразумевается, поскольку Хибиль спускается в подземный мир и пытается вернуть Руху к истинным родителям в мире Света (см. Buckley 2002, 41).

После совокупления со своим братом, демоном Гафом, у Рухи рождается Ур. Ур — царь Тьмы, противостоящий миру Света. Он рождается гигантским змеем и свивается кольцами вокруг себя самого, образуя бездны и царства демонов. В конце концов Ур совокупляется с Рухой, и та порождает семь планет, неподвижные звезды зодиакального пояса и их демонических правителей.

Земля — Срединная область, именуемая Тибиль. Ее сотворил Птахиль, Четвертая Жизнь, живущий на границе между миром Света и миром Тьмы, поскольку является последним эманированным и поэтому наиболее слабым существом. К созданию земной области между мирами Света и Тьмы его подталкивает отец, Абатур — Третья Жизнь. Это предложение исходит не от первоначального Бога, это опасная идея Абатура, который хочет, чтобы его сын Птахиль правил собственным царством, населенным его собственными существами Света.

Птахиль берется претворить в жизнь замысел отца, но обнаруживает, что не может выполнить поставленную задачу своими силами. Выясняется, что, выйдя за пределы мира Света, он утратил силу. Лишившись питавшего его Света, Птахиль кое-как пытается вдохнуть в Срединное царство жизнь. В конце концов при содействии Абатура он все же расставляет планеты по орбитам, формирует земную твердь и пускает по ней водные потоки.

Затем Птахиль обращается к Рухе и древним богам-демонам, правящим планетами и звездами, за помощью в создании первого человека, Адама, по образу существ Света верхнего мира. Им удастся слепить тело Адама и вложить в него необходимый природный дух, порожденный Рухой, однако они не могут вдохнуть в Адама жизнь, сделать его осознанным, ходящим и говорящим существом. Сколько

бы огня, ветра, воды и воздуха ни добавляли, это не помогает. Адам оживает и обретает сознание лишь тогда, когда, сжалившись над несчастным созданием, поселиться в темнице его тела соглашается Внутренний Адам, существо Света, становясь его душой.

Возможно, именно поэтому душу называют также «мана» («сосуд» или «вместилище»). Вместилище или душа, в данном случае божественный элемент, вложенный в человека, наделяет последнего сознанием и индивидуальностью. Природный дух — это средняя, психологическая составляющая личности, колеблющаяся между божественной душой и плотью и подталкивающая человека то к добру, то ко злу. Душа удерживает, ограничивает демонический дух Рухи. Вот что пишут мандеи о душе Адама и душе каждого мандея (Левая Гинза III.1 75.17):

О, душа, восстань, шагни вперед,
Войди в тело, в оковы дворца.
Ты посадишь на цепь мятежного льва,
Мятежного, непокорного льва.
Ты посадишь на цепь дракона,
Злого сразишь на месте.
Лишь ты (о, душа) свяжешь Царя Тьмы,
чью мощь никому не одолеть.

Мандеи верили, что должно как в жизни, так и в смерти стремиться к слиянию порожденного Рухой природного духа с душой, чтобы та сдерживала и подчиняла его, укрощала, чтобы восторжествовала Хайе (Жизнь).

Мандеи практикуют честный образ жизни, включающий раздачу милостыни и другую благотворительность, братскую любовь, заботу о супругах и семье, соблюдение подобной кашруту диеты, поддержание тела в чистоте, трезвость, а также недопущение таких грехов, как убийство, воровство и прелюбодеяние, однако контроль и удержание подобного Рухе духа в пределах души достигается главным образом через ритуалы.

Ритуальные водные процедуры

Лямия Аббас Амара, знаменитая поэтесса-мандейка, жившая в Сан-Диего, отвечает на вопрос о душе и посмертии без обиняков: «Когда человек умирает, его душа возвращается к истоку. Душу ребенка дает Бог. А в конце жизни начало становится концом, будто в большом чане с водой. Вода все время движется. Этот цикл бесконечен» (Buckley 2002, 30).

Вернемся к световым потокам, текущим по миру Света. Водные магистрали мира Света соединяются с земными реками — Иорданом, Евфратом, Тигром, таким образом реки обеспечивают связь с миром Света. Мандеи называют эту связь «лауфа» («общность»). Погружаясь в реку, они подсоединяются к миру Света, приобщаются к утрам.

Такое ритуальное погружение в присутствии священника называется масбута («крещение»). Оно проводится в общине каждое воскресенье (рис. 10.5). Это не практика инициации, поскольку в мандеизме не предусмотрен обряд обращения. Это обычная практика для воссоздания вступления в божественное царство, обеспечивающая данным гностикам регулярное посещение мира Света и укрепление связи с ним.

В ходе церемонии священник превращается в утру. Он открывает канал, ведущий из мира Света в реку, и сам вступает в воду, призывая существ из мира Света охранять и оберегать души крестьящихся от всякого зла. При помощи ритуальных действий он связывает силы зла, делая воду пригодной для омовения.

Священник зовет в воду облаченных в белое крестьящихся: «Во имя Жизни! Да войдет каждый, чья сила поддерживает его и любит душу его, в воды Иордана и крестится, и получит знак чистоты. Облачитесь в сияние Света и возложите на голову ему свежий венок!» (Buckley 2002, 83).

В воде каждого крестьящегося называют по имени и запечатывают Знаком Жизни во имя Хайе (Жизни) и Манды д'Хайе (Знания Жизни). Человека трижды окунают в воду. Крестьящийся пьет воду из реки, после чего священник призывает его «исцелиться и наполниться силой».

Когда крестьящиеся выходят из воды для участия во второй части церемонии, им на лоб ставится печать кунжутным маслом. Затем следует ритуальная трапеза. В ходе церемонии последовательно читается несколько молитв, призывающих существ Света защитить и излечить крестившихся, «исцелить, унести, отогнать, избавить от всякой боли, болезни, жалобы, опухоли и от семи тайн, обитающих в теле» (молитва 23.19, по Buckley 2002, 84). Под «семью тайнами» подразумеваются правители планет: они воздействуют на тело через астрологическое влияние и пытаются поймать душу в ловушку, когда та возносится в мир Света после смерти. Также читается главная молитва для отпущения грехов всем мандеям прошлого и настоящего (молитва 72, по Buckley 2002, 85).

При помощи крещения мандеи укрепляют связь с миром Света и друг с другом. При каждом его проведении их души получают защиту от зла. Также души раз за разом укрепляются, чтобы лучше

удерживать колеблющийся дух, ограничивать его негативное влияние. Постоянное обновление связи с миром Света приносит исцеление и телу, и душе. Терапевтическая природа ритуального омовения очевидна: это религиозная терапия, основанная на регулярном соприкосновении души с миром Света и приобщении к Хайе, что способствует поддержанию ее целостности и способности ограничивать негативное влияние порожденного Рухой духа.

Вступление души в мир Света воспроизводится через крещение и после смерти, когда проводится еще один необходимый ритуал — масикта (заупокойная служба). Как говорит Лямия Аббас Амара: «Там (в мире Света) меня ждет сущность, подобная мне. Она ждет и будет счастлива обняться со мной, когда я приду. Здесь, на земле, мы живем лишь временно, как в тюрьме. Это место страданий. Но мы уйдем в прекрасное место» (Buckleу 2002, 29–30).

Амара говорит о мандейском представлении о смерти: душа должна вернуться в мир Света. Для успешного возвращения проводится сложный обряд, позволяющий навсегда объединить порожденный Рухой дух с душой. Это единение необходимо для вселения души в тело мира Света, устуну, в котором она сможет вечно обитать в одном из царств Света вместе с предками-мандеями. Некоторые мандеи считают, что такое световое тело — их дмута (божественный

Рис. 10.5. Мандейский священник призывает юношу совершить омовение в реке Сен-Шарль, 1999 г. Кадр из фильма «Масбута» (2003). Фото любезно предоставлено Джесс Бакли.

двойник). Также оно описывается, как платье из света, в которое душа облачается по прибытии в мир Света (ср. Левая Гинза II.5 43.18–44.13).

Двенадцатичасовая церемония масикта проводится на третий день после смерти и погребения. Обряд помогает душе отделиться от тела, соединиться с природным духом и проделать весь путь до мира Света. Путь до дверей мира Света занимает сорок пять дней и пролегает через опасные области-чистилища, где демоны звезд и правители планет пытаются задержать и заточить душу. Но душу мандея по этим областям сопровождают пришедшие за ней ангелы Света. Ангелы служат защитниками и проводниками, однако на расспросы темных владык в каждой из ужасных областей душа должна отвечать самостоятельно: сообщить свое имя, знак и благословение — все то, что получила от Хайе на земле, в живых крестильных водах.

В наивысшей точке пути через космические царства расположена область Абатура, отца Птахия. В качестве наказания за участие в создании мира Абатур служит судьей мертвых: взвешивает душу и дух каждого человека, сравнивая с душой Сифа, сына Адама, которая считается чистейшей и легчайшей из всех. Если прибывшая душа не перевешивает чашу весов, это указывает на то, что дух по чистоте сравнялся с душой. В этот момент душа и дух обнимаются, как сестры, и объединяются. Вместе они поднимаются на борт корабля света, который перевозит их через реку, окружающую мироздание, и доставляет в мир Света. Если же душа отягощена грехом, ее забирают в чистилище, где она подвергается очищению, пока ее не выпустят и не взвесят снова.

Здесь нет реинкарнации, переселения в другое тело. Есть лишь вечность, которую душа проводит или купаясь в реках Света вместе с утрами и вознесшимися предками, или взаперти в чистилище, истязаемая демонами. Первое — удел мандеев, гностиков. Второе — участь всех прочих.

«Истинная» религия

В III веке возникло несколько новых гностических религиозных течений. Эти религии состыковывались с другими — иудаизмом, христианством, зороастризмом, буддизмом, но позиционировались как отличные от них, превосходящие традиционные религии, предлагающие своим последователям истинное вероучение. Традиционные религии с их точки зрения являлись искаженными или ложными.

По контрасту эти «истинные» религии возникали на базе откровения, которым, в свою очередь, подкреплялась их истинность. Правомочность этих религий не зависела от наследия прошлых поколений,

перешедших от предков писаний или одобрения епископа или раввина. Часто основатели таких течений были провидцами, как Мани и Мириам, и строили свои системы на основе полученных видений и знаний.

Иеуиты, к примеру, верили, что тайны солнца им скрытно поведал Иисус. Христиане неверно поняли Иисуса и его идеи, тогда как иеуиты восприняли их правильно. Иисус был гностиком, посланным Отцом Иеу явить истину о трансцендентном мире и нашей врожденной связи с ним. Получили и поняли его откровение иеуиты.

При сравнении этих религий видно, что во всех из них рано или поздно сформировалась институциональная структура, что способствовало передаче религии из поколения в поколение. Иеуиты сосредоточили свои знания в церковных руководствах, которыми пользовались духовные лидеры для направления и наставления своих конгрегаций. В дополнение к иницилирующим мистериям использовались литании и праздники, в ходе которых дух проводили в трансцендентные царства.

Мани выстроил свои институты абсолютно намеренно и системно. Он установил строгую иерархию в управлении, написал религиозные книги и упорядочил процесс поклонения при помощи молитв, гимнов, литаний и праздников.

В религии Мириам так же выстроилась четкая организация, так что к III веку сформировалось священство и класс переписчиков, были составлены писания, проводились заупокойные службы и еженедельные водные ритуалы, а в календаре появились уникальные праздники. Именно подобная организованность обеспечила этим религиозным течениям долговечность.

Выживанию мандеев дополнительно способствовало то, что их родина оказалась на мусульманской территории, где к ним отнеслись терпимо как к людям Писания. Результат терпимости со стороны мусульманских властей невозможно переоценить. К сожалению, в современном мире ситуация изменилась. На фоне последствий войны в Персидском заливе и вооруженных конфликтов в Ираке мандеи больше не в безопасности. Многие из них бежали в поисках политического убежища в другие страны, в том числе в США. Как мандеизм продолжит существовать и адаптироваться в рамках диаспоры, покажет время.

В отличие от мандеизма, древние гностические религии, существовавшие на христианских территориях, не пережили столетия, поскольку их идеи оказались слишком трансгрессивными, чтобы христиане согласились их терпеть. Для христианского Запада утверждение гностиков о центральной роли способности индивида делать вы-

бор на основе личного опыта, а не подчинения воле Бога и его царей, выглядело слишком угрожающе. И потому, почти как в «Плезантвиле», полетели камни в окна, запылали стопки книг, а католическая церковь ввела законы, препятствующие распространению ереси. Тем не менее, хотя можно было уничтожить церкви и книги гностиков и установить законы против них, идею личной свободы и внутренней сущности как Бога затоптать не удалось. Она выжила и продолжает делать мир цветным.

Глава одиннадцатая. Гностицизм на краю

Ширли Маклейн

В автобиографическом минисериале 1987 года «На краю», снятом по мотивам одноименной книги, Ширли Маклейн рассказывает историю собственного духовного пробуждения, начав ее с воспроизведения своего духовного кризиса (рис. 11.1). Она вдруг оживляется за чаем с подругой, Беллой Абцуг. Успешная актриса с немалым состоянием и положением в обществе, Ширли тем не менее ощущает нехватку чего-то важного в жизни. «Чем больше путешествую по свету, тем сильнее чувствую, что чего-то не хватает, — говорит она подруге. — Я имею в виду не славу, деньги или успех. У бытия живым есть какая-то цель, а я не знаю, в чем она состоит. Не может же она состоять в чем попало! Зачем мы здесь? Тут должно быть что-то еще».

Рис. 11.1. Ширли Маклейн в роли самой себя в телесериале «На краю» (1987)

Белла качает головой, дивясь странному поведению подруги. Ширли досадует на непонимание со стороны Беллы.

Несколько дней спустя обе посещают художественную выставку. Там Ширли знакомится с Дэвидом Мэннингом, художником направления нью-эйдж. Он интригует Ширли; она завязывает с ним разговор и в конце концов делится своим томительным желанием познать принципы работы вселенной. Она хочет знать, каков из себя Бог и где наше место в мире.

И Дэвид приводит ее в книжный магазин «Дерево Бодхи», специализирующийся на литературе нью-эйдж. Обилие книг поражает Ширли, и она спрашивает у Дэвида, что ей почитать, чтобы обрести желаемое знание.

Тот отвечает: «Ну, можете взять что-то из более эзотерических книг, представленных на этой стене, а можете просто почитать Платона, Пифагора, Ральфа Уолдо Эмерсона, Уолта Уитмена, Вольтера. Все они писали на эту тему».

С этого момента в каждой последующей сцене мы видим, как Ширли роется в книгах: сидит у камина, у окна, на полу, читая книгу за книгой. Ее голос говорит за кадром: «С того дня я стала читать все о метафизике, до чего могла добраться. Это изменило мое отношение к миру и к собственной жизни в нем».

Ширли становится искателем духовного знания, современным гностиком, понимающим, что, чтобы добраться до плодов дерева, нужно рискнуть, подойти к краю. Каким бы тревожащим и трансгрессивным ни было то, что она познает, нужно читать дальше.

Далее в фильме мы видим выступление Ширли в Гонконге. В какой-то момент она идет по улице в сердце города. Останавливается у витрины книжного магазина. Там на видном месте выставлена книга «Искатель истины», а также немало других подобных. Мы понимаем, что искатель — это Ширли, а истина, которую она ищет, найдется в книгах в этом магазине.

И верно: Ширли заходит в магазин и покидает его с очередной охапкой книг по метафизике, которые относит в свой номер в гостинице, где снова погружается в чтение. Непосредственно соприкоснувшись с заключенным в книгах знанием, Ширли вступает в разговор, который ведется с античных времен и восходит к гностическому нью-эйдж.

Единомыслие поколений

Название данной книги — «Гностический нью-эйдж» — отражает результат моих многолетних наблюдений: когда дело касается религии, древнее и современное сознание различаются куда меньше, чем, возможно, хотелось бы думать. Я не первый год отмечаю труднообъяснимое сходство между гностическими течениями античности и нью-эйдж течениями нашего времени и задаюсь вопросом, что бы это могло значить.

И древние гностические, и современные нью-эйдж течения культивируют агрессивно-контркультурную форму духовности с крайне критическим взглядом на традиционные религиозные институты (см.

Campbell 1972; Bloom 1996; Hanegraaff 1998; Roof 1999; Versluis 2014). Они с наслаждением выставляют напоказ ошибки традиционных религий, полагая их неэффективными. С удовольствием переворачивают все вверх дном, выявляют заблуждения, которые, как они считают, традиционные религии поддерживают для удержания контроля над массами.

В основе их трансгрессии лежит неодобрительное отношение к «болтологической религии» — попыткам систематизировать Бога или интеллектуализировать духовность. Как для древних гностиков, так и для современных приверженцев нью-эйдж в сердце религии лежит субъективный, индивидуальный опыт погружения в трансцендентную или трансперсональную реальность, являющуюся источником всего сущего. Религия подразумевает опыт взаимодействия с Богом, а не разговоры о Боге. Вот, как объясняет истинную сущность Бога современный духовный лидер Экхарт Толле (Tolle 1999, 93): «Это совсем не то, что вы думаете! О присутствии невозможно думать. Его нельзя понять умом. Понимать присутствие — значит пребывать в состоянии присутствия».

В центре как древних, так и современных течений находится трансцендентная или трансперсональная реальность, которая считается источником нашего бытия. Всё в мире, включая нас, происходит из этого источника. Таким образом, божество присутствует в человеке и признается его истинной сущностью. Религия предлагается как способ поиска целостности или, выражаясь в терминологии нью-эйдж, холизма. Путь достижения такого трансперсонального духовного слияния видится своего рода священной психотерапией, замешанной на глубоком созерцании и ритуальной магии.

Религии, возникающие на базе духовной направленности такого типа, отличаются выраженным плюрализмом, включают большое разнообразие религиозных течений, альтернативную науку, магическое мышление и чтение звезд. За редким исключением такого типа движения децентрализованы, их основывают с нуля и возглавляют харизматичные лидеры — носители откровения. Ведущую роль играют откровения и пророчества, обеспечивая лидерам как прошлого, так и настоящего авторитет, законность и «новое знание» для представления на рынке.

Историки не горят желанием делать какие-либо выводы на основе подобных «совпадений» в силу большого временного разрыва между прошлым и настоящим и отсутствия явных исторических связей и предпосылок. Поскольку ни одна древняя гностическая церковь не дожила до наших дней в Америке, линейная связь исторического

развития между древними гностиками и современными сторонниками нью-эйдж выглядит смехотворной.

Тем не менее, сходства слишком убедительны для простого совпадения. Что-то здесь есть, и это «что-то» вопиет об объяснении (см. Bloom 1992, 1996; Smoley 2006; Burfeind 2014). Потребность принять это сходство, такое единомыслие гностиков и последователей нью-эйдж, разделенных двумя тысячелетиями, привела меня к написанию данной книги, поискам истоков гностической духовности и попытке понять, как она просуществовала до наших дней и проникла в современную американскую религию.

Разумеется, тут задействовано множество факторов, в том числе социологические сравнительные показатели. И гностические, и нью-эйдж течения возникали в исторические периоды быстрого разрушения традиционных институтов и структур. В античные времена мы наблюдали грубый империализм Рима, приводивший к падению локальных культур и порождавший ненависть к господствовавшему политическому режиму. Аналогичным образом в 50 — 60-х годах XX века в Америке завершился роман с традиционной политикой и культурными структурами, и образовался вакуум, в котором смогли успешно развиваться контркультурные движения.

В равной степени верно то, что как в прошлом, так и в настоящем подобные изменения привели к усилению взаимодействия местной культуры с другими. Такое расширение знаний в области культуры и в прошлом, и в настоящем порождает плюралистическую среду, в которой становятся возможны инновации в сфере духовности и религии благодаря эклектизму и инклюзивности. Средиземноморье времен гностиков переживало прежде неведомый уровень интернационализации — результат увеличения потока торговцев, туристов и переселенцев, путешествовавших по римским дорогам, Шелковому пути и морям. В такой богатой интернациональной среде поиски истины обретали больше простора. То же можно сказать и о 1950 — 1960-х, когда произошел приток иммигрантов из Азии в Америку. Тогда же случился и прорыв в космос. Когда наша раса ступила на Луну, простор для поисков истины расширился до инопланетных масштабов.

Таким образом, обе эпохи — и I, и XX века н. э. — оказались подходящим моментом для возникновения и укоренения контркультурных религиозных движений. Однако нельзя свести все сходства лишь к возникновению кросскультурного окружения или подходящих условий (ср. Kaler 2009). Чтобы объяснить единомыслие, общность метафизической направленности в прошлом и настоящем, нужно обратиться к чему-то еще.

Артефакты гностиков

За исключением мандеизма, тихо дожившего до наших дней благодаря терпимости, проявленной к нему исламскими режимами, гностические течения и религии не сохранились с античных времен. Одни исчезли сразу же после смерти своих пророков; другие организовались в полноценные религии и просуществовали несколько столетий. В конце концов они тоже угасли, но не потому, что не могли или не желали организоваться как полноценные религии с развитой системой обрядов, писаний и структурой управления. Основная причина того, что гностические религии и течения не дожили до наших дней, состоит в их контркультурной направленности и жесткой критике христианства как ложной религии, так и не отошедшей от иудаизма и поклонения иудейскому Богу YHWH. Такие трансгрессивные высказывания гностиков противоречили как общественному порядку, так и политическому устройству католической церкви, чья форма христианства представлялась и принималась массами как «естественная» и «наследственная» религия. Все это делало систематическое преследование и уничтожение «неестественных», «новых» гностических течений и религий не только возможным, но и вероятным, особенно в период тесного союза политики и религии на христианском Западе в средние века.

Тем не менее, хотя гностические течения действительно были успешно подавлены в древние времена, было бы ошибкой полагать, что гностицизм уничтожили полностью. Главный вопрос для меня заключался в том, каким образом гностицизм пережил века при отсутствии собственной церкви, которая бы существовала на равных с католическими, православными и протестантскими институтами.

Как уже было показано, ответ кроется в понимании гностицизма как стихийно возникающей религиозной направленности, инновационной формы духовности, нового подхода к религиозности, сохранившегося за пределами традиционных религиозных структур и подрывающего их при взаимодействии. Гностицизм появился в I веке н. э. как инновационная духовность индивидуализма и наделения человека силой — в эпоху, когда ничего подобного не существовало. Он проступал на окраинах традиционных религий, взаимодействуя с ними через критику и подрыв старых религиозных моделей служения. Старые структуры ставились под сомнение, и как следствие стали формироваться новые религиозные движения, направленные на заботу о благополучии людей, а не о благополучии богов.

Так где же сохранился гностицизм, если не в собственных институтах? Очень просто: в литературе, написанной нашими предками,

и в созданных ими культурных артефактах, будь то выражения гностической духовности или нападки, направленные на ее подавление. Такие артефакты, как литература, не нуждаются в церкви для передачи традиции из поколения в поколение. Они нуждаются лишь в людях вроде Ширли Маклейн, которые бы взяли книгу и прочитали ее — в любое время и в любом месте. Связь с гностической духовностью устанавливается напрямую — от текста к читателю, где бы и когда бы тот ни жил. Время и место не имеют значения. Всякий раз, как подобную литературу читают, а затем распространяют более широким массам — хоть из уст в уста, хоть через каналы общего доступа, — гностическая духовность снова обретает силу. Всякий раз, как возникало, а затем подавлялось новое религиозное движение как выражение обретшего силу гностицизма, концепция «гностического» заново распространялась и все глубже укоренялась в нашей личной и социальной памяти, становясь частью истории и сознания человечества.

Говоря о литературе, доступной в западном мире с античности, следует упомянуть главных противников гностицизма, таких как Ириней Лионский и Тертуллиан Карфагенский, чьи труды были открыты читателям со времени первой публикации в конце II — начале III веков. Сюда же следует отнести позднейшие обличительные сочинения Августина и других борцов латинского мира с манихейством. На протяжении столетий их труды являлись «интересным чтивом» для христиан. Все эти авторы верили, что борются с распространением гностицизма и, вероятно, так и не поняли, что своими нападками только способствовали сохранению гностицизма и дальнейшему распространению гностической духовности в религиозном буфере и нашем коллективном сознании с каждым новым прочтением их обличительных сочинений. Не исключено, что литература, написанная противниками гностиков, сделала куда больше для сохранения гностической духовности в веках, чем для ее уничтожения.

В числе других текстов следует упомянуть Евангелие от Иоанна и послания апостола Павла. Как мы видели, эти тексты поддерживают гностическую духовность. В стремлении подавить гностические убеждения и «одомашнить» эти тексты, лидеры апостольско-католической церкви установили для них четкие ортодоксальные толкования, которые успешно продвинули как «естественный» способ прочтения Иоанна и Павла. Успешное утверждение новых толкований вынудило лидеров католической церкви включить Евангелие от Иоанна и послания Павла в канонический Новый Завет.

Однако, поскольку только толкования и сдерживают гностическую духовность, вплетенную в эти тексты, четвертое Евангелие и посла-

ния Павла оказались троянскими конями. Они поджидают читателей, которые не знают ортодоксальных толкований или которым нет до них дела. Когда такие читатели сталкиваются с Иоанном или Павлом, дверь троянского коня открывается и на них выскакивает гностическая духовность во всей своей полноте.

Пробуждения гностицизма

Эта короткая глава — неподходящее место для подробного проследживания пути гностической духовности от античности до современности. Тем не менее, следует отметить эпизоды возрождения гностицизма в моменты обнаружения литературы, написанной непосредственно гностиками. Подобные случаи в истории придавали сил гностицизму в широком масштабе и на глубоком уровне. Эти пробуждения сыграли ключевую роль в «выживании» и все более широком распространении гностической духовности, поскольку таким образом она снова и снова переосмыслялась, подстраиваясь под нужды и интересы новых поколений верующих.

Можно с уверенностью назвать четыре таких пробуждения гностицизма. Первое, по всей вероятности, произошло в средневековый период, о чем свидетельствует появление религиозных групп, известных как павликиане, богомилы и катары. Хотя уцелело и повлияло на будущие поколения ничтожно малое количество их текстов, легенды о них, несомненно, сыграли значительную роль в формировании современного гностического сознания.

Второе пробуждение гностицизма произошло в конце XV века, когда была заново открыта и переведена на латынь классическая греческая литература, ранее потерянная для латинского запада. В 1471 году в Италии Марсилио Фичино перевел восемнадцать частей «Герметического корпуса». Исламским философам герметическая гностическая мысль была знакома и прежде и являлась предметом споров на протяжении средних веков, однако в период итальянского Возрождения она снова проникла и широко распространилась в западноевропейском философском дискурсе. С тех пор, как эти тексты снова появились в доступе, они стали хранилищем гностицизма для новых поколений людей — от Фичино и его друзей-европейцев до таких ранних американских авторов, как Ральф Уолдо Эмерсон и Маргарет Фуллер, и современных последователей нью-эйдж, как Ширли Маклейн.

Такой перезапуск гностической духовности в максимально космоориентированном обличье невозможно переоценить. Как мы могли видеть, в рамках герметизма гностическая духовность выражена весьма умеренно в том, что касается нашей вселенной. Наша вселенная —

лучший из возможных вариантов развертывания Бога во все более низкие формы жизни. Именно эта умеренная форма гностицизма незаметно проникла в западную духовность, а не те формы, в которых наш мир определяется как темное место, подвластное демонам.

Помимо «Герметического корпуса», Фичино перевел на латынь избранные сочинения Платона и написал комментарии к главным из них. Так же он работал с трудами Плотина, ведущего неоплатоника античных времен. Кроме того, Фичино основал академию для изучения Платона и Плотина, тем самым оживив картину мира, повлиявшую на многих гностиков древности.

Подобно древним гностикам, читавшим Платона, Фичино влюбился в Бога-Благо, от которого происходят все божества, творящие вселенную, и отпечаток души которого заключен в человеческом существе. Человек вновь стал центром вселенной, наделенным душой — каплей божественного, через регулярную практику созерцания и вознесения способной вступать в контакт со все более и более высокими уровнями реальности и населяющими их сущностями. Повторное включение Платона и Плотина в философский дискурс западного мира многократно приводило к возрождению гностической духовности в рамках многочисленных локальных групп, начиная с эпохи Ренессанса и заканчивая современной Америкой.

Третье пробуждение гностицизма произошло в XIX веке в результате обнаружения в 1769 и 1772 годах двух древних коптских книг, известных как кодексы Брюса и Аскью. В кодексе Брюса содержатся Книги Иеу и безымянная гностическая книга. В кодексе Аскью содержится «Пистис София». Первые переводы этих материалов на современные языки были выполнены в XIX веке, в том числе имевший большой вес английский перевод «Пистис Софии» Дж. Р. С. Мида. Эти материалы стали источником обновленной гностической духовности для таких ключевых фигур, как Е.П. Блаватская и Карл Густав Юнг, которых, пожалуй, можно считать бабушкой и дедушкой религии нью-эйдж.

Четвертое пробуждение гностицизма началось в середине XX века. Его причиной стало примечательное в своей случайности обнаружение нескольких тайников с гностическими текстами, наиболее значимым из которых является собрание Наг-Хаммади. В 1945 году были найдены двенадцать кодексов Наг-Хаммади и часть тринадцатого, а в конце 50-х началась работа над их переводом. Полный перевод собрания на английский язык стал доступен широкой общественности к 1977 году, однако уже с 60-х годов ученые публиковали переводы отдельных текстов.

Также в этот период была переведена и опубликована другая гностическая книга, известная как Ахмимский или Берлинский кодекс. Берлинский музей приобрел ее в 1896 году, но из-за двух мировых войн перевод состоялся только в 1955. В ней содержатся известные ныне «Евангелие Марии», четвертый экземпляр сифианской книги под названием «Апокриф Иоанна», второй экземпляр «Премудрости Иисуса Христа» и «Деяния Петра».

Как будто этого недостаточно, в 1929 году вблизи Мединет-Маади в Египте были обнаружены семь манихейских книг. Публикация этих текстов началась в 1938 году и завершилась в 1989. С 1975 по 1982 гг. также публиковалась автобиография Мани, известная как Кёльнский кодекс Мани. В конце XX века в египетской деревне Келлис были найдены и другие манихейские материалы, работа над публикацией которых ведется сейчас.

Последняя достойная упоминания гностическая книга была извлечена из песков Египта в 1970-х годах, однако полный ее перевод на английский язык стал доступен только в 2006 году. Речь идет о кодексе Чакас, в котором содержатся «Евангелие Иуды», вторые версии «Апокалипсиса Иакова» и «Послания Петра Филиппу», а также фрагмент книги, описывающей персонажа по имени Аллоген. Возможно, в него также входили некоторые части «Герметического корпуса».

Четвертое пробуждение гностицизма настолько масштабно, что продолжает воздействовать на нас по сей день. Невероятное обнаружение такого количества текстов, написанных древними гностиками, спровоцировало в Америке беспрецедентное возрождение гностической духовности. Это возрождение позволило выстроить нью-эйдж движения на базе старого гностического блока, подогнанного или подрезанного в соответствии с такими достижениями современности, как дарвинизм, природоохрана и выход нашей расы в космос. Четвертое пробуждение гностицизма подхлестнуло развитие скептической, духовной-но-не-религиозной ментальности, ставящей личное религиозное удовлетворение и опыт непосредственного взаимодействия со священным выше традиционных религиозных институтов.

Нет больше Бога проклинающего. Нет больше фокуса на грехе и воздаянии. Вместо этого есть Бог Любви, которого, по их уверениям, знали гностики. Разлука с Богом и воссоединение со священным — вот сказание о Спасении. За всем этим стоит личность как божественный агент-человек, наделенный силой творить великие дела. Спросом пользуется терапия, религия, приносящая пользу. Сегодня для достижения успеха религия должна способствовать улучшению личного благополучия, здоровья и духовной целостности, должна подстраи-

ваться под подъем сознания, глобальную осведомленность, жизнь, связанную с трансперсональным или трансцендентным.

Будущее гностицизма

Когда речь заходит о выживании гностической духовности, в дело вступает еще один фактор, попытки объяснить который вызывают трудности у большинства людей современности, однако подобное происходило, происходит до сих пор и будет происходить снова и снова: озарение. Спонтанный религиозный опыт. Внезапное, труднодостижимое откровение. Экстатическое столкновение с трансцендентным, абсолютной реальностью, Богом-Превыше-Всех-Богов. Подобное озарение возможно поставить на поток при помощи определенных религиозных ритуалов и практик, как делали гностики, превращая экстатический опыт взаимодействия с Богом-Превыше-Всех-Богов живым источником гностического течения. Независимо от того, можем ли мы объяснить этот феномен, гностическую духовность снова и снова порождают экстаз и трансцендентность человеческого «я».

Экстатический опыт соприкосновения со всеобъемлющей реальностью, с источником бытия — благом и любовью — подтолкнул многих гностиков к поискам религиозной истины за пределами религий их предков и стран. Поскольку их глубинный религиозный опыт не согласовывался с традиционными религиями служения могущественным, капризным богам и обязательного следования заветам, они отвергали их. Они приходили к заключению, что боги и религии мира — лишь ложные попытки отразить то, что отразить невозможно: реальность, являющуюся источником нашего существования.

В современном глобализованном мире такой гностический, транстеистический подход может предложить новое решение проблемы религиозной нетерпимости и эксклюзивизма. В противовес перенниалистскому видению всех религий как выражения одного и того же Бога, которое не дает нам возможности оценивать претензии различных религий на истинность, транстеистический гностический опыт порождает критику существующих религий как человеческих конструкторов. Пожалуй, лучше всего эту мысль выразил Мани, назвав все религии ложными, потому что проповедующие их не смогли по-настоящему описать Бога, явленного им пророками вроде Моисея, Заратустры и Иисуса.

Гностическая духовность побуждает нас к поиску трансцендентного, Бога-Превыше-Всех-Богов, как источника нашего существования. Но поскольку в фокусе транстеизма находится абсолютная реальность, которую созданным людьми религиям не удалось успешно

отразить, это дает нам новый взгляд на самих себя в отношении с другими людьми и с нашими религиями. По меньшей мере призывает задаться вопросом, почему мы считаем собственную религию лучше чьей-то еще, или задуматься, почему религия поддерживает сексизм, расизм и насилие наравне с более милосердными понятиями.

Основная суть данной книги — рассказ о гностической духовности: как она возникла, как сохранилась и как продолжит свое существование в дальнейшем. Она сохранилась потому, что была зафиксирована в таких литературных источниках, как послания апостола Павла и Евангелие от Иоанна, ставших частью христианского канона, откуда ее легко могут почерпнуть люди, не принимающие тот же смысл, что и христиане-католики. Она прячется, едва прикрываясь пылкими словами, в сочинениях раннекатолических лидеров, ожидая воскрешения при каждом их прочтении. Она пронизывает герметическую литературу, раскрываясь с каждым новым возрождением. Она живет непосредственно в гностических текстах, сокрытых в гробницах и появляющихся на свет по воле случая.

Она ждет, когда ее восстановят новые поколения людей, читающих те же самые отрывки из книги Бытия и новозаветных Евангелий, те же предложения из Платона и, подобно первым гностикам, задающиеся вопросом, как во все это вписывается их собственный экстатический, трансцендентный опыт взаимодействия с Богом. Вот почему, начиная с I века, среди нас всегда находились гностики.

Библиография

- Adamson, Grant. 2013. "The Old Gods of Egypt in Lost Hermetica and Early Sethianism." In *Histories of the Hidden God: Concealment and Revelation in Western Gnostic, Esoteric, and Mystical Traditions*, ed. April D. DeConick and Grant Adamson, 58–86. Gnostica Series. Durham, NC: Acumen.
- Anastasio, Thomas J., Kirsten Ann Ehrenberger, Patrick Watson, and Wenyi Zhang. 2012. *Individual and Collective Memory Consolidation: Analogous Processes on Different Levels*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Assmann, Jan. 1989. "State and Religion in the New Kingdom." In *Religion and Philosophy in Ancient Egypt*, ed. James P. Allen, Jan Assmann, Alan B. Lloyd, Robert K. Ritner, and David P. Silverman, 55–88. Yale Egyptological Studies 3. New Haven, CT.: Yale University Press.
- Assmann, Jan. 2001. *The Search for God in Ancient Egypt*. Trans. David Lorton. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Baker-Brian, Nicholas J. 2011. *Manichaeism: An Ancient Faith Recovered*. London: T&T Clark.
- Beck, Roger. 2007. *The Religion of the Mithras Cult in the Roman Empire: Mysteries of the Unconquered Sun*. Oxford: Oxford University Press.
- BeDuhn, Jason David. 2000. *The Manichaean Body in Discipline and Ritual*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- BeDuhn, Jason David. 2015. "Mani and the Crystallization of the Concept of 'Religion' in Third Century Iran." In *Mani at the Court of the Persian Kings: Studies on the Chester Beatty Kephalaia Codex*, ed. Iain Gardner, Jason DeBuhn, and Paul Dilley, 247–75. Nag Hammadi and Manichaean Studies 87. Leiden: Brill.
- Bernabé, Alberto, and Ana Isabel Jiménez San Cristóbal. 2008. *Instructions for the Netherworld: The Orphic Gold Tablets*. Religions in the Graeco-Roman World 162. Leiden: Brill.
- Betz, Hans Dieter. 1992. *The Greek Magical Papyri in Translation, Including the Demotic Spells*. Vol. 1, *Texts*, 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press.
- Bloom, Harold. 1992. *The American Religion*. New York: Simon & Schuster.
- Bloom, Harold. 1996. *Omens of Millennium: The Gnosis of Angels, Dreams, and Resurrection*. New York: Riverhead Books.
- Bonner, Campbell. 1949. "An Amulet of the Ophite Gnostics." *Hesperia* Supplement 8: 43–46.
- Bourdieu, Pierre. 1977. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Bourdieu, Pierre. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bowman, J. 1958. "Samaritan Studies I: The Fourth Gospel and the Samaritans." *Bulletin of the John Rylands Library* 40: 298–329.
- Bowman, J. 1975. *The Samaritan Problem: Studies in the Relationships of Samaritanism, Judaism, and Early Christianity*. Pittsburg: Pickwick Press.
- Brakke, David. 2006. "Self-Differentiation Among Christian Groups: The Gnostics and Their Opponents." In *Cambridge History of Christianity*. Vol. 1, Origins to Constantine, ed. Margaret Mitchell and Frances M. Young, 245–60. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brakke, David. 2011. *The Gnostics: Myth, Ritual, and Diversity in Early Christianity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brankaer, Johanna. 2010. *Die Gnosis: Texte und Kommentar*. Wiesbaden: Marixverlag.
- Broek, Roelof van den. 2003. "Gospel Tradition and Salvation in Justin the Gnostic." *Vigiliae Christianae* 57 no. 4: 363–88.
- Broek, Roelof van den. 2005. "Cerinthus." In *Dictionary of Gnosis and Western Esotericism*, vol. 1, ed. Wouter J. Hanegraaff, 252–54. Leiden: Brill.
- Broek, Roelof van den. 2013. *Gnostic Religion in Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brown, Raymond E. 1977. "Johannine Ecclesiology: The Community's Origins." *Interpretation* 31 no. 4: 379–93.
- Brown, Raymond E. 1978. "'Other Sheep Not of This Fold': The Johannine Perspective on Christian Diversity in the Late First Century." *Journal of Biblical Literature* 97: 5–22.
- Brown, Raymond E. 1979. *The Community of the Beloved Disciple: The Life, Loves, and Hates of an Individual Church in New Testament Times*. Mahwah, NY: Paulist Press.
- Brown, Raymond E. 1982. *The Epistles of John*. The Anchor Bible Series. New York: Doubleday.
- Brownlee, W. H. 1991. "Whence the Gospel of John?" In *John and the Dead Sea Scrolls*, ed. James Charlesworth, 166–94. New York: Crossroad.
- Buchanan, George W. 1968. "The Samaritan Origin of the Gospel of John." In *Religions in Antiquity: Essays in Memory of E. R. Goodenough*, ed. Jacob Neusner, 149–75. Leiden: Brill.
- Buckley, Jorunn Jacobsen. 2002. *The Mandaeans: Ancient Texts and Modern People*. Oxford: Oxford University Press.
- Buckley, Jorunn Jacobsen. 2006. *The Great Stem of Souls: Reconstructing Mandaean History*. Piscataway, NJ: Gorgias Press.

- Bultmann, Rudolf. 1925. "Die Bedeutung der neuerschlossenen mandäischen Quellen für das Verständnis des Johannesevangeliums." *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft* 24 no. 1–2: 100–150.
- Bultmann, Rudolf. 1971. *The Gospel of John*, trans. G. R. Beasley-Murray. Philadelphia: Westminster Press.
- Burfeind, Peter M. 2014. *Gnostic America: A Reading of Contemporary American Culture and Religion According to Christianity's Oldest Heresy*. Toledo, OH: Pax Domini Press.
- Burkett, Walter. 1972. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Burns, Dylan M. 2014. *Apocalypse of the Alien God: Platonism and the Exile of Sethian Gnosticism*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Cameron, Ron. 1982. *The Other Gospels: Non-Canonical Gospel Texts*. Philadelphia: Westminster Press.
- Campbell, Colin. 1972. "The Cult, the Cultic Milieu, and Secularization." *A Sociological Yearbook of Religion in Britain* 5: 119–36.
- Campbell, Douglas A. 2014. *Framing Paul: An Epistolary Biography*. Grand Rapids, MI: Eerdmans Publishing Company.
- Chadwick, Henry. 1980. *Origen: Contra Celsum*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clinard, Marshall B., and Robert F. Meier. 2008. *Sociology of Deviant Behavior*, 13th ed. Belmont: Thomson-Wadsworth.
- Colditz, Iris. 2015. "The Abstract of a Religion; or: What is Manichaeism?" In *Mani in Dublin*, ed. Siegfried G. Richter, Charles Horton, and Klaus Ohlhafer, 47–70. Nag Hammadi and Manichaean Studies 88. Leiden: Brill.
- Coulano, Ioan P. 1992. *The Tree of Gnosis: Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism*. San Francisco: HarperSanFrancisco.
- Coulson, Seana. 2001. *Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coyle, J. Kevin. 2009. *Manichaeism and Its Legacy*. Nag Hammadi and Manichaean Studies 69. Leiden: Brill.
- Cresswell, Tim. 1996. *In Place/Out of Place: Geography, Ideology, and Transgression*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Dahl, Nils. 1981. "The Arrogant Archon and the Lewd Sophia: Jewish Traditions in Gnostic Revolt." In *The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978*, ed. Bentley Layton. Vol. 2, *Sethian Gnosticism*, 689–712. Leiden: Brill.
- DeConick, April D. 1996. *Seek to See Him: Ascent and Vision Mysticism in the Gospel of Thomas*. Supplements to *Vigiliae Christianae* 33. Leiden: Brill.

DeConick, April D. 2001. "The True Mysteries: Sacramentalism in the Gospel of Philip." *Vigiliae Christianae* 55: 225–61.

DeConick, April D. 2003. "The Great Mystery of Marriage: Sex and Conception in Ancient Valentinian Traditions." *Vigiliae Christianae* 57: 307–42.

DeConick, April D. 2008. "Conceiving Spirits: The Mystery of Valentinian Sex. In *Hidden Intercourse: Eros and Sexuality in Western Esotericism*, ed. W. Hanegraaff and J. Kripal, 23–48. Leiden: Brill.

DeConick, April D. 2009. *The Thirteenth Apostle: What the Gospel of Judas Really Says*. Rev. ed. New York: Bloomsbury.

DeConick, April D. 2011. "After the Gospel of Judas: Reassessing What We Have Known to be True About Cain and Judas." In *"In Search of Truth": Augustine, Manichaeism and other Gnosticism; Studies for Johannes van Oort at Sixty*, ed. Jacob Albert van den Berg, Annemaré Kotzé, Tobias Nicklas, and Madeleine Scopello, 629–61. Nag Hammadi and Manichaean Studies 74. Leiden: Brill.

DeConick, April D. 2012. "From the Bowels of Hell to Draco: The Mysteries of the Peratics." In *Mystery and Secrecy in the Nag Hammadi Collection and Other Ancient Literature: Ideas and Practices; Studies for Einar Thomassen at Sixty*, ed. Christian H. Bull, Liv Ingeborg Lied, and John D. Turner, 3–38. Nag Hammadi and Manichaean Studies 76. Leiden: Brill.

DeConick, April D. 2013a. "Crafting Gnosis: Gnostic Spirituality in the Ancient New Age." In *Gnosticism, Platonism, and the Late Ancient World: Essays in Honor of John D. Turner*, ed. Kevin Corrigan and Tuomas Rasimus, 285–305. Nag Hammadi and Manichaean Studies 82. Leiden: Brill.

DeConick, April D. 2013b. "Gnostic Spirituality at the Crossroads of Christianity: Transgressing Boundaries and Creating Orthodoxy." In *Beyond the Gnostic Gospels: Studies Building on the Work of Elaine Pagels*, ed. Eduard Iricinschi, Lance Jenott, Nicola Denzey Lewis, and Philippa Townsend, 148–84. Tübingen: Mohr Siebeck.

DeConick, April D. 2013c. *Holy Misogyny: Why the Sex and Gender Conflicts in the Early Church Still Matter*. Rev. ed. New York: Bloomsbury.

DeConick, April D. 2013d. "The Road for the Souls Is Through the Planets: The Mysteries of the Ophians Mapped." In *Practicing Gnosis: Ritual, Magic, Theurgy and Liturgy in Nag Hammadi, Manichaean and Other Ancient Literature; Essays in Honor of Birger A. Pearson*, ed. April D. DeConick, Gregory Shaw, and John D. Turner, 37–74. Nag Hammadi and Manichaean Studies 85. Leiden: Brill.

DeConick, April D. 2013e. "Why Are the Heavens Closed? The Johannine Revelation of the Father in the Catholic-Gnostic Debate." In *John's Gospel and Intimations of Apocalyptic*, ed. Catrin H. Williams and Christopher Rowland, 147–79. London: T&T Clark.

DeConick, April D. 2013f. "Who Is Hiding in the Gospel of John? Reconceptualizing Johannine Theology and the Roots of Gnosticism." In *Histories of the Hidden God: Concealment and Revelation in Western Gnostic, Esoteric, and*

- Mystical Traditions*, ed. April D. DeConick and Grant Adamson, 13–29. Gnostica Series. Durham, NC: Acumen.
- DeConick, April D. 2014. "Escape from the Wheel of Time: The Cognitive Basis for Gnostic Ascent Practices." In *The Open Mind: Essays in Honour of Christopher Rowland*, ed. Jonathan Knight and Kevin Sullivan, 1–18. London: T&T Clark.
- DeConick, April D. 2016. "The Countercultural Gnostic: Turning the World Upside Down and Inside Out." *Gnosis: The Journal of Gnostic Studies* 1.
- Delatte, A., and Ph. Derchain, 1964. *Les intailles magiques Gréco-Égyptiennes*. Paris: Bibliothèque Nationale.
- Denzey Lewis, Nicola. 2013. *Introduction to "Gnosticism": Ancient Voices, Christian Worlds*. Oxford: Oxford University Press.
- Deutsch, Nathaniel. 1995. *The Gnostic Imagination: Gnosticism, Mandaeism, and Merkabah Mysticism*. Jewish Studies Series 13. Leiden: Brill.
- Deutsch, Nathaniel. 1999. *Guardians of the Gate: Angelic Vice Regency in Late Antiquity*. Jewish Studies Series 22. Leiden: Brill.
- Dieleman, Jacco. 2005. *Priests, Tongues, and Rites: The London-Lieden Magical Manuscripts and Translation in Egyptian Ritual (100–300 CE)*. Religions in the Graeco-Roman World 153. Leiden: Brill.
- Dillon, John. 1996. *The Middle Platonists, 80 BC to AD 220*. Rev. ed. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Drower, E. S. 1937. *The Mandaeans of Iraq and Iran*. Oxford: Oxford University Press.
- Drower, E. S. 1959. *The Canonical Prayerbook of the Mandaeans*. Leiden: Brill.
- Drower, E. S. 1960. *The Secret Adam: A Study of Nasoraean Gnosis*. Oxford: Oxford University Press.
- Dunderberg, Ismo. 2008. *Beyond Gnosticism: Myth, Lifestyle, and Society in the School of Valentinus*. New York: Columbia University Press.
- Durkheim, Emile. (1895) 1982. *The Rules of Sociological Method*, ed. Steven Lukes. New York: Free Press.
- Edson, Gary. 2009. *Shamanism: A Cross-Cultural Study of Beliefs and Practices*. Jefferson, NC: McFarland and Company.
- Eshleman, Kendra. 2011. "Becoming Heretical: Affection and Ideology in Recruitment to Early Christianities." *Harvard Theological Review* 104: 191–216.
- Evans, Erin. 2015. *The Books of Jeu and the Pistis Sophia as Handbooks to Eternity: Exploring Gnostic Mysteries of the Ineffable*. Nag Hammadi and Manichaean Studies 89. Leiden: Brill.
- Fauconnier, Gilles, and Mark Turner. 2002. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.
- Faulkner, R. O. 2004. *The Ancient Egyptian Coffin Texts*. Warminster: Aris and Phillips.

- Förster, Niclas. 1999. *Marcus Magus: Kult, Lehre und Gemeindeleben einer valentinianischen Gnostikergruppe, Sammlug der Quellen und Kommentar*. Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament 114. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Förster, Niclas. 2013. "Marcosian Rituals for Prophecy and Apolytrosis." In *Practicing Gnosis: Ritual, Magic, Theurgy and Liturgy in Nag Hammadi, Manichaeon and Other Ancient Literature; Essays in Honor of Birger A. Pearson*, ed. April D. DeConick, Gregory Shaw, and John D. Turner, 433–448. Nag Hammadi and Manichaeon Studies 85. Leiden: Brill.
- Fossum, Jarl E. 1985. *The Name of God and the Angel of the Lord*. Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament 36. Tübingen: Mohr-Siebeck.
- Fossum, Jarl E. 1989. "Sects and Movements." In *The Samaritans*, ed. Alan D. Crown, 293–389. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Fossum, Jarl E., and Phillip Munoa. 2004. *Jesus and the Gospels: An Introduction to Gospel Literature and Jesus Studies*. Belmont, CA: Wadsworth.
- Fourouzandeh, Massoud, and Alain Brunet. 2001. *Baptists of Iran*. Tehran: Key Press.
- Fowden, Garth. 1986. *The Egyptian Hermes: A Historical Approach to the Late Pagan Mind*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Frankfurter, David. 1994. "The Magic of Writing and the Writing of Magic: The Power of the Word in Egyptian and Greek Traditions." *Helios* 21: 189–221.
- Frankfurter, David. 1998. *Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Franzese, Robert J. 2009. *The Sociology of Deviance: Differences, Tradition, and Stigma*. Springfield, IL: Charles Thomas Publisher.
- Freed, Edwin D. 1968. "Samaritan Influence in the Gospel of John." *Catholic Biblical Quarterly* 30: 580–97.
- Freed, Edwin D. 1970. "Did John Write His Gospel Partly to Win Samaritan Converts?" *Novum Testamentum* 12: 241–56.
- Fuller, Robert C. 2001. *Spiritual, but Not Religious: Understanding Unchurched America*. Oxford: Oxford University Press.
- Gardner, Iain, and Samuel N. C. Lieu. 2004. *Manichaeon Texts from the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Graf, Fritz. 2007. *Ritual Texts for the Afterlife: Orpheus and the Bacchic Gold Tablets*. New York: Routledge.
- Grant, Robert M. 1966. *Gnosticism and Early Christianity*. Rev. ed. New York: Harper & Row.
- Green, Henry A. 1985. *The Economic and Social Origins of Gnosticism*. SBL Dissertation Series 77. Atlanta: Scholars Press.

- Hakola, Raimo. 2009. "The Reception and Development of the Johannine Tradition in 1, 2, and 3 John." In *The Legacy of John: Second-Century Reception of the Fourth Gospel*, ed. Tuomas Rasimus, 17–47. Supplements to Novum Testamentum 132. Leiden: Brill.
- Hanegraaff, Wouter J. 1998. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought*. New York: SUNY Press.
- Hill, Charles. 2004. *The Johannine Corpus in the Early Church*. Oxford: Oxford University Press.
- Jackson, Frank. 1982. "Epiphenomenal Qualia." *Philosophical Quarterly* 32: 127–36.
- Jacobsen, Thorkild. 1976. *The Treasures of Darkness: A History of Mesopotamian Religion*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Jenks, Chris. 2003. *Transgression*. London: Routledge.
- Jonas, Hans. (1958) 2001. *The Gnostic Religion: The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity*. 3rd ed. Boston: Beacon Press.
- Kaler, Michael. 2009. "Cultic Milieu, Nag Hammadi Collectors, and Gnosticism." *Studies in Religion* 38: 427–444.
- Kaufman, Gordon D. 1993. *In Face of Mystery: A Constructive Theology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Keefer, Kyle. 2006. *The Branches of the Gospel of John: The Reception of the Fourth Gospel in the Early Church*. Library of New Testament Studies 332. London: T&T Clark.
- King, Karen L. 2003. *What Is Gnosticism?* Cambridge, MA.: Harvard University Press.
- Kingsley, Peter. 2000. "Poimandres: The Etymology of the Name and the Origins of the Hermetica." In *From Poimandres to Jacob Böhme: Gnosis, Hermetism and the Christian Tradition*, ed. R. van den Broek and C. van Heertum, 41–76. Amsterdam: In de Pelikaan.
- Kingsley, Peter. 2010. *A Story Waiting to Pierce You: Mongolia, Tibet, and the Destiny of the Western World*. Point Reyes Station: Golden Sufi Center.
- Klimkeit, Hans-Joachim. 1993. *Gnosis on the Silk Road: Gnostic Parables, Hymns, and Prayers from Central Asia*. San Francisco: HarperCollins.
- Kooten, George H. van. 2008. "Paul's Anthropology in Context." *Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament* 232. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Kripal, Jeffrey J. 2011. *Mutants and Mystics: Science Fiction, Superhero Comics, and the Paranormal*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lahe, Jaan. 2012. *Gnosis und Judentum: Alttestamentliche und jüdische Motive in der gnostischen Literatur und das Ursprungsproblem der Gnosis*. Nag Hammadi and Manichaean Studies 75. Leiden: Brill.

- Lakoff, George. 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lancellotti, Maria Grazia. 2000. *The Naassenes: A Gnostic Identity Among Judaism, Christianity, Classical and Ancient Near Eastern Traditions*. Forschungen zur Anthropologie und Religionsgeschichte 35. Münster: Ugarit-Verlag.
- Layton, Bentley. 1987. *The Gnostic Scriptures*. New York: Doubleday.
- Layton, Bentley. 1995. "Prolegomena to the Study of Ancient Gnosticism." In *The Social World of the First Christians: Essays in Honor of Wayne A. Meeks*, ed. L. M. White and O. L. Yarbrough, 334–50. Minneapolis: Augsburg Fortress Press.
- Lidzbarski, M. 1925. *Ginzâ, der Schatz oder das grosse Buch der Mandäer*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht.
- Lieu, Judith M. 2002. *Neither Jew nor Greek? Constructing Early Christianity*. London: T&T Clark.
- Lieu, Judith M. 2008. *I, II, & III John: A Commentary*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press.
- Lieu, Samuel N. C. 1985. *Manichaeism in the Later Roman Empire and Medieval China: A Historical Survey*. Manchester: University of Manchester Press.
- Lieu, Samuel N. C. 1994. *Manichaeism in Mesopotamia and the Roman East*. Religions in the Graeco-Roman World 118. Leiden: Brill.
- Lieu, Samuel N. C. 1998. *Manichaeism in Central Asia and China*. Nag Hammadi and Manichaean Studies 45. Leiden: Brill.
- Lieu, Samuel N. C., Lance Eccles, Majella Franzmann, Iain Gardner, and Ken Parry. 2012. *Medieval Christian and Manichaean Remains from Quanzhou (Zayton)*. Corpus Fontium Manichearum: Series Archaeologica et Iconographica 2. Turnhout: Brepols.
- Lloyd, Alan B. 1989. "Psychology and Society in the Ancient Egyptian Cult of the Dead." In *Religion and Philosophy in Ancient Egypt*, ed. James P. Allen, Jan Assmann, Alan B. Lloyd, Robert K. Ritner, and David P. Silverman, 117–34. Yale Egyptological Studies 3. New Haven, CT: Yale University.
- Logan, Alastair H. B. 2006. *The Gnostics: Identifying an Early Christian Cult*. London: T&T Clark.
- Lupieri, Edmondo. 2002. *The Mandaeanes: The Last Gnostics*. Trans. Charles Hindley. Grand Rapids, MI.: Eerdmans.
- Macuch, R. 1957. "Alter und Heimat des Mandäismus nach neuerschlossenen Quellen." *Theologische Literaturzeitung* 82: 401–8.
- Macuch, R. 1965. "Anfänge der Mandäer." In *Die Araber in der Alten Welt*, vol. 2, ed. F. Altheim and R. Stiehl, 76–190. Berlin: W. de Gruyter.
- Markschies, Christoph. 2003. *Gnosis: An Introduction*. London: T&T Clark.
- Martin, Thomas R. 2012. *Ancient Rome: From Romulus to Justinian*. New Haven, CT: Yale University Press.

- Mastrocinque, Attilio. 2005. *From Jewish Magic to Gnosticism*. Studien und Texte zu Antike und Christentum 24. Tübingen: Mohr Siebeck.
- McKechnie, Paul. 2001. "Flavia Sophe in Context." *Zeitschrift für Payrologie und Epigraphik* 135: 117–24.
- McKenzie, Steven L. 2000. *Covenant*. St. Louis, MO: Chalice Press.
- McNamara, Patrick. 2009. *The Neuroscience of Religious Experience*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meeks, Wayne. 1967. *The Prophet-King: Moses Traditions and Johannine Christology*. Supplements to *Novum Testamentum* 14. Leiden: Brill.
- Meier, Robert F. 1989. "Deviance and Differentiation." In *Theoretical Integration in the Study of Deviance and Crime: Problems and Prospects*, ed. Steven F. Messner, Marvin D. Krohn, and Allen E. Liska, 199–212. Albany: SUNY Press.
- Molinet, Claude du. 1692. *Le Cabinet de la Bibliothèque de Sainte Geneviève*. Paris.
- Moscatti, Sabatino. 1960. *The Face of the Orient: A Panorama of Near Eastern Civilization in Pre-Classical Times*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Mylonas, George E. 1962. *Eleusis and the Eleusinian Mysteries*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Nussbaum, Martha C. 1994. *The Therapy of Desire: Theory and Practice in Hellenistic Ethics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Odeberg, Hugo. (1929) 1974. *The Fourth Gospel*. Amsterdam: B. R. Grüner.
- Pagels, Elaine. 1975. *The Gnostic Paul: Gnostic Exegesis of the Pauline Letters*. Philadelphia: Fortress Press.
- Pagels, Elaine. 1979. *The Gnostic Gospels*. New York: Random House.
- Parrott, Douglas M. 1987. "Gnosticism and Egyptian Religion." *Novum Testamentum* 29: 73–93.
- Pearson, Birger A. 1997. *The Emergence of the Christian Religion*. Harrisburg, PA: Trinity Press International.
- Pearson, Birger A. 2007. *Ancient Gnosticism: Traditions and Literature*. Minneapolis: Fortress Press.
- Pearson, Birger A. 2011. "Baptism in Sethian Gnostic Texts." In *Ablution, Initiation, and Baptism: Late Antiquity, Early Judaism, and Early Christianity*, vol. 1, ed. David Hellholm, Tor Vegge, Øyvind Norderval, and Christer Hellholm, 119–143. Beihefte zur Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft 176. Berlin: De Gruyter.
- Pedersen, V. Schou. 1940. *Bidrag til an Analyse af de mandaeiske Skrifter, med henblik paa bestemmelsen af mandaernas forhold til Jødedom og Kristendom*. Aarhus: Universitetsforlaget.

- Pettipiece, Timothy. 2012. "Mani: Evangelium." In *Milestone Documents of World Religions: Exploring Traditions of Faith through Primary Sources*, 484–91. Dallas: Schlager Group.
- Pritchard, James B., ed. 1969. *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. 3rd ed. with supplement. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Purvis, James D. 1975. "The Fourth Gospel and the Samaritans." *Novum Testamentum* 17: 161–98.
- Quispel, Gilles. 2000. "Reincarnation and Magic in the Asclepius." In *From Poimandres to Jacob Böhme: Gnosis, Hermetism and the Christian Tradition*, ed. R. van den Broek and C. van Heertum, 167–231. Amsterdam: In de Pelikaan.
- Rappenglück, Michael. 2004. "A Palaeolithic Planetarium Underground: The Cave of Lascaux." Parts 1 and 2. *Migration & Diffusion* 5, no. 18: 93–119; no. 19: 6–46.
- Rasimus, Tuomas. 2009. *Paradise Reconsidered in Gnostic Mythmaking: Rethinking Sethianism in Light of the Ophite Evidence*. Nag Hammadi and Manichaean Studies 68. Leiden: Brill.
- Rasimus, Tuomas, ed. 2010. *The Legacy of John: Second-Century Reception of the Fourth Gospel*. Supplements to *Novum Testamentum* 132. Leiden: Brill.
- Robinson, James, ed. 1977. *The Nag Hammadi Library in English*. San Francisco: Harper & Row.
- Robinson, James, ed. 2000. *The Coptic Gnostic Library*, 5 vols. Leiden: Brill.
- Roof, Wade Clark. 1993. *A Generation of Seekers: The Spiritual Journeys of the Baby Boom Generation*. San Francisco: HarperSanFrancisco.
- Roof, Wade Clark. 1999. *Spiritual Marketplace: Baby Boomers and the Remaking of American Religion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Roszak, Theodore. 1968. *The Making of a Counter Culture*. Berkeley: University of California Press.
- Ruck, Carl A. P. 2004. "Classical World Shamanism (Ancient Greece and Rome)." In *Shamanism: An Encyclopedia of World Beliefs, Practices, and Culture*, vol. 1, ed. Mariko Namba Walter and Eva Jane Neumann, 478b–484b. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO.
- Rudolph, Kurt. 1969. "Problems of a History of the Development of the Mandaean Religion." *History of Religions* 9: 210–234.
- Rudolph, Kurt. 1983. *Gnosis: The Nature and History of Gnosticism*. Trans. and ed. R. McL. Wilson. San Francisco: Harper & Row.
- Samkutty, V. J. 2006. *The Samaritan Mission in Acts*. London: T&T Clark.
- Sanders, Jack T. 2000. *Charisma, Converts, Competitors: Societal and Sociological Factors in the Success of Early Christianity*. London: SCM.
- Schnusenberg, Christine G. 2010. *The Mythological Traditions of Liturgical Drama: The Eucharist as Theater*. Mahwah, NY: Paulist Press.

- Segal, Alan F. 1977. *Two Powers in Heaven: Early Rabbinic Reports about Christianity and Gnosticism*. Leiden: Brill.
- Segal, Alan F. 1992. *Paul the Convert: The Apostolate and Apostasy of Saul the Pharisee*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Shantz, Colleen. 2009. *Paul in Ecstasy: The Neurobiology of the Apostle's Life and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sheldrake, Philip. 2007. *A Brief History of Spirituality*. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Smith, Carl A. 2004. *No Longer Jews: The Search for Gnostic Origins*. Peabody, MA: Hendrickson Publishers.
- Smith, Morton. 1981. "The History of the Term Gnostikos." In *The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the Conference at Yale, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978*, ed. Bentley Layton. Vol. 2, *Sethian Gnosticism*, 796–807. *Studies in the History of Religions* 49. Leiden: Brill.
- Smoley, Richard. 2006. *Forbidden Faith: The Secret History of Gnosticism*. San Francisco: HarperSanFrancisco.
- Synder, H. Gregory. 2011. "A Second-Century Christian Inscription from the Via Latina." *Journal of Early Christian Studies* 19, no. 2: 157–95.
- Synder, H. Gregory. 2014. "The Discovery and Interpretation of the Flavia Sophe Inscription: New Results." *Vigilae Christianae* 68: 1–59.
- Tardieu, Michel. 2008. *Manichaeism*. Trans. M. B. DeBevoise. Paris: Presses Universitaires de France.
- Thomassen, Einar. 2006. *The Spiritual Seed: The Church of the "Valentinians."* Nag Hammadi and Manichaean Studies 60. Leiden: Brill.
- Thomassen, Einar. 2010. "Heracleon." In *The Legacy of John: Second-Century Reception of the Fourth Gospel*, ed. Tuomas Rasimus, 173–210. *Supplements to Novum Testamentum* 132. Leiden: Brill.
- Thomassen, Einar. 2011. "Baptism among the Valentinians." In *Ablution, Initiation, and Baptism: Late Antiquity, Early Judaism, and Early Christianity*, vol. 2, ed. David Hellholm, Tor Vegge, Øyvind Norderval, and Christer Hellholm, 895–916. Berlin: De Gruyter.
- Tolle, Eckhart. 1999. *The Power of Now: A Guide to Spiritual Enlightenment*. Navato, CA: New World Library.
- Turcan, Robert 1996. *The Cults of the Roman Empire*. Trans. Antonia Nevill. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Turner, John D. 2001. *Sethian Gnosticism and the Platonic Tradition*. Bibliothèque copte de Nag Hammadi 6. Québec: Les presses de l'Université Laval.
- Turner, John D. 2013. "From Baptismal Vision to Mystical Union with the One: The Case of the Sethian Gnostics." In *Practicing Gnosis: Ritual, Magic, Theurgy and Liturgy in Nag Hammadi, Manichaean and Other Ancient Literature; Essays*

- in *Honor of Birger A. Pearson*, ed. April D. DeConick, Gregory Shaw, and John D. Turner, 411–31. Nag Hammadi and Manichaean Studies 85. Leiden: Brill.
- Ustinova, Yulia. 2009. *Caves and the Ancient Greek Mind: Descending Underground in the Search for Ultimate Truth*. Oxford: Oxford University Press.
- Van der Horst, Pieter Willem. 1984. *Chaeremon: Egyptian Priest and Stoic Philosopher*. Leiden: Brill.
- Versluis, Arthur. 2014. *American Gurus: From Transcendentalism to New Age Religion*. Oxford: Oxford University Press.
- Whittaker, John. 1969. "EREKEINA NOU KAI OUSIAS." *Vigiliae Christianae* 23: 91–104.
- Williams, Michael Allen. 1985. *The Immovable Race: A Gnostic Designation and the Theme of Stability in Late Antiquity*. Nag Hammadi Studies 29. Leiden: Brill.
- Williams, Michael Allen. 1996. *Rethinking "Gnosticism": An Argument for Dismantling a Dubious Category*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Wilson, Eric G. 2006. *Secret Cinema: Gnostic Vision in Film*. New York: Bloomsbury Academic.
- Wilson, Stephen G. 1995. *Related Strangers: Jews and Christians 70–170 CE*. Minneapolis: Fortress Press.
- Winkelman, Michael. 1992. *Shamans, Priests, and Witches: A Cross-Cultural Study of Magico-Religious Practitioners*. Anthropological Research Papers 44. Tempe: Arizona State University.
- Winkelman, Michael. 2011. "Shamanism and the Alteration of Consciousness." In *Altering Consciousness: Multidisciplinary Perspectives*, ed. Etzel Cardeña and Michael Winkelman. Vol. 1, History, Culture and the Humanities, 159–80. Santa Barbara, CA: Praeger ABC-CLIO.
- Wolfreys, Julian. 2008. *Transgression: Identity, Space, Time*. New York: Palgrave Macmillan.
- Yamauchi, Edwin. 1973. *Pre-Christian Gnosticism: A Survey of the Proposed Evidences*. Grand Rapids, MI: Eerdmans.
- Yamauchi, Edwin. 1978. "The Descent of Ishtar, the Fall of Sophia, and the Jewish Roots of Gnosticism." *Tyndale Bulletin* 29: 169–174.
- Yinger, J. Milton. 1982. *Countercultures: The Promise and the Peril of a World Turned Upside Down*. New York: The Free Press.

Английские переводы гностических источников

- Copenhaver, Brian P., ed. 1995. *Hermetica: The Greek Corpus Hermeticum and the Latin Asclepius in a New English Translation, with Notes and Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Foerster, Werner. 1972. *Gnosis: A Selection of Gnostic Texts*, ed. R. McL. Wilson. Vol. 1, *Patristic Evidence*. Oxford: Clarendon Press.

- Foerster, Werner. 1974. *Gnosis: A Selection of Gnostic Texts*, ed. R. McL. Wilson. Vol. 2, *Coptic and Mandaean Sources*. Oxford: Clarendon Press.
- Gardner, Iain, and Samuel N. C. Lieu. 2004. *Manichaean Texts from the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kasser, Rodolphe, and Gregor Wurst, eds. 2007. *The Gospel of Judas, Critical Edition*. Washington DC: The National Geographic Society.
- Klimkeit, Hans-Joachim. 1993. *Gnosis on the Silk Road: Gnostic Parables, Hymns and Prayers from Central Asia*. San Francisco: HarperCollins.
- Meyer, Marvin W., ed. 2009. *The Nag Hammadi Scriptures: The Revised and Updated Translation of Sacred Gnostic Texts Complete in One Volume*. San Francisco: HarperOne.
- Robinson, James, ed. 1988. *The Nag Hammadi Library in English*. Rev. ed. San Francisco: Harper & Row.
- Robinson, James M., ed. 2000. *The Coptic Gnostic Library*. 5 vols. Leiden: Brill.
- Schmidt, Carl, ed. 1978. *The Books of Jeu and the Untitled Text in the Bruce Codex*. Trans. Violet MacDermot. Nag Hammadi Studies. Leiden: Brill.
- Schmidt, Carl, ed. 1978. *Pistis Sophia*. Trans. Violet MacDermot. Nag Hammadi Studies. Leiden: Brill.

Фильмография

- «Аватар». Реж. Джеймс Кэмерон. 2009. Twentieth Century Fox.
- «Догма». Реж. Кевин Смит. 1999. View Askew Productions.
- «Другие ипостаси». Реж. Кен Рассел. 1980. Warner Bros. Pictures.
- «Звездный путь 5: Последний рубеж». Реж. Уильям Шетнер. 1989. Paramount Pictures.
- «Масбута». Прод. Джесс Бакли. 2003. Briar Patch Productions.
- «Матрица». Реж. братья Вачовски. 1999. Warner Bros. Pictures.
- «На краю». Реж. Роберт Батлер. 1987. ABC Circles Films.
- «Пи». Реж. Даррен Аронофски. 1998. Harvest Filmworks, Truth and Soul Pictures.
- «Плезантвилль». Реж. Гэри Росс. 1998. Warner Bros. Pictures.
- «Темный город». Реж. Алекс Пройас. 1998. New Line Cinema.
- «Человек из стали». Реж. Зак Снайдер. 2013. Warner Bros Pictures.
- «Шоу Трумана». Реж. Питер Уир. 1998. Paramount Pictures.